Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2021 – № 2 (25)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2021

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski philological bulletin : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. – № 2 (25) – 231 с. – ISSN 2499-9679. – DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25
2021, № 2 (25). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(главный редактор)*; **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора, ответственный редактор)*; **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Жеф Вершуерен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **Е. И. Горошко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **С. А. Засорин,** кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сяотао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Т. Г. Попова**, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета МО РФ (Москва); **Иво Поспишил**, доктор филологических наук, профессор, заведующий Институтом славистики философского факультета Университета им. Масарика, г. Брно (Чехия); **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Ренате Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **И. Б. Руберт**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; **Е. Ф. Серебренникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **И. А. Стернин**, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра коммуникативных исследований, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета; **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленкова,** доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухуни,** доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, **Яо Хай,** доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран(германский языки, романские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.1. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение, культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1
Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)
Адреса в интернете: http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Регистрационный номер средства массовой информации:
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»
см. на сайте: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2021
© Авторы статей, 2021

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU, 2021. – № 2 (25). – 231 pages. – ISSN 2499-9679. – DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25

2021, № 2 (25). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalogy, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina,** doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **Tomas R Beyer**, professor of russian language, Middleberry college (USA); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **Jef Verschueren**, doctor of philology, professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **E. I. Goroshko**, doctor of philological sciences, doctor of socialogical sciences, professor, head of department of cross-cultural communication, Kharkov polytechnical institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, deputy rector of Yaroslavl state theatre institute; **S. A. Zasorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova,** doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department,Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee**; G. E. Kreidlin**, doctor of philological sciences, professor, department of russian language, Institute of linguistics, Russian state university for humanities; **A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russian literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **T. G. Popova**, doctor of philological sciences, professor, department of english language, Military university of Ministry of defence (Moscow); **Ivo Pospishyl**, doctor of philology, professor, head of Institute of slavic philology of philosophy faculty of Masayk university, Brno (Czech Republic); **G. G. Pocheptsov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of social communications, Mariupol state university (Ukraine); **Renate Rathmayr**, doctor of philology, professor, head of department of slavic languages, Vienna university of economics (Austria); **I. B. Rubert**, doctor of philological sciences, professor of department of language theory and theory of translation of humanitarian faculty of Saint-Petersburg state university of economics and finance; **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **I. A. Sternin**, doctor of philological sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, director of center of communicative researches, professor of department of general linguistics and stylistics of Voronezh state university; **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, vice-rector for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglistics of Moscow state regional university; **Evelyne Enderlein**, doctor of philology, professor Emeritus of Strasburg university, vice-president of russian philology association in France (France); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky ; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialities:
5.9.1 Russian literature and national literatures of the Russian Federation (philological sciences), 5.9.9 Media communications and journalism (philological sciences), 5.9.5. Russian language. National languages of Russia (philological sciences), 5.9.6 Languages of foreign countries (Germanic languages, Romance languages) (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.9.1 Theory and history of culture and the arts (art criticism, cultural studies)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1
Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)
Internet addresses http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Mass media registration:
The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media
PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal
«Verhnevolzhski philological bulletin»: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2021
© Authors of the articles, 2021

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 2 (25) – 2021

«Родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания…»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Филипповский Г. Ю. Н. А. Некрасов и английские предромантики (к истокам поэтического мотива ночи) 8

Кузнецова Е. В. Традиции францисканства и странничества в судьбе и творчестве А. Добролюбова 19

Медиакоммуникации и журналистика

Аксенов К. В., Багдасарян Д. А. Использование уникального информационного предложения как средства современной коммуникационной стратегии 31

Кузьмин Д. Н., Кожура Н. А., Смирнова Д. А. Дискурс массмедиа как инновационное средство репрезентации образа Китая в языке британских СМИ 41

Кузнецов Е. С. Эволюция кликбейта: от инструмента желтой прессы к ключевой технологии интернет-СМИ 48

Русский язык

Третьякова И. Ю. Особенности окказиональных замен во фразеологических единицах с компонентами-колоративами 55

Степанов В. Н., Варфоломеева Ю. Н. От субъектной перспективы к субъектной навигации текста 64

Петрова Е. А. К вопросу об интенциональности коммуникации с точки зрения общей когнитивности 71

Шигуров В. В., Шигурова Т. А. Индексация степеней адвербиализации и модаляции словоформ типа «правда», «факт» в функции модального обстоятельства 78

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Лукин О. В. Адмирал Шишков, генерал Ахвердов, майор Щулепников и «Русская грамматика» И. С. Фатера 86

Бабаян В. Н. Об основных психолингвистических особенностях диалогического дискурса терциарной речи с активными и пассивным участниками 92

Штеба А. А. Проблема «неточных слов» (на примере смешанных эмоций) 100

Бакалова Е. В. Прагматика переключений кодов в глянцевом журнале «Elle» 107

Малюка А. А. Понятие «неприличная форма»: проблемы разграничения юридического и лингвистического 113

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Солнцева А. В. Сравнительно-сопоставительный анализ французских союзных выражений «autant que», «d'autant que и d'autant plus que» и их испанских аналогов 119

Макарова А. И. Концепции «реальности» и «утверждения» в анализе модального чередования в относительных придаточных предложениях испанского языка 129

Барушкова С. Б. Лингвокультурная характеристика лексико-семантического поля «Réalité russe» в романе Ф. Бегбедера «Идеаль» 135

Дроздова Ю. А., Зубкова М. Н. Особенности употребления восклицательных конструкций заголовков французских экономических статей 142

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Черкунова М. В. Экспрессивная матрица малоформатных метатекстов современного англоязычного научного дискурса 148

Власова Е. В., Тисленкова И. А. Средства актуализации сравнения в языке современных социальных групп Англии 156

Григорьева Е. М., Калачева Т. А. Этапы становления и развития шотландской лексикографии 164

Воронцова И. А., Барушкова С. Б., Петрова Е. Е. Лингвокультурные маркеры текста 170

Блинова С. А. Классификация глаголов межличностного взаимодействия с семантикой психического воздействия 180

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теория и история культуры, искусства

Хренов Н. А. Соперничество цивилизаций за лидерство в истории: Америка как тип цивилизации в XX веке (культурологический аспект) 187

Злотникова Т. С., Летина Н. Н. Гендер в художественном универсуме Н. А. Некрасова 200

Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Использование М. М. Хвостовым понятий «эволюция» и «прогресс» 207

Розина О. В. Шаргород на перекрестке этнокультурных традиций (XVI – начало XX вв.) 215

Сведения об авторах 226

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Scientific journal
Published since 2015
№ 2 (25) – 2021

«The word of your native tongue is nothing else but the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge for it to become a true achievement of human thought…»

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

PHILOLOGY

Russian literature

Filippovsky G. Yu. N. A. Nekrasov and the english pre-romanticists (to the origins of the poetic motif of night) 8

Kuznetsova E. V. Traditions of franciscanism and pilgrimage in the life and work of A. Dobrolyubov 19

Media communications and journalism

Aksenov K. V., Bagdasaryan D. A. Unique information offers as a means of modern communication strategy 31

Kuzmin D. N., Kozhura N. A., Smirnova D. A. Mass media discourse as an innovative means of representing the image of China in the british media language 41

Kuznetsov E. S. The evolution of clickbait: from a yellow press tool to the key Internet media technology 48

Russian language

Tretiakova I. Y. Peculiarities of occasional substitution in phraseological units with a colour-component 55

Stepanov V. N., Varfolomeeva Y. N. From subjective perspective to subjective text navigation 64

Petrova E. A. On intentionality of communication in terms of general cognitivity 71

Shigurov V. V., Shigurova T. A. Indexing degrees of adverbialization and modalization of such word forms as «truth», «fact» in the function of modal circumstance 78

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Lukin O. V. Admiral Shishkov, general Akhverdov, major Shchulepnikov and «Russian Grammar» by J. S. Vater 86

Babayan V. N. On the principal psycholinguistic characteristics of a tertiary speech dialogical discourse with its active and passive participants 92

Shteba A. A. The problem of «inaccurate words» (on the example of mixed emotions) 100

Bakalova E. V. The pragmatics of code-switching in the glossy magazine «Elle» 107

Malyuka A. A. The concept of «indecent form»: problems of distinguishing between legal and linguistic 113

Languages of foreign countries (romance languages)

Solntseva A. V. Comparative and contrastive analysis of french conjunctive expressions «autant que», «d'autant que and d'autant plus que» and their spanish equivalents _____ 119

Makarova A. I. The concepts of «reality» and «statement» in the analysis of modal alternation in spanish relative subordinate clauses _____ 129

Barushkova S. B. Linguistic and cultural characteristics of the lexical-semantic field «Réalité russe» in the novel «Ideal» by F. Beigbeder _____ 135

Drozdova J. A., Zubkova M. N. Peculiarities of using exclamatory constructions in headlines of french economic articles _____ 142

Languages of foreign countries (germanic languages)

Cherkunova M. V. Expressive matrix of small format metatexts of modern englsih scientific discourse _____ 148

Vlasova E. V., Tislenkova I. A. Means of simile actualization in the language of modern social groups in England _____ 156

Grigorieva E. M., Kalacheva T. A. Stages of formation and development of scottish lexicography _____ 164

Vorontsova I. A., Barushkova S. B., Petrova E. E. Linguocultural markers of text _____ 170

Blinova S. A. Classification of interpersonal interaction verbs with semantics of mental influence _____ 180

ART HISTORY AND CULTURAL STUDIES

Theory and history of culture and the arts

Khrenov N. A. Civilizations in competition for leadership in history: America as a type of civilization in the 20th century (a cultural aspect) _____ 187

Zlotnikova T. S., Letina N. N. Gender in the artistic universe of N. A. Nekrasov _____ 200

Novikov M. V., Perfilova T. B. M. M. Khvostov's use of the concepts of «evolution» and «progress» _____ 207

Rosina O. V. Shargorod at the crossroads of ethnocultural traditions (XVI – early XX centuries) _____ 215

Information about the authors _____ 229

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

УДК 82

Г. Ю. Филипповский **https://orcid.org/0000-0002-6765-8451**

Н. А. Некрасов и английские предромантики (к истокам поэтического мотива ночи)

Для цитирования: Филипповский Г. Ю. Н. А. Некрасов и английские предромантики (к истокам поэтического мотива ночи) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 8–18. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-8-18

Статья посвящена предыстокам «ночной» эпопеи Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и его «ночных» поэм «Рыцарь на час» и «Железная дорога» в традиции английских предромантиков XVII–XVIII вв., «ночной» лирике поэта метафизической школы поэзии Англии XVII века Генри Воэна (Henry Vaughan) и религиозно-философской поэме Эдварда Юнга (Edward Young) «Ночные думы» первой половины XVIII века. Раскрываются мифолого-поэтические основы «ночной» лирики Г. Воэна с его опорой на древнекельтские мифологические ритуалы и традиции его родины – Уэльса, а также религиозно-дидактические и нравственно-декоративные, близкие к культуре барокко опоры эпики Э. Юнга в традиции поэзии неоклассицизма и позднего барокко. Вместе с тем утверждаются влияния «ночной» поэзии Г. Воэна и Э. Юнга на зарождающиеся традиции европейского сентиментализма и предромантизма Т. Грея и У. Блейка.

Эпопея Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», его главное итоговое произведение, всецело погруженная в «ночную» тему, представляет собой поэтическое исследование русского греха и русского покаяния, не только развивая открытую поэтами Англии XVII–XVIII вв. «ночную» тему, но и углубляя её оригинальную эпическую интерпретацию на почве русских национальных народных традиций, фольклора, православия и достижений русской поэтической культуры XVIII–XIX вв., включая наследие «ночной» темы в поэзии А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. При том, что связи постромантической поэзии Н. А. Некрасова и наследия классиков европейского предромантизма (У. Блейка) и романтизма (У. Вордсворта) уже рассматривались автором данной статьи в публикациях «Верхневолжского филологического вестника» на материале поэтических мотивов «железной дороги», а также «детей и детства».

Ключевые слова: эпопея Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», лирика английского поэта-метафизика XVII в. Г. Воэна (H. Vaughan), поэма английского поэта XVIII в. Э. Юнга (E. Young) «Ночные думы», «ночная» тема английской метафизической поэзии XVII–XVIII вв., «ночные» мотивы эпопеи Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», связи европейской поэзии предромантизма и поэзии Н. А. Некрасова, оригинальность разработки «ночной» темы в поэзии Н. А. Некрасова.

PHILOLOGY

Russian literature

G. Yu. Filippovsky

N. A. Nekrasov and the english pre-romanticists (to the origins of the poetic motif of night)

The paper investigates the literary roots of «night-motifs» in N. Nekrasov`s epic «Who is Happy in Russia?» and his «night» poems «Knight for an Hour» and «Railroad» down to English poetry of XVII–XVIII cc.: metaphysical poetry by H. Vaughan (XVII c.) and greater didactic poem by E. Young (XVIII c.). Both mythological and lyrical «night» motifs of H. Vaughan`s poetry owed to ancient folk traditions of the poet`s Motherland – Wales, with its archaic Celtic language, rituals and sacred festivals (such as Samhein).

E. Young`s poem «Complaint or night thoughts on life, death and immortality» (1743–1745) is closely related to later baroque culture, stressing the night-motif in the context of the poet`s contemplation of life, death and christian

© Филипповский Г. Ю., 2021

immortality of human soul. H. Vaughan`s and E. Young`s «night» poetry influenced greatly the sentimentalist and pre-romantic trends in European poetic traditions of XVIII–XIX cc. N. Nekrasov`s main epic poem with its profound night motifs, though continuing pre-romantic European traditions of H. Vaughan and E. Young, remains greatly indigenous and rooted deeply in both folk and poetic russian orthodox culture.

Key words: N. Nekrasov`s epic «Who is Happy in Russia?», lyrical poetry by English metaphysical poet (XVII c.) H. Vaughan, poem by English poet (XVIII c.) E. Young «Night thoughts», night-motifs in English metaphysical poetry (XVII–XVIII cc.), «night» motifs in N. Nekrasov`s epic «Who is Happy in Russia?», traditions of english pre-romantic poetry in N. Nekrasov`s poetic heritage, original trends of night-motifs in N. Nekrasov`s poetry.

Введение

Понятно, когда пишут о связях поэзии Пушкина и Лермонтова с наследием европейского, в том числе английского, романтизма [The reader`s…, 1973, p. 436–437, 457–460]. Но о связях поэтической эпики Некрасова, например, с английскими романтиками до сих пор ничего не известно. Между тем, проблема этих связей на самом деле не только существует, но и составляет важную часть исследования поэтики Некрасова в целом [Филипповский, 2020, с. 289]. Совсем недавно удалось опубликовать ряд статей, прежде всего, в «Верхневолжском филологическом вестнике» о связях некрасовских текстов с поэтическим наследием английского поэта Уильяма Вордсворта (1770–1850) [Wordsworth, 1994, p. 906], с опорой на мотивную тематику «железная дорога», «дети и детство» [Филипповский, 2020, с. 289]. Эти материалы включены в недавно вышедшую монографию автора этих строк «Диалогическая поэтика Н. А. Некрасова» [Филипповский, 2020, с. 289]. К этим наработкам можно ещё вернуться, но начать данную статью целесообразно с ключевого для романтической поэтики образа **ночи**. В поэзии Некрасова он занимает весьма существенное место, особенно, в главной поэтической эпопее «Кому на Руси жить хорошо» [Некрасов, 1989, с. 478], где он буквально пронизывает не только всё пространство текста, но и всю его глубину (этой теме посвящена отдельная статья автора «Концепт ночи в поэтических текстах Некрасова («Кому на Руси жить хорошо»), вошедшая в качестве отдельной главы в указанную выше монографию о поэтике Н. А. Некрасова) [Филипповский, 2020, с. 289]. Помимо главной поэтической эпопеи Некрасова, мотив ночи занимает важное место в целом ряде поэм и стихотворений этого автора: «Рыцарь на час», «Железная дорога», «В деревне», «Еду ли ночью по улице тёмной», «Баюшки-Баю» [Некрасов, 1989, с. 478].

В русской поэзии, особенно эпохи романтизма, кроме лирики Лермонтова, наиболее ярко и значимо мотив **ночи** проявился в небольшом по объёму гениальном творении зрелого Пушкина «Мне не спится, нет огня…» [Пушкин, 1936, с. 975], причём этот пророческий отрывок, пожалуй, превосходит всё созданное в этом ключе и в русской, и в мировой романтической традиции. Разумеется, мотив **ночи** черезвычайно характерен для поэзии Пушкина вообще, прежде всего использующий путевую («Бесы», «Зимняя дорога» и т. д.), а также вечернюю тему «Зимний вечер»[Пушкин, 1936, с. 975]. Таинственный мотив **ночи** занимает важное место в поэтике романа в стихах «Евгений Онегин», особенно в его ключевой пятой главе сна Татьяны с Медведем и зловещими пророчествами о гибели Ленского [Пушкин, 1936, с. 975]. Сама по себе пророческая тема в высшей степени характерна не только для поэтики романтиков, но и для их принципиального мировоззрения: поэт-романтик – Протей, провидец, воплощение духа поэзии, высших смыслов, избранный Богами. Написанный в болдинском уединении 1830 года, данный отрывок под названием «Стихи, сочинённые ночью во время бессонницы» [Пушкин, 1936, с. 975] воплощает не только романтическую квинтэссенцию мотива ночи, не только вопрошание о тайнах романтического Бытия, не только свидетельство о причастности поэта-романтика к сокровенным смыслам мира и иномирия, но и в концентрированном виде представляет собой своеобразный конспект бездонной, беспредельной, безграничной философско-романтической темы **Ночи** в мировой поэзии. Приведём полностью этот отрывок Пушкина: «Мне не спится, нет огня; // Всюду мрак и сон докучный. // Ход часов лишь однозвучный // Раздаётся близ меня, // Парки бабье лепетанье, // Спящей ночи трепетанье, // Жизни мышья беготня… // Что тревожишь ты меня? // Что ты значишь, скучный шопот? // Укоризна, или ропот // Мной утраченного дня? // От меня чего ты хочешь? // Ты зовёшь или пророчишь? // Я понять тебя хочу, // Смысла я в тебе ищу…» [Пушкин, 1936, с. 420].

Мотив **ночи** ярче всего воплощает феномен **тайны**, основной в поэтике романтиков, как немецких, например, «Гимны ночи» Новалиса, во

многих произведениях Гёте («Ночная песнь странника») [Гёте, 1975, с. 190], Эйхендорфа [Эйхендорф, 1969, с. 223], Уланда [Уланд, 1988, с. 222], Гейне или английских поэтов, о произведениях которых пойдёт речь дальше [Филипповский, 2020, с. 177–184]. **Ночь** – «фирменная» тема романтиков, своего рода «визитная карточка» их поэтических текстов. **Ночь** – ворота в иной мир, альтернативный дневному мира обыденности. Но в метафизическом сознании романтиков, а также предромантиков, **ночь** – ворота в мир Вечности (не суеты дневного мира), вечных ценностей, антиномичных бренным привычкам земной зависти, тщеславия, злобы, ничтожества. Тема **ночи**, альтернативная теме дня, конечно, получила развитие в европейской поэзии раннего романтизма в формате поэтического представления **времён дня**: утра, собственно дня – полудня, вечера и, наконец, ночи. Именно в таком виде концептуальная лирика романтиков получала своеобразный «разгон» в произведениях поэтов, как бы предварявших в своём творчестве эпоху Романтизма [The reader`s…, 1873, p. 457–460]. Например, в ранней оде Державина «Ключ» (1779) [Державин, 1985, с. 32–34], то есть ещё до возникновения собственно оформленного течения романтизма конца XVIII – начала XIX вв. (основной европейский манифест романтического движения опубликовал У. Вордсворт в 1799 г. как предисловие к совместному с Кольриджем сборнику «Лирические баллады») [Литературные…, 1980, с. 261–278] не только развёрнуты пейзажные эпизоды четырёх времён дня, но и обозначена их тесная связь с возникновением и природой собственно поэтического творчества. Разумеется, Державин был здесь не одинок: **времена дня**, особенно ночи, находили отражение и в немецкой поэзии XVIII века, и в английско-шотландской «оссианской» поэзии Дж. Макферсона 60-х годов XVIII века [Филипповский, 2020, с. 177–184]. Что касается темы **времён года**, то эта поэтическая тема существовала, можно сказать, вечно: с глубокой древности: например, известна поэма древнеиндийского поэта Калидаса «Времена года» на санскрите IV–V вв. н. э., эта же тема достаточно активно разрабатывалась и в римской, и в средневековой поэзии; между 1720-ми и 1730-ми годами опубликованы «Времена года» английского поэта Джеймса Томсона [Раздольская, 2009, с. 366], повлиявшие непосредственно на всё развитие европейского предромантизма и романтизма [The reader`s…, 1973, p. 457–460].

Результаты исследования

Выдающийся специалист по литературе эпохи Романтизма Наум Яковлевич Берковский писал: «Английский романтизм прошёл через очень длинный подготовительный период. Он очень медленно и долго собирал силы, пока, наконец, не сложился. Он прошёл через стадию так называемого преромантизма… Преромантизм – это значит романтизм до романтизма… английский (преромантизм) очень интересен» [Берковский, 2002, с. 123–124]. Исполненный всяческой сокровенности поэтический мотив **ночи** возрастал на английской почве даже не с начала XVIII века, а с первой и второй половины XVII века, в русле так называемой метафизической английской школы поэзии (Дж. Донн, Эд. Герберт, Рич. Лавлейс, Энд. Марвелл, Г. Воэн, У. Дэвенант и др.) [Горбунов, 1989, с. 347]. Разумеется, она, в свою очередь, подпитывалась не просто шекспировской эпохой, но конкретно наследием Шекспира. Действительно, богатейший по своим поэтическим возможностям мотив **ночи** буквально переполняет тексты шекспировских трагедий «Макбет», «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Отелло», таких комедий, как «Сон в летнюю ночь», «Двенадцатая ночь».

Из поэтов метафизической школы Англии XVII века этот мотив особо широко представлен в произведениях Генри Воэна (Henry Vaughan, 1622–1695) [Горбунов, 1989, с. 240–254]. Не случайно литературная традиция Англии XIX века «провозгласила его предшественником У. Вордсворта и других романтиков, заново открыла для себя один из четырёх прижизненно изданных сборников поэзии Г. Воэна «Искры из-под кремня» [Горбунов, 1989, с. 56]. Его стихотворение «Ночь» начинается словами: «Сквозь девственный покров, // Твой полдень скрывший (ибо мы должны // Жить отражённым блеском светлячков, // Как лик луны)… // …О ночь! Сей мир умолк, // Порыв стремлений суетных погас… // …О Боге говорят – // «Во тьме слепящей обитает Он… // …Слова темны: ведь говорящих взгляд // Столь помрачён… // О, в сей ночи и я бы с Ним // Мог обитать – сокрыт, незрим!...» [Горбунов, 1989, с. 250–251]. Поэт представляет не только грандиозный метафизический образ **ночи** как части Вечности, он вступает с ней в диалогические отношения, например, в стихотворении «Мир»: «Однажды в полночь вечность видел я, // Она кольцом сверкала, блеск лия, // Бескрайний свет струя. // Под ней кружилось время, словно тень. // Час, год и день. // Движеньем сфер вращали весь

наш мир…» [Горбунов, 1989, с. 244–245]. Контрастная природа мотива **ночи**, резко антиномичные мотивы света и дня – тьмы и мрака особенно ярко проявляются в стихотворении Г. Воэна «Утреннее бдение»: «…Средь темноты, // Пусть небеса – // Как саван сна, // И ночь мрачна, // В груди моей – роса, // Она бодрит // И оживляет землю, будит сад, // И мир поёт, очнувшись от зимы… // Молитве той // Учусь в ночи. Душа вошла во мрак, // Как в облако – звезда: жива она, // Свет не иссяк. // За тьмою туч // Есть вышний свод, // И там живёт, // Горит бессмертный луч: // На ложе сна – // Прах жизнь мою и светоч мой облек, // И всё же Ты – нетленный их исток!...» [Горбунов, 1989, с. 242].

Поразительно, но в произведениях именно Г. Воэна второй половины XVII века впервые появляется главный символический поэтический вектор романтической образности – «Туда!». Как известно, так называется программное произведение лидера русских романтиков В. А. Жуковского, созданное в первой четверти XIX века, в эпоху расцвета европейского Романтизма [The reader`s…, 1973, p. 457–460]. Относительно стихотворения Г. Воэна (H. Vaughan) «Уединение» А. Н. Горбунов считает, что это произведение «отдалённо предвосхищает оду У. Вордсворта «Откровение бессмертия в воспоминаниях раннего детства» [Wordsworth, 1994, p. 906], а его идеи восходят к древней традиции «Герметических книг» неоплатоников III–IV вв. н. э.» [Горбунов, 1989, с. 330]. Здесь мы находим строки: «…Дух пламенный на горный склон // Взлетел – и зрит Иерихон, // …Когда же прах мой без следа // Исчезнет – я вернусь **туда**!...» [Горбунов, 1989, с. 242], а в стихотворении «Покой» – иные, но сходные строки: «Душа! Над звёздным сводом // Стоит небесный град, // **Там** грозный страж пред входом // Бесстрашен и крылат. // **Там** силы света славят, // Склоняясь пред вождём, // Его, кто ими правит, // Кто в яслях был рождён…// **Там** растёт // Та роза, что не вянет, – // Цвет мира, твой оплот!» [Горбунов, 1989, с. 243–244]. Диалектика души (греч. – Психэ) в произведениях Г. Воэна XVII в. [Горбунов, 1989, с. 240–254], а также контрастная вселенная Света-Тьмы, Жизни-Смерти достигают масштабов, сопоставимых с космическими прозрениями английского предромантика У. Блейка 80-х – 90-х гг. XVIII века [Blake, 2007, p. 639]. Поэтическое наследие Г. Воэна намного опередило своё время, можно с уверенностью причислить его к подлинным предтечам Романтизма [The reader`s…, 1973, p. 457–460]. Этот поэт – не визионер, а, скорее, провидец.

Ведущий специалист в сфере литературы XVII века D. Bush в своём капитальном исследовании «English Literature in the Earlier Seventeenth Century», 1600–1660. Oxford, 1945, писал: «В 1600 году сознание образованного англичанина и его взгляды на мир были более чем наполовину средневековыми, в 1660 году они стали более чем наполовину современными» [Горбунов, 1989, с. 6]. Вслед за ним выдающийся русский филолог Андрей Николаевич Горбунов, крупный шекспировед и знаток английской литературы XVI–XVII вв. отмечает: «Ярко выраженная динамика, многообразие и сложность, сочетание противоборствующих тенденций – важные черты культуры первой половину XVII века. И за ними стоит определённое художественное единство, своеобразное новое видение мира и человека. Лучшие художники Англии этого периода каждый по-своему отразили и грозные конфликты истории, и духовные поиски своих современников, их иллюзии, надежды и прозрения» [Горбунов, 1989, с. 6].

Для Г. Воэна **ночь** – не столько пространство и время, сколько путь, «Где печальный сон царит, // Веди меня // Туда, где свет и где блаженство дня // Всю боль смирит, // Ты явишь мне, что тот в тебе сокрыт, // Чей бедный прах // Я вспоминал в слезах» [Горбунов, 1989, с. 246–247]. В пространстве ночи для поэта «Лишь память их, как яркий свет в дали // Мою пронзает тьму»; «Когда звезда могилой пленена, // Она во тьме едва горит, // Но, обретя простор, взойдёт она – // И сферы озарит» [Горбунов, 1989, с. 247]. Поразительно, но в XVII веке, цитадели барокко и классицизма, с их нормативной статикой образца и внешней декоративности, Г. Воэн, подобно Г. Державину, русскому поэту исхода XVIII века, разрушителю, естественно, на русской почве, казалось бы, незыблемого здания классицизма, воспевает во многих своих произведениях живую, динамичную стихию ключа, водопада («Ключ», «Водопад» Г. Р. Державина) [Державин, 1985, с. 334]. Так происходит в стихотворении Воэна «Кровь Авеля»: «Пурпурный, траурный родник, // Ты – первомученика крик, // Которым вечно окликаем // Кровавый Каин! // Красна струя и в поздний час, // Хоть ранним утром излилась!...» [Горбунов, 1989, с. 251–252]. Так происходит в произведении Воэна «Водопад»: «Сквозь немоту времён – твоя струя! // Прозрачна и свежа, волна твоя // Дрожит, вопя, // И, как толпа, // Как люд, что на бегу возликовал // И замер, пред собой узрев провал, – // Твой блеск зеркал // Застыл и впал // Внезапно в

страх // И – ниц, во прах! // Но, из могилы каменной восстав, // Свой светлый путь вершит в иных местах …» [Горбунов, 1989, с. 252–253].

Поэтические антиномии Воэна поистине достойны удивления и восхищения, настолько они напоминают высокую и контрастную лабораторию романтиков. Чего стоит один образ зеркала – классическая икона двоемирия. Динамика и эпическая масштабность образа водопада у Воэна воистину не уступают державинской поэтике конца XVIII века. Как известно, ода «Водопад» Г. Р. Державина посвящена событию смерти князя Потёмкина; тематика произведений Г. Воэна, в том числе и его «Водопад», отнюдь не минуют тему Смерти. Однако, динамичная энергетика водопада у обоих поэтов соотнесена не столько с образом смерти-разрушительницы, сколько с естественным и неизбежным диалектичным круговоротом жизни и смерти в природе и в мире людей. Так, «Водопад» Воэна «…Из могилы каменной восстав, // Свой светлый путь вершит в иных местах…». Эпическая и лирическая составляющая переплетаются: «Мой водопад, моя скамья, // Порой глядел и думал я: // Коль капля, и достигнув дна, // Бывает вновь воскрешена, // Так разве страшен тьмы удел // Тому, кто море света зрел?» [Горбунов, 1989, с. 252–253]. Как бы продолжая тему водопада, Г. Воэн пишет глубоко лирическое стихотворение «Ливень»: «О вечный ливень! С неба – ниц! // Дождь, серебрящий крылья птиц! // Низринь в юдоль ручьи свои // И прах иссохший напои! // О, в скольких светлых вечерах // Цветник от ливней сладко пах, // О, сколько, просияв светло, // Чудесных солнц при мне зашло! // И всё ж впервые осчастливлен // Закат таким вечерним ливнем!» [Горбунов, 1989, с. 253]. И как бы в продолжение этого лирического настроения – религиозно-поэтическое размышление «Воскресение»: «Раскройся, в свет Его войди, // Ночные страхи – позади» [Горбунов, 1989, с. 253].

При всём внимании к тайнам **ночи**, они в произведениях Воэна не принимают ужасного, зловещего оттенка, скорее подчёркнута глубинность и вечное существование этой тайны мира и человека. Естественно, в центре внимания поэта тема души и Бога: «О ночь! Сей мир умолк, // …В молчанье Бог парит, // И локоны его увлажнены // Ночной росой. Он кротко говорит // Средь тишины, // И внятен духам зов его, // И души единит родство» [Горбунов, 1989, с. 250]. А. Н. Горбунов считает, что Г. Воэн видел в природе иероглифическую книгу откровения, прибегал к приёмам мифологизации сознания, превращал образы природы, пространства и времени в эмблемы феноменов трансцендентного мира [Горбунов, 1989, с. 55–56]. Вместе с тем картины природы, времён дня и времён года у Воэна «лишены условности и декоративности, органически вписываются в пасторальную традицию XVII века» [Горбунов, 1989, с. 56]. Здесь поэт преодолевает нормативность и декоративность эпохи барокко и классицизма и как бы прозревает художественные ценности эпохи романтизма [The reader`s…, 1973, p. 457–460]. Исследователи творчества Г. Воэна отмечают, что его пейзажная лирика природы воссоздаёт живописный ландшафт родного для него сельского Уэльса [Горбунов, 1989, с. 329]. Не случайно Г. Воэн подписывал свои произведения «Силюрист» (силюрами римский историк Тацит когда-то назвал древних обитателей Уэльса) [Горбунов, 1989, с. 329]. Уэльс – это страна древних таинственных обычаев и ритуалов, чаще всего имеющих мифологическую подоплёку [Delaney, 1993, p. 240], и Г. Воэн в своём творчестве был чрезвычайно чувствителен к такого рода мифологической архаике, тесно связанной с древним мотивом **ночи** [Горбунов, 1989, с. 240-254]. И это при том, что идеология поэтических текстов Г. Воэна была всецело библейско-христианской, а сам поэт был весьма образованным человеком: закончив школу в Уэльсе, он учился затем в Оксфорде, потом в Лондоне, а большую часть жизни имел медицинскую практику в своём родном Уэльсе [Горбунов, 1989, с. 329]. При всей метафизичности поэтики Г. Воэна, она, совсем как потом у романтиков XVIII–XIX веков, полна живым восприятием чудес природы, о чём совершенно справедливо пишет А. Н. Горбунов: «Прославление сущего… превращается порой в ликующий гимн природе; поэт с восхищением описывает журчащую струю водопада, рощи и холмы, туманы и ветры, цветы и пение птиц, смену времён года и вообще всю «великую гармонию природы» [Горбунов, 1989, с. 56]. Поэт явно противопоставляет безнравственность столичного Лондона безыскусной простоте сельской жизни, но, вместе с тем, он далёк от буколической интонации, всецело привержен метафизическим глубинам Бытия, важное место среди которых он традиционно отводит мотиву **ночи**.

Поэзия лидера школы метафизиков XVII века Джона Донна – клубок противоречий и контрастов: «Исчезло Солнце и Земля пропала, // А как найти их – знания не стало» [Горбунов, 1989, с. 7]. Этот поэт подобен шекспировскому Гамлету с его

идеей «вывихнутого времени»; среди современников популярны были сатиры Донна, где за образец взята не национальная, а древнеримская традиция Горация, Персия и Ювенала. Генри Воэн считается последователем Дж. Донна, но это не совсем так. Не случайно Воэн подписывал свои стихи, как уже отмечалось, «Силуриец», – этим самым он свидетельствовал о своей приверженности древним традициям Родины – Уэльса, где парадоксально смешались древнехристианские и древнекельтские начала. Об этих же древних связях говорят и произведения Воэна [Горбунов, 1989, с. 329, 240–254].

Столь значимый в них мотив ночи, без сомнения, навеян ритуалами уходящего в глубины веков главного народного древнекельтского праздника Самхейн, общего для народно-религиозных верований и представлений Ирландии, Уэльса и Шотландии [Delaney, 1993, p. 240]. Он приходится на ночь 31 октября – 1 ноября, в канун Дня Всех Святых, когда, считалось, древнекельтский владыка «потустороннего мира» Саман являлся, чтобы судить души злых умерших людей и превращать их в животных. Этот «скотий бог» [Jakobson, 1969, p. 579–600] был покровителем поэтов, привилегированных носителей традиций древнего поэтического ремесла кельтов, – филидов (fili – wel – видеть – провидец). Древняя каста филидов, которым были открыты «врата» в «потусторонний мир», существовала и в средневеково-христианские времена, в то время как жрецы-друиды исчезли уже при римлянах [Калыгин, 1986, с. 128].

Вечером, перед ритуалом Самхейн огни гасили, а затем ночью при собрании народа зажигался новый, священный костёр, а также выкладывались особые круги из камней, по которым на следующее утро проводились мантические действия, гадания – желающие, по нарушенным кругам, камням, могли узнать о своей возможной смерти [Delaney, 1993, p. 240]. Специалист по древнекельтской культуре и языкам Виктор Павлович Калыгин отмечает, что «целый ряд элементов магической практики фелидов (с ощутимыми реликтами шаманизма) непосредственно связан общением с «потусторонним миром», который был недоступен простым смертным. «Потусторонний мир» был для кельтов источником знания, особенно, знания оккультного, сакрального. С понятием «wel» связан обширный комплекс идей и персонажей, отражающих мифологические представления о «потустороннем мире», его владыке и поэтах-филидах, которым это божество покровительствовало. «Filidecht» часто глоссируется словом «eicse» – мудрость, знание. Древнейшие ирландские законы свидетельствуют о почти монопольном господстве филидов в сфере культуры» (барды были скорее придворным певцами, везде уступая филидам)» [Калыгин, 1986, с. 128].

Характерно название двух основных сборников философской лирики Генри Воэна «Искры из-под кремня» [Горбунов, 1989, с. 55], – здесь явственно прочитывается первобытно-ритуальная тема добычи древнего священного огня, который зажигался, как известно, в ходе некоего ритуала искрой кремнёвого кресала. Наряду со многими библейскими реминисценциями, произведения Г. Воэна очевидно были навеяны отмеченными выше древними ритуалами его родины [Delaney, 1993, p. 240]. Таково лирическое и траурное стихотворение «В пир света навсегда они ушли…» из второго тома «Искр из-под кремня»: «В мир света навсегда они ушли, // И мне здесь тяжко одному, // Лишь память их, как яркий свет вдали, // Мою пронзает тьму. // Она горит в груди, как между туч // Сверкают звёзды в тёмный час, // Как над холмом блестит последний луч, // Когда закат погас… // Когда звезда могилой пленена, // Она во тьме едва горит, // Но, обретя простор, взойдёт она – // И сферы озарит» [Горбунов, 1989, с. 247–248].

Концепцией мира ночи и священного огня (ритуала Самхейн) [Delaney, 1993, p. 240] открывает поэт стихотворение «Мир»: «Однажды в полночь вечность видел я, // Она кольцом сверкала, блеск лия, // Бескрайний свет струя, // Под ней кружилось время, словно тень: // Час, год и день // Движеньем сфер вращали весь наш мир // И всё, что он вскормил» [Горбунов, 1989, с. 244-245]. В этом же стихотворении явственно просматривается образ главного персонажа древнего таинственного и страшного ночного ритуала Самхейн [Delaney, 1993, p. 240]: «Правитель мрачный, чей удел тяжёл, // Он, как ночной туман, покрывший дол, // Скорее полз, чем шёл, // И, словно солнце в помраченья час, // Собою тяготясь, // Был тучами свидетелей гоним, // Вопящими над ним. // Как крот, он принимался норы рыть, // Чтоб тайны скрыть, // И муки тех, кого он там когтил, // Мрак поглотил» [Горбунов, 1989, с. 244–245]. За этим образом Самана, владыки «потустороннего мира» следует обширное рассуждение поэта о жертвах этого ночного владыки – душах злых людей [Delaney, 1993, p. 240] (по сути этот текст уже начался в предшествующем эпизоде): «На груде хлама скряга, чуя страх, // Всю жизнь томился и

сжимал в руках // Не золото, а прах. // Он жил, презрев божественный покой, // Дрожащею овцой. // У тысяч, кто лишил себя ума, // В объятиях сума!... // …Кто в мелочах погряз, душою слаб, // Тот жалкий раб… // И правда чистая победой зла // Унижена была!...» [Горбунов, 1989, с. 244-245]. В последнем эпизоде этого произведения возвращается важный для ритуала Самхейн образ-символ кольца, в финале поэт произносит как бы свой вердикт-комментарий к древнему народному ритуалу своей родины Самхейн [Delaney, 1993, p. 240]: «Но тот, кто плакал, плакал здесь и пел, // И снова пел, хоть крыльев не имел, // Он ввысь, в Кольцо, взлетел! // «Лишь тем (я молвил), кто лишён ума, // Желанней света – тьма! // В пещерах скрытым, страшно им взглянуть // На свет, явивший путь, // Путь, чтоб любой из тьмы и смерти – мог // Ввысь воспарить, где Бог, // Идти за солнцем вслед и стать светлей // Его лучей!». // Когда ж безумцев поносить я стал, // Мне кто-то прошептал: // «Кольцо жених невесте лишь своей // Отдаст – и только ей!...» [Горбунов, 1989, с. 244-245].

Несмотря на фундаментальный вклад поэта-метафизика Генри Воэна [Горбунов, 1989, с. 240–254], настоящим классиком и другим зачинателям «ночной» темы в английской, европейской и мировой поэзии стал Эдвард Юнг (Edward Young, 1683-1765) [Young`s night…, 1853]. Ему принадлежит большая философско-религиозная поэма «Жалоба или думы о жизни, смерти и бессмертии» (1742–1745 гг.), состоящая из девяти глав: первая ночь; вторая ночь; третья ночь и т. д., каждая из которых посвящена какой-либо высокопоставленной персоне [Young`s night…, 1853]. Неизвестно, существовала ли какая-либо реальная связь между творчеством Г. Воэна и Э. Юнга, известны ли были произведения поэта-метафизика XVII века поэту-священнику XVIII века. Факт остаётся фактом, что «ночная» тема, блестяще и глубоко разработанная Г. Воэном, Эдвардом Юнгом была поднята на новую высоту, да так, что пространная поэма о ночи, смерти и спасении не только приобрела необычайную популярность во всей Европе, была быстро переведена на немецкий и многие другие языки Европы, но и стала реальным толчком для развития сентиментализма и предромантизма [The reader`s…, 1973, p. 457–460]. Только в России в самом конце XVIII – начале XIX века, то есть в эпоху истоков русского романтизма (и поэзии В. А. Жуковского) вышли четыре издания книг Эдварда Юнга: 1. Юнг Э. Дух или правила мысли славной Юнга. СПб., 1798; 2. Юнг Э. Картины бытия, помышлением созерцаемые. М., 1798; 3. Юнг Э. План Эдварда Юнга или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии. Ч. 1-2; 4. Мысли Юнга об оригинальном сочинении. СПб, 1812.

Всё дело в том, что поэма Юнга повлияла на ставшую сверхзнаменитой «Элегию, написанную на сельском кладбище» («An Elegy Wrote in a Country Churchyard») Томаса Грея (Thomas Gray, 1716-1771), которая была опубликована в 1751 году и стала первым реальным произведением европейского сентиментализма и предромантизма [Раздольская, 2009, с. 123]. Э. Юнг, подобно Г. Воэну, учился в Оксфорде, но в 1719 г. получил даже степень доктора права. В отличие от Г. Воэна, посвятившего себя медицинской практике, Юнг стал священником, затем даже королевским капелланом. Жил он в Хартфордшире, где на склоне лет написал не только ставшую знаменитой поэму о ночи, жизни, смерти и бессмертии, но и сочинение, поистине предромантическое, «Размышление об оригинальном творчестве».

Динамика и метафизическая диалектика времени и пространства, жизни и смерти занимает центральное место в поэме Э. Юнга «Жалоба или ночные думы о жизни, смерти и бессмертии» («The complaint or night thoughts on life, death and immortality»): «Look nature through, `tis // Revolution all: // All change, no death. // Day follows night and night // The dying day, stars rise and set and rise; // …Track, which opens out of darkness into day» [Young`s night…, 1853] («Взгляни на всю природу, она насквозь ре-волюционна: она – сама перемена, смерти нет // За днём следует ночь, а ночь – умирающий день. // Звёзды восходят и нисходят, затем снова восходят. // …Пути, которые открываются из тьмы в свет дня»).

Творящая природа метафизики ночи, глубины которой исследованы философски в XIX веке, особенно, в Германии (Я. Бём), выявлена и воспета в первой половине XVIII века в поэме Э. Юнга: «Silence and darkness, // Solemn sisters, // Twins from ancient Night, // Who nurse the tender thought» [Young`s night…, 1853] («Тишина и тьма // – Торжествующие сёстры, – // Близнецы глубин древней Ночи, // Той, что была колыбелью Божественной Мысли»). Вдохновляющий потенциал поэтического мотива ночи, кореллятивный вечным темам жизни и смерти, ухода и духовного возрождения, сполна реализовали в период, следующий за появлением «Ночных дум» Э. Юнга, многочисленные поэтические тексты эпохи сентиментализма, предромантизма и Романтизма: «Inspire

me, Night, // With all thy tuneful spheres; // Whilst with seraphs share seraphic themes // And show men the dignity of man!» [Young`s night…, 1853] («Ночь, дай мне своё Вдохновение, // Твою мелодию звучащих сфер, // С которой мне делятся гармонией серафимы, – // Те, что передают Человеку его высокое достоинство»).

У Г. Воэна мотив ночи в контексте его метафизической лирики был глубоко личным, органическим переживанием древнего мифологического ритуала – наследия древнекельтской Родины, культа предков [Горбунов, 1989, с. 329; Delaney, 1993, p. 240]. Поэтому в богатой оттенками метафизической лирике Англии XVII века произведения Г. Воэна отличались высокой степенью индивидуальности, неповторимой оригинальностью, будучи подлинно предромантической поэзией на много опередившей своё время (следует опять же повторить упомянутое выше соотнесение лирики Г. Воэна и романтической поэзии У. Вордсворта начала XIX века) [Wordsworth, 1994, 906P.]. В этом плане поэма Э. Юнга о ночи, жизни, смерти и бессмертии, глубоко религиозно-философское произведение, не случайно названа автором «Жалоба или ночные думы…» («Complaint or night thoughts…») [Young`s night…, 1853]. По сути, это эмоционально-психологическая рама, жанрово и декоративно нормативная, вполне в традициях своей эпохи нео-классицизма [The reader`s…, 1973, p. 116-118] и позднего религиозного барокко [The reader`s…, 1973, p. 52]. И всё же эмонационально-сентиментальная заявка этой религиозно-эпической по жанру поэмы сыграла решающую роль в её восприятии современниками и даже более поздними поэтическими потомками XIX века. Влияние её на «Сельское кладбище» Томаса Грея – В. А. Жуковского несомненно. Оно, хотя и не в состоянии причислить поэму Э. Юнга к литературе собственно сентиментализма и предромантизма, позволяет объективно считать её, наряду с метафизической лирикой Генри Воэна XVII века, предтечей поэзии эпохи европейского Сентиментализма и Романтизма [The reader`s…, 1973, p. 457-460].

Обсуждаемые произведения Г. Воэна и Э. Юнга вполне подпадают под жанровые разновидности «духовной поэзии», но ода М. В. Ломоносова «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» [Мысль,…, 1987, с. 45-47] 1743 г., почти одновременная поэме Э. Юнга (1742-1745 гг.) и исходная по «ночной» тематике, всегда традиционно именуется «духовной одой». Она как бы «симметрична» «Утреннему размышлению о Божием величестве» того же автора. Подобная антиномичность, кстати, опять же перекликается с цитированными выше строками поэмы Э. Юнга о философско-поэтическом соотнесении двух тем – ночи и дня. Различие же текстов Юнга и Ломоносова также весьма существенно и связано со спецификой поэтического сознания двух авторов: одного – англиканского священника со степенью доктора права, другого – русского академического учёного-химика (по европейскому, Лейпцигскому университетскому образованию), академика Российской Академии Наук и основателя Московского университета.

Религиозно-натурфилософский универсализм Э. Юнга, поэта-эпика, конечно, существенно отличается от мифопоэтического натурфилософского универсализма Г. Воэна-лирика. Кстати, грандиозная поэма Э. Юнга о ночи, жизни, смерти и бессмертии по замыслу, сложности, гимнографичности и величественности напоминает великое музыкальное произведение европейского барокко XVIII века, – великую ораторию Георга Генделя «Мессия», незадолго до написания поэмы Э. Юнга созданную и исполненную в Лондоне в 1741 году. И произведения Г. Воэна, и поэма Э. Юнга, в своей поэтике, при всей приверженности мифопоэтической, по сути, теме ночи (при том, что Юнг творит христианский эпический миф о ночи), отличаются от научно-натурфилософского универсализма Ломоносова в его оде о ночном космосе Вселенной. Эта ода начинается, что характерно, весьма сходно с почти одновременной ей поэмой Э. Юнга (при том, что маловероятна связь и текстов, и авторов с точки зрения их возникновения): «Лице свое скрывает день; // Поля покрыла мрачна ночь. // Взошла на горы чёрна тень; // Лучи от нас склонились прочь. // Открылась бездна звёзд полна; // Звездам числа нет, бездне дна» [Мысль,…, 1987, с. 45-47]. Вполне умозрительное рассуждение священника Э. Юнга, разумеется, мало связано с научно-астрономическим экфрасисом учёного М. В. Ломоносова. Он и оду свою возводит как учёное, но и поэтическое размышление к картине звёздного ночного неба, к столь знакомой ему, архангелогородцу по происхождению, картине величественного северного сияния. Для него, в отличие от нравственно-дидактической поэмы Юнга, вид ночного неба – толчок к научным размышлениям о бессчётных звёздах, солнцах, планетах как небесных телах мировой бездны со «множеством светов» (то-есть, миров). Разумеется, учёный Ло-

моносов показывает себя при этом как деист, что более, чем характерно для мировоззрения XVIII века («Скажите, ж, коль велик Творец?») [Мысль,…, 1987, с. 47].

С точки зрения поэтики в оде Ломоносова пытливая позиция учёного-естествоиспытателя повлияла на синтаксис текста, где вопросительные фразы едва ли не доминируют. Всё это резко отличается от текста поэмы Э. Юнга, где вопросительные фразы полностью отсутствуют, конечно, как и научно-астрономическая лексика. Всё это говорит об абсолютной оригинальности «ночной» оды Ломоносова, выросшей как бы «на своём корню», несмотря на то, что «ночная» поэзия европейцев XVI–XVII вв. была достаточно влиятельна. Для творческого универсализма гения М. В. Ломоносова было характерно использование поэтических образов времён дня (включая ночь) в других его произведениях. Так, «ода парафрастическая псалма 143» (жанр духовной оды или переложения псалмов) включает четвёртую строфу: «О Боже, что есть человек? // Он утро, вечер, ночь и день // Во тщетных помыслах проводит // И так вся жизнь его проходит, // Подобно как пустая тень» (1744 г.) [Мысль,…, 1987, с. 47].

Кроме того, к 1747 году относится стихотворение Ломоносова, дошедшее до нас с авторской пометкой: «Пример из Анакреонта». Оно, конечно, в жанровом отношении резко расходится с цитированными выше «духовными одами» поэта. Тем не менее «ночная тема» в нём заявлена весьма определённо: «Ночною темнотою // Покрылись небеса, // Все люди для покою // Сомкнули уж глаза…» [Мысль,…, 1987, с. 50]. Далее следует мотив прерванного сна и встреча-разговор с гостем – Купидоном. Тема смерти чужда поэзии Ломоносова в отличие от «ночной» поэмы Юнга и раннесентименталистских опытов А. П. Сумарокова. Хотя у последнего мотив ночи, как таковой, не получил развитие, всё же мотив смерти в контексте рассуждений о суетности и бренности мира отражён в большом числе сумароковских текстов (Сонет 1755 г.; На суету человека 1759 г.; Час смерти 1759 г. и т. д.) [Сумароков, 1953, с. 342]. Однако, в этой поэзии Сумарокова, при всей её сентименталистской ориентации, отсутствует ещё природно-пейзажная составляющая. Зато она в избытке присутствует у М. Н. Муравьёва (Ночь 1776–1785 гг.), Г. Р. Державина (Ключ 1779 г.; Видение мурзы 1788 г.; Ко второму соседу 1791-1798 гг.; Фонарь 1804 г.; Атаману и войску Донскому 1807 г. и т. д.) [Державин, 1985, с. 333], – у этих русских поэтов последней четверти XVIII – начала XIX века, по сути, предромантиков. У английского предромантика Уильяма Блейка мотив ночи смыкается либо с его библейско-космическими поэтическими композициями, грандиозными поэмами, либо с темой детей и детства в его циклах «Songs of innocence» 1789 – «Songs of experience» 1794 [Blake, 1866, p. 251].

Н. А. Некрасов с его поэтическим циклом «Стихи, посвящённые детям», поэмой (правда, неоконченной) «Детство» и многими другими произведениями о детях и детстве, в равной степени отдал значительную дань поэтическому мотиву «ночи». В обоих случаях поэт оказался преемствен от богатой английской поэтической традиции XVII – XVIII вв. (Г. Воэн, Э. Юнг, У. Блейк, У. Вордсворт), тем не менее и в этих обоих темах Некрасов сумел быть вполне оригинален и неповторим. Так, в поэме «Рыцарь на час» интенсивная ночная тема связана не только с созерцанием лунной ночи, размышлением и зимним ночным путём поэта, но и видением одинокой церкви с могилой матери и грустными мыслями лирического героя [Некрасов, 1989, с. 96-102]. Ночной пейзаж поэмы «Железная дорога» связан не только с красотами русской природы, которые тонко чувствует лирический герой, но и с ночным видением бегущих по сторонам движущегося поезда толпы поющих мертвецов-рабочих, погибших на строительстве железной дороги [Некрасов, 1989, с. 111-115].

Эпопея Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» – поэтическое исследование русского греха и русского покаяния [Филипповский, 2020, с. 101]. Глубоко народное по духу, это главное поэтическое произведение Некрасова буквально погружено, по замыслу автора, в таинственное и сакральное пространство ночи. В нашей монографии «Диалогическая поэтика Н. А. Некрасова» исследованию мотива ночи посвящены две главы, причём одна из них – проблеме «Некрасов и европейские романтики (и предромантики)» [Филипповский, 2020, 289С.]. Та же тема в углублённом аспекте и на новом материале поэзии Г. Воэна и Э. Юнга обсуждается в настоящей статье. Несколько глав в указанной монографии по избранной проблематике посвящены проблемам связей творчества Некрасова и наследия древней Руси. Особое значение имеет поэтика ночи в «Слове о полку Игореве» и эпопее Н. А. Некрасова [Филипповский, 2020, с. 101–109]. Её первый Пролог, сказочно-мифологический по образности, буквально погружён в магическое пространство ночи, как и в «Слове о полку Игореве», – не толь-

ко образ Бояна – «Велесова внука», но и вся первая половина текста «Слова» буквально опирается на мотив ночи («долго ночь мъркнетъ… на реце Каяле тьма светъ покрыла»), мифологические эпизоды, том числе, затмения «тёмного солнца» (как предзнаменования беды) и «тёмных» языческих богов в общем контексте поражения Игоря; зато вторая половина «Слова», где акцентированы образы солнца и света, христианской символики, выводит в финале героя Игоря к апофеозу триумфального возвращения на Русь.

Третья глава некрасовской эпопеи «Пьяная ночь» следует за начальными главами и их рассуждениями о народных грехах. В массовой, наполненной народом и спорами четвёртой главе эпопеи действие, надо полагать, также связано с ночной порой, так как ближе к концу главы отмечается: «Под утро поразъехалась, // Поразбрелась толпа. // Крестьяне спать надумали…» [Некрасов, 1989, с. 309]. Центральным в эпизоде части «Крестьянка» в её Прологе читается: «Уж звёзды рассажалися // По небу темно-синему, // Высоко месяц стал, // Когда пришла хозяюшка // И стала нашим странникам // «Всю душу открывать…» [Некрасов, 1989, с. 335]. Эта пространная исповедь главной героини, Матрёны Тимофеевны периодически прерывается знаками «ночной поры», например: «Я помню ночка звёздная, // Такая же хорошая, // Как и теперь была…», или: «Всю ночку я продумала…, // Очнулась я. Темно кругом, // Гляжу в окно – глухая ночь! // Да где же я? Да что со мной?...; // Всю ночь над ним сидела я… // …За Клином огляделась я: // Равнина белоснежная, // Да небо с ясным месяцем, // Да я, да тень моя…; // Молиться в ночь морозную // Под звёздным небом Божиим // Люблю я с той поры… // …Всю ночь я шла…» [Некрасов, 1989, с. 381-382].

Ночное покаяние народа в главе «Пир на весь мир» стало в эпопее русского греха и русского покаяния своего рода центральным эпизодом: «Площадка перед Волгою, // Луною освещённая, // Переменилась вдруг. // Пропали люди гордые, // С уверенной походкою… // Толпа вскочила на ноги, // Пронёсся вздох, послышалось: // «Так вот он, грех крестьянский! // И впрямь страшенный грех! // – И впрямь: нам вечно каяться… // Пир только к утру кончился, // Великий пир!... Расходится // Народ. Уснув, осталися // Под ивой наши странники…» [Некрасов, 1989, с. 450-462].

Заключение

Далёкая от метафизической лирики и эпики XVII–XVIII вв., по сути, предромантиков Г. Воэна и Э. Юнга, повлиявших на европейскую поэзию сентиментализма и романтизма, «ночная» поэзия русского постромантика Н. А. Некрасова изображает жизнь простого народа в его повседневных тяготах и проблемах, но, как и в отмеченных произведениях английской поэзии с характерной «ночной» темой, решает глобальные нравственные проблемы. Антитезы день-ночь, свет-тьма, жизнь-смерть, проблемы русского греха и православного покаяния у Н. А. Некрасова выведены не в умозрительно-нравственный космос христианской метафизики, а в мифопоэтический космос русской народной жизни, национальным поэтом которой и был Н. А. Некрасов, в том числе и в первую очередь, в своей главной поэтической эпопее «Кому на Руси жить хорошо».

Библиографический список

1. Берковский Н. Я. Статьи и лекции по зарубежной литературе. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2002. 408 с.

2. Гёте И.-В. Лирика / сост. А. А. Гугнин. Москва : Детская литература, 1975. 190 с.

3. Блейк У. Стихотворения. Москва : Радуга. 2007. 639 с.

4. Горбунов А. Н. Английская лирика первой половины XVII века. Москва : изд. МГУ, 1989. 347 с.

5. Державин Г. Р. Оды / сост. С. С. Аверинцев. Ленинград : Лениздат, 1985. 334 с.

6. Европейская поэзия XVII века. Москва : Художественная литература, 1977.

7. Калыгин В. П. Язык древнейшей ирландской поэзии. Москва : Наука, 1986. 128 с.

8. Левин Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма // От классицизма к романтизму. Из истории международных связей русской литературы. Ленинград : Наука, 1970. С. 270–280.

9. Литературные манифесты западноевропейских романтиков / сост. А. С. Дмитриев. Москва : изд. МГУ, 1980. 638 с.

10. Мысль, вооружённая рифмами. Поэтическая антология / сост. В. Е. Холшевников. Ленинград : изд. ЛГУ, 1987. 605 с.

11. Некрасов Н. А. Стихотворения и поэмы. Москва : Правда, 1989. 478 с.

12. Пушкин А. С. Сочинения / сост. Б. В. Томашевский. Ленинград, 1936. 975 с.

13. Раздольская В. Н. Европейское искусство XIX века. Классицизм. Романтизм. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2009. 366 с.

14. Романтический метод и романтические тенденции в русской и зарубежной литературе. Казань : изд. КГУ, 1975. С. 20–40.

15. Сумароков А. П. Стихотворения. Ленинград : Советский писатель, 1953. 342 с.

16. Уланд Людвиг. Стихотворения / сост. А. А. Гугнин. Москва : Художественная литература, 1988. 222 с.

17. Филипповский Г. Ю. Диалогическая поэтика Н. А. Некрасова. Ярославль : изд. ЯГПУ, 2020. 289 с.

18. Эйхендорф Йозеф. Стихотворения / сост. П. Карп. Ленинград : Художественная литература, 1969. 223 с.

19. Blake W. Selected verse. M., Raduga, 2007. 639 P.

20. Blake W. A selection of poems and letters / J. Bronowski (ed.). L., Cox and Wyman, 1966. 251 P.

21. Delaney Frank. The Celts. L., Harper Collins P., 1993. 240 P.

22. Jakobson R. The Slavic god Veles and his Indo-European cognates // Studi linguistici in onore Vittore Pisani. Brescia: 1969. P. 579–600.

23. Poets of the 17-th century / J. Broadbent (ed.). NY, 1974. 2 vols.

24. The Oxford Book of the 17-th century. Oxford. OUP, 1968.

25. The reader`s companion to world literature. L. H. Hornstein (ed.). NY. Mentor Book, 1973, 577 P.

26. Wordsworth W. The works / A. Till (ed.). L., Wordsworth Ed., 1994. 906 P.

27. Vaughan H. The works / L. E. Martin (ed.). Oxford. OUP, 1957.

28. Young`s night thoughts by Gilfillan. L., J. Nisbet and Co., 1853.

Reference list

1. Berkovskij N. Ja. Stat'i i lekcii po zarubezhnoj literature = Articles and lectures on foreign literature. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2002. 408 s.

2. Gjote I.-V. Lirika = Lirics / sost. A. A. Gugnin. Moskva : Detskaja literatura, 1975. 190 s.

3. Blejk U. Stihotvorenija = Poems. Moskva : Raduga. 2007. 639 s.

4. Gorbunov A. N. Anglijskaja lirika pervoj poloviny XVII veka = English poetry of the first half of XVII century. Moskva : izd. MGU, 1989. 347 s.

5. Derzhavin G. R. Ody = Odes / sost. S. S. Averincev. Leningrad : Lenizdat, 1985. 334 s.

6. Evropejskaja pojezija XVII veka = European poetry of XVII century. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1977.

7. Kalygin V. P. Jazyk drevnejshej irlandskoj pojezii = Language of the ancient Irish poetry. Moskva : Nauka, 1986. 128 s.

8. Levin Ju. D. Anglijskaja pojezija i literatura russkogo sentimentalizma = English poetry and the literature of russian sentimentalism // Ot klassicizma k romantizmu. Iz istorii mezhdunarodnyh svjazej russkoj literatury. Leningrad : Nauka, 1970. S. 270–280.

9. Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov = Literary manifestos of western european romantisists / sost. A. S. Dmitriev. Moskva : izd. MGU, 1980. 638 s.

10. Mysl', vooruzhjonnaja rifmami. Pojeticheskaja antologija = Thought armed with rhymes. Poetic anthology / sost. V. E. Holshevnikov. Leningrad : izd. LGU, 1987. 605 s.

11. Nekrasov N. A. Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems. Moskva : Pravda, 1989. 478 s.

12. Pushkin A. S. Sochinenija = The oeuvre / sost. B. V. Tomashevskij. Leningrad, 1936. 975 s.

13. Razdol'skaja V. N. Evropejskoe iskusstvo XIX veka. Klassicizm. Romantizm = European art of XIX century. Classicism. Romanticism. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2009. 366 s.

14. Romanticheskij metod i romanticheskie tendencii v russkoj i zarubezhnoj literature = Romantic method and romantic tendencies in Russian and foreign literature. Kazan' : izd. KGU, 1975. S. 20–40.

15. Sumarokov A. P. Stihotvorenija = Poems. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1953. 342 s.

16. Uland Ljudvig. Stihotvorenija = Poems / sost. A. A. Gugnin. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1988. 222 s.

17. Filippovskij G. Ju. Dialogicheskaja pojetika N. A. Nekrasova = Dialogic poetics of N. A. Nekrasov. Jaroslavl' : izd. JaGPU, 2020. 289 s.

18. Jejhendorf Jozef. Stihotvorenija = Poems / sost. P. Karp. Leningrad : Hudozhestvennaja literatura, 1969. 223 s.

19. Blake W. Selected verse. M., Raduga, 2007. 639 P.

20. Blake W. A selection of poems and letters / J. Bronowski (ed.). L., Cox and Wyman, 1966. 251 P.

21. Delaney Frank. The Celts. L., Harper Collins P., 1993. 240 P.

22. Jakobson R. The Slavic god Veles and his Indo-European cognates // Studi linguistici in onore Vittore Pisani. Brescia: 1969. R. 579–600.

23. Poets of the 17-th century / J. Broadbent (ed.). NY, 1974. 2 vols.

24. The Oxford Book of the 17-th century. Oxford. OUP, 1968.

25. The reader`s companion to world literature. L. H. Hornstein (ed.). NY. Mentor Book, 1973, 577 P.

26. Wordsworth W. The works / A. Till (ed.). L., Wordsworth Ed., 1994. 906 P.

27. Vaughan H. The works / L. E. Martin (ed.). Oxford. OUP, 1957.

28. Young`s night thoughts by Gilfillan. L., J. Nisbet and Co., 1853.

УДК 821.161.1

Е. В. Кузнецова **https://orcid.org/0000-0001-6045-2162**

Традиции францисканства и странничества в судьбе и творчестве А. Добролюбова

Для цитирования: Кузнецова Е. В. Традиции францисканства и странничества в судьбе и творчестве А. Добролюбова // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 19–30. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-19-30

Судьба и личность Александра Добролюбова породили в культуре русского Серебряного века своеобразный добролюбовский миф о вечном страннике и во многом незаслуженно заслонили его литературное творчество. В статье прослеживается влияние фигуры Франциска Ассизского на жизнетворческую стратегию самого Добролюбова и на восприятие его современниками как «русского Франциска». Рассматриваются особенности художественного преломления целого комплекса мотивов, связанных с судьбой и личностью итальянского святого, в последнем сборнике произведений Добролюбова «Из книги невидимой» (1905). Образ странника-богомольца, прославление (проповедь) нищего жития, отшельничества и единения человека с животными, растениями и стихиями анализируются в контексте учения святого Франциска и русской францискианы эпохи модернизма, прослеживаются особенности их модернисткой рецепции в произведениях Добролюбова, написанных после его «ухода».

С другой стороны, выявляются свидетельства того, что в произведениях сборника поэт реализует индивидуально-авторский извод характерно русского культурно-исторического феномена странничества (реального и метафизического, духовного), отраженного, например, в творчестве Н. С. Лескова, и получившего философское осмысление в науке и критике начала XX в. (В. Розанов, Н. Бердяев и др.). Высказывается предположение о влиянии на поэта анонимного произведения русской религиозной литературы «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». В итоге делается вывод о том, что поэт создает современную вариацию францисканского образа «простеца» и божьего человека, наделенного даром общения с природой, который сочетает в себе черты итальянского подвижника-проповедника с типом русского странника-богоискателя.

Ключевые слова: А. Добролюбов, святой Франциск Ассизский, образ странника, странничество, поэзия русского модернизма, рецепция, жизнетворчество.

E. V. Kuznetsova

Traditions of franciscanism and pilgrimage in the life and work of A. Dobrolyubov

The fate and personality of Alexander Dobrolyubov gave rise to a kind of Dobrolyubov myth about the eternal wanderer in the culture of the Russian Silver Age and in many ways unfairly obscured his literary work. The article traces the influence of Francis of Assisi on Dobrolyubov's own life-creating strategy and his contemporaries' perception of him as a «Russian Francis. The author considers the peculiarities of artistic interpretation of the whole complex of motifs associated with the fate and personality of the Italian saint in the last collection of Dobrolyubov's works, From the Book Invisible (1905). The author analyzes the image of the pilgrim, glorification (preaching) of the poor, hermit's life and the unity of man and wildlife, plants and the elements of nature in the context of teachings of St. Francis and the Russian franciscanism of the modernist era; the features of their modernist reception are traced in Dobrolyubov's works written after his «departure».

On the other hand, the author reveals evidence that the poet implements the individual author's interpretation of the characteristic Russian cultural and historical phenomenon of pilgrimage (real, metaphysical and spiritual), which was reflected, for example, in N. S. Leskov's works, and philosophically interpreted in science and criticism of the early 20th century (V. Rozanov, N. Berdyaev, etc.). The author suggests that the poet was influenced by an anonymous work of Russian religious literature «A Pilgrim's Confessional Stories to his Spiritual Father». As a result, the author concludes that the poet creates a modern variation of the Franciscan image of the «simple man» and the divine man, possessing the gift of communication with nature, who combines the features of an Italian ascetic preacher with the type of a Russian pilgrim-god-seeker.

Key words: A. Dobrolyubov, Saint Francis of Assisi, the image of the pilgrim, wandering, poetry of russian modernism, reception, life creation.

© Кузнецова Е. В., 2021

Франциск Ассизский в культуре русского модернизма

В конце XIX–нач. XX в. к Франциску Ассизкому (1181/1182–1226), итальянскому святому, провозгласившему культ бедности и основавшему орден францисканцев [Задворный, 1995; Ветлугина, 2018], в русских интеллектуальных кругах возникает огромный интерес. Неоднократно издаются его жизнеописания, о нем повествуют на страницах научных и научно-популярных работ, его имя и топонимы, связанные с его родиной, звучат в стихах и статьях Д. Мережковского, К. Бальмонта, Вяч. Иванова, А. Блока, С. Соловьева, М. Кузмина, М. Волошина и др. В 1911 г. В. В. Розанов отметил необычайную популярность итальянского святого: «Он сделался каким-то „литературным русским святым", притом „единственным святым" русской интеллигенции» [Розанов, 2011, с. 154]. По словам К. Г. Исупова: «В эпоху Серебряного века имя Франциска – у всех на устах. Популярными становятся не столько его сочинения и агиография, сколько тип личности и дух его поступков. Усилиями значительного ряда богословов (А. Ельчанинова), историков-мыслителей (П. Бицилли, В. Герье, А. Гуковского, О. Добиаш-Рождественской, Л. Карсавина, П. Сахарова, В. Соловьева, Н. Устрялова, Д. Толстого, Д. Цветаева, Е. Шмурло), исследователей изящной словесности (А. Веселовского, С. Котляревского, С. Шевырева) и несметного числа философов религиозного возрождения Франциск вписан в интеллектуальные парадигмы эпохи на правах родного элемента» [Исупов, 2006, с. 60].

В России в нем видели свет Божественной любви, воплощенный в земном человеке и обращенный на все сущее (Ф. Достоевский, Д. Мережковский, В. Розанов, С. Дурылин и др.). Почитался Франциск и как учитель милосердия, обновитель христианской веры, обративший людей к духовному самосовершенствованию и явивший сам пример перерождения и обращения. Он грешил, заблуждался и достиг святости путем жестокой работы над собой. В таком ключе писали о святом, например, Э. Пименова и З. Венгерова [Пименова, Венгерова]. Наивно-детский идеализм итальянского подвижника оказался созвучен романтическому идеализму русской духовной культуры начала XX в., грезившей о возвышенном и совершенном человеке: «Франциск нам не чужой; он не отошел от нас в прошлое, а своим, основанным на евангельском совершенстве идеализмом, живет вечно, как вечен и этот идеализм. Способы осуществления евангельского совершенства бывали различны, но никто не осуществлял его смиреннее, искреннее и трогательнее и никто не вложил в него столько любви как христолюбивейший бедняк из Ассизи» [Герье, 1908, с. 325].

Исследованию рецепции фигуры и учения итальянского святого в литературе и философии русского модернизма посвящено достаточное количество работ таких авторов, как К. Г. Исупов, М. С. Самарина, В. Н. Москвичев, Архимандрит Августин (Никитин), А. А. Медведев и др. [Исупов, 2006; Самарина, 2008; Москвичев, 2010; архимандрит Августин (Никитин) 2014, 2016; Медведев]. Однако на карте русского францисканства все еще есть белые пятна.

Следует отметить, что в литературе русского модернизма рецепция образа святого Франциска шла двумя путями: интеллектуальным кругам младосимволизма (Вяч. Иванову, Эллису (Л. Кобылинскому), раннему М. Волошину, А. Блоку) был более близок образ Франциска-мистика, боговидца и чудотворца, превратившего тернии в благоухающие розы и удостоенного стигматов – знаков искупительной жертвы Христа [Архимандрит Августин (Никитин), 2014, с. 237–238]. С другой стороны, в лирике Д. Мережковского (поэма «Франциск Ассизский. Легенда», 1891), К. Бальмонта (стихотворение «Люблю в тебе, что ты, согрев Франциска…») и М. Кузмина («Ассизи», 1920; «Поездка в Ассизи», 1921), а также в творческом сознании Л. Толстого и М. Горького наибольшее значение имеет образ Франциска-бедняка, проповедника равенства и наивно-детской, незамутненной рефлексией братской любви ко всему земному: Солнцу, растениям и животным.

По мнению исследователей, Франциск Ассизский в истории философской мысли представляет собой образец «простеца», мудрость которого заключается в непредвзятом, незамутненном умозрительными построениями и проекциями взгляде ни мир [Исупов, 2006, с. 61]. Глубинная близость подобного склада ума исконно русскому национальному сознанию была отмечена еще в очерках П. П. Муратова: «Poverello d'Assisi был одним из тех простецов, которые так хорошо известны нам, русским, ибо под их неумолчный призыв прошла вся наша история – от новгородских блаженных и московских юродивых до добровольных изгнанников наших дней. В своем отрицании всякой книжности и учености, всякого мудрствования и даже всякого предания ассизский святой любил называть себя смиренным именем нищего духом.

„Sono idiota", – говорил он (курсив автора статьи)» [Муратов, 2019, с. 491]. Слова о «добровольных изгнанниках наших дней» можно считать прозрачным намеком на судьбу Александра Добролюбова (1876–1945), одного из первых и скандально известных поэтов-декадентов, порвавшего с городской культурой и жизнью людей своего класса.

Традиция францисканства в судьбе и творчестве А. Добролюбова

Для Добролюбова житие итальянского подвижника было значимо в свете перекличек с собственной судьбой как пример нравственного перерождения и обретения веры: в 1898 г. поэт отрекся от заблуждений бурной молодости (атеизм, опиум, культ смерти, дерзкие и провокационные стихи), порвал со своим социальным окружением, раздал все имущество друзьям и искал в опрощении и паломничествах по святым местам утешения и искупления грехов: «Из идущего во всем до конца крайнего декадента Добролюбов превратился в своего рода религиозного подвижника, странствующего по России в поисках самой последней, самой святой истины» [Кобринский, 1997, с. 191–229]. Напомним, что Франциск из Ассизи знаменит своей проповедью аскетизма, альтруизма и крайним самоотречением. Он также ушел из своей семьи, принадлежавшей к классу богатых купцов по отцу и дворян по матери, раскаялся в прежней беспутной жизни и отказался от наследства и имущества ради бескорыстного служения Богу [Задворный, 1995, с. 8–9]. Строки из поэмы Д. Мережковского «Франциск Ассизский. Легенда» (1891): «Жить и умереть наедине // с Господом лицом к лицу в пустыне» [Мережковский, 2000. с. 257], как нельзя лучше выражают одно из самых заветных желаний Добролюбова, прозвучавшее и ряде его произведений, например, в стихотворении в прозе «В уединении я отдалился от людей…». Хотя можно говорить и о противоположной тенденции: останавливаясь в той или иной деревне Добролюбов не сторонился людей, а, подобно итальянскому монаху, начинал проповедовать, собирая вокруг себя последователей.

Странствия Добролюбова по дорогам России на время вылились в создание секты «добролюбовцев» в Поволжье, а потом продолжились, пока уже в зрелые годы он не обосновался в Азербайджане [Иванова, 1997]. В первые годы после «ухода» поэт периодически появлялся в Санкт-Петербурге и Москве, останавливаясь у родственников и знакомых, а сведения о его жизни и взглядах доходили до литературных кругов.

Наибольший объем исследовательской и научно-популярной литературы о святом Франциске пришелся в России на 1900-е–1910-е гг. [архимандрит Августин (Никитин), 2015]. Но для возникновения францисканских мотивов в творчестве Добролюбова актуальны были более ранние труды, изданные до его ухода «в народ»: сочинение М. Соловьева «Франциск Ассизский», монография французского писателя-историка Поля Сабатье «Жизнь Франциска Ассизского», биография святого, написанная Э. К. Пименовой [Соловьев; Сабатье; Пименова], а также брошюра Е. Свешниковой, неоднократно выходившая в издательстве «Посредник» [Свешникова, 1987]. Именно ее, скорее всего, имеет в виде Добролюбов в письме к Брюсову, обращаясь к нему с просьбой выслать денег и духовную литературу: «Во имя блага народного вышлите для меня гражданскую Библию, сборник древних христианских апологетов, собрание сочинений „мужей апостольских", „ученье двенадцати апостолов" кажется К. Попова иль иное – только б был перевод рукописи. <…> Пр. Вышлите еще непременно дешевые изданья Посредника – жизнь древних христиан, Франциск Ассизский, Иван Гусь (несколько книг каждой) (курсив автора статьи)» [Grosmann, pp. XXIII].

Восприятие русского богоискателя через призму мифа об итальянском святом было, скорее всего, общим местом в интеллектуальных кругах начала XX в. Д. Мережковский в 1907 г. в статье «Религия и революция», напечатанной сначала в «Русской мысли» (№ 3, 1907) и в том же году изданной в Париже в составе сборника «Царь и революция» так описал свою встречу с Добролюбовым в Петербурге: «В самом деле, за пять веков христианства, кто третий между этими двумя – святым Франциском Ассизским и Александром Добролюбовым? Один прославлен, другой неизвестен, но какое различие перед Богом?» [Мережковский, 1999, с. 183]. Андрей Белый упоминает его имя в одном ряду с другими знаменитыми русскими писателями, прошедшими через влияние францисканства, Л. Толстым и А. Блоком [Белый, 1997, с. 268]. А. Кобринский, опираясь на мемуары Г. Иванова, Вл. Гиппиуса и др., полагает, что виртуальное присутствие поэта-отступника в литературной жизни Петербурга постоянно ощущалось современниками, а его «уход» воспринимался как искупление общих грехов всей интеллигенции перед народом [Кобринский, 2005, с. 452–453].

В современном литературоведении влияние Франциска Ассизского на жизненный выбор Добролюбова является фактом признанным, но все еще не исследованным в полной мере. К. Г. Исупов называет Добролюбова в числе русских францисканцев [Исупов, 2006, с. 60–88]. Создателем «линии русского францисканства» и «первым настоящим францисканцем в России» называет Добролюбова А. Кобринский, возводя к мотивам единства с природой ряда его произведений некоторые стихотворения В. Хлебникова, С. Есенина, Н. Заболоцкого [Кобринский, 2005, с. 450–451]. Ссылаясь на Мережковского, проводит параллель между Франциском и Добролюбовым Джоан Гроссман (J.D. Grossman), отмечая при этом также важность жизни поэта с крестьянами Олонецкой губернии на возникновение у него мотивов почитания всего живого [Grossman, p. XV–XVI].

Осмыслению присутствия отличительно францисканских мотивов в сборнике Добролюбова «Из книги невидимой» (1905) посвящена статья Н. Ф. Федотовой. Исследовательница отметила в качестве их общих мировоззренческих постулатов: отрицание имущества, денег, книжного знания, уход от цивилизованного мира, культ нищенства, интеллектуальное опрощение с целью приближения к народу и его мудрости, почитание Бога во всех его творениях, наивно-радостное принятие Божьего мира. На художественном уровне эта общность проявляется в обращении к жанру проповеди, а также в проповеднических мотивах и словесных оборотах, например, «братья», «братцы», которыми пронизаны произведения Добролюбова [Федотова, 2014, с. 197–201].

Но нельзя согласится с утверждением Н. Ф. Федотовой, что стихотворения сборника «Из книги невидимой» представляют собой «слабые с художественной точки тексты» [Федотова, 2014, с. 198, 200]. «Примитивизм» текстов писателя – результат тщательно продуманного и сконструированного эффекта псевдонародной речи. При этом произведения сборника разнообразны по строфике и ритмике (ритмизованная проза, белый стих, тонический стих, дольник, верлибр), по тематике, жанрам и стилистике (псалмы, гимны, песни, молитвы, лирические исповеди, дружеские послания и воззвания, стихотворения в прозе, очерки, проповеди), весьма искусны в употреблении повторов, анафор, фразеологизмов и риторических конструкций, библеизмов и фольклорных формул. Не считал эти тексты слабыми и такой придирчивый критик как В. Брюсов, композиционно выстроивший, отредактировавший и издавший сам сборник.

В данной статье мы бы хотели подробнее рассмотреть несколько самых характерных «францисканских» лейтмотивов в творчестве Добролюбова, наиболее ярко представленных в произведениях его последнего литературного сборника «Из книги невидимой» (1905) и проследить их взаимосвязь с русской традицией странничества. И первый из них – это мотив обретения общего языка и особой душевной близости с природным миром (животными, растениями, стихиями). Поэт пишет стихотворения с характерными названиями «Прощайте, птички, прощайте, травки…», «О союзе со зверями» и «Примирение с землей и зверями». Процитируем последнее:

Мир и мир горам, мир и мир лесам,
Всякой твари ***мир*** объявляю я.
И идут уже *зайцы робкие*,
Песня им люба, вразумительная.
Загорелись огнем *все былиночки*,
Струи чистыя в родниках подымаются,
За рекой песня чистая разглашается… <…>
Песню *братскую* принимаю я...
Вот у ног моих *козы горныя*,
Лижут руки мои *лоси глупыя*...
Ай вы *звери мои*, вы свободные!
Путь у каждого неизведанный,
Вы идите своим ли одним путем,
Только мирную человечью речь принимайте!
Вот, *медведи*, вам мирный заговор:
Вы не трогайте жеребеночка,
Пощадите крестьянскую животинушку...
Ай вы *змеи ползучие* подколодные!
Вы не жальте нас на родных полях,
Недосуг болеть да крестьянствовать в пашню жаркую.
Все *примите* ***мир*** – слово крепкое:
Чтоб отныне ли даже до веку,
С нами праздновать воскресение!
[Добролюбов, 1983, с. 51]

В приведенном тексте поэт создает развернутую поэтическую иллюстрацию к евангельскому изречению о смысле евангельской проповеди: «…Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк., 16:15). Концепт *мир* становится ключевым смыслообразующим узлом всего текста и выступает в двух значениях: *мир* как согласие и *мир* как Вселенная, созданная Богом-творцом. Не только сам человек стремится к дружбе с меньшими братьями, но и старается

при*мир*ить их между собой, искоренив даже такие исконные «правила» как вражда хищников и травоядных (медведя и жеребеночка). В подобном стремлении можно увидеть отголосок знаменитого эпизода об усмирении святым Франциском ужасного и кровожадного волка из Губбио, который истреблял крестьянский скот. А после того, как Франциск поговорил с ним, он перестал разбойничать и ел все, чем его подкармливали местные жители.

Добролюбов разрабатывает целую систему способов умаления фигуры автора как в процитированном произведении, так и в других текстах: мотивы безвестности, крайней бедности, безымянности, отсутствия социального статуса, отрицание интеллектуального преимущества. Своеобразное «опрощение» проявляется и в подборе лексем (слова общеупотребительные, отсутствие книжной, ультрасовременной лексики, наличие ласкательно-уменьшительных форм, характерных и для русского фольклора), в простых, коротких синтаксических конструкциях, лаконичных суждениях. Отметим, что Добролюбов, передавая свои тексты Брюсову, подобно древнерусским книжникам считал свои произведения внушенными Богом и даже хотел публиковаться анонимно. Однако, наряду с этим в сборнике поэта присутствует и другая тенденция – притязание на амбициозную роль нового пророка и провидца, лицезревшего самого Господа, воплощенная ярче всего в стихотворении «Пророчество».

У мотива союза со зверями были и другие источники. Это и русская фольклорно-сказочная традиция, согласно которой герой, заколдованный или наделенный провидением, способен понимать язык зверей и птиц; и сказания о юродивых и «людях божиих», живших со зверями и находивших у них защиту и понимание. Однако западноевропейский сюжет проповеди Бога земным тварям, воплощенный ярче всего в народных легендах о святом Франциске (анонимный сборник «Цветочки Франциска Ассизского», XIV в.) и ставший даже атрибутом его иконографии (на ряде средневековых миниатюр Франциск окружен зверями и птицами), представляется самым значимым первоисточником. В «Цветочках» о ласковом и сострадательном общении святого с животными говорится в нескольких легендах. Святой монах обретает дар слова и проповедует птицам, спасает и приручает диких голубей (горлиц), пойманных для продажи, отпускает зайчонка, попавшегося в капкан, выкупает ягненка, которого уже ведут на бойню, подкармливает зимой пчел медом и вином, выпускает в реку большую пойманную рыбу, принесенную ему в дар, и даже убирает с дороги дождевых червей, чтобы путники не раздавили их [Цветочки, 1913]. «Бесконечная любовь ко всему, созданному Богом, охватывает и воспламеняет все существо св. Франциска. Она же, как увидим, становится формой его исповедания Бога. <…> В природе и ее тварях Франциск видел дорогой ему образ полной бедности, совершенного предания себя в руки Божии, бесконечного смирения. <…> У него было почитание природы, благоговейный страх перед ней», – пишет С. Н. Дурылин [Дурылин, 1913, с. XXII–XXIV], и мы видим стремление русского поэта передать эту светлую, радостную любовь и почитание Божественного мироздания.

Одним из самых «францисканских» по духу текстов сборника «Из книги невидимой» также является «Восхваление нищего жития. Слово странника о нищете духовной и телесной». Основной посыл добролюбовской проповеди заключается в следующем: жить следует сегодняшним днем, забота о пропитании, в том числе работа, достойна только ради еды на один день (поработал – поел), а думать о дне завтрашнем, делать запасы, копить имущество является грехом. Для обоснования своей концепции Добролюбов вслед за Франциском Ассизским буквально трактует знаменитые слова Христа: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф., 5:3). Богоугодны только настоящие нищие, те, кто нищ и телом, и духом: «Ворота твои – настежь открыты они. Ты, как и я, как и Он – нищий странник земли. *Блаженны нищие и духом и телом, потому что Он – все во всем*. Я это хочу объяснить вам, братья, что на нашем пути странников необходима и эта и та нищета – и духовная и телесная (курсив автора статьи)» [Добролюбов, 1983, с. 82]. По легенде молодому Франциску истинный смысл веры и бедности, как совершенной формы любви к Богу, открылся, когда он увидел нищих на ступенях собора святого Петра в Риме, поменялся с одним из них одеждой и провел с ними целый день, прося милостыню Христа ради [Яковелли, 2003, с. 25]. В отрицании Добролюбовым заботы о дне завтрашнем можно увидеть также своеобразное преломление учения Франциска о бедности на примере жаворонка, живущего одним днем, к которому святой обращается для пояснения своих взглядов: «У всей природы, как у брата жаворонка, нет завтрашнего дня, нет двух одежд, нет ничего, к чему бы шло название: „мое” – она вся нища,

как Христос, и потому она в вечной любви к нему и потому Он – с нею» [Дурылин, 1913, с. XXIII].

Стихотворение в прозе «В уединение я отдалился от людей» и идущее вслед за ним стихотворение-гимн «На пути из Нижнего в Балахну» можно назвать вариациями «Гимна солнцу» (*Canto del sole*) – самого известного стихотворного произведения Франциска, хвалы Господу в форме прославления его творений. Процитируем стихотворение Добролюбова «На пути из Нижнего в Балахну», также воспевающее весь Божий мир: Солнце, звезды, зверей, растения…

Горы, холмы земли – братцы, сестрицы мои,
Даже *камни дорог* – други верны мои,
Неба своды, лучи – как отцы мои.
Звери дикие – братцы милые,
Реки тихие – обрученные мне, навсегда мои.
А и мир вам, *сестры звездочки*,
Звезды ясные – вы цветы небес,
Все *цветы полей* в венцах царских,
Лучи солнечные – гонцы радостные,
Камни мирные придорожные молчаливые,
Я пред вами, пред всеми лицом ниц до земли простираюсь,
От вас всех озаряюсь..
И былиночка-сиротиночка, *ты родимая!*
[Добролюбов, с. 96]

По мнению С. Л. Франка: «На высочайшей ступени духовного развития – как, например, в религиозной жизни такого гения, как Франциск Ассизский – не только волки, птицы и рыбы, но даже солнце, ветер, даже смерть и собственное тело становятся „братьями" и „сестрами", переживаются как некие „ты"» [Франк, с. 360]. Процитированный текст Добролюбова позволяет отнести это высказывание русского религиозного философа и к его мировоззрению: «*сестры*-звездочки», «*братцы* милые», «И былиночка-сиротиночка, *ты* родимая!».

К особенностям модернисткой рецепции мифа об основателе францисканства в творчестве Добролюбова можно отнести повышенный интерес к его хождениям-путешествиям и проповеднической деятельности. Блаженный из Ассизи и его последователи стали одними из первых известных странствующих проповедников в средневековой Европе со времен учеников Христа с момента официального утверждения в Риме в 1209 г. устава их нищенствующего ордена. В лице Франциска монашество изменило свое предназначение – отшельничество сменилось странствием с именем Бога на устах: «Франциск призвал к универсальному, всемирному апольстольству, – и монахи вышли за стены монастырей, чтобы нести людям слово Божие» [Задворный, 1995, с. 12]. Добролюбов также отринул монастырскую жизнь, предпочитая проповедовать слово Божие в миру.

Традиция странничества в творчестве А. Добролюбова

Жизнетворческая и литературная стратегия Добролюбова вписывается также в уникальное культурно-историческое явление *русского странничества* и представляет собой интересный индивидуально-авторский извод этого феномена. Однако, имя Добролюбова как правило не упоминается исследователями (Д. Д. Дорофеев, А. Ю. Ильина, Н. В. Федорова, С. Н. Алехина, Е. В. Фаленкова, Е. А. Трофимова и др.) в контексте истории странничества в России конца XIX – нач. XX в. Связано это, вероятно, с привычным восприятием поэта только в качестве декадента и раннего русского символиста.

Именно в эпоху Серебряного века странничество, возникшее на Руси практически сразу после принятия христианства и связанное как с «народным православием», так и с историей церковного раскола (бегунство и старообрядчество), получает метафизическое осмысление. Оно начинает восприниматься как особая форма познания себя, Бога и духовного роста, иной способ бытия, позволяющий выйти за рамки обыденных и традиционных форм существования, *отстраниться*, и взглянуть на все (отношения людей, науку, искусство и т. д.) со стороны, то есть непредвзято [Федорова, 2019; Дорофеев, 2010]. По мнению Е. А. Трофимовой, странничество становится гранью «особого неоромантического порыва ведущих мастеров национальной культуры: глубже осмыслить собственные истоки и достижения для постановки задач обновления и улучшения мира. <…> В художественных практиках Серебряного века образ-концепт „странника" начинает символизировать путь индивидуальных духовно-нравственных исканий человека и обретения Высшего начала: странник, – это не только богомолец или религиозный подвижник, но и человек, готовый к внутренним трансформациям и поискам личного пути» [Трофимова, 2014, с. 234].

О странничестве в начале XX в. размышляют многие: Л. Толстой, Б. Зайцев, И. Шмелев, В. Розанов, Н. Бердяев, М. Нестеров, Н. Рерих и др. Н. Бердяев полагал, что тип странника особенно характерен для русского национального характера

и свойственен, в том числе, части интеллигенции. Он олицетворяет представление об абсолютной свободе и духовной возвышенности: «Странник – свободен от „мира" и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника» [Бердяев, 1990, с. 12–13]. В мировоззренческой парадигме Добролюбова странствие обретает высшую ценность и становится жизненным предназначением. По сути, весь сборник «Из книги невидимой» – это рассказ о странствии: реальном и метафизическом. Отдельно теме «хождения» посвящен цикл произведений «Пыль дорог», состоящий из прозаических отрывков, размышлений, воспоминаний и притч. Автор раскрывает образ странствующего проповедника и излагает его взгляды о господстве духа над плотью, а мира невидимого, духовного, над миром видимым.

Помимо реальных социальных примеров нищих странников следует назвать один, как нам кажется, актуальный для Добролюбова литературный источник, способствовавший возникновению в его судьбе и творчестве феномена странничества. Это популярный в конце XIX – нач. XX в. сборник религиозных рассказов анонимного автора «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», созданный, предположительно, в России в середине XIX в. и издававшийся сначала в Казани в 1881, 1883, 1884 гг., а затем в дополненном виде напечатанный в Сергиевом-Посаде в 1911 г. под названием «Из рассказов странника о благодатном действии молитвы Иисусовой».

Это произведение формирует представление о странничестве как об особом духовном подвиге, способе самосовершенствования и обретения внутренней молитвы. В. А. Котельников сравнивал влияние «Откровенных рассказов странника» со знаменитым «Путешествием пилигрима» английского писателя-проповедника Дж. Баньяна: «Наверное, многих русских странников она (книга – Е. К.) подвигнула искать познание Бога и духовную радость в Иисусовой молитве, возбудила эсхатологическую встревоженность и жажду спасения – как в XVII в. действовала на христиан книга Джона Беньяна» [Котельников, 1994, с. 26]. Но самое интересное, английское и русское произведения оказываются действительно взаимосвязаны на уровне парадигмы сюжета (узнаваемых фабульных узлов, набора образов и мотивов): «Путешествие пилигрима» оказало влияние на возникновение «Откровенных рассказов странника» [Ипатова, 2002].

Русский литературный источник важен для выбора Добролюбовым пути странничества, а также для поэтики и содержания сборника «Из книги невидимой», не менее, чем житие и учение Франциска Ассизского. При этом оба источника как бы дополняют друг друга, имеют общие мотивы (проповедь сердечной и умственной простоты, нищенского жития, любви ко всем земным тварям), что уже было отмечено исследователями. Архимандрит Киприан в предисловии к новому изданию «Откровенных рассказов» в 1948 г. следующим образом обобщенно описал содержание этого произведения: «Это – путь странника по бесконечным дорогам, большакам и проселкам Св. Руси; одного из представителей той „во Христе бродячей" России, которую мы так хорошо знали тогда, давно, давно…, – России, которой теперь нет и которой, вероятно, никогда больше и не будет. Это те, кто от преп. Сергия шли в Саров и на Валаам, в Оптину и к киевским угодникам; заходили и к Тихону и Митрофанию, бывали и в Иркутске у святителя Иннокентия, доходили и до Афона и до Св. Земли. Они, „не имея пребывающего града, искали грядущего". Это те, кого манила даль и беспечная легкость бездомного жития. Оставив свой дом, они находили его в иноческих обителях. Сладости семейного уюта они предпочли назидательную беседу старцев и схимников. <…> Они кажутся нам теперь гораздо более близкими к *Бедняку из Ассизи*… (курсив мой – Е. К.)» [Архимандрит Киприан, с. 8].

«Откровенные рассказы» повествуют о жизненном пути безымянного крестьянина-калеки, потерявшего жену и свой дом, и от тоски отправившегося скитаться. Вскоре он узнает о существовании *непрестанной молитвы* Богу, но долго не может найти ответ, что это такое и как ее творить. Наконец, на одной из дорог он встречает старца-монаха, который открывает ему смысл непрестанной молитвы, заключающийся в повторении одной фразы «*Господи, Иисусе Христе, помилуй мя*». Сначала повторять эту молитву надо шепотом, а потом уже мысленно как бы в самом сердце. Старец также знакомит странника с книгой духовных поучений святых отцов о непрестанной молитве, которая называется «Добротолюбие». Вскоре старец умирает, но продолжает являться своему духовному сыну во снах и наставлять его в изучении непрестанной молитвы. А странник покупает «Добротолюбие», читает его и учит других людей этой духовной практике. В четырех рассказах, составивших первоначальную основу сборника, повествуется о его путешествии

в Сибирь до городов Тобольск и Иркутск, о встречах с разбойниками, мещанами, другими странниками и людьми самых разных сословий, заблудшими или уже пришедшими к Богу, а также о начале его паломничества в Иерусалим.

Перекличка названия книги «Добротолюбие» и фамилии Добролюбов может быть косвенным свидетельством того, что русский поэт не остался равнодушен к этому литературному произведению, и, возможно, весь сборник «Из книги невидимой» – это попытка написать собственное «Добротолюбие»: книгу-наставление, руководство по осуществлению духовного поиска. Исповедальческие мотивы позволяют прочесть весь сборник как единый «Откровенный рассказ странника». На знакомство поэта с «Добротолюбием» указывает также образ лестницы, встречающийся в ряде его произведений, означающий ступени духовного восхождения и берущий свое начало в учении святого Иоанна Лествичника, сочинения которого вошли в состав «Добротолюбия». Например: «Тот кто достигнет последней ступени на *лестнице вечности*, тот увидит и все времена земли, тот оглянувшись увидит и все дороги свои, начиная от первых жизней своих» [Добролюбов, с. 172].

В истории личностного переворота, пережитого поэтом, прослеживаются как черты францисканства (особая роль птиц в религиозном прозрении и совершенствовании), так и, возможно, влияние учение о непрестанной молитве Иисусовой. По воспоминаниям Вл. Гиппиуса после своего перерождения поэт постоянно молился, а на путь истинный его наставили птицы: «Он почти все время молился, и вслух, громко, и шепотом, и про себя. Когда я его спросил, с кем он говорит, – он сказал: „с силами”... На мои расспросы, как все случилось? – он мне рассказал коротко и страшно волнуясь, что его „научили чайки”; когда он был на охоте и стал целиться, они низко пронеслись над его головой и кричали жалобы, и он понял, что он был всю жизнь жесток. Потом он все повторял, что он „нечистый сосуд” и что он должен очиститься» [Гиппиус, с. 263]. Подобно автору-повествователю из «Откровенных рассказов» Добролюбов ходил в Сибирь, частенько нанимался батраком к мужикам, читал приютившим его крестьянам духовные книги и Евангелие, которое всегда носил с собой, а также помимо молитвы проповедовал практику молчания, о чем свидетельствуют воспоминания Мережковского [Мережковский 1999, с. 182].

В «Откровенных рассказах» странник открывает для себя самого и для всех людей, что главная молитва заключается в самом сладостном имени Бога – Иисус Христос: «Иногда ощущал внутри себя величайшую радость от призывания имени Иисуса Христа, и познавал, что значит сказанное им: *царствие Божие внутрь вас есть* [Лук. 1 и 7, 21] (курсив автора статьи)» [«Откровенные рассказы…», с. 52]. Отголосок этого имясловия можно увидеть в заключительных строках «Воскресной песни» Добролюбова: «<…> Блаженны молящиеся друг за друга, ибо Сам Бог молится / О всех и за все. /

Имя Его – Молитва Бесконечная и Благословенье» [Добролюбов, с. 14]. А прозаический исповедальный отрывок «Господи, услышь меня…» содержит фразу, выделенную в отдельную строку, которая напоминает вариацию Иисусовой молитвы: «Господи, прости, прости меня» [Добролюбов, 107].

Прозаический очерк или стихотворение в прозе «По дорогам» создает идеализированный образ божьего человека, чье странничество представляется как самая высоконравственная жизненная стратегия, лишенная ложных обольщений и суетных прельщений. Хождение по земле в любое время года становится содержанием всей жизни человека, оно не имеет конечной цели или направления, но обретает высший смысл как искупительное моление за всех, живущих под небом, и заканчивается со смертью, которая настигает путника на большой дороге: «Странник в желтеньком полушубке идет по дороге. Широкая столбовая дорога легла как стрела, оперенная двумя рощами. <…> Никто в тот час, даже дорожный товарищ не заметил бы, не узнал, что деется в душе странника. Но в глазах его тихие *слезы молитвы о всех и за все*, за погибающих в бурной степи, за плавающих, за всех трудящихся, за младенцев и за разбойников, за всякую травку, за скот – милый крестьянский живот, за поля и за лютых зверей, за свободную птицу, за всякую песчинку земную, за небо и землю, за долины и горы, за всех богатых и нищих земли. <…> Так идет он всю жизнь и на дороге заболевает и умирает (курсив автора статьи)» [Добролюбов, 1983, с. 78]. Приведем для сравнения отрывок из «Откровенных рассказов», повествующий о силе молитвы, вызывающей любовь ко всему земному: «…*Молитва сердца* столько меня услаждала, что я не полагал, есть ли кто счастливее меня на земле, и недоумевал, какое может быть большее и лучшее наслаждение в царствии небесном. Не

токмо чувствовал сие внутрь души моей, но все и наружное представлялось мне в восхитительном виде, и *все влекло к любви и благодарению Бога*; люди, дерева, растения, животные, все было мне как родное, на всем я находил изображение имени Иисуса Христа. Иногда чувствовал такую легкость, как бы не имел тела, и не шел, а как бы отрадно плыл по воздуху…(курсив автора статьи)» [«Откровенные рассказы…», с. 107]. Разрушая привычную иерархию, в которой человек признается вершиной и царем природы, Добролюбов вслед за анонимным автором «Откровенных рассказов» добивается впечатления идеальной вписанности одинокого странника в божественное мироздание, абсолютной уравненности его со всеми другими природными формами бытия, о благоденствии которых он непрестанно молит Создателя.

Содержательные переклички между «Откровенными рассказами» и сборником «Из книги невидимой» можно обнаружить в ряде бытовых зарисовок Добролюбова, повествующих о его дорожных встречах, работах на покосе, на сборе грибов, каждая из которых имеет божественное толкование, а также в рассказах о чудесах и знамениях. Сюжетные совпадения между двумя произведениями можно увидеть в эпизоде о плотском искушении, которое явилось автору-повествователю в образе молодой женщины, предлагавшей ему свою любовь (отрывок «Братья, он указал мне на тысячи плотских заблуждений…»). Как и безымянный странник, которого пыталась соблазнить трактирная кухарка, автор смог побороть это наваждение и остаться чистым.

Если «Откровенные рассказы» представляют собой последовательное изложение жизненного пути одинокого странника и обретение им способа непрестанной молитвы, дарующей утешение и сладостную любовь к Богу, то мозаичное полотно сборника Добролюбова намного сложнее и масштабнее по своей устремленности к постижению мира невидимого, пророческим и проповедническим амбициям. Образ «Вечного Странника», который примеряет на себя поэт-богоискатель, приближает его к Христу: «Одежды Жениха блистают на Тебе, Вечный Странник» [Добролюбов, с. 177].

Выводы

Странничество Добролюбова воплощает в себе практически все основные аспекты этого сложного явления: возврат к национальным корням (интеллектуальное и бытовое «опрощение» с целью постижения народной мудрости); личная духовная и религиозная трансформация; «уход» как обретение иной, критической, точки зрения на современную цивилизацию (например, очерк-отповедь «Письмо в редакцию „Весов”. Против искусства и науки, последнее слово бывшим единомышленникам», напечатанный в составе сборника «Из книги невидимой»); реализация неоромантической мечты об абсолютной свободе.

Если применительно к творческому мировоззрению и жизненному пути Ф. Достоевского, Н. Лескова, Л. Толстого, Б. Зайцева и И. Шмелева можно говорить метафорически о «духовном странничестве» (непрестанной внутренней работе по поиску высшей правды, Бога, спасению души), то Добролюбов стал единственным известным представителем русской интеллигенции, который пошел до конца и много лет вел бездомный скитальческий образ жизни (за хождения без паспорта его даже посадили на год в тюрьму). Еще до революции в литературно-философских кругах русской интеллигенции сложился добролюбовский миф, который «представляет собой литературный извод мифа о *святом страннике*, само существование которого служит упреком людям, живущим одновременно с ним, но – мимолетной, пустой, суетной жизнью. Иногда его путь пересекается с цивилизацией – но только затем, чтобы еще раз указать на искусственный характер этой цивилизации (курсив атвора статьи)» [Кобринский, 2005, с. 454–455].

Таким образом, в творчестве русского поэта рубежа XIX–XX в. мы наблюдаем своеобразное скрещение образа итальянского подвижника-проповедника с типом русского богоискателя, характерным для нашей истории и культуры. Добролюбов создает на страницах сборника «Из книги невидимой» *современную вариацию образа «простеца» и божьего человека,* наделенного даром пророчества и общения с природой. Его опыт перекидывал мост между духовным томлением интеллектуальной элиты и религиозной жизнью простого народа. Характерные для францисканского учения мотивы и образы (нищенство, странствие, проповедничество, примирение с растениями и животными) увязываются Добролюбовым с русским фольклором и традициями народного низового православия и «хождения», отраженными, в том числе, в сборнике «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу».

Библиографический список

1. Архимандрит Августин (Никитин). Святой Франциск Ассизский и русские символисты // Нева. Санкт-Петербург, 2014. № 11. С. 227–245.

2. Архимандрит Августин (Никитин). Францисканские штудии. Житие святого Франциска в изложении российских авторов // Нева. Санкт-Петербург, 2015. № 6. С. 243–254.

3. Архимандрит Августин (Никитин). Францисканские мотивы в русской поэзии // Нева. Санкт-Петербург, 2016. № 1. С. 242–254.

4. Архимандрит Киприан. Предисловие к новому изданию // Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Париж : YNCA Press, 1948. С. 5–11.

5. Белый А. Андрей Белый о Блоке: воспоминания, статьи, дневники, речи. Москва : Автограф, 1997. 606 с.

6. Бердяев Н. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. Москва : Мысль, 1990. 205 с.

7. Венгерова З. А. Литературные характеристики: в 3 т. Санкт-Петербург, 1897, 1907.

8. Ветлугина А. Франциск Ассизский. Москва : Молодая гвардия, 2018. 281 с.

9. Герье В. И. Франциск Ассизский, апостол нищеты и любви. Москва : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1908. 346 с.

10. Гиппиус Вл. Александр Добролюбов // Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. С. А. Венгерова: в 2 кн. Кн. 1. Москва : XXI век–Согласие, 2000. С. 259–272.

11. Добролюбов А. Сочинения. Из книги невидимой. Berkeley : Berkeley Slavic Specialties, 1983. 239 с.

12. Дорофеев Д. Б. Феномен странничества в западноевропейской и русской культуре // Вестник культурологии. 2010. С. № 1. С. 63–87.

13. Дурылин С. Н. [Вступительная статья] // Цветочки святого Франциска Ассизского. Москва : Мусагет, 1913. С. XXII–XXIV.

14. Задворный В. Л. Святой Франциск и история Францисканского ордена // Св. Франциск Ассизский. Сочинения. Москва : Издательство францисканцев – братьев меньших конвентуальных, 1995. С. 7–49.

15. Иванова Е. В. Александр Добролюбов – загадка своего времени. Статья первая // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 191–229.

16. Ипатова С. А. «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу»: парадигмы сюжета // Христианство и русская литература. 2002. Том. 4. С. 300–335.

17. Исупов К. Г. Франциск из Ассизи в памяти русской литературно-философской культуры // Вопросы литературы. № 6, 2006. С. 60–88.

18. Кобринский А. «Жил на свете рыцарь бедный..» (Александр Добролюбов: слово и молчание) // Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы. Санкт-Петербург : Академический проект, 2005. С. 429–474.

19. Котельников В. А. Православная аскетика и русская литература: (На пути к Оптиной). Санкт-Петербург : Призма-15, 1994. 208 с.

20. Медведев А. А. Святой Франциск Ассизский в творчестве Д. Мережковского и русская «францискиана» (Достоевский, Розанов, Дурылин) // Toronto Slavic Quarterly. 2016. № 57. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/57/Medvedev57.pdf (дата обращения: 01. 03. 2021).

21. Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. 926 с.

22. Мережковский Д. С. Религия и революция // Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. Москва : ОГИ, 1999. С. 129–194.

23. Москвичев В. Н. Образ и идеи Франциска Ассизского в художественном сознании писателей Серебряного века (Д. С. Мережковский, С. М. Соловьев и др.) // Вестник МГОУ. Серия: русская филология. 2010. № 1. С. 200–203.

24. Муратов П. П. Образы Италии. Санкт-Петербург : Азбука, 2019. 768 с.

25. Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Париж : YNCA Press, 1948. 295 с.

26. Пименова Э. К. Франциск Ассизский. Его жизнь и общественная деятельность. Санкт-Петербург, 1896. 77 с.

27. Розанов В. В. Религиозный «эклектизм» и «синкретизм» (Из воспоминаний о Влад. С. Соловьеве) // Розанов В. В. Собрание сочинений: в 30 т., Т. XXI. Москва : Республика, 2011. С. 150–160.

28. Сабатье П. Жизнь Франциска Ассизского. Москва : Посредник, 1894. 354 с.

29. Самарина М. С. Франциск Ассизский и Россия // Самарина М. С. Франциск Ассизский и его наследие: от истоков к современности. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. С. 127–144.

30. Свешникова Е. П. Франциск Ассизский. Москва : Посредник, 1987. 32 с.

31. Соловьев М. Франциск Ассизский. Москва : Посредник, 1887. 173 с.

32. Трофимова Е. А. Образ странника в русской культуре Серебряного века. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-strannika-v-russkoy-kulture-serebryanogo-veka/viewer (дата обращения: 10.04.2020).

33. Фёдорова Н. В. Странничество: репрезентация неформального в русской культуре // Гуманитарные исследования. 2019. № 1(22). С. 42–46.

34. Федотова Н. Ф. Франциск Ассизский и Александр Добролюбов, или опрощенство как культурная традиция // Известия высших учебных заведений. Серия: гуманитарные науки. 2014. Т. 5. № 3. С. 197–201.

35. Франк С. Л. Непостижимое. Сочинения. Москва : Правда, 1990. 608 с.

36. Яковелли А. Святой Франциск Ассизский. Москва : Издательство францисканцев, 2003. 170 с.

37. Grossman J.D. Aleksandr Dobroljubov and the Invisible book // Добролюбов А. Сочинения. Из книги невидимой. Berkeley : Berkeley Slavic Specialties, 1983. pp. VII–XXV.

Reference list

1. Arhimandrit Avgustin (Nikitin). Svjatoj Francisk Assizskij i russkie simvolisty = Archimandrite Augustine (Nikitin). Saint Francis of Assisi and the Russian Symbolists // Neva. Sankt-Peterburg, 2014. № 11. S. 227–245.

2. Arhimandrit Avgustin (Nikitin). Franciskanskie shtudii. Zhitie svjatogo Franciska v izlozhenii rossijskih avtorov = Archimandrite Augustine (Nikitin). Franciscan studies. The life of St. Francis as narrated by Russian authors // Neva. Sankt-Peterburg, 2015. № 6. S. 243–254.

3. Arhimandrit Avgustin (Nikitin). Franciskanskie motivy v russkoj pojezii = Archimandrite Augustine (Nikitin). Franciscan motifs in Russian poetry // Neva. Sankt-Peterburg, 2016. № 1. S. 242–254.

4. Arhimandrit Kiprian. Predislovie k novomu izdaniju = Archimandrite Cyprian. Preface to the new edition // Otkrovennye rasskazy strannika duhovnomu svoemu otcu. Parizh : YNCA Press, 1948. S. 5–11.

5. Belyj A. Andrej Belyj o Bloke: vospominanija, stat'i, dnevniki, rechi = Andrei Bely about Blok: memories, articles, diaries, speeches. Moskva : Avtograf, 1997. 606 s.

6. Berdjaev N. Sud'ba Rossii: Opyty po psihologii vojny i nacional'nosti = The fate of Russia: lessons in psychology of war and nationality. Moskva : Mysl', 1990. 205 s.

7. Vengerova Z. A. Literaturnye harakteristiki: v 3 t. = Literary characteristics: in 3 vols. Sankt-Peterburg, 1897, 1907.

8. Vetlugina A. Francisk Assizskij = Francis of Assisi. Moskva : Molodaja gvardija, 2018. 281 s.

9. Ger'e V. I. Francisk Assizskij, apostol nishhety i ljubvi = Francis of Assisi, apostle of poverty and love. Moskva : T-vo «Pechatnja S. P. Jakovleva», 1908. 346 s.

10. Gippius Vl. Aleksandr Dobroljubov = Aleksandr Dobrolyubov // Russkaja literatura XX veka. 1890–1910 / pod red. S. A. Vengerova: v 2 kn. Kn. 1. Moskva : XXI vek–Soglasie, 2000. S. 259–272.

11. Dobroljubov A. Sochinenija. Iz knigi nevidimoj = Essays. From the book of the invisible. Berkeley : Berkeley Slavic Specialties, 1983. 239 s.

12. Dorofeev D. B. Fenomen strannichestva v zapadnoevropejskoj i russkoj kul'ture = The phenomenon of pilgrimage in western european and russian culture // Vestnik kul'turologii. 2010. S. № 1. S. 63–87.

13. Durylin S. N. [Vstupitel'naja stat'ja] = [Introductory article] // Cvetochki svjatogo Franciska Assizskogo. Moskva : Musaget, 1913. S. XXII–HHIV.

14. Zadvornyj V. L. Svjatoj Francisk i istorija Franciskanskogo ordena = Saint Francis and the history of the Franciscan Order // Sv. Francisk Assizskij. Sochinenija. Moskva : Izdatel'stvo franciskancev – brat'ev men'shih konventual'nyh, 1995. S. 7–49.

15. Ivanova E. V. Aleksandr Dobroljubov – zagadka svoego vremeni. Stat'ja pervaja = Aleksandr Dobrolyubov – an enigma of his time. Article one // Novoe literaturnoe obozrenie. 1997. № 27. S. 191–229.

16. Ipatova S. A. «Otkrovennye rasskazy strannika duhovnomu svoemu otcu»: paradigmy sjuzheta = «The wanderer's confessional stories to his spiritual father»: plot paradigms // Hristianstvo i russkaja literatura. 2002. Tom. 4. S. 300–335.

17. Isupov K. G. Francisk iz Assizi v pamjati russkoj literaturno-filosofskoj kul'tury = Francis of Assisi in the memory of russian literary and philosophical culture // Voprosy literatury. № 6, 2006. C. 60–88.

18. Kobrinskiĭ A. «Zhil na svete rycar' bednyj..» (Aleksandr Dobroljubov: slovo i molchanie) = «There lived a poor knight in the world...» (Aleksandr Dobrolyubov: word and silence) // Rannie simvolisty: N. Minskiĭ, A. Dobroljubov. Stihotvorenija i pojemy. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 2005. S. 429–474.

19. Kotel'nikov V. A. Pravoslavnaja asketika i russkaja literatura: (Na puti k Optinoj) = Orthodox asceticism and russian literature: (On the road to Optina). Sankt-Peterburg : Prizma-15, 1994. 208 s.

20. Medvedev A. A. Svjatoj Francisk Assizskij v tvorchestve D. Merezhkovskogo i russkaja «franciskiana» (Dostoevskij, Rozanov, Durylin) = St. Francis of Assisi in the works of D. Merezhkovsky and russian «Franciscanism» (Dostoevsky, Rozanov, Durylin) // Toronto Slavic Quarterly. 2016. № 57. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/57/Medvedev57.pdf (data obrashhenija: 01. 03. 2021).

21. Merezhkovskij D. S. Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 2000. 926 s.

22. Merezhkovskij D. S. Religija i revoljucija = Religion and revolution // Merezhkovskij D., Gippius Z., Filosofov D. Car' i revoljucija. Moskva : OGI, 1999. S. 129–194.

23. Moskvichev V. N. Obraz i idei Franciska Assizskogo v hudozhestvennom soznanii pisatelej Serebrjanogo veka (D.S. Merezhkovskij, S.M. Solov'ev i dr.) = The image and ideas of Francis of Assisi in the artistic consciousness of the Silver Age writers (D.S. Merezhkovsky, S.M. Solovyov, etc.) // Vestnik MGOU. Serija: russkaja filologija. 2010. № 1. S. 200–203.

24. Muratov P. P. Obrazy Italii = Images of Italy. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2019. 768 s.

25. Otkrovennye rasskazy strannika duhovnomu svoemu otcu = The wanderer's confessional stories to his spiritual father. Parizh : YNCA Press, 1948. 295 s.

26. Pimenova Je. K. Francisk Assizskij. Ego zhizn' i obshhestvennaja dejatel'nost' = Francis of Assisi. His life and public activity. Sankt-Peterburg, 1896. 77 s.

27. Rozanov V. V. Religioznyj «jeklektizm» i «sinkretizm» (Iz vospominanij o Vlad. S. Solov'eve) = Religious «eclecticism» and «syncretism» (From memories about Vlad. S. Solovyov) // Rozanov V.V. Sobranie sochinenij: v 30 t., T. XXI. Moskva : Respublika, 2011. S. 150–160.

28. Sabat'e P. Zhizn' Franciska Assizskogo = Life of Francis of Assisi. Moskva : Posrednik, 1894. 354 s.

29. Samarina M. S. Francisk Assizskij i Rossija = Francis of Assisi and Russia // Samarina M.S. Francisk Assizskij i ego nasledie: ot istokov k sovremennosti. Sankt-Peterburg : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2008. S. 127–144.

30. Sveshnikova E. P. Francisk Assizskij = Francis of Assisi. Moskva : Posrednik, 1987. 32 s.

31. Solov'ev M. Francisk Assizskij = Francis of Assisi. Moskva : Posrednik, 1887. 173 s.

32. Trofimova E. A. Obraz strannika v russkoj kul'ture Serebrjanogo veka = The image of the pilgrim in the russian culture of the Silver Age. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-strannika-v-russkoy-kulture-serebryanogo-= veka/viewer (data obrashhenija: 10.04.2020).

33. Fjodorova N. V. Strannichestvo: reprezentacija neformal'nogo v russkoj kul'ture = Pilgrimage: the representation of the informal in russian culture // Gumanitarnye issledovanija. 2019. № 1(22). S. 42–46.

34. Fedotova N. F. Francisk Assizskij i Aleksandr Dobroljubov, ili oproshhenstvo kak kul'turnaja tradicija = Francis of Assisi and Aleksandr Dobrolyubov, or simplification as a cultural tradition // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Serija: gumanitarnye nauki. 2014. T. 5. № 3. S. 197–201.

35. Frank S. L. Nepostizhimoe. Sochinenija = The imperceptible. Essays. Moskva : Pravda, 1990. 608 s.

36. Jakovelli A. Svjatoj Francisk Assizskij = St. Francis of Assisi. Moskva : Izdatel'stvo franciskancev, 2003. 170 s.

37. Grossman J. D. Aleksandr Dobroljubov and the Invisible book // Dobroljubov A. Sochinenija. Iz knigi nevidimoj. Berkeley : Berkeley Slavic Specialties, 1983. pp. VII–XXV.

Медиакоммуникации и журналистика

УДК 659.4

К. В. Аксенов **https://orcid.org/0000-0002-5546-6030**

Д. А. Багдасарян **https://orcid.org/0000-0002-6433-2990**

Использование уникального информационного предложения как средства современной коммуникационной стратегии

Для цитирования: Аксенов К. В., Багдасарян Д. А. Использование уникального информационного предложения как средства современной коммуникационной стратегии // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 31–40. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-31-40

Данная статья посвящена вопросу коммуникационной стратегии в средствах массовой информации и PR-отделах организаций различной направленности. Авторы обращают внимание на сложившуюся проблему однотипных, повторяющихся сообщений, заполняющих информационное пространство. Это усложняет восприятие информации обществом, делает этот процесс скучным и неинтересным. В качестве одного из способов решения проблемы предлагается ориентировать коммуникации на уникальное информационное предложение.

Авторы полагают, что о действительно уникальном информационном предложении СМИ или PR-отделов компаний и организаций неизвестно широкой потенциальной аудитории. Уникальное информационное предложение теряется в условиях формирующейся традиции потреблять новостную информацию из ленты социальных сетей, подписываться на большое количество пабликов, разве что эти предложения делаются популярными и известными компаниями.

Так, авторы статьи изучают, какие уникальные информационные предложения делала медиаслужба футбольного клуба в марте-июне 2020 г. в условиях коронавирусного кризиса и отсутствия матчей. Это один из самых популярных российских клубов, о нем слышали даже те россияне, кто далек от футбола. Кроме того, авторы исследуют также уникальные информационные предложения бьюти-компании, среди которых есть и такие, которые не связаны напрямую с их продукцией. В конечном счете, авторы предполагают, что стоит рекламировать не только товары на внешних ресурсах, но и непосредственно уникальные информационные предложения.

Ключевые слова: коммуникационная стратегия, коммуникационные технологии, информация, журналистика, СМИ, PR, социальные сети.

Media communications and journalism

K. V. Aksenov, D. A. Bagdasaryan

Unique information offers as a means of modern communication strategy

The article is devoted to the issue of communication strategy in the mass media and PR-departments in organizations of various orientations. The authors draw attention to the existing practice of similar, repetitive messages that fill the information space. This complicates the perception of information by the public and makes this process boring and uninteresting. As one way of solving the problem, it is proposed to focus on unique information offers in communications.

The authors believe that a wide potential audience is not aware of truly unique information offers of the mass media or PR departments of companies and organizations. A unique information offer is lost in the conditions of the growing tradition to consume news information from the social media feed, subscribing to a large number of public pages, unless these offers are made by popular and well-known companies.

For instance, the authors of the article study unique information offers made by the media service of a football club in March-June 2020 in the context of the coronavirus crisis and the absence of matches. This is one of the most popular Russian clubs, well-known even to those Russians who are not football fans. Moreover, the authors also examine the unique information offers of a beauty company, with some of them not directly related to their products. As a result, the

© Аксенов К. В., Багдасарян Д. А., 2021

authors suggest that it is worth advertising not only products on external resources, but also unique information offers directly.

Key words: communication strategy, communication technologies, information, journalism, mass media, PR, social media.

Введение

Профессиональным действиям специалиста в области связей с общественностью в отечественной науке уделяется довольно пристальное внимание наравне с другими творческими профессиями, например, журналистской. Определение актуальных проблем, поиски их решения имеют принципиальное значение, как для вузов и возможных работодателей, так и для специалиста – творческой личности.

Вариативность потенциальной профессиональной деятельности такого специалиста обуславливает требования к вузам, кафедры которых занимаются соответствующей подготовкой обучающихся. Выпускник может быть связан с локальной и международной, политической, деловой, развлекательной журналистикой, с политическими, культурными и спортивными коммуникациями, трудоустроиться в бизнес-сфере: причем как в давно функционирующих предприятиях, так и в компаниях, только выходящих на рынок, которым жизненно необходимо информационное сопровождение. Вузам, передавая соответствующие компетенции, необходимо готовить активную личность, которая сможет проявить себя как в творческой, так и в руководящей деятельности, в условиях столкновения с различными возникающими внезапно или уже сложившимися проблемами.

Одной из существенных проблем коммуникаций в принципе (журналистских, в области PR) можно назвать публикацию однотипных информационных сообщений при постоянном обновлении информационных потоков. Про эту проблему в сетевой журналистике С. Корконосенко (2012) писал еще 9 лет назад; с тех пор мало что изменилось, впрочем, справедливо будет отметить, что повторения, копирования свойственны не только журналистской деятельности, но и PR.

Важно отметить не только однотипное продвижение или информирование, но и информационную перегрузку: в контексте нашего исследования речь идет не как о способе, с помощью которого участники коммуникационного процесса пытаются манипулировать массовой аудиторией, намеренно перегружают ее информацией, пытаясь скрыть факт, а как о независящем от коммуникаторов результате их деятельности, выраженном в напряженности потребителя информации, неспособности к концентрации и выделению действительно необходимой информации. Очевидно, что подписка на огромное количество пабликов в соцсетях, каналов в мессенджере приводит к непрерывному обновлению информации, в результате чего ее потребитель (на которого рассчитывает субъект PR, СМИ) может просто не получить соответствующие сведения или получить повторно, в третий, четвертый раз ту информацию, которую он уже читал час, два дня или год назад. Из этого вытекает необходимость в изменениях в коммуникационной стратегии организаций, а также в подготовке специалистов, которые эти изменения произведут, впрочем, тема необходимых компетенций – это отдельное направление для возможного исследования по рассматриваемому нами вопросу. В данной статье будут исследованы примеры создания уникального информационного предложения в СМИ и PR-отделах известных организаций.

Методологическую основу данной статьи составили теоретические методы: анализ, синтез, а также эмпирические методы: интервью, анализ документов и сетевых источников информации, контент-анализ материалов сетевых СМИ, постов в социальных сетях компаний.

Коммуникационная стратегия: обзор литературы

Круг коммуникационных технологий, позволяющий решать описанную проблему, довольно обширен. Они активно развиваются два последних десятилетия, а стремительные изменения в информационных пространствах последних лет позволяют разделять их на традиционные и новые (имиджмейкинг, GR, сторителлинг, краудфандинг, геймификация). В рамках данной статьи мы будем придерживаться видения Петербургской школы PR и понимать под коммуникационными технологиями «совокупность коммуникационных и ивент-инструментов, имеющих определенный процедурный (инструментальный, сценарный)

характер, служащих реализации целей конкретной коммуникационной акции, кампании или в целом коммуникационной деятельности социального субъекта» [Коммуникационные технологии…, 2019, с. 5]. Стоит добавить, что упомянутым выше коммуникационным технологиям уделяют внимание исследователи и ученые Петербургской школы PR. Так, например, С. Герасимов обращается к сторителлингу [Герасимов, Терещенко, 2020, с. 5-20], А. Пряхина, Ю. Таранова – к геймификации [Пряхина, 2019, с. 68-77; Таранова, 2019, с. 179-181], Е. Чибисова, И. Быков, А. Дорский – к GR [Чибисова, 2019, с. 46-50; Быков, Дорский, 2014]. В англоязычной среде коммуникационные технологии также активно исследуются, например, геймификации посвящены работы R. Conaway, M. Garay [Conaway, Garay, 2014], о краудфандинге пишут R. Bouncken, M. Komorek, S. Kraus [Bouncken, Komorek, Kraus, 2015, p. 407-415].

Стоит отметить среди иностранных авторов работы, посвященные стратегическим коммуникациям в целом: P. Argenti, R. Howell, K. Beck [Argenti, Howell, Beck, 2005, p. 83-89], Hallahan K., Holtzhausen D., Ruller B., Verčič D., Sriramesh [Hallahan, Holtzhausen, van Ruler, Verčič, Sriramesh, 2007, p. 3-35]. В свою очередь в Петербургской школе PR Д. Гавра, А. Кривоносов [Кривоносов, 2020, с. 211-216] также уделяют внимание понятию коммуникационной стратегии, которое тесно связано с коммуникационными технологиями. Так, Д. Гавра [Гавра, 2019, с. 70] отмечает, что под коммуникационной стратегией необходимо понимать «опирающуюся на общую стратегию социального субъекта (принадлежащего к любой сфере – политической, экономической, социальной, культурной) долгосрочную сбалансированную по ресурсам программу достижения его (субъекта) стратегических целей через информационно-коммуникационные взаимодействия с внешней и внутренней средой». Иными словами, для реализации коммуникационной стратегии как раз и используются коммуникационные технологии и ивент-инструменты. Они динамичны, развиваются, равно как и появляются новые тренды в коммуникациях, меняется значимость и ценность социальных сетей, средств массовой информации для коммуникаций.

Уникальное информационное предложение: результаты исследования

Описанная во введении социальная проблема позволяет нам говорить о недостаточном понимании субъектами PR, владельцами и руководителями СМИ необходимости в построении четкой коммуникационной стратегии, реагировании на происходящие изменения. Кроме того, она эксплицитно демонстрирует возможное отсутствие необходимых компетенций у специалистов или их нежелание проявить себя и что-либо изменить в коммуникационных процессах – от гиперлокальных до глобальных.

Это позволило нам задуматься о необходимом выборе компаний в качестве одного из векторов коммуникационной стратегии уникального информационного предложения. Данный термин, как уже было сказано, обусловлен созданием однотипных скучных информационных продуктов, когда массовая аудитория справедливо отмечает, что уже видела аналогичный материал в другом сообществе, в другой социальной сети, в другом СМИ. То есть должна быть создана такая модель действий, которая нацеливается на удержание внимание потребителя посредством предложения ему информации, имеющей когнитивный, аффективный, конативный эффект, при этом не повторяющей (в определенных ситуациях – опережающей) другие информационные предложения, несущей уникальное в рамках конкретной ситуации.

Данный термин предлагается нами по аналогии с уникальным торговым предложением, с той разницей, что в рамках информирования, продвижения делается упор не на товар, а на уникальную информацию, которая может быть не связана с товаром напрямую, или на максимально оперативное освещение события. С нашей точки зрения, в условиях информационной перегрузки разумно будет нацеливаться на то, чтобы заставить аудиторию – потенциальную и реальную – не просто получить сведения из ленты новостей или посредством таргетированной рекламы, а постоянно обращаться в сообщество за новыми сведениями, новой информацией. Уникальное информационное предложение на это и нацелено.

Следует заметить, что уникальное информационное предложение поможет сформировать общественное мнение не только о предмете PR, но и о СМИ, создать положительный образ источника, предлагающего уникальную и интересную информацию. Для

журналистики этот вектор коммуникационной стратегии не менее важен, чем для связей с общественностью: как справедливо отмечают А. Кривоносов и К. Киуру [Киуру, Кривоносов, 2018, с. 711-723], журналистское произведение может иметь социальные последствия даже в большей степени, чем медиакоммуникации. Речь не только о попытках информационного воздействия, но и выполнении средством массовой информации в полной мере своих функций: а это не копирование чужих текстов и сообщение однотипных сведений.

Журналистика

Как уже было сказано выше, рассматриваемое нами понятие может быть применено как в сфере журналистики, так и в сфере связей с общественностью. В первом случае все довольно очевидно: для традиционных СМИ речь идет в большей степени об уникальном содержании, что обусловлено самой периодичностью СМИ, тогда как для сетевых СМИ, которые могут затрагивать большее количество инфоповодов (конечно, со своими ограничениями), выпускать материалы в любой момент времени, должно быть характерно стремление к наиболее оперативному освещению и к поиску уникальной информации.

В реальности мы сталкиваемся с перепечатками и повторами. Особенно это заметно в тематических материалах, так, например, сетевое СМИ «Комсомольская правда» опубликовала в ноябре 2020 г. материал [День благодарения …, 2020], который в реальности был повтором публикации как минимум 2018 г., о чем говорит результат поиска с помощью ресурса Wayback machine [День благодарения …, 2018]. Фразы из этого текста встречаются и в других сетевых источниках, например, в украинском СМИ «Униан» [Как отмечают …, 2020], этот материал выложили на «Яндекс. Дзен» [День благодарения …, 2019] без ссылки на оригинальный текст. Конечно, это встречается и в новостных материалах, так, например, 25 ноября вышли новости под однотипными заголовками: «В Эрмитаже открылась выставка Карла Фаберже» («Собака.ru»), «В Эрмитаже открылась выставка Карла Фаберже – ювелира императорского двора» («Фонтанка.ру»), «Произведения Карла Фаберже покажут в Эрмитаже» (информагентство «Интерфакс»), «В Эрмитаже покажут лучшие произведения Карла Фаберже» («Петербургский дневник»).

Напомним, на эту тенденцию С. Корконосенко обратил внимание 9 лет назад. С тех пор интернет стал доступнее, соцсети и мессенджеры постоянно развивались (одни теряли свою популярность, другие – как TikTok – ее только набирают [Решетникова, 2020]), объединяли все большее количество потенциальных источников информации, как организаций, так и индивидов, то есть уникальную информацию от пользователей найти можно, равно как и подготовить уникальное информационное предложение. Однако это происходит не всегда.

Очевидно, что относительно похожие материалы выходят, когда журналисты публикуют оперативные материалы на основе пресс-релизов, пресс-конференций, брифингов и пресс-подходов, сообщений информагентств и информационных служб (например, «Медиаметрикс»), в силу того, что строят заметки или расширенные новости приблизительно по одному принципу. В таких ситуациях, когда есть жесткая погоня за временем, когда есть стремление опередить всех, повторения и схожести оправданы, по сути, любой материал, который попадает в 5-10 минутный промежуток времени (в зависимости от работы отдела мониторинга информации СМИ или непосредственно журналистов), уникален, однако творчество может проявиться хотя бы в заголовке. При этом в РФ 11 часовых зон, что определенным образом влияет на время появления новостей в региональных и федеральных СМИ. Поэтому, с нашей точки зрения, в конкретных ситуациях журналистам, конечно, необходимо искать какую-то новую дополнительную информацию. И мы говорим не только о текстовом содержании журналистского материала, но и о визуальном.

Таким образом, когда мы говорим об уникальном информационном предложении СМИ, мы подразумеваем несколько моментов: 1) Возможный уникальный иллюстративный материал, например, к некоторым постам в соцсетях или непосредственно к публикациям в СМИ (собственные фотографии, собственные мемы по теме публикации, как делает сообщество «Лентач» [Лентач, 2020]); 2) Уникальные журналистские произведения: дополненные информацией из социальных сетей политиков, спортсменов, культурных пространств (библиотек, театров и музеев), обработанные видео в TikTok; 3) Уникальные тексты сами по себе, например, в жанрах репортаж, интервью, колонка, чем славится «Коммерсантъ» [Страница

специального…]; 4) Журналистские материалы, составленные на основании собственного опроса общественного мнения, блиц-опроса, включенного наблюдения, например, журналисты РБК каждый будний день проводят опросы в Телеграмме и комментируют их аудитории [Стартап. Выпуск …, 2020]; 5) Установленные и поддерживаемые контакты с политиками, предприятиями крупного, малого и среднего бизнеса, экспертами (в том числе и через специальные информационные сайты, обрабатывающие журналистские запросы, например, Pressfeed [Сервис журналистских…, 2020]); 6) Отлаженная служба мониторинга региональной, международной информации.

Спортивные коммуникации: коронавирус

В условиях ограничений, связанных с коронавирусной инфекцией, многие спортивные организации попали в кризисную ситуацию, в которой появились сложности в коммуникации с болельщиками. Примером эффективного использования уникального информационного предложения в сфере спорта можно назвать антикризисные коммуникации ФК «Зенит» в период с марта по июнь 2020 г. Целью такой кампании можно назвать обеспечение аудитории беспрерывными и мультиформатными решениями на всех платформах клуба и удовлетворение трёх ключевых потребностей: развлечение, ощущение единства и получение новых знаний.

Если ранее сотрудники медиаслужбы клуба всегда могли лично пообщаться со спортсменами, то в условиях пандемии многие игры были перенесены (после зимнего перерыва команды сыграли в трех турах февраля-марта, следующий матч состоялся лишь в июне), поэтому в условиях информационного вакуума пришлось предлагать болельщикам участвовать в проектах, придуманных специально во время перерыва в чемпионате.

Особенность кампании ФК «Зенит» заключается в том, что тематические проекты, которые они развивают, отвечают одновременно и запросам аудитории, и задачам коммерческих партнеров. Примером такого проекта до незапланированного перерыва является совместная премия ФК «Зенит» и сети АЗС «Газпромнефть», представляющей топливо «G-Drive», подробнее о ней написано на официальном сайте клуба [Голосование «G-Drive …, 2020]. Если коротко: осуществляются интерактивные коммуникации клуба и клубного сообщества, поставляющие в итоге уникальное информационное предложение для средств массовой информации и для более широкой спортивной аудитории. Как уже было сказано выше, клубы ушли на внезапный перерыв, соответственно и проект был приостановлен.

В интервью сотрудник медиаслужбы ФК «Зенит» отметил, что они довольно быстро отреагировали на изменения и продолжили создавать уникальный контент, то есть работать над уникальным информационным предложением. Так проектом, связанным с партнёрами, стал киберспортивный турнир в eFootball PES 2020 (интеграция с ПАО «Мегафон» на базе Sports.ru). В рамках проекта принимали участие спортсмены клубов, были реализованы как типичные форматы интеграции (брендирование афиши матча, брендинг состава и счета матча), так и более интерактивные, использующие технологии геймификации, например, розыгрыш призов и «Перекличка». Особенно интересным нам кажется последний формат, в котором подписчиков призывали написать в комментариях город, откуда они поддерживали спортсменов [«Зенит» и «Мегафон» …, 2020]. Несмотря на примитивность коммуникации, такие посты набирали в среднем чуть более 40 тысяч просмотров и 500 комментариев, что чуть менее популярно, чем посты о результатах матча, следовательно, такой формат взаимодействия с подписчиками может считаться успешным.

Не менее интересной и эффективной стала масштабная кампания в условиях пандемии #ВместеПобедим, призванная объединить болельщиков с целью поддержки тех, кто нуждается в помощи. В её рамках было собрано 20 миллионов рублей пожертвований, предоставлено более 400 позиций экипировки петербургским больницам, более 500 порций обедов ежедневно в течение двух месяцев для врачей, ветеранов и болельщиков клуба старше 65 лет. Также под этим хештегом были выпущены следующие материалы: серия интервью с врачами, которые находились в эпицентре борьбы с вирусом, и ежедневная рубрика #ГеройДня, в которой рассказывались истории тех, кто в период пандемии продолжал работать и поддерживать жизнь города. Клубные медиа поговорили о вакцине от COVID-19, о группах рисках в условиях распространения вируса и важности карантинных мер, что помогло удовлетворить одну из ключевых потребностей болельщиков –

получение новых знаний. Формат интервью в общей сложности заинтересовал более 50 тысяч подписчиков, а совокупный охват рубрики #ГеройДня составил 1 миллион человек, при опубликованных 25 постах. Кампания #ВместеПобедим является примером эффективного использования уникального информационного предложения, которое связано и с социальной ответственностью клуба, что улучшает его имидж. Так, социально-ориентированные и развлекательные проекты «Зенита» во время перерыва в розыгрыше чемпионата России признаны лучшими по версии портала «442» [Спортивное медиа-агентство …, 2020].

Цифровые аудио и видеоформаты были также использованы сотрудниками медиаслужбы ФК «Зенит». В течение апреля и мая 2020 г. было проведено 6 еженедельных концертов «Зенит.Live» – музыкальных онлайн-фестивалей с участием любимых болельщиками артистов и групп. Это было совместным проектом сине-бело-голубых и компании «Ростелеком» в поддержку врачей и тех, кто борется с пандемией, а также в честь 95-летия клуба. Суммарное количество просмотров составило почти 1,5 миллиона просмотров. Аудиоформаты, какими являются подкасты, выгодно выделили «Зенит» среди всех остальных российских клубов. Сине-бело-голубые – первый клуб в России, который запустил подкаст, а также № 1 футбольный подкаст на платформе Apple. Каждый из трёх сериалов создавался уникальным коллективом из историков, исследователей, журналистов, легенд клуба и фанатского движения, и в общей сложности их послушали более 30 тысяч человек.

Использование уникального информационного предложения за период пандемии позволило «Зениту» стать единственным спортивным клубом, вошедшим в ТОП-20 российских компаний в рейтинге «Помощь в изоляции» по мнению разработчиков системы «Медиалогия». Рейтинг построен по СМ Индексу – качественному показателю, который учитывает упоминания компании на платформах соцмедиа [Инициативы российских …, 2020]. Медиаслужба петербургского клуба и сейчас продолжат использовать такие форматы, что подтверждает успешность использования уникального информационного предложения с помощью вышеописанных инструментов.

Коммуникации в сфере торговли: уникальное в косметике

Ещё одним примером использования уникального информационного предложения является инстаграм-профиль российского бренда уходовой косметики Don’t Touch My Skin (DTMS), за которым следят 20 тысяч подписчиков на момент написания статьи. Бренд был основан в декабре 2019 г. автором телеграм-канала и научным сотрудником МГУ имени М. В. Ломоносова А. Мифтаховой и её партнерами. Первыми покупателями стали подписчицы блога создательницы бренда, которые и являлись целевой аудиторией бренда (женщины от 20 до 35 лет с доходом выше среднего), что помогло сэкономить на рекламе. Благодаря тому, что блогер публиковала в своём канале уникальную информацию (качественно и без лишней перегрузки) о том, как выбирать косметику, лояльная ей аудитория положительно восприняла новость о создании её собственной линейки продуктов и стала их покупать [Пост А. Мифтаховой …, 2019]. Отметим, что только для разработки бренда и производства контента высокого качества, А. Мифтахова и её партнеры потратили около 2 млн рублей – у DTMS нет штатной команды маркетологов и SMM-специалистов, поэтому задачи были переданы на аутсорс агентствам [Жизнь Адэль …, 2019].

Говоря об уникальности информационного контента, в первую очередь стоит подчеркнуть визуальное оформление профиля – сочетание фотографий с продукцией, текстом и портретных снимков моделей, которые приятны сами по себе. Несмотря на преобладание черного цвета, удачно выставленный свет помогает обыграть яркость упаковки косметики, что акцентирует внимание потенциальных покупателей. Последовательно проанализировав отметки бренда в Инстаграме, нам удалось выяснить, что всю визуальную айдентику (дизайн упаковки, сайта, всех графических материалов) разработало московское агентство «БУНТ», которое подтвердило эту информацию на своей странице: «Для @dtmskin мы разработали особый визуальный язык, который мы скромно считаем нестандартным для бьюти-рынка. В итоге у нас получилась нуарная и кинематографичная картинка, с переплетением рук, тканей, света и теней. таким образом мы обыгрывали название бренда «не трогай мою кожу». Все фотографии мы снимали на пленку, чтобы максимально естественно показать

текстуру кожи» [Пост агентства …, 2020]. В целом даже использование пленки в настоящее время – это метод получения и передачи действительно уникальной информации в условиях существующей традиции упрощения и копирования, понятно, что это должно быть уместно для конкретной компании, но это, безусловно, интересное решение. Пролистав профиль на весь год, можно заметить, что некоторые фотографии повторяются, но не более двух раз за последний год, а это тоже говорит о нацеленности на передачу уникального информационного предложения.

Отдельно мы отметили привлекательность информационного наполнения профиля. Все посты и сторис можно разделить на следующие типы: обсуждение косметики, бьюти-аксессуаров и рекомендации по уходу для каждого типа кожи; советы о принятии себя, своего тела, критики окружающих, а также рекомендации блогеров, которые поднимают эти темы; отзывы от бьюти-блогеров. Стоит признать, что тексты о косметике и её составах легко усваиваются, хотя написаны с использованием терминов и названий веществ (например, фермент тирозиназы [Пост о лосьоне …, 2020]), из чего мы можем делать вывод, что их пишет копирайтер, знакомый с бьюти-сферой на научном уровне, либо посты проходят проверку у человека с таким образованием. Поэтому, мы подчеркиваем, что уникальность информационного контента во многом зависит и от используемых инструментов, как в примере с плёночными фотографиями, так и от профессионализма кадров.

Выводы

В данной статье авторы изучили конкретную проблему массовых коммуникаций, связанную с созданием однотипных, повторных сообщений, как текстовых, так и визуальных, придя к заключению о том, что необходимы изменения в коммуникационной стратегии организаций. Предложив в качестве вектора коммуникационной стратегии ориентирование на уникальное информационное предложение, авторы последовательно изучили и продемонстрировали наличие проблемы, а также то, как некоторые СМИ, новостные паблики, сотрудники медиаслужб создают уникальный контент.

Авторы пришли к выводу, что журналисты могут готовить уникальный иллюстративный материал, например, собственные мемы по теме публикации; обращаться к страницам в соцсетях политиков, спортсменов, даже библиотек, которые становятся новыми культурными пространствами; ориентироваться на качественные издания в жанровом разнообразии, приглашать экспертов к ведению авторских колонок; регулярно проводить опросы общественного мнения на страницах собственного канала в Телеграме или соцсети; если позволят ресурсы, наладить службу мониторинга новостной информации.

В свою очередь исследование деятельности специалистов по связям с общественностью показало, что уникальное информационное предложение – это вполне реальная коммуникационная стратегия для подготовленных специалистов. Сотрудники ФК «Зенит» быстро сориентировались в сложившихся изменениях, вызванных коронавирусной инфекцией, и предложили сразу несколько интересных проектов, снабжая уникальной информацией, как собственное сообщество, так и массовую аудиторию СМИ. Сотрудники компании Don’t Touch My Skin успешно применили известную коммуникационную технологию геймификации, кроме того, был разработан особый визуальный язык, нестандартный для бьюти-рынка, осуществлялось постоянное обновление собственной базы фотографий, что привело к их редким повторам, аудитории предлагались собственные рекомендации, мотивационные тексты, в принципе не связанные непосредственно с продукцией компании. При этом уникальное информационное предложение на данный момент (спустя 1 год после открытия страницы в соцсети) обеспечило 20 тыс. подписчиков, тогда как потенциальная аудитория значительно больше.

Мы предполагаем, что настало время рекламировать не только товары и услуги в традиционном понимании, а информацию, появляющуюся в рамках коммуникационной стратегии, нацеленной на уникальные информационные предложения: рекламировать авторские журналистские тексты, проекты, подкасты, рекламировать уникальные личностные советы, а не скопированные и повторенные на сотнях других сайтов. Как известно, традиция рекламирования информации формируется в блогосфере и ее можно перенять, но для этого необходимо, чтобы специалисты были способны создавать уникальное информационное предложение, а компании были готовы применять

такую коммуникационную стратегию.

Библиографический список

1. «Зенит» и «МегаФон» запускают перекличку городов // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-16824047_3686957 (дата обращения: 28.11.2020).

2. Быков И. А., Дорский А. Ю. GR в Санкт-Петербурге: состояние, проблемы и перспективы // Медиаскоп. 2014. Выпуск № 2. URL: http://www.mediascope.ru/1536 (дата обращения: 02.12.2020).

3. Гавра Д. П. Понятия и характеристики коммуникационной стратегии // Российская школа связей с общественностью. 2019. Том 15. С. 65–77.

4. Герасимов С. В., Терещенко П. А. Сторителлинг политических лидеров как инструмент символической практики // ДИСКУРС. 2020. Том 6. № 3. С. 5–20.

5. Голосование «G-Drive – Лучший игрок» // Официальный сайт ФК «Зенит». URL: https://fc-zenit.ru/fans/games/vote/tb1/ (дата обращения: 28.11.2020).

6. День благодарения в 2018 году: история и традиции праздника // Wayback Machine. URL: https://web.archive.org/web/20180513000505/https://www.kp.ru/putevoditel/kalendar-prazdnikov/den-blagodareniya/ (дата обращения: 28.11.2020).

7. День благодарения в 2020 году: история и традиции праздника // Комсомольская правда. URL: https://www.kp.ru/putevoditel/kalendar-prazdnikov/den-blagodareniya/ (дата обращения: 28.11.2020).

8. День Благодарения // Яндекс. Дзен. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5d1621a1dd89e600b65608ad/den-blagodareniia-5de53d5d79c26e00b1d4835c (дата обращения: 28.11.2020).

9. Жизнь Адэль: как геолог из башкирского села стала одним из самых популярных бьюти-блогеров России // Forbes. URL: https://www.forbes.ru/forbes-woman/389391-zhizn-adel-kak-geolog-iz-bashkirskogo-sela-stala-odnim-iz-samyh-populyarnyh (дата обращения: 27.11.2020).

10. Инициативы российских компаний, оказывающих помощь и поддержку в условиях самоизоляции. Итоговый рейтинг // Медиалогия. URL: https://www.mlg.ru/~CIJQ1 (дата обращения: 28.11.2020).

11. Как отмечают праздник в США и в Украине: День благодарения 2020 // Униан. URL: https://www.unian.net/lite/holidays/den-blagodareniya-2020-ukraina-pozdravleniya-kartinki-istoriya-prazdnika-11233163.html (дата обращения: 28.11.2020).

12. Киуру К. В., Кривоносов А. Д. Трансформации медиасреды как объект исследования теории массовых коммуникаций // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 4. С. 711–723.

13. Коммуникационные технологии XXI века. К десятилетию кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью СПбГЭУ : коллективная монография / под ред. проф. А. Д. Кривоносова. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2019. 147 с.

14. Корконосенко С. Г. Журналистика сетевых СМИ: смена исследовательских парадигм или продолжение традиций? // Учёные записки ЗабГУ. 2012. No2. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/zhurnalistika-setevyh-smi-smena-issledovatelskih-paradigm-ili-prodolzhenie-traditsiy (дата обращения: 23.11.2020)

15. Кривоносов А. Д. Коммуникационная стратегия: к вопросу о дефиниции и практиках // Рекламное и PR-образование в условиях информационно-технологических перемен: актуальные вопросы и тренды: сб. материалов II Международной конференции. 2020. С. 211–216.

16. Лентач // ВКонтакте. URL: https://vk.com/lentach (дата обращения: 28.11.2020).

17. Пост А. Мифтаховой о шампунях // Telegram. URL: https://t.me/donttouchmyface/2194 (дата обращения: 28.11.2020).

18. Пост агентства «БУНТ» // Instagram. URL: https://www.instagram.com/p/CGXkiJNn_Zb/ (дата обращения 27.11.2020).

19. Пост о лосьоне Don't Touch My BHA // Instagram. URL: https://www.instagram.com/p/CHe7jfyl7d2/ (дата обращения: 27.11.2020).

20. Пряхина А. В. Геймификация (игровые коммуникационные технологии) в рекламе // Коммуникационные технологии XXI века. К десятилетию кафедры Коммуникационных технологий и связей с общественностью СПБГЭУ: коллективная монография / под ред. проф. А. Д. Кривоносова. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 68–77.

21. Пряхина А. В., Багдасарян Д. А. Игрофикация как развивающаяся коммуникативная технология в современном обществе // Гуманитарные технологии в современном мире. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. 2019. С. 200–204.

22. Решетникова И. Д. Реклама в условиях цифровой трансформации: перспективы сети TikTok // Коммуникации в эпоху цифровых изменений. Сборник IV Международной научно-практической конференции. 2020. С. 168–171.

23. Сервис журналистских запросов Pressfeed // Pressfeed. URL: https://pressfeed.ru/ (дата обращения: 28.11.2020).

24. Спортивное медиа-агентство «442» // Портал «442». URL: https://four-four-two.ru/ (дата обращения: 28.11.2020).

25. Стартап. Выпуск от 30.11.2020, часть 6 // РБК. URL: https://tv.rbc.ru/archive/startup/5fc497652ae5962a962073b6 (дата обращения: 30.11.2020).

26. Страница специального корреспондента ИД Григория Ревзина // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/authors/218 (дата обращения: 28.11.2020).

27. Таранова Ю. В. Применение игровых практик в бизнес-коммуникации: вопросы типологии // Медиа в современном мире. 58-е петербургские чтения. Сбор-

ник материалов Международного научного форума. В 2-х томах. 2019. С. 179–181.

28. Чибисова Е. А. Government Relation (GR) как коммуникационная технология и коммуникативно-технологический процесс // Коммуникационные технологии XXI века. К десятилетию кафедры Коммуникационных технологий и связей с общественностью СПБГЭУ: коллективная монография / под ред. проф. А. Д. Кривоносова. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 46-50.

29. Argenti P. A., Howell R. A., Beck K. A. The Strategic Communication Imperative // MITSloan Management Review. 2005. Vol. 46. № 3. Pp. 83-89. URL: https://vk.com/doc9111235_578704418?hash=118937a727ceebdec1&dl=2ab2348cdc49e4023e (дата обращения: 02.12.2020).

30. Bouncken R. B., Komorek M., Kraus S. Crowdfunding: The Current State of Research // International Business & Economics Research Journal. 2015. Vol. 14. № 3. Pp. 407-415. URL: https://www.researchgate.net/publication/275657510_Crowdfunding_The_Current_State_Of_Research (дата обращения: 02.12.2020).

31. Conaway R., Garay M.C. Gamification and service marketing // Springerplus. 2014. № 3. URL: https://springerplus.springeropen.com/articles/10.1186/2193-1801-3-653 (дата обращения: 02.12.2020).

32. Hallahan K., Holtzhausen D. R., Ruller B., Verčič D. Defining Strategic Communication // International Journal of Strategic Communication. 2007. Pp. 3-35. URL: https://www.researchgate.net/publication/241730557_Defining_Strategic_Communication (дата обращения: 02.12.2020).

33. Moysidou K., Hausberg J. P. In crowdfunding we trust: A trust-building model in lending crowdfunding // Journal of Small Business Management. Vol. 58 № 3. P. 511–543.

Reference list

1. 1.«Zenit» i «MegaFon» zapuskajut pereklichku gorodov = Zenit and Megaphone launch a roll call of cities // VKontakte. URL: https://vk.com/wall-16824047_3686957 (data obrashhenija: 28.11.2020).

2. Bykov I. A., Dorskij A. Ju. GR v Sankt-Peterburge: sostojanie, problemy i perspektivy = GR in St. Petersburg: condition, problems and prospects // Mediaskop. 2014. Vypusk №2. URL: http://www.mediascope.ru/1536 (data obrashhenija: 02.12.2020).

3. Gavra D. P. Ponjatija i harakteristiki kommunikacionnoj strategii = Concepts and characteristics of a communication strategy // Rossijskaja shkola svjazej s obshhestvennost'ju. 2019. Tom 15. S. 65–77.

4. Gerasimov S. V., Tereshhenko P. A. Storitelling politicheskih liderov kak instrument simvolicheskoj praktiki = Storytelling of political leaders as a tool of symbolic practice // DISKURS. 2020. Tom 6. №3. S. 5–20.

5. Golosovanie «G-Drive – Luchshij igrok» = «G-Drive – Best player» voting // Oficial'nyj sajt FK «Zenit». URL: https://fc-zenit.ru/fans/games/vote/tb1/ (data obrashhenija: 28.11.2020).

6. Den' Blagodarenija = Thanksgiving Day // Jandeks.Dzen. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5d1621a1dd89e600b65608ad/den-blagodareniia-5de53d5d79c26e00b1d4835c (data obrashhenija: 28.11.2020).

7. Den' blagodarenija v 2018 godu: istorija i tradicii prazdnika = Thanksgiving 20: history and traditions of the holiday // Wayback Machine. URL: https://web.archive.org/web/20180513000505/https://www.kp.ru/putevoditel/kalendar-prazdnikov/den-blagodareniya/ (data obrashhenija: 28.11.2020).

8. Den' blagodarenija v 2020 godu: istorija i tradicii prazdnika = Thanksgiving 2020: history and traditions of the holiday // Komsomol'skaja pravda. URL: https://www.kp.ru/putevoditel/kalendar-prazdnikov/den-blagodareniya/ (data obrashhenija: 28.11.2020).

9. Zhizn' Adjel': kak geolog iz bashkirskogo sela stala odnim iz samyh populjarnyh b'juti-blogerov Rossii = Life of Adel: how a geologist from a Bashkir village became one of the most popular beauty-bloggers in Russia // Forbes. URL: https://www.forbes.ru/forbes-woman/389391-zhizn-adel-kak-geolog-iz-bashkirskogo-sela-stala-odnim-iz-samyh-populyarnyh (data obrashhenija: 27.11.2020).

10. Iniciativy rossijskih kompanij, okazyvajushhih pomoshh' i podderzhku v uslovijah samoizoljacii. Itogovyj rejting Initiatives of russian companies providing assistance and support in self-isolation. Final rating // Medialogija. URL: https://www.mlg.ru/~CIJQ1 (data obrashhenija: 28.11.2020).

11. Kak otmechajut prazdnik v SShA i v Ukraine: Den' blagodarenija 2020 = How they celebrate the holiday in the U.S. and Ukraine: Thanksgiving 2020 // Unian. URL: https://www.unian.net/lite/holidays/den-blagodareniya-2020-ukraina-pozdravleniya-kartinki-istoriya-prazdnika-11233163.html (data obrashhenija: 28.11.2020).

12. Kiuru K. V., Krivonosov A. D. Transformacii mediasredy kak objekt issledovanija teorii massovyh kommunikacij = Transformation of media environment as an object of research in mass communication theory // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2018. T. 7. № 4. S. 711–723.

13. Kommunikacionnye tehnologii XXI veka. K desjatiletiju kafedry kommunikacionnyh tehnologij i svjazej s obshhestvennost'ju SPbGJeU : kollektivnaja monografija = Communication technologies of the XXI century. To the 10th anniversary of the Department of communication technologies and public relations of St. Petersburg State Economic University : a collective monograph / pod red. prof. A. D. Krivonosova. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGJeU, 2019. 147 s.

14. Korkonosenko S. G. Zhurnalistika setevyh SMI: smena issledovatel'skih paradigm ili prodolzhenie tradicij? = Online media journalism: a change in research paradigms or a continuation of traditions? // Uchjonye zapiski ZabGU. 2012. No2. URL:

https://cyberleninka.ru/article/v/zhurnalistika-setevyh-smi-smena-issledovatelskih-paradigm-ili-prodolzhenie-traditsiy (data obrashhenija: 23.11.2020)

15. Krivonosov A. D. Kommunikacionnaja strategija: k voprosu o definicii i praktikah = Communication strategy: a question of definition and practice // Reklamnoe i PR-obrazovanie v uslovijah informacionno-tehnologicheskih peremen: aktual'nye voprosy i trendy: sb. materialov II Mezhdunarodnoj konferencii. 2020. S. 211–216.

16. Lentach = Lentach // VKontakte. URL: https://vk.com/lentach (data obrashhenija: 28.11.2020).

17. Post A. Miftahovoj o shampunjah = A. Miftakhova's post about shampoos // Telegram. URL: https://t.me/donttouchmyface/2194 (data obrashhenija: 28.11.2020).

18. Post agentstva «BUNT» = BUNT agency post // Instagram. URL: https://www.instagram.com/p/CGXkiJNn_Zb/ (data obrashhenija 27.11.2020).

19. Post o los'one Don’t Touch My BHA = Post about lotion Don’t Touch My BHA // Instagram. URL: https://www.instagram.com/p/CHe7jfyl7d2/ (data obrashhenija: 27.11.2020).

20. Prjahina A. V. Gejmifikacija (igrovye kommunikacionnye tehnologii) v reklame = Gamification (game communication technologies) in advertising // Kommunikacionnye tehnologii XXI veka. K desjatiletiju kafedry Kommunikacionnyh tehnologij i svjazej s obshhestvennost'ju SPBGJeU: kollektivnaja monografija / pod red. prof. A.D. Krivonosova. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGJeU, 2019. S. 68–77.

21. Prjahina A. V., Bagdasarjan D. A. Igrofikacija kak razvivajushhajasja kommunikativnaja tehnologija v sovremennom obshhestve = Gamification as an evolving communicative technology in modern society // Gumanitarnye tehnologii v sovremennom mire. Sbornik materialov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2019. S. 200–204.

22. Reshetnikova I. D. Reklama v uslovijah cifrovoj transformacii: perspektivy seti TikTok = Advertising in the digital transformation environment: TikTok network perspectives // Kommunikacii v jepohu cifrovyh izmenenij. Sbornik IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2020. S. 168–171.

23. Servis zhurnalistskih zaprosov Pressfeed = Pressfeed journalist query service // Pressfeed. URL: https://pressfeed.ru/ (data obrashhenija: 28.11.2020).

24. Sportivnoe media-agentstvo «442» = Sports media agency «442» // Portal «442». URL: https://four-four-two.ru/ (data obrashhenija: 28.11.2020).

25. Startap. Vypusk ot 30.11.2020, chast' 6 = Startup. Issue of November 30, 2020, part 6 // RBK. URL: https://tv.rbc.ru/archive/startup/5fc497652ae5962a962073b6 (data obrashhenija: 30.11.2020).

26. Stranica special'nogo korrespondenta ID Grigorija Revzina = The page of the special correspondent of ID Grigory Revzin // Kommersant#. URL: https://www.kommersant.ru/authors/218 (data obrashhenija: 28.11.2020).

27. Taranova Ju. V. Primenenie igrovyh praktik v biznes-kommunikacii: voprosy tipologii = Application of game practices in business communication: typology issues // Media v sovremennom mire. 58-e peterburgskie chtenija. Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma. V 2-h tomah. 2019. S. 179–181.

28. Chibisova E. A. Government Relation (GR) kak kommunikacionnaja tehnologija i kommunikativno-tehnologicheskij process = Government Relation (GR) as a communication technology and a communication and technological process // Kommunikacionnye tehnologii XXI veka. K desjatiletiju kafedry Kommunikacionnyh tehnologij i svjazej s obshhestvennost'ju SPBGJeU: kollektivnaja monografija / pod red. prof. A.D. Krivonosova. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGJeU, 2019. S. 46-50.

29. Argenti P. A., Howell R. A., Beck K. A. The Strategic Communication Imperative // MITSloan Management Review. 2005. Vol. 46. № 3. Pp. 83-89. URL: https://vk.com/doc9111235_578704418?hash=118937a727ceebdec1&dl=2ab2348cdc49e4023e (data obrashhenija: 02.12.2020).

30. Bouncken R. B., Komorek M., Kraus S. Crowdfunding: The Current State of Research // International Business & Economics Research Journal. 2015. Vol. 14. № 3. Pp. 407-415. URL: https://www.researchgate.net/publication/275657510_Crowdfunding_The_Current_State_Of_Research (data obrashhenija: 02.12.2020).

31. Conaway R., Garay M.C. Gamification and service marketing // Springerplus. 2014. № 3. URL: https://springerplus.springeropen.com/articles/10.1186/2193-1801-3-653 (data obrashhenija: 02.12.2020).

32. Hallahan K., Holtzhausen D. R., Ruller B., Verčič D. Defining Strategic Communication // International Journal of Strategic Communication. 2007. Pp. 3-35. URL: https://www.researchgate.net/publication/241730557_Defining_Strategic_Communication (data obrashhenija: 02.12.2020).

33. Moysidou K., Hausberg J. P. In crowdfunding we trust: A trust-building model in lending crowdfunding // Journal of Small Business Management. Vol. 58 № 3. P. 511–543.

УДК. 1751

Кузьмин Д. Н. **https://orcid.org/0000-0003-2536-2078**

Кожура Н. А. **https://orcid.org/0000-0001-5523-7206**

Смирнова Д. А. **https://orcid.org/0000-0002-9106-7256**

Дискурс массмедиа как инновационное средство репрезентации образа Китая в языке британских СМИ

Для цитирования: Кузьмин Д. Н., Кожура Н. А., Смирнова Д. А. Дискурс массмедиа как инновационное средство репрезентации образа Китая в языке британских СМИ // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 41–47. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-41-47

В настоящее время массмедийный дискурс является распространенным объектом изучения различных работ. Это обусловлено, прежде всего, тем, что информационные и телекоммуникационные технологии развиваются с невероятно быстрой скоростью. Дискурс массмедиа неразрывно связан с социумом, то есть большой аудиторией, для которой информация передается в упрощенном виде. Средства массовой информации стремятся с помощью массмедийного дискурса оказывать влияние на общественное сознание и формировать в нем определенные установки и ценности. Цель исследования заключается в выявлении основных концептуальных характеристик формируемого образа Китая, представленных в британском массмедийном дискурсе. В работе анализируются статьи о Китае на политическую и экономическую тематику, представленные средствами массовой информации Великобритании. Посредством контекстуального, концептуального и семного анализа выявляются и описываются такие основные концептуальные характеристики формируемого образа Китая в британском массмедийном дискурсе, как Китай – деловой партнер Великобритании, Китай – угроза мировой экономике, Китай – государство с замедляющимся развитием. Первая концептуальная характеристика представляет Китай как государство, с которым экономически выгодно сотрудничать. Вторая, в свою очередь, указывает на то, что состояние его экономики влияет на ситуацию в мире. Что касается третьей характеристики, то она описывает Китай как страну с менее прогрессивным движением вперед. Кроме того, осуществляется классификация лексических единиц, характеризующих Китай, по семантике, а также проводится сравнительный анализ процентного соотношения используемых слов и выражений. Данные концептуальные характеристики представлены такими частями речи, как существительные, прилагательные, глаголы и наречия, а также глагольными словосочетаниями. Использованные слова и выражения в полной мере описывают Великобританию, подтверждая точность выделенных характеристик.

Ключевые слова: массмедийный дискурс; концептуальная характеристика; Китай; Великобритания; лексическая единица; семантика.

D. N. Kuzmin, N. A. Kozhura, D. A. Smirnova

Mass media discourse as an innovative means of representing the image of China in the british media language

Nowadays, mass-media discourse is a common object of study in various research works.

This is connected with the fact that information and telecommunication technologies are developing at a fast pace. Mass media discourse is inseparable from society, that is, a large audience for whom information is transmitted in a simplified form.The media seeks to influence public consciousness through mass-media discourse, forming certain attitudes and values in the public mind. The aim of the study is to identify the main conceptual characteristics of China's image, as presented in the british mass media discourse. The research analyzes articles on political and economic issues about China published by the British media. By means of contextual, conceptual and semantic analysis the authors identify and describe such basic conceptual characteristics of China's image being formed in the British mass-media discourse, as China – a business partner of Great Britain, China – a threat to the global economy, China – a state with slowing down development. The first conceptual characteristic presents China as a state it is economically profitable to cooperate with. The second one, in turn, indicates that the state of its economy affects the situation in the world. As for the third characteristic, it describes China as a country with less progressive development. In addition, there is a semantic classification of the lexical units characterizing China, as well as a comparative analysis of the percentage of words and expressions used. These conceptual characteristics are expressed by such parts of speech as nouns,

© Кузьмин Д. Н., Кожура Н. А., Смирнова Д. А., 2021

adjectives, verbs and adverbs, as well as by verb phrases. The words and expressions used fully describe Great Britain, confirming the accuracy of the highlighted characteristics.

Key words: mass media discourse; conceptual characteristics; China; Great Britain; lexical unit; semantics.

Введение

Дипломатические отношения между Великобританией и Китаем длятся уже более 40 лет. За период их сотрудничества произошло большое количество различных событий: установление стратегического партнерства, кризис в отношениях, приостановление на некоторое время, а затем возобновление совместной работы и др. Сотрудничество Великобритании с Китаем отвечает интересам обеих сторон [Жэньминь жибао, 2005], а также оно выгодно не только данным странам, но и всему миру. Развитие дипломатических отношений между государствами репрезентируется британскими и китайскими средствами массовой информации в статьях на политическую и экономическую тематику. Отсюда следует, что выявить, какие характеристики даются другим государствам, а также проследить за тем, какой создается образ, мы можем с помощью такого типа дискурса, как массмедийный.

Дискурс сам по себе представляет собой «осмысленный в социальном, культурном и целевом отношении процесс и способ интерпретации действительности и говорения о ней, процесс и способ формирования, формулирования и передачи знания» [Полонский, 2010, с. 7]. Что касается массмедийного дискурса, то его определяют как когнитивно-прагматическую среду, в которой происходит производство и передача широкой аудитории «оценочных смыслов и идеологем», а также номинация и метафорическая интерпретация фактов социального бытия с помощью эмоционально-окрашенных средств [Клушина, 2008].

Кроме того, дискурс массмедиа рассматривается как явление, сообщающее о том, что происходит в настоящее время, а также преобразующее реальность в социальный факт [Дзялошинский, 1999]. Н. А. Кузьмина, в свою очередь, характеризует данный тип дискурса как обеспечение процесса передачи сообщений, рассчитанных на массовое сознание, и воплощение в жизнь своего идейного запаса, направленного на «когнитивную обработку социума и индивида с целью формирования особой картины мира» [Кузьмина, 2011, с. 12].

Оказывая воздействие на человеческое мировоззрение, массмедийный дискурс влияет на формирование в сознании адресата определенных представлений и образов. Э. С. Азнаурова утверждает, что образ – это психологическое явление, а именно четкое представление об определенном объекте действительности, для которого намеренно отобраны характеристики, помогающие отразить всю его сущность в наглядной форме [Азнаурова, 1973].

Исследование проводилось на основе статей экономической и политической тематики, размещенные в британских общественно-политических журналах *BBC News, GOV.UK, The Telegraph, The Conversation, Express, Financial Times, Independent* и др. с 2016 по 2019 годы. Всего было проанализировано 55 текстов, после чего были выявлены основные концептуальные характеристики формируемого образа Китая в британском массмедийном дискурсе.

Концептуальная характеристика «Китай – деловой партнер Великобритании»

В формировании образа Китая в британском массмедийном дискурсе ведущей выступает концептуальная характеристика государства как делового партнера Великобритании. Это обусловлено тем, что между данными государствами с давних пор установлены партнерские отношения, что помогает Великобритании занимать высокие позиции в сфере экономики на мировой арене. Одними из наиболее употребляемых сочетаний, описывающих тесные взаимоотношения двух стран, являются номинативное словосочетание *bilateral relations* [British navy's …, 2018; A 'golden era' …, 2018; Contradictions of …, 2019].

Данная концептуальная характеристика получает свою репрезентацию в языке СМИ с помощью целого ряда часто встречающихся словосочетаний: *efficient connections, work together, long-term relations, vital relations, elite linkages, developing in tandem, regional peace and stability, sort of links, strengthen relations, the best friend, major supplier, Sino-British friendship, major shareholder, British and Chinese businesses, trade partner, connect programme, trade ties, trade links, etc.*

Вышеперечисленные лексические единицы подчеркивают тесную связь между Китаем и Великобританией с помощью существительных с семантикой:

1. Взаимодействия и связи (*relation, relationship, supplier, interaction, connection, link, linkage, etc.*).

2. Объединения и сотрудничества (*tandem, business, agreement, partnership, shareholder, etc.*).

3. Дружбы и стабильности (*friendship, counterpart, friend, tie, peace, stability, etc.*).

Оценочные прилагательные, акцентирующие данную концептуальную характеристику формируемого образа Китая, объединяет семантика:

1. Взаимного сотрудничества (*bilateral, joint, together, etc.*).

2. Важности и долгосрочности (*vital, major, important, long-term, developing, etc.*).

3. Результативности и практичности (*efficient, best, trade, practical, etc.*).

Отношения между двумя государствами являются взаимовыгодными и конструктивными, потому что обе державы постоянно укрепляют торговые связи между друг другом. Одновременно с ролью делового партнера британский массмедийный дискурс изображает Китай как своего помощника, который оказывает материальную поддержку Великобритании, вкладывая инвестиции в развитие различных направлений деятельности, а также постоянно увеличивая уровень экспорта [Brexit …, 2018; US-UK-China …, 2016].

Стремление обоих государств к партнерству и установлению более крепких взаимоотношений выражено с помощью глаголов и глагольных словосочетаний с семантикой:

1. Совместного роста (*increase ties, strengthen relations, grow, etc.*).

2. Развития (*boost relationship, accelerate, progress, etc.*).

3. Тесной связи (*link, connect, work together, etc.*).

4. Взаимодействия (*join, utilize, create jobs, etc.*).

В настоящее время взаимоотношения Китая и Великобритании развиваются благополучно и результативно. Благодаря такому взаимодействию дипломатические отношения между государствами рассматриваются как «золотая эра» («*the Golden Era*»), так как страны поддерживают друг друга в осуществлении разного рода деятельности, а также оказывают необходимую помощь, усиливая тем самым связь друг с другом. Это находит свое выражение в целом ряде контекстов, указывающих на сотрудничество и союз, которые оказывают положительное влияние на укрепление дружеских отношений [Brexit …, 2018; Former PM …, 2017; Speech by H.E. …, 2017].

Концептуальная характеристика формируемого образа Китая как делового партнера Великобритании представлена различными лексическими единицами, выраженным существительными, прилагательными, глаголами и глагольными словосочетаниями.

На основе полученных данных можно сделать вывод, что описание Китая как стратегического партнера и хорошего приятеля Великобритании происходит преимущественно с помощью существительных (46 %), а остальные 54 % поровну распределились на оставшиеся слова и выражения. Таким образом, данные лексические единицы достаточно четко описывают Китай как надежного товарища, с которым Великобритания построила взаимовыгодные отношения.

Концептуальная характеристика «Китай – угроза мировой экономике»

Второй по значимости характеристикой формируемого образа Китая в британском массмедийном дискурсе является концептуальная характеристика государства как угрозы мировой экономике. Развитие Китая оказывает огромное влияние на все сферы деятельности людей, поэтому любой подъем или кризис могут не только положительно, но и отрицательно отразиться на экономике других государств. Китай представлен британскими СМИ с помощью существительных *threat* – угроза и *impact* – воздействие. Основываясь на значении данных лексических единиц, можно сделать вывод, что Китай рассматривается Великобританией как сильный и влиятельный соперник. Вышеуказанные существительные встречаются в большом количестве британских новостных статей и репрезентируют данную концептуальную характеристику [China poses …, 2019; World War 3 …, 2019; UK faces …, 2018; The forecast for …, 2018].

Семантика существительных *threat* и *impact* в данных контекстах подчеркивает тот факт, что экономический прогресс Китая оставляет значительный след на развитии Великобритании. Китай в британском массмедийном дискурсе рассматривается как государство, от которого зависит большое количество стран.

Данная концептуальная характеристика также получает репрезентацию в языке британских СМИ с помощью целого ряда часто встречающихся словосочетаний и выражений: *potential national security threat, retaliation fears, great*

risks, Chinese interference, very alarmed, serious economic harm, serious impact, amplification effect, terrible deal, becoming problematic, strategic influence, influential friend, growing global influence, credit expansion, the biggest threat, the biggest challenge, provocative actions, aggressive manner, official growth, strong dissatisfaction, malign way, intelligence threat, credible threat, under pressure, China is a worry, tension in Hong Kong, etc.

Данные лексические единицы подчеркивают авторитетность Китая для всего мира, а также его влиятельность. Это, прежде всего, существительные и оценочные прилагательные с семантикой:

1. Воздействия (*impact, influence, effect, interference, etc.*).

2. Значимости (*strong, big, influential, serious, credible, etc.*).

Кроме того, в британском массмедийном дискурсе Китай рассматривается как государство, стремящееся добиться мирового господства. Однако, агрессивная манера осуществления задуманного воспринимается Великобританией как опасность, в результате чего возникает напряжение и происходят конфликты. Данная характеристика представлена британскими СМИ с помощью существительных и оценочных прилагательных с семантикой:

1. Стабильного роста (*growth, expansion, growing, alarmed, etc.*).

2. Враждебности и угрозы (*aggressive, terrible, malign, retaliation, threat, challenge, risk, harm, fear, etc.*).

3. Разногласия и напряжения (*problematic, dissatisfaction, dispute, pressure, worry, provocative, tension, etc.*).

В своей совокупности данные лексические единицы актуализируют представления Великобритании о влиятельности Китая, а также об угрозе финансовой стабильности и безопасности страны, которую Китай представляет своим экономическим развитием. Кроме того, указанные языковые единицы и контексты фиксируют напряжение между государствами, возникшее из-за устойчивого положения на мировой арене.

Угроза, которую Китай представляет для экономики Великобритании и всего мира, а также его стремление стать ведущим государством в мире, несмотря ни на что, выражены с помощью глаголов и глагольных словосочетаний с семантикой:

1. Предостережения (*warn, caution, send a signal, etc.*).

2. Побуждения (*impels certain behaviour, to be forced, call, urge, etc.*).

3. Развития и целеустремленности (*rise, expand, increase, develop, with plans to lead, improve and create, want to use, etc.*).

4. Вызова и соперничества (*act in a malign way, trigger, compromise, dispute, challenge, overtake, oppose, pose risk, etc.*).

Кроме того, намерение Китая стать мировым лидером при любом исходе дел находит своё отражение с британских СМИ с помощью наречий с семантикой:

1. Стремительности (*rapidly, increasingly, urgently, etc.*).

2. Значительности (*notably, extremely, seriously, fundamentally, etc.*).

3. Опасности (*dangerously, fiercely, etc.*).

4. Стабильности (*frequently, monthly, repeatedly, traditionally, etc.*).

5. Внезапности (*suddenly, surprisingly, unexpectedly, etc.*).

Концептуальная характеристика Китая как угрозы мировой экономике репрезентируется лексическими единицами, выраженными существительными, прилагательными, глаголами, глагольными сочетаниями и наречиями.

Полученное соотношение лексических единиц позволяет заключить, что для изображения опасности Китая британские СМИ чаще всего используют глаголы и глагольные словосочетания (34 %). Что касается существительных и наречий, описание Китая с их помощью происходит в одинаковом количестве (24 %), в то время, как процент употребления прилагательных является наименьшим (18 %). Таким образом, данные лексические единицы характеризуют Китай как настоящую угрозу не только для Великобритании, но и для всего мира.

Концептуальная характеристика «Китай – государство с замедляющимся развитием»

Несмотря на то, что Китай рассматривается британскими СМИ как государство, которое имеет высокие экономические достижения, оказывает большое влияние на состояние дел в мире и помогает самой Великобритании развивать экономику, он также представлен государством с остановившимся прогрессом.

Концептуальная характеристика Китая как страны с замедляющимся развитием находит репрезентацию в британском массмедийном дискурсе с помощью различных сочетаний и выра-

жений, подтверждающих торможение экономического роста Китая: *sharp economic slowdown, China crash, slow growth, weakest rate, problems with economy, health warning, feeling the squeeze, debt pile, bad loans, weakening growth, trade tensions, ending with a loss, sharp falls, slowing sales, deepening slowdown, profit warning, deep problems, serious and growing worries, complex and shady problem, lax protection, mountain of debt, etc.*

Британские СМИ указывают на снижение темпов развития Китая с помощью таких лексических единиц, как оценочные прилагательные и существительные, с семантикой:

1. Спада активности и ослабления позиций (*slowdown, fall, slow, slowing, crash, weakening, weakest, etc.*).

2. Давления и беспокойства (*squeeze, tension, worry, warning, etc.*).

3. Финансовых потерь и сложностей (*loss, debt, loan, serious, sharp, complex, shady, deep, etc.*).

4. Усложнения проблем и ненадежности (*problem, pile, mountain, deepening, lax, bad, etc.*).

По мнению СМИ Великобритании, Китай приближается к финансовому кризису. Экономический спад Китая находит отражение в британском массмедийном дискурсе также с помощью глаголов с семантикой:

1. Падения (*fall, drop, etc.*).

2. Сокращения (*knock off, shot up, etc.*).

3. Замедления (*stall, slow down, etc.*).

Однако, с начала 2019 года британские СМИ начинают представлять Китай как государство, старающееся исправить ситуацию и стремящееся к новому экономическому подъему. Данный факт находит подтверждение в британском массмедийном дискурсе с помощью глаголов с семантикой:

1. Попыток предотвращения (*try to prevent, pick up, combat, etc.*).

2. Стремления к росту и изменениям (*rise, boost, swing back, etc.*).

Британские СМИ утверждают, что, несмотря на попытки Китая предотвратить замедление экономического роста, снижение темпов его развития на данный момент не завершено. Это находит свое подтверждение в британском массмедийном дискурсе, в котором используются в различных контекстах такие видовременные формы глагола, как *Past Simple, Present Perfect, Present Simple* и *Present Progressive*, указывая на падение фондового рынка, снижение уровня продаж автомобилей, ограничение домашнего хозяйства, а также отсутствие правил регулирования бизнеса в Китае [China's economic …, 2019; HSBC …, 2019; China's slowdown …, 2019; Chinese industrial …, 2019].

Концептуальная характеристика формируемого образа Китая как государства с замедляющимся развитием описана различными лексическими единицами, выраженными существительными, прилагательными и глаголами.

Как можно заметить, спад экономического роста, а также попытки предотвращения снижения уровня активности, в большинстве своем, представлены глаголами. Что касается лексических единиц остальных частей речи, то они соотносятся 31 % к 29 % соответственно. Таким образом, данные лексические единицы и приведенные выше концептуальные смыслы в полной мере отображают замедление экономического развития Китая, а также то, как государство прилагает все усилия, чтобы остановить снижение уровня продаж, падение фондового рынка и рост задолженностей.

Заключение

Проведенный анализ британских статей позволил выявить, что характеристика Китая происходит посредством лексических единиц различных частей речи: существительных, прилагательных, глаголов, наречий, – в том числе и глагольных словосочетаний.

1. Концептуальная характеристика Китая как делового партнера Великобритании является ведущей. В большинстве своем, она представлена существительными с семантикой взаимодействия, дружбы, сотрудничества, связи и др. Британские СМИ также рассматривают Китай государство с высоким уровнем развития экономики, поэтому строить с ним стратегические отношения крайне выгодно.

2. Представление Китая как угрозы мировой экономике в британском массмедийном дискурсе, в отличие от первой характеристики, в основном с происходит помощью глаголов и глагольных выражений с семантикой воздействия, значимости, соперничества, вызова и др., подтверждающих тот факт, что Китай представляет опасность для экономического состояния большинства стран, в том числе и для Великобритании.

3. При изображении Китая как государства с замедляющимся развитием используются преимущественно глаголы с семантикой спада активности, финансовых потерь, давления, ослаб-

ления позиций и др., которые указывают на то, что, несмотря на достижение больших успехов в экономической сфере, рост государства приостановлен.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в том, чтобы проследить изменение формируемого образа Китая в динамике, а также привлечь массмедийный дискурс других лингвокультур с целью выявления различий в создаваемом образе. Кроме того, необходимо рассмотреть формирование образа государства в других типах дискурса, выявить основные тенденции создания образа Китая, и, основываясь на результатах всего ранее указанного, сравнить образ Китая с образами других стран.

Библиографический список

1. Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова. Ташкент : ФАН, 1973. 405 с.

2. Дзялошинский И. М. Проективная деятельность в структуре журналистского творчества. Деловая пресса России: настоящее и будущее. Москва : Юнеско, 1999. С. 104.

3. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. Москва : МГУ, 2008. 242 с.

4. Кузьмина Н. А. Медиатекст как объект медиалингвистики // Современный медиатекст. Омск : Омский гос. ун-т, 2011. С. 11–55.

5. Полонский А. В. Медиа-дискурс-концепт: опыт проблемного осмысления // Современный дискурс-анализ. 2014. С. 7.

6. Ху Цзиньтао начал визит в Великобританию. 2005. URL: http://russian.people.com.cn/31520/3841298.html (дата обращения: 07.12.2020).

7. A ‘golden era’ in China-UK relations. Really, Auntie May? 2018. URL: https://thebbc.digital/news/uk-45433153 (дата обращения: 20.03.2019)

8. Brexit: What’s Next for the China-UK Relationship? 2018. URL: https://carnegieendowment.org/2018/02/19/brexit-what-s-next-for-china-uk-relationship-pub-75633 (дата обращения: 14.05.2019).

9. British navy’s HMS Albion warned over South China Sea ‘provocation’. 2018. URL: https://www.bbc.com/news/uk-45433153 (дата обращения: 20.03.2019).

10. China poses greatest threat to UK as global super-power, claims new study. 2019. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2019/01/04/china-poses-greatest-threat-uk-global-super-power-claims-new/ (дата обращения: 14.05.2020).

11. China’s economic slowdown. 2019. URL: https://www.bbc.com/news/business-49791721 (дата обращения: 10.05.2019).

12. China’s slowdown and what it means for the UK. 2019. URL: https://www.bbc.com/news/business-46917562 (дата обращения: 28.05.2019).

13. Chinese industrial profits slump during April. 2019. URL: https://www.ft.com/content/47bae05a-8020-11e9-b592-5fe435b57a3b (дата обращения: 29.05.2019). URL: https://www.bbc.com/news/uk-45433153;

14. Contradictions of the «Golden Era» in UK–China Relations. 2019. URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/contradictions-of-the-golden-era-in-uk-china-relations/ (дата обращения: 04.05.2020).

15. Former PM takes on UK-China investment role. 2017. URL: https://www.bbc.com/news/uk-42377177 (дата обращения: 28.10.2018).

16. HSBC profits hit by China slowdown. 2019. URL: https://www.bbc.com/news/business-47289235 (дата обращения: 28.05.2020).

17. Speech by H.E. Ambassador Liu Xiaoming at the British Parliament: New Era for China and New Chapter of China-UK Cooperation. 2017. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwbd_665378/t1512851.shtml (дата обращения: 29.10.2018).

18. The forecast for British-Chinese relations in 2018: a storm on the horizon. 2018. URL: https://theconversation.com/the-forecast-for-british-chinese-relations-in-2018-a-storm-on-the-horizon-89424 (дата обращения: 04.02.2019).

19. UK faces risk from slump in China, warns Bank of England. 2018. URL: http://www.execreview.com/2018/06/uk-faces-risk-from-slump-in-china-warns-bank-of-england/ (дата обращения: 03.02.2019).

20. US-UK-China Relations: Post-Brexit Outlook. 2016. URL: https://thediplomat.com/2016/06/us-uk-china-relations-post-brexit-outlook/ (дата обращения: 16.10.2018).

21. World War 3 SPACE WARNING: China ‘bigger threat than Russia’ after moon landing. 2019. URL: https://www.express.co.uk/news/world/1066940/china-moon-landing-russia-Nigel-Inkster-MI6 (дата обращения: 14.05.2020).

Reference list

1. Aznaurova Je. S. Ocherki po stilistike slova = Essays on word stylistics. Tashkent : FAN, 1973. 405 c.

2. Dzjaloshinskij I. M. Proektivnaja dejatel'nost' v strukture zhurnalistskogo tvorchestva. Delovaja pressa Rossii: nastojashhee i budushhee = Projects in the structure of journalistic creativity. Business press of Russia: present and future. Moskva, 1999. C. 104.

3. Klushina N. I. Stilistika publicisticheskogo teksta = Stylistics of a publicist text. Moskva : MGU, 2008. 242 c.

4. Kuz'mina N. A. Mediatekst kak ob#ekt medialingvistiki = Medatext as an object of medialinguistics // Sovremennyj mediatekst. Omsk : Omskij gos. un-t, 2011. S. 11–55.

5. Polonskij A. V. Media-diskurs-koncept: opyt problemnogo osmyslenija = Media-discourse-concept: experience of problem comprehension // Sovremennyj diskurs-analiz. 2014. S. 7.

6. Hu Czin'tao nachal vizit v Velikobritaniju. 2005 = Hu Jintao begins a visit to Britain. 2005. URL: http://russian.people.com.cn/31520/3841298.html (data obrashhenija: 07.12.2020).

7. A ‘golden era’ in China-UK relations. Really, Auntie May? 2018. URL: https://thebbc.digital/news/uk-45433153 (data obrashhenija: 20.03.2019)

8. Brexit: What’s Next for the China-UK Relationship? 2018. URL: https://carnegieendowment.org/2018/02/19/brexit-what-s-next-for-china-uk-relationship-pub-75633 (data obrashhenija: 14.05.2019).

9. British navy’s HMS Albion warned over South China Sea ‘provocation’. 2018. URL: https://www.bbc.com/news/uk-45433153 (data obrashhenija: 20.03.2019).

10. China poses greatest threat to UK as global super-power, claims new study. 2019. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2019/01/04/china-poses-greatest-threat-uk-global-super-power-claims-new/ (data obrashhenija: 14.05.2020).

11. China’s economic slowdown. 2019. URL: https://www.bbc.com/news/business-49791721 (data obrashhenija: 10.05.2019).

12. China’s slowdown and what it means for the UK. 2019. URL: https://www.bbc.com/news/business-46917562 (data obrashhenija: 28.05.2019).

13. Chinese industrial profits slump during April. 2019. URL: https://www.ft.com/content/47bae05a-8020-11e9-b592-5fe435b57a3b (data obrashhenija: 29.05.2019). URL: https://www.bbc.com/news/uk-45433153;

14. Contradictions of the «Golden Era» in UK–China Relations. 2019. URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/contradictions-of-the-golden-era-in-uk-china-relations/ (data obrashhenija: 04.05.2020).

15. Former PM takes on UK-China investment role. 2017. URL: https://www.bbc.com/news/uk-42377177 (data obrashhenija: 28.10.2018).

16. HSBC profits hit by China slowdown. 2019. URL: https://www.bbc.com/news/business-47289235 (data obrashhenija: 28.05.2020).

17. Speech by H.E. Ambassador Liu Xiaoming at the British Parliament: New Era for China and New Chapter of China-UK Cooperation. 2017. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwbd_665378/t1512851.shtml (data obrashhenija: 29.10.2018).

18. The forecast for British-Chinese relations in 2018: a storm on the horizon. 2018. URL: https://theconversation.com/the-forecast-for-british-chinese-relations-in-2018-a-storm-on-the-horizon-89424 (data obrashhenija: 04.02.2019).

19. UK faces risk from slump in China, warns Bank of England. 2018. URL: http://www.execreview.com/2018/06/uk-faces-risk-from-slump-in-china-warns-bank-of-england/ (data obrashhenija: 03.02.2019).

20. US-UK-China Relations: Post-Brexit Outlook. 2016. URL: https://thediplomat.com/2016/06/us-uk-china-relations-post-brexit-outlook/ (data obrashhenija: 16.10.2018).

21. World War 3 SPACE WARNING: China ‘bigger threat than Russia’ after moon landing. 2019. URL: https://www.express.co.uk/news/world/1066940/china-moon-landing-russia-Nigel-Inkster-MI6 (data obrashhenija: 14.05.2020).

УДК 070

Е. С. Кузнецов **https://orcid.org/0000-0003-2307-809X**

Эволюция кликбейта: от инструмента желтой прессы к ключевой технологии интернет-СМИ

Для цитирования: Кузнецов Е. С. Эволюция кликбейта: от инструмента желтой прессы к ключевой технологии интернет-СМИ // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 48–54. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-48-54

В статье рассматривается технология кликбейт-заголовков, которые стали одним из главных инструментов привлечения внимания аудитории СМИ, но в массовом сознании их по-прежнему воспринимают как недопустимый прием бульварных медиа. Большинство из определений кликбейта составлены с негативной коннотацией и не совсем соответствует тому, чем является современный кликбейт. Он существенно эволюционировал: стал менее шаблонным, примитивным и раздражающим аудиторию, но при этом сохранил свое уникальное достоинство – он привлекает клики. Это необходимая технология для СМИ на современном беспрецедентно конкурентного рынке информации. На протяжении всей истории медиа существовала борьба за аудиторию и поиск наиболее оптимального способа привлечения внимания: например, в XIX веке использовали средства сенсации в печатных изданиях, в XX веке – средства экспрессии на телевидении. Однако еще никогда способ подачи материала не играл такую важную роль, как сейчас. Это обусловлено переходом всех традиционных СМИ на одну конкурентную платформу – интернет. Всем им приходится конкурировать за время аудитории с сетевыми медиа, которые существуют только в электронном формате, а также профессиональными блогерами и рядовыми пользователями, которые также производят контент. Креативно составленный и уместно примененный кликбейт призван помочь привлечь внимание потребителя к информационному продукту. Это эффективный способ в ситуации, когда конкуренция за время человека достигла беспрецедентного уровня. Шансы на большую аудиторию у материала с заголовком, который не выделяется на фоне остальных и не вызывает эмоций, малы. Так кликбейт стал неотъемлемой частью функционирования большинства участников рынка медиа.

Ключевые слова: интернет, интернет-СМИ, новые медиа, заголовок, кликбейт, аттрактивные технологии, медиатренды, социальные сети.

E. S. Kuznetsov

The evolution of clickbait: from a yellow press tool to the key Internet media technology

The article examines the technology of click-bait headlines, which have become one of the main tools to attract the attention of the media audience, but the public opinion continues to regard them as an unacceptable tabloid technique. Most of the definitions of clickbait contain negative connotations and are not exactly what modern clickbait is. It has evolved significantly: it has become less formulaic, primitive and annoying to the audience, but it has retained its unique advantage of attracting clicks. It is a necessary technology for the media in today's unprecedentedly competitive information market. Throughout the history of the media there has been a competition for audiences and for the best way to attract attention: for example, in the 19th century, the press used the means of sensation, in the 20th century – expressive means on television. But never before has the manner of presenting material played such an important role as it does now. This can be explained by the transition of all traditional media to one competitive platform – the Internet. They all have to compete for audience's time with online media that only exist in e-format, as well as with professional bloggers and ordinary users who also produce content. Creative and appropriate clickbait is designed to help draw the consumer's attention to the information product. This is an effective method in a situation where the competition for consumers' time has reached an unprecedented level. The chances to get a large audience with a headline that does not stand out among others and does not arouse emotion are small. Thus, clickbait has become an integral part of the functioning of most media market participants.

Key words: Internet, Internet media, new media, headline, clickbait, attraction technologies, media trends, social networks.

Введение

Переход информации в онлайн создал беспрецедентный уровень конкуренции за внимание аудитории и сделал роль аттрактивных приемов ключевой, иногда даже более важной, чем со-

© Кузнецов Е. С., 2021

держание журналистских материалов.

Во многом такое смещение приоритетов связано с изменением культуры потребления информации. Все больше людей использует в качестве основного источника ее получения социальные сети и новостные агрегаторы, а не приходит напрямую на страницы медиа. Когда пользователь хочет почитать новости, он все чаще заходит, например, в Facebook или Яндекс. Дзен. Они в свою очередь отдают предпочтение материалам, которые вызывают отклик, то есть алгоритм агрегатора, основываясь на данных посещаемости, предлагает аудитории наиболее популярные истории.

Методика, основанная на отборе наиболее популярных сюжетов, не слишком поощряет развитие брендов СМИ. Все большее число потребителей не обращает внимания на источник информации, не говоря об авторе журналисткой публикации. На смену платным подпискам на газеты и журналы пришли «Яндекс. Дзен», «Google News», «Рамблер. Новости» и другие ресурсы. Их алгоритмы вместе с алгоритмами социальных сетей теперь главные сортировщики и доставщики контента СМИ. Это подчеркивает глобальность изменений на рынке информации, которые требуют соответствующей реакции от СМИ. Теперь они получают меньше прямых заходов, поэтому вынуждены подстраиваться под новую культуру потребления информации и собирать аудиторию там, где она аккумулируется в больших объемах, – в социальных сетях и новостных агрегаторах [Каминская, Томмингас, 2020].

Чтобы гармонично существовать на этих площадках, необходимо адаптироваться. И в большей степени эти требования касаются заголовков, – они теперь важнее непосредственно контента, а также автора, который его подготовил, и издания, которое опубликовало. В новой реальности медиа может помочь кликбейт – технология, которая способствует выделению заголовка в потоке информации.

Методы исследования

Статья посвящена изучению некоторых существующих определений явления посредством обзора литературы. Анализ имеющихся трактовок позволяет сформировать новый подход к проблеме дефиниции кликбейта. Источники работы – публикации российских и зарубежных исследователей кликбейта.

Результаты исследования

Первую попытку определения кликбейта предпринял Д. Гейгер в своем блоге 1 декабря 2006 г. Он писал: «Кликбейт – любой контент или функция на веб-сайте, которая ловит посетителя на «наживку». Нечто достаточно интересное, чтобы привлечь внимание человека. Чаще всего под наживкой подразумеваются альтернативный текст или фраза, спорные лозунги или идеи, культурно вдохновляющие описания или события» [Гейгер, 2006].

Гейгер использовал раздельное написание слов click (кликнуть) и bait (наживка). Такой вариант можно встретить до сих пор, как и версию с дефисом click-bait, но в большинстве случаев употребляется слитное написание clickbait.

По оксфордскому словарю, кликбейт – это «контент в интернете, основная цель которого – привлечь внимание и побудить посетителя кликнуть на определенную веб-страницу» [Oxford Dictionary]. Составители дали нейтральную формулировку, но другие авторы словарей, исследователи, а также аудитория СМИ придали термину ярко выраженную негативную коннотацию.

Например, в словаре Merriam-Webster дается определение: «Кликбейт – нечто (например, заголовок), предназначенное для того, чтобы читатели захотели нажать на гиперссылку. Особенно, если ссылка приводит к контенту сомнительной ценности или интереса» [Merriam-Webster Dictionary].

Н. Н. Вольская определяет кликбейт как «средство привлечения аудитории с помощью специфических заголовков, которые в определенных случаях сопровождаются графическими материалами, провоцирующими интернет-пользователей читать конкретный контент в расчете на свойственные человеческой натуре чувства любопытства, возмущения или недоумения» [Вольская, 2018].

Х. Чжэн считает, что кликбейт – это контент, чья основная цель привлечь внимание и принести ресурсу, который его использует, больше просмотров [Чжэн, 2017].

А. Базако, М. Редондо и П. Санчес-Гарсия предлагают свое определение: кликбейт – это коммуникативный феномен динамичного характера, который возник в результате адаптации медиаиндустрии к меняющейся цифровой среде. Эта стратегия подачи информации в социальных сетях, которая опирается на принципы экономики внимания и объединяющая выразительные ресурсы для создания приманки, направленной

на аудиторию социальных сетей. Как правило, это претенциозное сообщение, которое предваряет контент поверхностного содержания [Базако, Редондо, Санчес-Гарсия, 2019].

Н. Херст предполагает, что использование кликбейта приводит к снижению доверия к источнику информации – сайту, который использует подобные заголовки для привлечения внимания. Иными словами, используя кликбейт, медиа повышает посещаемость, но снижает лояльность [Херст, 2016]. Похожую гипотезу выдвигает и Л. Димитрова, анализируя репрезентацию статистической информации в медиа. По мнению исследователя, СМИ настолько сосредоточены на привлекательной подаче информации с использованием кликбейта, что зачастую искажает статистические данные [Димитрова, 2019].

Еще одну интерпретацию кликбейта дают американские исследователи Х. Наимуль, М. Юссуф и М. Рони. По их мнению, «Кликбейт – это форма веб-контента, которая использует письменные формулировки и лингвистические методы в заголовках, чтобы обмануть читателей при переходе по ссылкам, но не выполняет обещаний» [Наимуль, Юссуф, Рони, 2017].

«Ключевая переменная кликбейта – это эмоция. Позитивная или негативная, возбуждающая сознание эмоция, направленная на то, чтобы сбить разум читателя, заставить его кликнуть не сознанием, а чувствами», – считают американские исследователи реакций на кликбейт [Гуирини, Стаино, 2015].

В 2016 году социальная сеть Facebook объявила о создании алгоритма, направленного на борьбу с кликбейтом. Социальная сеть начала скрывать новости от СМИ, публикующих кликбейт-заголовки. Главный критерий оценки кликбейт-заголовков – процент отказов, то есть время, которое пользователь проведет на сторонней странице после клика. Если по первому (или первым) абзацам посетитель видит, что суть материала не соответствует заголовку, то он уходит с ресурса. Подобный механизм имеет ряд изъянов, он не обладает стопроцентной точностью, поскольку быстрые выходы далеко не во всех случаях связаны с несоответствием заголовка и содержания.

В публичной инструкции для пользователей компания определила кликбейт как заголовки, которые умышленно скрывают важную информацию, проясняющую суть поста, заголовки, вводящие пользователя в заблуждение и вынуждающие перейти на сторонний сайт, чтобы узнать ответ». [Пейсахович, Хендрикс, 2016]

Похожие алгоритмы были реализованы Яндексом на платформе Яндекс. Дзен. Представители корпорации рассказывали о трех ключевых методиках выявления нежелательного кликбейта в специальной инструкции:

1) Дочитывание и время: нажав на карточку с кликбейтом, пользователь быстро понимает, что его обманули, и возвращается в ленту. Поэтому у материалов с кликбейтом мало дочитываний и низкое среднее время прочтения.

2) Оценка: читатели не любят, когда их обманывают. Поэтому кликбейтные материалы чаще получают отметки «Меньше такого».

3) Блокировка: читатели блокируют каналы и источники, где встречается кликбейт, вне зависимости от того, насколько им интересна их тематика [Кликбейт в Дзене, 2019].

Нельзя утверждать однозначно, но можно допустить, что внедрение ограничивающих алгоритмов от социальных сетей и новостных агрегаторов было связано в первую очередь с защитой собственных бизнес-интересов, а не только заботой о соблюдении информационной гигиены потребителей и производителей контента. В любом случае повышенное внимание к данному явлению со стороны социальных сетей и поисковых систем – важнейших игроков на рынке информации – говорит о том, что кликбейт-заголовки стали регулярно использоваться в современных интернет-медиа.

Попытки дать наиболее точное определение кликбейту продолжаются до сих пор, но многие исследователи согласны с дефиницией оксфордского словаря и ссылаются на него. Впрочем, сейчас в западной научной среде наблюдается тенденция, согласно которой исследованием кликбейта занимаются не только журналисты и лингвисты, но и математики и программисты. Они сосредоточены на создании механизмов, которые в автоматическом режиме выделяют кликбейт-заголовки от заголовков без использования кликбейт-технологий, а также стараются найти наиболее популярные у аудитории методы их составления.

Еще 10-15 лет назад кликбейт-заголовки использовались исключительно бульварной прессой и на сайтах, которые пытались продать какой-либо товар. Преимущественно речь идет о новостях-объявлениях или броских ссылках контекстной рекламы, суть которой в подавляющем большинстве случаев не соответствовала гиперболизированному заголовку.

Особенности того этапа развития заголовках в интернете описывал старший редактор The Atlantic Д. Томсон: «Интернет был наполнен заголовками, которые искушали читателя интригующими деталями. «Медведь зашел в продовольственный магазин. Вы не поверите, что случилось потом». Подобные заголовки соблазняют пользователей читать ужасные, подслащенные и бессмысленные истории. Кликбейт был ежедневной тарелкой пончиков, от которых невозможно отказаться, как бы они ни вредили здоровью» [Томсон, 2017].

В результате информационной кампании кликбейт закрепился в массовом сознании как нечто недостойное, недопустимое и раздражающее. И к тому же попал под ограничения со стороны новостных агрегаторов и социальных сетей.

Однако пора зафиксировать, что первоначальный взгляд многих исследователей СМИ, медиагигантов и представителей аудитории на кликбейт не вполне соответствует тому, чем он стал сейчас, в том числе под влиянием всесторонней критики. Технология значительно эволюционировала – стала сложнее и тоньше, а сотрудники СМИ научились использовать этот инструмент без недопустимых приемов, раздражающих аудиторию, сохранив при этом его главную ценность – привлечение людей к своим материалам.

Журналисты сегодня конкурируют не только между собой, но и со многими другими каналами коммуникации, которые удерживают внимание потребителей информации в Интернете. Интернет-СМИ конкурируют с авторами подкастов, Youtube-блогерами, стриминговыми платформами и многим другим. Более того, СМИ вступают в конкуренцию с близким кругом своих потребителей – их друзьями, родственниками и знакомыми, которые публикуют материалы в социальных сетях.

В этой беспрецедентной борьбе за аудиторию успешность материала определяют не столько имя автора, статус издания и качество содержания, сколько заголовок, а также его виральность среди пользователей соцсетей и мессенджеров – как читатели делятся им со знакомыми. Не менее важна и индексация в новостных агрегаторах – например, в Яндекс. Дзене или Google.news [Камингская, Томмингас, 2020].

В связи с этим кликбейт не следует рассматривать исключительно как маргинальное явление, характерное для бульварных СМИ и контекстной рекламы, как средство, которые респектабельное издание не имеет права использовать по этическим или эстетическим причинам.

И здесь уместна аналогия между кликбейтом и эволюцией Web-пространства в целом. На первых этапах развития интернет был простым и не впечатлял дизайном. У него был ограниченный набор инструментов, а страницы сильно отличались от современных.

Период стремительного развития индустрии, который заключался в переходе от Web 1.0 и Web 2.0, позволил интернет-СМИ более эффективно монетизировать свою работу, выполнять ее более разнообразно и технологично, что открыло путь к созданию новых медиа.

Термин Web 2.0 принадлежит американскому издателю Тиму О'Рейлли, который считал, что всей интернет-индустрии нужен глобальный ребрендинг для достижения большего удобства в использовании и более высокого качества интернет-картинки [О'Рейлли, 2005]. Благодаря Web 2.0, стало возможным появление таких популярных сайтов, как Google, Youtube, Wikipedia, Facebook, и большей части других интернет-страниц, работающих на основе новой технологии.

Исследователь интернет-СМИ А. А. Калмыков выделяет четыре стадии становления интернет-журналистики в России:

1. Примитивные авторские проекты (1995-1999).
2. Период становления интернет-СМИ (1999-2000).
3. Коммерциализация веб-медиа (2000-2003).
4. Период Web 2.0 (2003 – наши дни) [Калмыков, 2012].

Три первых стадии относятся к WEB 1.0, последующая эволюция интернета – уже Web 2.0 – период качественного. При этом и Web 1.0, и Web 2.0 – это интернет, просто совсем разный по качеству и по отношению к нему аудитории. Первый нередко вызывал отторжение, второй – восхищение и повсеместное использование.

Похожую аналогию уместно провести и с кликбейтом.

Кликбейт 1.0: примитивен, вводит заблуждение относительно содержании материала или недоговаривает и, как правило, сильно раздражает. Используется в основном желтой прессой и в контекстной рекламе.

Кликбейт 2.0: конкретен, многообразен, не завышает ожиданий и не вводит в заблуждение. Его используют все участники медиарынка, чтобы выдерживать конкуренцию за внимание по-

требителя.

Эти стадии эволюции объединяет только цель – привлечение внимания к контенту с помощью заголовка. В остальном это совсем разные понятия, хотя большинство исследователей и пользователей по-прежнему смешивают их и по инерции обозначают термином «кликбейт» любой материал, который их разочаровал.

Важно, что с момента появления кликбейта 1.0 сотрудники СМИ существенно доработали эту технологию. СМИ видели ее преимущества по показателям посещаемости, которая многократно возрастала с помощью кликбейта, но получали и гневную реакцию аудитории, которой категорически не нравился метод.

Постепенно СМИ ушли от шаблонов кликбейта первой волны: «Ты не поверишь, что произошло потом», «Смотреть до конца», «Шок» и так далее. Приведем некоторые примеры привлекательных заголовков сайта Meduza.io – одного из самых успешных изданий в русскоязычном пространстве в продвижении материалов в социальных сетях.

- Обычный для Тулуна мужик. Как ловили маньяка, который 30 лет насиловал женщин [Медуза, 01.12.2019]
- Все вдруг заговорили об игре Among Us. Это аналог «Мафии», в котором нужно вычислять искусных лгунов среди друзей [Медуза, 18.10.2020]
- Девочка крутит велосипедную шину как обруч. Это новая работа Бэнкси – наконец-то не о пандемии! Хотя подождите…. [Медуза, 17.10.2020]

Качество заголовка оценивается субъективно, но наш взгляд, данные формулировки следует признать удачными. Эти заголовки позволяют понять, о чем пойдет речь в материале, не дают ложных обещаний, но при этом привлекают внимание, сохраняя интригу.

«Кликбейт нельзя классифицировать просто по формальным языковым признакам, – пишет А. В. Николаева. – Заглавие вполне может быть образным, но удачным, уместным, относящимся именно к теме текста. С другой стороны, название может быть выстроено как информативное и при этом являться настоящим кликбейтом. Кликбейт можно встретить и в прессе, и на ТВ, и в онлайн-СМИ, и в рекламе. По сути, он везде, но не всегда под кричащим заголовком кроется пустышка. Яркий, творческий заголовок без дурновкусия и обмана всегда может стать хорошим способом привлечения читателей» [Николаева, 2018, с. 47].

Вряд ли следует винить СМИ в желании вызывать интерес аудитории. Таков рынок. Кликбейт-заголовки – это действенный способ выделить свой контент на высококонкурентной платформе, где виральность как цель и громкие заголовки как средство оказались в числе определяющих факторов привлечения аудитории. [Кузнецов, 2020]

«Кликбейтом называют текст, историю или новость, которые по разным причинам не нравится потребителю информации. Это не совсем корректно. Кликбейт – это необязательно плохо, термин описывает то, что побуждает читателя узнать больше. А. Брае считает, что кликбейт может быть хорошим заголовком, но по какой-то причине его отмечают, когда он в газете, и осуждают, когда он в интернете. Автор отмечает, что «существует снобизм, связанный со стереотипом, как будто есть нечто предосудительное в том, чтобы предоставлять аудитории то, что она хочет. Кликбейт – это демократическое изобретение. Своими кликами и репостами люди голосуют за то, что им нравится» [Брае, 2018].

Заключение

С одной стороны, индустрия медиа претерпела настолько серьезный переворот, что теперь редакционную политику формируют распространители контента. Если бы подобная революция случилась в XX веке, до изобретения интернета, то вышло бы, что издания функционируют с опорой на требования почты и логистических компаний. С другой стороны, СМИ как никогда прежде могут, а в какой-то степени даже вынуждены действовать в интересах аудитории, которая получила работающий демократический инструмент голосования за то, что ей нравится, в виде кликов. Их наличие или отсутствие у определенного издания формирует тенденцию, анализируя которую с помощью многочисленных доступных инструментов редакция делает выводы, как и о чем ей писать, чтобы генерировать максимальную аудиторию на своих страницах.

Наблюдается тренд, в рамках которого негативная коннотация термина «кликбейт» постепенно перестает ощущаться, что позволяет предположить, что в ближайшее время о кликбейте будут говорить положительно. Все больше исследователей признает, что бороться за внимание адресата без использования аттрактивных средств становится невозможным [Гаврикова, 2019].

Таким образом можно заключить, что любой заголовок успешного материала, который смог собрать хорошую аудиторию, не прибегнув к методам кликбейта 1.0, – это кликбейт 2.0. Такое понимание явления важно для дальнейшего исследования понятия, которое стало неотъемлемой частью современных медиа.

Библиографический список

1. Все вдруг заговорили об игре Among Us. Это аналог «Мафии», в котором нужно вычислять искусных лгунов среди друзей. Материал Медузы. 2020. 18 октября. URL: https://meduza.io/slides/vse-vdrug-zagovorili-ob-igre-among-us-eto-analog-mafii-v-kotorom-nuzhno-vychislyat-iskusnyh-lgunov-sredi-druzey (дата обращения: 23.10.2020)

2. Девочка крутит велосипедную шину как обруч. Это новая работа Бэнкси – наконец-то не о пандемии! Хотя подождите… Материал Медузы. 2020. 17 октября. URL: https://meduza.io/shapito/2020/10/17/devochka-krutit-velosipednuyu-shinu-kak-obruch-eto-novaya-rabota-benksi-nakonets-to-ne-o-pandemii (дата обращения: 20.10.2020)

3. Обычный для Тулуна мужик. Как ловили маньяка, который 30 лет насиловал женщин. Материал Медузы. 2019. 1 декабря. URL: https://meduza.io/episodes/2019/12/01/obychnyy-dlya-tuluna-muzhik-kak-lovili-manyaka-kotoryy-30-let-nasiloval-zhenschin (дата обращения: 23.10.2020)

4. Вольская Н. Н. Кликбейт как средство создания ложной информации в интернет-коммуникации // Медиаскоп. 2018. Вып. 2. URL: http://www.mediascope.ru/2450 (дата обращения: 15.10.2020)

5. Гаврикова О. А. Кликбейтинг как фактор создания ложного нарратива в политическом медиадискурсе икова // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75).

6. Калмыков А. А. Медиалогия Интернета. Москва : URSS, 2012. 271 с.

7. Каминская Т. Л., Томмингас Т. Яндекс. Дзен: Новый медийный и обучающий формат // Ученые записки НовГУ. 2020. № 4 (29). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yandeks-dzen-novyy-mediynyy-i-obuchayuschiy-format (дата обращения: 12.10.2020).

8. Кликбейт в Дзене. 2019. URL: https://yandex.ru/support/zen/requirements/clickbait.html

9. Кузнецов Е. С. Преувеличивающий заголовок как аттрактивный прием в спортивных интернет-СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. No 4 (38). С. 204–210.

10. Николаева А. В. Кликбейт в СМИ // Русская речь. 2018. № 3. С. 43–47. URL: https://istina.msu.ru/publications/article/114323343/ (дата обращения: 12.10.2020)

11. Bazaco A., Redondo M., Sánchez-García P. Clickbait as a strategy of viral journalism: conceptualisation and methodst // Revista Latina de Comunicación Social. 2019. № 74. С. 94–115. (дата обращения 16.04.2021)

12. Braae A. You won't believe what clickbait actually is. 2018. URL: https://thespinoff.co.nz/media/23-06-2018/you-wont-believe-what-clickbait-is/ (дата обращения 16.04.2021)

13. Definition of clickbait by Jay Geiger. 2006. URL: http://www.jaygeiger.com/index.php/2006/12/01/definition-of-click-bait/

14. Definition of clickbait in Merriam-Webster Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/clickbait (дата обращения 12.10.2020)

15. Definition of clickbait in Oxford Dictionary. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/clickbait (дата обращения 12.10.20).

16. Dimitrova L. Official Statistics as Clickbait – The New Threat in the Post-truth Society? // Journal of Mathematics and System Science. 2019. № 9. P. 95–99.

17. Peysakhovich A., Hendrix K. Further Reducing Clickbait in Feed. 2016. URL: https://newsroom.fb.com/news/2016/08/news-feed-fyi-further-reducing-clickbait-in-feed/ (дата обращения 16.04.2021)

18. Guerini M., Staiano J. «Deep Feelings: A Massive Cross-Lingual Study on the Relation between Emotions and Virality». URL: https://arxiv.org/abs/1503.04723 (дата обращения: 12.10.2020)

19. Hurst N. To Clickbait or Not to Clickbait? An Examination of Clickbait Headline Effects on Source Credibility. Thesis, University of Missouri. 2016.

20. Uddin Rony Md. M., Hassan N., Yousuf M. Diving Deep into Clickbaits: Who Use Them to What Extents in Which Topics with What Effects? 2017 URL: https://arxiv.org/pdf/1703.09400.pdf (дата обращения: 15.10.2020)

21. Thompson D. Hit Makers: the science of popularity in the era of distraction Oceano, 2017 (дата обращения 16.04.2021)

22. O'Reilly T. What Is Web 2.0 Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. 2005. URL: https://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html (дата обращения 15.10.2020)

23. Zheng, H.-T., et al. 2017. «Boost Clickbait Detection Based on User Behavior Analysis». Asia-Pacific Web (APWeb) and Web-Age Information Management (WAIM) Joint Conference on Web and Big Data. Springer, Cham. Science of Learning, National Science Teachers Association, Washington, D. C. P 85–7.

Reference list

1. Vse vdrug zagovorili ob igre Among Us. Jeto analog «Mafii», v kotorom nuzhno vychisljat' iskusnyh lgunov sredi druzej. Material Meduzy. 2020. 18 oktjabrja = All of a sudden everyone is talking about the game Among Us. It is a «Mafia» analogue, where you need to

figure out the skilled liars among your friends. Medusa material. 2020. October 18. URL: https://meduza.io/slides/vse-vdrug-zagovorili-ob-igre-among-us-eto-analog-mafii-v-kotorom-nuzhno-vychislyat-iskusnyh-lgunov-sredi-druzey (data obrashhenija: 23.10.2020)

2. Devochka krutit velosipednuju shinu kak obruch. Jeto novaja rabota Bjenksi – nakonec-to ne o pandemii! Hotja podozhdite… Material Meduzy. 2020. 17 oktjabrja = A girl spins a bicycle tire like a hoop. This is Banksy's new work – finally not about the pandemic! Although hold on... Medusa material. 2020. October 17. URL: https://meduza.io/shapito/2020/10/17/devochka-krutit-velosipednuyu-shinu-kak-obruch-eto-novaya-rabota-benksi-nakonets-to-ne-o-pandemii (data obrashhenija: 20.10.2020)

3. Obychnyj dlja Tuluna muzhik. Kak lovili man'jaka, kotoryj 30 let nasiloval zhenshhin. Material Meduzy. 2019. 1 dekabrja = A typical man for Tulun. How they were catching a maniac who had been raping women for 30 years. Medusa material. 2019. December 1. URL: https://meduza.io/episodes/2019/12/01/obychnyy-dlya-tuluna-muzhik-kak-lovili-manyaka-kotoryy-30-let-nasiloval-zhenschin (data obrashhenija: 23.10.2020)

4. Vol'skaja N. N. Klikbejt kak sredstvo sozdanija lozhnoj informacii v internet-kommunikacii = Clickbait as a means of creating false information in Internet communication // Mediaskop. 2018. Vyp. 2. URL: http://www.mediascope.ru/2450 (data obrashhenija: 15.10.2020)

5. Gavrikova O. A. Klikbejting kak faktor sozdanija lozhnogo narrativa v politicheskom mediadiskurse ikova = Clickbaiting as a factor in the creation of a false narrative in political media discourse // Politicheskaja lingvistika. 2019. № 3 (75).

6. Kalmykov A. A. Medialogija Interneta = Medialogy of the Internet. Moskva : URSS, 2012. 271 s.

7. Kaminskaja T. L., Tommingas T. Jandeks. Dzen: Novyj medijnyj i obuchajushhij format = Yandex. Zen: A new media and educational format // Uchenye zapiski NovGU. 2020. № 4 (29). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yandeks-dzen-novyy-mediynyy-i-obuchayuschiy-format (data obrashhenija: 12.10.2020).

8. Klikbejt v Dzene. 2019 = Clickbait in Zen. 2019. URL: https://yandex.ru/support/zen/requirements/clickbait.html

9. Kuznecov E. S. Preuvelichivajushhij zagolovok kak attraktivnyj priem v sportivnyh internet-SMI = An exaggerated headline as an attraction in online sports media // Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2020. No 4 (38). S. 204–210.

10. Nikolaeva A. V. Klikbejt v SMI = Clickbait in mass media // Russkaja rech'. 2018. № 3. S. 43–47. URL: https://istina.msu.ru/publications/article/114323343/ (data obrashhenija: 12.10.2020)

11. Bazaco A., Redondo M., Sánchez-García P. Clickbait as a strategy of viral journalism: conceptualisation and methodst // Revista Latina de Comunicación Social. 2019. № 74. S. 94–115. (data obrashhenija 16.04.2021)

12. Braae A. You won't believe what clickbait actually is. 2018. URL: https://thespinoff.co.nz/media/23-06-2018/you-wont-believe-what-clickbait-is/ (data obrashhenija 16.04.2021)

13. Definition of clickbait by Jay Geiger. 2006. URL: http://www.jaygeiger.com/index.php/2006/12/01/definition-of-click-bait/

14. Definition of clickbait in Merriam-Webster Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/clickbait (data obrashhenija 12.10.2020)

15. Definition of clickbait in Oxford Dictionary. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/clickbait (data obrashhenija 12.10.20).

16. Dimitrova L. Official Statistics as Clickbait – The New Threat in the Post-truth Society? // Journal of Mathematics and System Science. 2019. № 9. P. 95–99.

17. Peysakhovich A., Hendrix K. Further Reducing Clickbait in Feed. 2016. URL: https://newsroom.fb.com/news/2016/08/news-feed-fyi-further-reducing-clickbait-in-feed/ (data obrashhenija 16.04.2021)

18. Guerini M., Staiano J. «Deep Feelings: A Massive Cross-Lingual Study on the Relation between Emotions and Virality». URL: https://arxiv.org/abs/1503.04723 (data obrashhenija: 12.10.2020)

19. Hurst N. To Clickbait or Not to Clickbait? An Examination of Clickbait Headline Effects on Source Credibility. Thesis, University of Missouri. 2016.

20. Uddin Rony Md. M., Hassan N., Yousuf M. Diving Deep into Clickbaits: Who Use Them to What Extents in Which Topics with What Effects? 2017 URL: https://arxiv.org/pdf/1703.09400.pdf (data obrashhenija: 15.10.2020)

21. Thompson D. Hit Makers: the science of popularity in the era of distraction Oceano, 2017 (data obrashhenija 16.04.2021)

22. O'Reilly T. What Is Web 2.0 Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. 2005. URL: https://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html (data obrashhenija 15.10.2020)

23. Zheng, H.-T., et al. 2017. «Boost Clickbait Detection Based on User Behavior Analysis». Asia-Pacific Web (APWeb) and Web-Age Information Management (WAIM) Joint Conference on Web and Big Data. Springer, Cham. Science of Learning, National Science Teachers Association, Washington, D. C. R 85–7.

Русский язык

УДК 811.161.1

И. Ю. Третьякова **https://orcid.org/0000-0002-7981-3156**

Особенности окказиональных замен во фразеологических единицах с компонентами-колоративами

Для цитирования: Третьякова И. Ю. Особенности окказиональных замен во фразеологических единицах с компонентами-колоративами // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 55–63. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-55-63

Статья посвящена вопросам окказионального преобразования фразеологических единиц в современном русском языке. Актуальность исследования обусловлена вниманием учёных к проблемам изменчивости языковых единиц в речи. Новизна работы заключается в неизученности трансформационной активности фразеологизмов различных тематических, фразеосемантических групп и полей. В одну из таких групп объединены фразеологизмы с компонентом-колоративом, проявляющим в условиях фразеологической связанности особенности семантики, что, в свою очередь, обусловливает специфику окказиональных изменений фразеологизма. Целью данной статьи является исследование трансформационной активности фразеологизмов с компонентом-колоративом *белый* на примере одного вида трансформаций – замены адъективного компонента *белый* окказиональным компонентом. При анализе семантики фразеологизмов учитывается особенность прилагательных-цветообозначений и как компонентов фразеологизма, и как слов свободного употребления; немаловажным является способность колоративов выполнять функцию знаков-символов. В статье рассматриваются фразеологизмы, в которых компонент-колоратив либо репрезентирует элементы основного смысла фразеологизма, либо сохраняет символическое значение, либо не является ключевым компонентом фразеологической семантики. Для определения специфики трансформаций фразеологизмов с компонентом-колоративом целесообразным оказалось исследование замен компонентов, происходящие как на основе парадигматических связей слов-цветообозначений, так и на основе актуализированных асистемных отношений. В результате исследования выявлена обусловленность трансформационной активности фразеологизмов степенью значимости компонента-колоратива в формировании семантики фразеологической единицы: чем менее компонент-колоратив значим в образовании фразеологического значения, тем большие возможности замены этого компонента проявляются в условиях функционирования фразеологизма в речи, тем более активно проходят процессы окказиональной трансформации фразеологизма.

Ключевые слова: окказиональная фразеология, трансформация фразеологизма, фразеологический компонент-колоратив, цветообозначения-символы, трансформационная активность фразеологизма.

Russian language

I. Y. Tretiakova

Peculiarities of occasional substitution in phraseological units with a colour-component

The article is devoted to occasional transformations of phraseological units in the modern Russian language. The relevance of the study is based on the attention of scientists to the problems of variability of language units in speech. The novelty of the study is based on insufficient knowledge about transformation capacity of idioms from various thematic, phraseological and semantic groups and fields. One of the groups unites idioms with the colour-component featuring semantic peculiarities, which determine specific transforming processes. The article studies transformations of phraseological units with the component *white* by means of substituting the component *white* by occasional components. Analyzing phraseological semantics, the author regards specific features of the colour-adjective both as a phraseological component and a free lexical unit. It is important to mention that color-words may function as a symbol. The article deals with idioms where a colour-component either represents meaningful semantic elements or conveys a symbolic meaning, or it is excluded from phraseological semantics. To define transformation peculiarities of idioms, the author analyzes component substitutions based on paradigmatic connections among colour-words and on their asystemic connections. The results of the research demonstrate dependence of transformation capacity on the degree a

© Третьякова И. Ю., 2021

colour-component is involved in forming a phraseological meaning: the less a component participates in forming a phraseological meaning, the more possibilities for transformations are presented in speech and, thus, the higher transformation capacity is.

Key words: occasional phraseology, phraseological transformation, phraseological colour-component, symbols of colour definition, transformation capacity of a phraseological unit.

Введение

Преобразования языковых фразеологических единиц (далее ФЕ) в необычные, нетрадиционные по форме и смыслу речевые образования происходили, должно быть, на протяжении всего существования фразеологизмов в языке, однако научное осмысление этих процессов в отечественной фразеологии началось лишь во второй половине XX века и продолжается в настоящее время. В 60–70-е годы XX века, в период становления «классической» фразеологии, параллельно с разработкой вопросов, касающихся выделения фразеологизмов как самостоятельной единицы, описания признаков устойчивых знаков, их семантических и грамматических особенностей, началось изучение речевых форм ФЕ. В работах известных фразеологов были представлены классификации преобразований фразеологизмов, описаны отдельные приёмы трансформации языковых единиц, выделены способы окказионального изменения знаков [Шанский, 1963; Шадрин, 1973; А. В. Кунин, 1970 и др.]. С 70–80-х годов и по сей день появляются многочисленные публикации, где демонстрируются окказиональные преобразования фразеологизмов в художественных произведениях отдельных авторов, в публицистических текстах различных жанров. Помимо описательных работ, в последние годы опубликованы труды, в которых осуществляется теоретическое обоснование способности ФЕ к окказиональному изменению, осмысление факторов и условий собственно процессов трансформаций фразеологизмов [Алефиренко, Золотых, 2004; Мелерович, Мокиенко, 2011; Третьякова, 2011]. Тем не менее, на фоне значительного количества исследований мало изученной оказалась трансформационная активность фразеологизмов. Научный интерес, на наш взгляд, вызывают следующие вопросы: каким образом способен трансформироваться тот или иной фразеологизм, какие внутренние и внешние факторы обусловливают речевую изменчивость конкретной ФЕ, насколько частотны могут быть окказиональные модификации отдельной языковой единицы и целых групп фразеологизмов, каков преобразовательный потенциал фразеологизмов? Определению особенностей трансформаций и преобразовательной активности одной из групп ФЕ, а именно фразеологизмов с компонентами-колоративами, и посвящена данная статья. В качестве объекта исследования выбраны фразеологизмы с компонентом *белый*.

При исследовании ФЕ с колоративами нельзя не учитывать специфику этих адъективных компонентов, связанную с особенностями колоративов в их свободном употреблении. В современной науке накоплен значительный материал по исследованиям слов-цветообозначений. Проблемы теоретической и прикладной колоративистики широко освещаются в работах зарубежных и отечественных учёных [Berlin, Kay, 1969; MacLaury, 1991; Hieder,1972; Вежбицкая, 1996; Бахилина, 1975 и др.].

Колоративы составляют незначительную группу лексического состава любого языка, однако их роль в национальных лексиконах велика, так как эти единицы непосредственно участвуют в создании языковой картины мира каждого этноса. По мнению Вежбицкой, «наше сознание формируется … под воздействием окружающей нас культуры», цвета в языке не абстрактны, а связаны с какими-то значимыми для человека объектами во внешнем мире, ассоциирующимися с тем или иным цветом [Вежбицкая, 1996, с. 239]. Этим же обусловлено широкое использование колоративов при образовании ФЕ, ибо цвет является одной из главных категорий культуры, фиксирующей «уникальную информацию о колорите окружающей природы, своеобразии исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций, особенностях художественного видения мира» [Жаркынбекова, 1999, с. 109].

Выявляя особенности прилагательных-колоративов, невозможно обойти вопрос о символике цвета. Цвет может быть воспринят как символ – то есть как «условный знак какого-нибудь понятия, явления, идеи» [ТСРЯ, 2003, с. 717]. Символика свойственна большей части слов-цветообозначений. В разных традициях с отдельными цветами связываются различные коннотации. В Полной энциклопедии символов и знаков приводится следующая характеристика белого цвета: ‘символизирует чистоту, свет, мудрость, добро, высоту духа; считается атрибу-

том верховной власти; нередко связан со сферой сакрального; выступает в качестве цвета траура – в странах Среднего и Дальнего Востока' [Полная энциклопедия…, 2008, с. 599]. Также отмечается существующая в природе и в представлении людей противопоставленность белого цвета чёрному; в частности Вежбицкая связывает оппозицию *черный – белый* с тёмным и светлым и называет ключом к раскрытию семантики слов *тёмный* и *светлый* понятие зрения: семантическая структура этих слов (*белые* – это предметы, которые хорошо видят; *чёрные* – это предметы неразличимые) отражает их статус „основного цветообозначения"» [Вежбицкая, 1996, с. 249].

Перечисленные выше особенности колоративов как единиц языка проявляются и во фразеологических компонентах-колоративах. Это видится в первую очередь в образном плане фразеологизмов: в основе ФЕ лежит фразеологический образ, в котором зафиксированы наблюдения человека над окружающим его миром – людьми, животными, явлениями, процессами и др.; колоративы, вошедшие в состав фразеологизмов, будучи элементами фразеологического образа, обычно называют реальный цвет, оттенок внешности человека, предметов обихода, продуктов, одежды, животных, окружающей природы и т. д. (*шито белыми нитками, принц на белом коне, белая кость*). Вместе с тем колоративы, являющиеся компонентами ФЕ, существенно отличаются от прилагательных-цветообозначений, свободно функционирующих в языке, в другом плане – семантическом. Главным отличием является факт того, что фразеологизмы обладают связанным значением, а значит каждый компонент фразеологизма, включая колоратив, полностью или частично теряет своё традиционное значение. Колоративы, будучи фразеологическими компонентами, репрезентируют элементы связанного значения фразеологизма, характеризуя внутренние и внешние особенности кого- или чего-либо (*белая кость* – 'благородный человек', *белая ворона* – необычный 'человек'). Некоторые компоненты-колоративы проявляют свойства слов-символов (*въехать на белом коне, поднять белый флаг*).

Однако и здесь нельзя отрицать влияния на формирование семантики фразеологизма прямономинативных свойств слов, входящих в компонентный состав ФЕ; колоративы, не являясь исключением, по-разному (в разной степени) проявляют свойства свободного слова-цветообозначения.

Исследования колоративов, преобразовавшихся из слов свободного употребления в компоненты фразеологизма, выявили специфику внутреннего плана слов-цветообозначений в условиях их семантической и грамматической связанности. Компонент-колоратив, в данном случае адъективный компонент *белый*, во фразеологических единицах имеет как различную степень связанности, так и разную степень смысловой нагруженности.

Особенности семантики и компонентного состава фразеологизмов являются одним из факторов, влияющих на процессы окказионального преобразования ФЕ [Мелерович, Мокиенко, 2008; Третьякова, 2011] и в плане осуществления этих процессов, и в аспекте их активности.

Цель работы: исследовать трансформационную активность ФЕ с компонентом-колоративом *белый* на примере одного вида трансформаций – замены адъективного компонента *белый* окказиональным компонентом.

Рассмотрим фразеологические единицы *белая ворона, сказка про белого бычка, въехать на белом коне*, в которых колоратив *белый*, будучи компонентом ФЕ, проявляет различные свойства. Во ФЕ *белая ворона* актуализируется метафорическое связанное значение колоратива, несущее основную смысловую нагрузку; во ФЕ *сказка про белого бычка* компонент-колоратив не имеет основной смысловой нагрузки; во ФЕ *въехать на белом коне* компонент *белый* характеризуется как колоратив с символическим значением.

1. Особенности окказиональных замен компонента-колоратива во ФЕ *белая ворона*

Фразеологическая единица *белая ворона* имеет значение 'тот, кто резко отличается от окружающих, выделяется чем-либо необычным для них; непонятный, кажущийся странным, имеющий иную систему ценностей'. Как и многие ФЕ, образованные на основе наблюдений человека за миром животных и птиц, данный фразеологизм создан на основе метафорического переноса и употребляется в ситуациях характеристики кого-либо, чаще человека, который воспринимается окружающими как «чужак», «не свой», а потому оценивается в основном негативно – с опаской, недоумением, удивлением и даже презрением.

Колоратив *белый* в данном фразеологизме не обладает каким-либо символическим значением. Белый здесь – нестандартный, неестественный цвет вороны / ворона (очевидно, речь идёт о птице-альбиносе). Следует иметь в виду также важ-

ность для формирования семантики ФЕ выбора субстантивного компонента *ворона*, так как именно у представителей этого вида птиц оперенье имеет густой чёрный цвет. И появление вороны белого цвета – в среде ворон, имеющих чёрный цвет, – воспринимается в природе как нечто неестественное, странное.

Говоря о замене компонентов в любом фразеологизме, следует учитывать «стандартные» замены [Диброва, 1979], основанные на парадигматических связях языкового компонента фразеологизма и его окказионального заместителя, в первую очередь на синонимии и антонимии. Во ФЕ *белая ворона* языковые компоненты уже составляют внутреннюю оппозицию по линии цвета (белый – чёрный). При окказиональной трансформации компонента-колоратива замена компонента *белый* на антонимичный компонент *чёрный* (*чёрная ворона*) маловероятна: чёрная ворона не выделяется из стаи себе подобных, а значит, не будет поддерживаться метафорический смысл ФЕ. Тем не менее, в рамках фразеонабора при функционировании в тексте ФЕ *белая ворона* и словосочетания *чёрная ворона*, при наличии контекстных актуализаторов сочетание слов *чёрная ворона* может приобретать контрастное языковому фразеологизму метафорическое значение и восприниматься как окказиональный фразеологизм. См.: «Всегда боялась стать *белой вороной*, выделиться. Боялась, что заклюют. Чёрной вороной быть безопасней. Вот я и была *чёрной вороной*. Некрасивой, незаметной, такой как все» (Ю. Фёдорова).

В данном контексте ОФ *чёрная ворона* имеет значение, контрастное семантике традиционной ФЕ: ‘человек обычный, не отличающийся от других, „свой”, неопасный’.

Не обладающий символическим значением колоратив *белый* актуализирует парадигматическую связь по линии противопоставления (антонимия *белый – чёрный*) на основе цвета оперения у птицы – цвета кожи у человека. Замена колоратива *белый* на *чёрный* может быть связана с характеристикой людей, имеющих чёрный цвет кожи; при этом происходит двойная актуализация значения ФЕ, одновременно с переносным (‘отличающиеся от окружающих’) проявляется и прямое значение колоратива *чёрный*. См. пример фрагмента публицистического очерка М. Стуруа «Флорида без апельсинов»:

«Отношения с соседями никак не налаживались. Даже дипломатические. Дело в том, что хотя трава перед домом Батлеров была зелёная, но вот сами-то они были чёрными. А в Коллидж-парк Вудс всё население – за исключением четырёх семейств, не считая Батлеров – белое. Люди явно бойкотировали „чёрных ворон” (выражение „белая ворона” здесь явно неуместно)» [цит. по ФРР, с. 136]. В контексте обыгрывается компонентный состав фразеологизмов при сохранении значения языковой ФЕ: смысл фразеологизма *чёрная ворона* – ‘тот, кто резко отличается от окружающих, выделяется необычным для них цветом кожи; чужак, имеющий неприемлемые традиции, систему ценностей’.

В целом компонент-колоратив *белая* достаточно устойчив и сохраняет ключевой элемент значения фразеологизма. Такая устойчивость, по нашему мнению, связана со смысловой нагруженностью компонента-колоратива, репрезентирующего элементы значения ‘нестандартный, неестественный, резко отличающий кого-либо [=ворону] от окружающих, выделяющийся чем-либо необычным; непонятный, кажущийся странным’.

При трансформации ФЕ *белая ворона* замене чаще подвергается не адъективный компонент *белая*, а субстантивный компонент *ворона*; при этом фразеологизм сохраняет своё значение в целом, но происходит конкретизация характеризуемого субъекта.

Часто окказиональными компонентами – заместителями субстантива *ворона* являются существительные, входящие в группу анимализмов, причём среди новых компонентов ФЕ имеют место быть как собственно орнитонимы, так и слова, называющие животных, рыб, насекомых и проч. Большое значение имеет следующий фактор: субстантивные компоненты должны называть птиц и зверей, не имеющих (или крайне редко имеющих) в природе белого окраса, так как именно на контрасте традиционного и нетрадиционного (в данном случае белого) цвета строятся образ и значение фразеологизма. Так, словосочетания *белый заяц*, *белый гусь* воспринимаются не как устойчивые единицы с переносным значением и специфическим смыслом, а как свободное соединение слов с прямым значением. Также при анализе семантики ФЕ необходимо учитывать ассоциативные связи, возникающие у носителей языка при восприятии того или иного представителя анималистического мира. Например, с воробьём – этой маленькой юркой птичкой, мало способной на грубые действия, нападение либо силовой отпор, – может сравниваться человек, обладающий похожими качествами. С

голубем или голубкой, отличающимися – в представлении человека – кротким нравом, являющимися символами чистоты, нежности и любви, могут быть связаны характеристики кого-либо, не проявляющего нахальства, агрессии, злобы, со свойственными ему кротостью, доброжелательностью, миролюбием.

Так, в окказиональном фразеологическом трансформе *белый голубь* новый компонент вносит новые элементы смысла, значимые для характеристики человека. См. фрагмент из произведения А. Кузнецова «Моя мадонна»:

«Он помнил её совсем молодой и красивой. Она была артисткой Ильинского театра – единственной женщиной-артисткой, потому что женские роли тогда в большинстве играли мужчины. … Пётр наконец понял, что мать его была *белым голубем* в стае ворон. Жила она какой-то своей жизнью, чуждой отцу, деду, детям и односельчанам» [Цит. по ФРР, с. 136].

Словосочетание *белый голубь* прочитывается в данном контексте как фразеологический трансформ, образованный на базе ФЕ *белая ворона*. Колоратив *белый* сохраняет деривационные связи с фразеологизмом-прототипом, репрезентирует элементы значения языковой ФЕ; орнитоним *голубь* вносит добавочные элементы смысла; также влияют на появление оттенков значения трансформа контекстные актуализаторы *в стае ворон*, *своей жизнью, чуждой*, в результате чего окказиональный фразеологизм *белый голубь* получает значение ‘тот, кто резко отличается от грубых, невоспитанных, наглых окружающих (= стая ворон), непонятный, кажущийся странным, имеющий иную систему ценностей (= белый), выделяющийся необычными для окружающих (= белый) кротостью, доброжелательностью (= голубь)’.

Словосочетание *белый воробей* в тексте песни с названием «Белый воробей» (Е. Фролова) также воспринимается в качестве трансформа ФЕ *белая ворона*. Понимание словосочетания как преобразованного фразеологизма обусловлено деривационной связью колоратива *белый* с языковой ФЕ и репрезентацией значения, свойственного ФЕ. Герой произведения – белый воробей – характеризуется как существо необычное, отличающееся от других птиц способностью преданно любить, верностью, романтизмом, благородством. В тексте также актуализируется символика колоратива *белый*, связанная с воплощением высоты духа; в стихотворении – с неземной любовью.

Мой *белый воробей* живёт на свете белом,
Чирикает, как все другие воробьи.
Но как бы он ни жил и что бы он ни делал,
Все песни об одном: о неземной любви.
Своею белизной, что злобною мишенью,
Смущает небеса и балует врагов,
Но что ему до всех, он любит свою Дженни,
Она глядит с небес, и он на всё готов.

Окказиональной замене могут подвергаться оба компонента языкового фразеологизма. Обязательным условием при полной замене компонентов ФЕ является присутствие в контексте языковой единицы, выполняющей функцию актуализатора речевого (окказионального) фразеологизма, без которой последний не определяется как таковой. В качестве примера см. фрагмент из произведения Л. Успенского «Записки старого петербуржца»:

«Рядом со считавшими себя левыми эсэрами Изачеком и Шполянским, рядом с уже упомянутым мною Николаем Быстровым в золотом пенсне и со шкиперской трубочкой в зубах, Левин выглядел не столько *белой вороной*, сколько, наоборот, так казать, „*черным гусем*”» [Цит. по ФРР, с. 136]. В среде вышеназванных эсэров, которых Успенский характеризует как интеллигентных, умных людей, державших себя как джентльмены и уверовавших в способность России стать европейской страной, Левин, с его замашками „спекулянтского босса”, помятый, длинноносый и грязный, действительно резко отличался своими далеко не светлыми качествами личности, а во внешности и поступках скорее был схож – образно выражаясь – с гусем (ср.: ФЕ *гусь лапчатый* – ‘пройдоха, плут, хитрый, пронырливый человек’ [ФСРЛЯ, с. 136]). Следует учесть, что колоратив *чёрный* актуализирует здесь своё символическое значение, связанное со сферой отрицательного [Полная энциклопедия…, 2008, с. 560]. Так в контексте очерков словосочетание *чёрный гусь*, образованное по модели языковой ФЕ *белая ворона*, приобретает окказиональное значение ‘человек, резко отличающийся от окружающих неприличным поведением, порицаемым в обществе достойных людей; имеющий иную систему ценностей’. Как видим, в данном случае замена компонента-колоратива *белый* словом *чёрный* осуществляется не только на основе цветовой оппозиции – окраса оперения птицы, но в компонентах *белый* и *чёрный* актуализируется символическая интер-

претация цвета: белому – ‘чистому, благородному’ – противопоставлен чёрный – ‘грязный, низменный’.

2. Особенности окказиональных замен компонента-колоратива во ФЕ *сказка про белого бычка*

Фразеологическая единица *сказка про белого бычка* имеет значение ‘пустые обещания, неосуществимые надежды’; это постоянно повторяющаяся фраза, обозначающая нечто (ситуацию, разговор, мысль, историю), ни на что не влияющее, ничего не меняющее, никак не разрешающее проблему; ‘о длинной, бесконечной, непрекращающейся истории (часто занудной)’. Это устойчивое сочетание слов относят к группе докучных сказок, в которых текст повторяется неоднократно, в зависимости от желания рассказчика. Часто докучные сказки являются формой насмешки, издевательства над слушателем.

Колоратив *белый* в данной ФЕ не имеет символического значения. Более того, по одной из версий о происхождении фразеологизма компонент *белый* следует понимать как прозрачный, невидимый (но в современном представлении об этимологии устойчивого сочетания слов такое толкование цветообозначения не является точным). Компонент *белый* не проявляет устойчивой связи с какой-либо бытовой ситуацией с участием белого бычка. Если предположить, что в представлении носителей языка (народная этимологизация) колоратив *белый* – по аналогии с адъективным компонентом во ФЕ *белая ворона* – характеризует некое лицо как существо необычное, непохожее на всех остальных подобных, и именно поэтому о нём следует рассказать, то выявляется явная несостоятельность такого предположения, так как быки светлой масти в природе распространены наряду с такими же животными другой масти. То есть использование колоратива *белый* в данной ФЕ в современном русском языке не мотивировано и не символично, как, впрочем, и субстантивный компонент *бык*. Эти факторы обусловливают особенности замен компонента *белый*. Данный компонент замещается с целью конкретизации и буквализации ФЕ. Так, вместо колоратива *белый* функционирует прилагательное *жёлтый* в заголовке статьи о предсказаниях на год жёлтого быка: «Сказки про жёлтого бычка» (Н. Притупова). ФЕ, используемая в гороскопе, теряет своё предназначение – быть элементом докучной сказки, включение в компонентный состав ФЕ колоратива *жёлтый* связано с конкретизацией употребления фразеологизма. Эта же причина лежит в основе замены компонента *белый* на колоратив *жёлто-блакитный* в названии статьи «Сказка о жёлто-блакитном бычке» (А. Рушковский). Жёлто-блакитным является цвет государственного флага Украины, и компонент *жёлто-блакитный* соотносит в сознании говорящих данную ФЕ не только с флагом, но и с государством, имеющим этот символ. В статье говорится о выступлении на канале «Свобода слова» экс-президента Украины Ющенко, который в очередной раз обещал своим гражданам провести существенные изменения в государстве. Фразеологизм, использованный в заголовке, содержит намёк на докучную сказку, что проявляется в заключительной части текста: «Еще раньше стало понятно, что какой бы вопрос президенту ни задай, он будет говорить примерно одно и то же. Такой монолог еще бы слушался в час стабильного процветания, а когда страна уже нырнула в глубокую з***, подобные рассуждения на взгляд и нечто навевали неизбывную тоску. Ющенко пообещал, что подобные диалоги мы будем повторять неоднократно». Отсутствие символического значения позволяет делать более широкий круг замен. Колоратив *белый*, в целях конкретизации значения фразеологизма и двойной актуализации смысла, может замещаться адъективными компонентами разных тематических групп, с выходом за пределы традиционных (синонимических, антонимических, гипонимических и др.) связей. См., к примеру, заголовок статьи «Сказка про казахстанского бычка» (С. Смирнов), в которой разговор идёт о высокой цене мяса казахстанских быков и о нескончаемых обещаниях власти исправить ситуацию с дороговизной продуктов в стране. См. также «Сказка про кощеева бычка» (Л. Полищук), «Сказка про бычка-новичка» (Ю. Цыбанев) и др.

3. Особенности окказиональных замен компонента-колоратива во ФЕ *въехать на белом коне*

Фразеологическая единица *въехать на белом коне* имеет значение ‘появиться в роли триумфатора, быть в роли победителя’ [РКП, с. 116]. Значение фразеологизма связано с символикой белого цвета, репрезентированной в компоненте *белый*: именно белый конь в Апокалипсисе является символом победы; триумфаторы, победители сражений традиционно въезжали в покорённые города на белых конях. Фразеологический образ

имеет в своей основе реалии из жизни общества, и главное место в образной картинке отводится именно коню белой масти. Следовательно, замена компонента *белый* на какой-либо другой колоратив, как логично можно предположить, приведёт к исчезновению символического смысла, а значит, к дефразеологизации, и потому маловероятна.

Однако следует учитывать, что колоратив *белый* имеет несколько символических смыслов, и при актуализации символического смысла ‘чистый, благородный, божественный’ может актуализироваться оппозит *чёрный* как символ греха, антихриста. Кроме того, авторы текстов используют языковой фразеологизм для создания каламбура, сталкивая языковую ФЕ и её трансформ. См., к примеру, фрагмент рекламного текста автомашины Buick под названием «Чёрный конь маршала Рыбалко» (И. Падерин): «В далёкие-предалёкие времена победители въезжали в город на белом коне. 9 мая 1945 года советский полководец въехал в освобождённую Прагу на чёрном Buick». Словосочетания *чёрный конь* и *чёрный Buick* под влиянием актуализатора – фразеологизма *въехать на белом коне*, использованного в тексте, – декодируются как трансформы данной языковой единицы, однако смысловой акцент колоратива *чёрный* связан с цветом бьюика (в этом проявляется парадоксальность, смысл каламбурного столкновения ФЕ и трансформов), символическое же значение колоратива *белый* – ‘цвет победы, триумфа’ – утрачивается. Такая же утрата символического значения колоратива *белый* наблюдается при любой замене этого фразеологического компонента другим колоративом. См., к примеру, заголовок статьи «В Пермь Ксения Собчак въехала на „красном коне”» (И. Денисов), в которой говорится о выставке картин Александра Семакова. Особенностью произведений художника является использование им полотен известных мастеров: «… зрители видят знакомые с детства картины, которые художник по-своему „переписал” … „красного коня” купает Ксения Собчак». Колоратив *красный* не содержит символического значения, отсылает в данном случае к полотну К. С. Петрова-Водкина «Купание красного коня».

Выводы

Фразеологизмы с адъективным компонентом-колоративом *белый* проявляют в речи трансформационную активность, однако процессы преобразования ФЕ происходят по-разному, и активность замены компонента *белый* также различна.

ФЕ с компонентом-символом характеризуются незначительным преобразовательным потенциалом в отношении замены колоратива *белый* окказиональным компонентом-цветообозначением. Причина низкой трансформационной активности ФЕ связана именно с символическим значением компонента, так как утрата этого компонента приводит к дефразеологизации, к потере деривационной связи трансформа и языковой ФЕ.

Фразеологизмы с компонентом-колоративом, эксплицирующим элементы метафорического значения фразеологизма несимволического характера, имеют также недостаточно высокую преобразовательную активность, что связано с ключевой значимостью колоратива; утрата этого компонента приводит к десемантизации единицы.

ФЕ с компонентом-колоративом, не имеющим символического значения, не эксплицирующим в семантике единицы каких-либо значимых элементов, демонстрируют относительно высокую преобразовательную активность при замене языкового компонента окказиональным. При этом новые (речевые) компоненты фразеологизма обеспечивают осуществление авторских интенций: конкретизации, буквализации значения ФЕ.

Изучение преобразовательного потенциала фразеологических единиц отдельных тематических и фразеосемантических групп позволяет описать явления, происходящие в русском языке в настоящий момент, а также прогнозировать трансформационные процессы в языке и их результаты.

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия) : монография. Астрахань : ИД «Астраханский университет», 2004. 296 с.

2. Бахилина Н. Б. История цветообозначения в русском языке. Москва : Наука, 1975. 292 с.

3. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва : Русские словари, 1996. С. 231–291.

4. Денисов И. В Пермь Ксения Собчак въехала на «красном коне». URL: http://chaiknews.ru/index.php?dn=news&id=253&to=page (дата обращения 20.09.2020).

5. Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 1979. 292 с.

6. Жаркынбекова Ш. К. Моделирование концепта как метод выявления этнокультурной специфики //

Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999. С. 107–112.

7. Кунин А. В. Английская фразеология. Теоретический курс. Москва : Высшая школа, 1970. 243 с.

8. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. 484 с.

9. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. 456 с.

10. Падерин И. Чёрный конь маршала Рыбалко. URL. http://www.auto-trading.com.ua/test-drive/buick/century/525.html (дата обращения 25.11.2020).

11. Полищук Л. Сказка про кощеева бычка. URL: https://www.gotovim.ru/library/meat/bychok_kasheev.shtml (дата обращения 25.11.2020).

12. Полная энциклопедия символов и знаков / авт.-сост. В. В. Адамчик. Минск : Харвест, 2008. 607 с.

13. Притупова Н. Сказки про жёлтого бычка. URL: http://www.telesem.ru/heroes/2012-10-23-06-44-00/830 (дата обращения 15.01.2021).

14. РКП: Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков и др. Москва : «Гнозис», 2004. 318 с.

15. Рушковский А. Сказка про жёлто-блакитного бычка. URL. https://www.obozrevatel.com/show/article/skazka-pro-zhelto-blakitnogo-byichka.htm (дата обращения 15.01.2021)

16. Смирнов С. Сказка про казахстанского бычка. URL: https://newsland.com/user/4297663821/content/skazka-pro-kazakhstanskogo-bychka/4286882 (дата обращения 20.01.2021)

17. ТСРЯ: Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Москва : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. 944 с.

18. Третьякова И. Ю. Окказиональная фразеология : монография. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. 290 с.

19. ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. В 2-х т. Москва : Изд-во «Цитадель», 1997. Т. 1. 391 с.

20. Фёдорова Ю. История одинокой женщины. URL. https://zen.yandex.ru/media/1belaya_vorona/istoriia-odinokoi-jensciny-5cbac06a36a7a700b369192e (дата обращения 25.11.2020)

21. Фролова Е. Белый воробей. URL: http://webliteratura.kz/belyj-vorobej/ (дата обращения 15.01.2021).

22. ФРР: Фразеологизмы русской речи: словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. Москва : Русские словари, 1997. 864 с.

23. Цыбнев Ю. Сказка про бычка-новичка. URL. https://www.sovsport.ru/football/articles/411861-skazka-pro-bychka-novichka (дата обращения 15.01.2021).

24. Шадрин Н. Л. Средства окказиональных преобразований фразеологических единиц как система элементарных приёмов // Лингвистические исследования: сб. науч. тр. 1972. Москва : Ин-т языкознания АН СССР, 1973. Ч. 2. С. 78–97.

25. Шанский Н. М. Фразеология русского языка. Москва : Высшая школа, 1963. 156 с.

26. Berlin B., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1969. 178 p.

27. MacLaury Robert E. Social and cognitive motivations of change: Measuring variability in color memory // American Anthropologist. 1991, № 81. Pp. 581–615.

28. Hieder E.R. Universal in colour naming and memory // Journal of Experimental Psychology. 1972, № 93. P. 10–20.

Reference list

1. Alefirenko N. F., Zolotyh L. G. Problemy frazeologicheskogo znachenija i smysla (v aspekte mezhurovnevogo vzaimodejstvija) = Problems of phraseological meaning and sense (in the aspect of inter-level interaction) : monografija. Astrahan' : ID «Astrahanskij universitet», 2004. 296 s.

2. Bahilina N. B. Istorija cvetooboznachenija v russkom jazyke = History of color designation in the russian language. Moskva : Nauka, 1975. 292 s.

3. Vezhbickaja A. Oboznachenija cveta i universalii zritel'nogo vosprijatija = Color designations and the universals of visual perception // Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie. Moskva : Russkie slovari, 1996. S. 231–291.

4. Denisov I. V Perm' Ksenija Sobchak vjehala na «krasnom kone» = Ksenia Sobchak entered Perm on a «red horse». URL: http://chaiknews.ru/index.php?dn=news&id=253&to=page (data obrashhenija 20.09.2020).

5. Dibrova E. I. Variantnost' frazeologicheskih edinic v sovremennom russkom jazyke = Variation of phraseological units in modern russian. Rostov-na-Donu : Izd-vo RGU, 1979. 292 s.

6. Zharkynbekova Sh. K. Modelirovanie koncepta kak metod vyjavlenija jetnokul'turnoj specifiki = Concept modeling as a method of revealing ethnic cultural specificity // Materialy IX Kongressa MAPRJaL. Bratislava, 1999. S. 107–112.

7. Kunin A. V. Anglijskaja frazeologija. Teoreticheskij kurs = English phraseology. Theoretical course. Moskva : Vysshaja shkola, 1970. 243 s.

8. Melerovich A. M., Mokienko V. M. Semanticheskaja struktura frazeologicheskih edinic sovremennogo russkogo jazyka = Semantic structure of phraseological units

in the modern russian language. Kostroma : KGU im. N.A. Nekrasova, 2008. 484 s.

9. Melerovich A. M., Mokienko V. M. Sovremennaja russkaja frazeologija (semantika – struktura – tekst) = Modern russian phraseology (semantics – structure – text). Kostroma : KGU im. N.A. Nekrasova, 2011. 456 s.

10. Paderin I. Chjornyj kon' marshala Rybalko = Marshal Rybalko's black horse. URL. http://www.auto-trading.com.ua/test-drive/buick/century/525.html (data obrashhenija 25.11.2020).

11. Polishhuk L. Skazka pro koshheeva bychka = The fairy tale of Koshchey's bull. URL: https://www.gotovim.ru/library/meat/bychok_kasheev.shtml (data obrashhenija 25.11.2020).

12. Polnaja jenciklopedija simvolov i znakov = Complete encyclopedia of symbols and signs / avt.-sost. V. V. Adamchik. Minsk : Harvest, 2008. 607 s.

13. Pritupova N. Skazki pro zhjoltogo bychka = Fairy tales of the yellow bull. URL: http://www.telesem.ru/heroes/2012-10-23-06-44-00/830 (data obrashhenija 15.01.2021).

14. RKP: Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskij slovar': Vyp. Pervyj = RCP: Russian cultural space: Linguistics and culture dictionary: Vol. 1. / I. S. Brileva, N. P. Vol'skaja, D. B. Gudkov i dr. Moskva : «Gnozis», 2004. 318 s.

15. Rushkovskij A. Skazka pro zhjolto-blakitnogo bychka = The fairy tale of the yellow-blue bull. URL. https://www.obozrevatel.com/show/article/skazka-pro-zhelto-blakitnogo-byichka.htm (data obrashhenija 15.01.2021)

16. Smirnov S. Skazka pro kazahstanskogo bychka = The fairy tale of the Kazakh bull. URL: https://newsland.com/user/4297663821/content/skazka-pro-kazakhstanskogo-bychka/4286882 (data obrashhenija 20.01.2021)

17. TSRJa: Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = EDRL: Explanatory dictionary of the russian language / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. Moskva : OOO «ITI TEHNOLOGII», 2003. 944 s.

18. Tret'jakova I. Ju. Okkazional'naja frazeologija = Occasionalism phraseology : monografija. Kostroma : KGU im. N.A. Nekrasova, 2011. 290 s.

19. FSRLJa: Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka = PDRLL: Phraseological dictionary of the russian literary language / A. I. Fjodorov. V 2-h t. Moskva : Izd-vo «Citadel'», 1997. T. 1. 391 s.

20. Fjodorova Ju. Istorija odinokoj zhenshhiny = The story of a lonely woman. URL. https://zen.yandex.ru/media/1belaya_vorona/istoriia-odinokoi-jensciny-5cbac06a36a7a700b369192e (data obrashhenija 25.11.2020)

21. Frolova E. Belyj vorobej = The white sparrow. URL: http://webliteratura.kz/belyj-vorobej/ (data obrashhenija 15.01.2021).

22. FRR: Frazeologizmy russkoj rechi = PRS: Phraseology in russian speech. : slovar' / A. M. Melerovich, V. M. Mokienko. Moskva : Russkie slovari, 1997. 864 s.

23. Cybnev Ju. Skazka pro bychka-novichka = The fairy tale of the novice bull. URL. https://www.sovsport.ru/football/articles/411861-skazka-pro-bychka-novichka (data obrashhenija 15.01.2021).

24. Shadrin N. L. Sredstva okkazional'nyh preobrazovanij frazeologicheskih edinic kak sistema jelementarnyh prijomov = Means of occasional transformations of phraseological units as a system of elementary methods // Lingvisticheskie issledovanija: sb. nauch. tr. 1972. Moskva : In-t jazykoznanija AN SSSR, 1973. Ch.2. S. 78–97.

25. Shanskij N. M. Frazeologija russkogo jazyka = Phraseology of the russian language. Moskva : Vysshaja shkola, 1963. 156 s.

26. Berlin B., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1969. 178 p.

27. MacLaury Robert E. Social and cognitive motivations of change: Measuring variability in color memory // American Anthropologist. 1991, № 81. P. 581–615.

28. Hieder E.R. Universal in colour naming and memory // Journal of Experimental Psychology. 1972, № 93. P. 10–20.

УДК 81'42

В. Н. Степанов **https://orcid.org/0000-0001-81-98-2517**

Ю. Н. Варфоломеева **https://orcid.org/0000-0003-2914-5804**

От субъектной перспективы к субъектной навигации текста

Исследование выполнено при поддержке гранта «Молодые учёные Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления – 2021». Проект «От субъектной перспективы к субъектной навигации текста»

Для цитирования: Степанов В. Н., Варфоломеева Ю. Н. От субъектной перспективы к субъектной навигации текста // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 64–70. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-64-70

В настоящей статье описание рассматривается как функционально-смысловой тип речи с точки зрения рецептивно-прагматической парадигмы исследования. Авторы обращаются к прагматическому синтаксису с целью реконструировать рецептивное пространство субъекта речи, его когнитивную сферу с опорой на прагматически (коннотативно) «заряженные» знаки и актуализировать с их помощью имплицитно выраженный смысл высказывания. В качестве методологической основы исследования выбраны референциальный анализ, позволяющий реконструировать набор исходных ситуаций (референциальное пространство), и контекстологический анализ, с помощью которого эксплицируется прагматическая информация и личностные смыслы, принадлежащие когнитивной сфере субъекта речи (рецептивное пространство). Особое внимание уделяется триадной оппозиции «фигура – микроконтекст – референциальное пространство» – «фон – макроконтекст – рецептивное пространство». Понятийная триада «фигура – микроконтекст – референциальное пространство» связана с предметным миром и его репрезентациями в тексте и в этом отношении относится к понятийному полю семантического синтаксиса. Наоборот, понятийная триада «фон – макроконтекст – рецептивное пространство» позволяет реконструировать когнитивную сферу субъекта речи и ее репрезентации в речи, в частности, отношение субъекта речи к тому, что он видит, чувствует и думает, как развиваются его представления об исходной (референтной) ситуации, и относятся к предметной сфере и понятийному полю прагматического синтаксиса. Данная триадная оппозиция позволяет рассматривать субъектную навигацию текста как модификацию его субъектной перспективы. Субъектная навигация текста представляет собой имплицитные (неявно выраженные) способы ориентации в когнитивной сфере субъекта речи и призвана управлять вниманием читателя, его восприятием разного уровня эксплицитно и имплицитно выраженных смыслов с помощью прагматических локализаторов речевой интенции субъекта речи.

Ключевые слова: семантика, прагматика, субъектная перспектива текста, субъектная навигация текста, референтная ситуация, рецептивное пространство, семантический синтаксис, прагматический синтаксис, фигура, фон.

V. N. Stepanov, Y. N. Varfolomeeva

From subjective perspective to subjective text navigation

This article considers description as a functional and semantic type of speech from the point of view of the receptive-pragmatic paradigm of research. The authors turn to pragmatic syntax in order to reconstruct the receptive space of the speech subject, their cognitive sphere based on pragmatically (connotatively) «charged» signs and to actualize the implicitly expressed meaning of the statement with their help. The methodological basis of the study is the referential analysis, which helps to reconstruct a set of initial situations (referential space), and contextual analysis, through which the pragmatic information and personal meanings belonging to the cognitive sphere of the speech subject (receptive space) are explicated. Special attention is paid to the triadic opposition «figure – micro-context – referential space» – «background – macro-context – receptive space». The conceptual triad «figure – micro-context – referential space» is related to the material world and its representations in the text, and in this respect belongs to the conceptual field of semantic syntax. On the contrary, the conceptual triad «background – macro-context – receptive space» enables to reconstruct the cognitive sphere of the speech subject and its representation in speech, in particular, the attitude of the speech subject to what they see, feel and think, how their ideas about the original (referent) situation develop, and refer to the material sphere and conceptual field of pragmatic syntax. This triadic opposition helps to consider the subjective navigation of the text as a modification of its subjective perspective. Subjective text navigation represents implicit (not clearly expressed) ways of orientation in the cognitive sphere of the speech subject and is designed to direct the reader's

© Степанов В. Н., Варфоломеева Ю. Н., 2021

attention, their perception of different levels of explicitly and implicitly expressed meanings through pragmatic localizers of the speech subject's discourse intention.

Key words: semantics, pragmatics, subjective text perspective, subjective text navigation, referential situation, receptive space, semantic syntax, pragmatic syntax, figure, background.

Введение

Предметный мир дан человеку в ощущениях, отражается в его мышлении и воплощается в языке. В лингвистическом плане он распадается на ***исходные ситуации***, получающие языковое воплощение. Семантический анализ помогает реконструировать каждую исходную ситуацию и представить ее как ***референтную*** – двунаправленный семантический конструкт, связывающий мыслительную «запись» и языковое воплощение исходной ситуации. Еще одно измерение учитывает активную роль субъекта речи и позволяет реконструировать его субъективное отношение к тому, что дано ему в ощущениях, отражается в мыслеформах и воплощается в языке (когнитивная сфера субъекта речи), – это прагматический анализ, оперирующий ***прагматическими (субъективными) смыслами*** высказывания. Прагматический анализ позволяет раскрыть ***прагматическую информацию***, содержащуюся в высказывании, и реконструировать ***прагматические смыслы, те глубинные, интенциональные состояния, которые «переживает» субъект речи по поводу исходной ситуации и означивает их в формах языка***. Это явление относится к области лингвистических проблем, поскольку, как считает Умберто Матурана, «языковое поведение является ориентирующим поведением» [Матурана, 1996, с. 116]. Наблюдения над «ориентирующим поведением» приводят исследователя к заключению, что язык коннотативен, т. е. выполняет функцию ориентации ориентируемого в его когнитивной области, и «никакой передачи информации через язык не происходит. Выбор того, куда ориентировать свою когнитивную область, совершается самим ориентируемым в результате независимой внутренней операции над собственным состоянием» [Матурана, 1996, с. 119]. Вывод учёного вписывается в рамки когнитологии: «Язык не передаёт информации, а его функциональная роль заключается в создании кооперативной области взаимодействий между говорящими путём выработки общей системы отсчёта» [Матурана, 1996, с. 140].

Семантические исследования традиционно учитывают категорию субъекта речи и позволяют реконструировать субъектную перспективу текста как актуальное многообразие референтных ситуаций; эти исследования имеют глубокую традицию в мировой и отечественной лингвистике [Золотова 1982; Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998; Падучева, 1991, 1993, 2002; Успенский, 1970; Шмид 2003 и др.].

Объектом исследования в данной работе является описание как особый тип речи, а предметом – субъектная перспектива текста в описании.

Теория функционально-смысловых типов речи поставила исследования описания, повествования и рассуждения на логическую основу исосредоточенав основном на изучении структурно-семантических особенностей текстов [Нечаева, 1974, 2011; Хамаганова, 2000; Омельченко, 2001 и др.]. Согласно функционально-смысловому подходу ***описание*** рассматривается как «функционально-смысловой тип речи, являющийся ее типизированной разновидностью как образец, модель монологического сообщения в виде перечисления одновременных или постоянных признаков предмета в широком понимании и имеющий для этого определенную смысловую структуру» [Нечаева, 1974, с. 94].

В целом исследование описания как функционально-смыслового типа речи практически замыкается на рассмотрении его синтаксической структуры [Омельченко, 2001; Бохиева, 2019], референциальных и темпоральных свойств [Русакова, 2004, 2006], специфики выражения синхронности и категории времени [Хандархаева, 2005], а также его структурно-семантической и лексической моделей [Хамаганова, 2000]. Новый вектор в изучении описания задан учеными, исследующими фреймовые модели в описании [Гончар, 2016; Реброва 2017; Рогова 2019а, 2019б; Функционально-смысловые единицы речи, 2017].

Исследования Т. В. Шмелевой в области ***семантического синтаксиса*** позволили ученому прийти к выводу о том, что «смысл предложения не есть сумма значений составляющих его слов, это некое особое образование, имеющее собственную организацию, диктующее свои требования лексике и морфологическим формам, заставляя их выступать в тех или иных значениях, а иногда «навязывая» как будто бы им не свойственные» [Шмелева, 1988, с. 4].

Методы исследования

При исследовании типов речи с точки зрения функционально-семантического подхода в основу кладется в первую очередь изучение референциально-семантических или референциально-пропозициональных свойств, реализующихся в описании.

На наш взгляд, функционально-семантическая парадигма не позволяет в полной мере актуализировать прагматические смыслы высказывания, поскольку формально субъект, чье видение (интенциональное состояние) передается в описании, находится вне структуры описательного текста, часто представлено в ней имплицитно. Одна из немногих попыток изучения роли говорящего в описании и повествовании в прагматическом аспекте принадлежит Е. В. Корпусовой [Корпусова, 2001, 2004, 2011]. Правда, Е. В. Корпусова ограничивает объект исследования рамками художественного описания и сосредоточивает внимание на изучении представленности в тексте разных ролей говорящего и способов их языкового выражения. При этом автор остается в рамках функционально-смыслового подхода к анализу текста. Оговоримся что согласно работам Е. В. Падучевой [Падучева 1991, 1993, 2002] могут быть выделены разные роли говорящего, к которым относятся субъект речи, субъект сознания, субъект дейксиса, субъект восприятия. Для описания значимую роль играет исследование роли субъекта восприятия, или наблюдателя [Апресян, 1986]. При описании основной задачей становится перечисление основных признаков наблюдаемой картины.

В настоящей статье предлагается рассмотреть описание как функционально-смысловой тип речи с точки зрения ***рецептивно-прагматической парадигмы исследования*** и обратиться к ***прагматическому синтаксису*** с целью реконструировать рецептивное пространство субъекта речи, его когнитивную сферу с опорой на прагматически (коннотативно) «заряженные» знаки и актуализировать с их помощью имплицитно выраженный смысл высказывания. В качестве методологической основы исследования выбраны ***референциальный анализ***, позволяющий реконструировать набор исходных ситуаций (референциальное пространство), и ***контекстологический анализ***, с помощью которого эксплицируется прагматическая информация и личностные смыслы, принадлежащие когнитивной сфере субъекта речи (рецептивное пространство).

Отметим, что в рамках данной работы предметом исследования являются не вопросы референции и референциальное пространство (связанное невидимыми узами с предметным миром), в котором элементарными сущностями являются актанты и предикаты; а ***субъектная перспектива текста*** и ***рецептивное пространство***, репрезентирующее то, что видит говорящий, а основной единицей является ***топохронос***, т. е. субъективные представления о времени и пространстве.

Результаты исследования

В своей теории структурирования пространства американский типолог Леонард Талми использует понятия ***фона*** и ***фигуры***. Эти понятия заимствованы им из гештальтпсихологии и введены в лингвистический обиход как важнейшие инструменты анализа пространственных отношений. Если фон – это некая точка отсчета, неподвижный объект большего по сравнению с фигурой размера, то фигура представляет собой более простой, подвижный, более когнитивно выделенный предмет, его положение определяется относительно фона [Talmy, 1983, с. 230-232]. И. Ю. Колесов и В. Д. Максимов рассматривают в своей монографии понятия фона и фигуры применительно к репродуктивному коммуникативному регистру, фиксирующему наблюдаемые явления и соотносящемуся в семантическом плане с описанием. Фоном авторы предлагают считать ***топохронос*** наблюдателя, т. е. те признаки, которые соответствуют модусной рамке Я вижу / слышу / чувствую и попадают в поле зрения наблюдателя в определенный момент времени, сами же события выступают как фигуры [Колесов, Максимов, 2013, с. 45].

Обратимся к примерам описательных текстов и начнем с описания спальни графини из повести А. С. Пушкина «Пиковая Дама»:

*(Германн вошел в спальню.) Перед кивотом, наполненным старинными образами, теплилась золотая лампада. Полинялые штофные кресла и диваны с пуховыми подушками, с сошедшей позолотою, стояли в печальной симметрии около стен, обитых китайскими обоями. На стене висели два портрета, писанные в Париже m-me Lebrun (...) По всем углам торчали фарфоровые пастушки, столовые часы работы славного Leroy, коробочки, рулетки, веера и разные дамские игрушки, изобретенные в конце минувшего столетия вместе с Монгольфьеровым шаром и Месмеровым магнетизмом. (*А. Пушкин,«Пиковая дама»)

В тексте передано пространственное расположение предметов, находящихся в спальне графи-

ни. Актантное ядро передает информацию об объектах, располагающихся в характеризуемом пространстве. В качестве объекта-холонима выступает *спальня*, его наименование находится в предваряющем повествовательном контексте. В тексте описания функционируют актанты структуры пространства, указывающие на место расположения предметов (*перед кивотом, около стен, на стене, по углам*), и предметные актанты, перечисляющие предметный ряд, наполняющий описываемое пространство (*лампада, кресла и диваны, два портрета, пастушки, столовые часы, коробочки, рулетки, веера, дамские игрушки*).

Актантная модель описательного текста дополняется значением использованных предикатов, которые представляют способы существования предметов в пространстве. Предикат *теплилась* (*теплилась лампада*) имеет значение ‘слабо светиться’, то есть может быть отнесен к предикатам со значением интенсивности действия. В тексте содержатся предикаты, передающие позиции объектов в пространстве: *стоять (кресла и диваны стояли в симметрии), висеть (два портрета висели)*. Положение предметов уточнено формой *в симметрии*, также дающей представление о расположении описываемых объектов в пространстве спальни. Положение предметов в пространстве передается с помощью предиката *торчали (торчали пастушки, часы, коробочки, рулетки, веера, дамские игрушки)*.

В исследовании роли субъекта в приведенном описании следует отметить, что данный текст должен быть воспринят в контексте всего повествования о Германне, который тайно проник в дом графини и, обозрев спальню, прошел в кабинет. С позиции героя спальня графини предстает как «печальное зрелище». Согласно Б. А. Успенскому [Успенский, 1970], при реализации точки зрения в плане пространственно-временной характеристики автор может полностью перевоплощаться в персонажа, и тогда ***предварительный контекст, или микроконтекст*** (*Германн вошел в спальню*) сигнализирует о том, что далее будет представлена точка зрения персонажа. Обстановка спальни, которая предстает перед Германном, изобличает устаревшие вкусы и некоторую ветхость предметов интерьера, что подчеркивается соответствующими формами, передающими отношение к изображаемому: *полинялые кресла, в печальной симметрии, пастушки, столовые часы работы славного Leroy, коробочки, рулетки, веера и разные дамские игрушки, изобретенные в конце минувшего столетия вместе с Монгольфьеровым шаром и Месмеровым магнетизмом*; стереотипное «мужское» отношение к указанным предметам интерьера выражено в словах *разные дамские игрушки*, отражающих несколько высокомерное отношение к описываемому (***макроконтекст***).

Как показывает анализ текста, ***масштабирование контекста*** (микроконтекст – макроконтекст) представляется важным дифференциальным признаком фона и фигуры. Семантика описания, онтологически присущая этому типу текста, очерчивает существование объектов, попадающих в поле зрения субъекта в фиксированный момент времени и свидетельствует о том, что описание увиденного (спальня) может быть определено как фигура (микроконтекст), фоном же выступает макроконтекст, или топохронос (устаревшие вкусы графини, ветхость убранства, мужское превосходство). Персонаж, с одной стороны, улавливает предметы, которые относятся к референциальному пространству (фигура, микроконтекст) (по В. М. Хамагановой в тексте представлено физическое пространство, ученый рассматривает описательный текст как тип текста, вербализующий параметры пространственного размещения объектов, наблюдаемых в определенный момент времени. Исходя из теории Г. Лейбница о заполнении пространства объектами В. М. Хамаганова признает, что основу описания составляет актантное ядро как средство реализации таких свойств пространства, как трехмерность и вещность). С другой стороны, в описании предметов представлены и знаки другого рода, прагматические, передающие отношение субъекта к этим предметам; за описанием спальни стоит другая история, связанная с напластованием времени (эпох – современная Германну и графини) и стереотипов (гендерных) – пространство рецептивное (фон, макроконтекст).

Представленным выше наблюдениям созвучна мысль Т. Л. Верхотуровой, которая отметила, что доступное для восприятия пространство (перцептуальное) субъекта выступает фоном для определения объекта относительно него [Верхотурова, 2009]. В терминологии У. Матураны пространство наблюдателя обозначается как «niche» [Матурана, 1996], в терминологии Р. Лангакера – «setting» [Langacker, 1999, с. 67].

Для пояснения функции фона обратимся к теории прагматических локализаторов речевой интенции говорящего [Степанов 2008]. Представление в речи модуса и модусных смыслов с помощью определенного рода речевых знаков исследователь рассматривает как ***номинацию речевой***

интенции говорящего (вторичную по отношению к первичной номинации) [Степанов 2008, с. 150], а языковые знаки, которые репрезентируютречевую интенцию говорящего, – ее ***прагматическими локализаторами*** [Степанов, 2008]. Таким образом, В. Н. Степанов переосмысливает понятие локализатора и предлагает рассматривать его какединицу прагматического синтаксиса.

Выявленное в ходе исследования ***масштабирование контекста (пространства и времени) выступает в качестве прагматического локализатора рецептивного пространства субъекта и репрезентации фона в описании***. Различение референциального и рецептивного пространств, фигуры и фона, указывает, на наш взгляд, на особую роль рецептивного пространства и фона в описании как типе текста и позволяет рассматривать их как репрезентации когнитивной сферы субъекта речи и того, что можно определить как ***субъектную навигацию текста*** (в отличие от субъектной перспективы текста), которая ***включает в себя прагматические локализаторы речевой интенции автора или персонажа и выполняет функцию ориентации читателя в когнитивной сфере субъекта речи***.

Заключение

Итак, понятийная триада «фигура – микроконтекст – референциальное пространство» связана с предметным миром и его репрезентациями в тексте и в этом отношении относится к понятийному полю семантического синтаксиса. Наоборот, понятийная триада «фон – макроконтекст – рецептивное пространство» позволяет реконструировать когнитивную сферу субъекта речи и ее репрезентации в речи, в частности, отношение субъекта речи к тому, что он видит, чувствует и думает, как развиваются его представления об исходной (референтной) ситуации, и относятся к предметной сфере и понятийному полю прагматического синтаксиса. Данная триадная оппозиция позволяет рассматривать субъектную навигацию текста как модификацию его субъектной перспективы. Субъектная навигация текста представляет собой имплицитные (неявно выраженные) способы ориентации в когнитивной сфере субъекта речи и призвана управлять вниманием читателя, его восприятием разного уровня эксплицитно и имплицитно выраженных смыслов с помощью прагматических локализаторов речевой интенции субъекта речи.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лингвистике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Москва, 1986. Вып. 28. С. 5–33.

2. Бохиева М. В. Функции распространителей безличного предиката в условиях текста типа «описание» // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура, 2019. № 2. С. 13–18.

3. Верхотурова Т. Л. Статус наблюдаемого в когнитивной модели наблюдения // Вестник ИГЛУ, 2009. С. 167–174.

4. Гончар И. А. Описание как единица речи / И. А. Гончар, И. В. Реброва, К. А. Рогова // XLV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г.: тезисы докладов, 2016. С. 106–107.

5. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Москва : Наука, 1982. 368 с.

6. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва, 1998. 542 с.

7. Колесов И. Ю., Максимов В. Д. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков) : монография. Барнаул : БГПУ, 2008. 354 с.

8. Корпусова Е. В. Говорящий и наблюдатель в текстах описания // Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения: материалы междунар. научно-практич. конф., посвящ. 85-летию доктора филол. наук, профессора О. А. Нечаевой (13–24 апреля 2004). Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2004. С. 42–44.

9. Корпусова Е. В. Особенности говорящего – наблюдателя в художественном тексте (На материале рассказа И. Бунина «Первая любовь») // Актуальные проблемы теории текста: межвуз. сб. науч. тр. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2001. Вып. 2. С. 44–49.

10. Корпусова Е. В. Прагматический аспект типов речи «описание» и «повествование» // Лингвистика текста: констатирующие тексты типа «описание» и «повествование»: монография / под общ. ред. О. А. Нечаевой. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. С. 216–246.

11. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. Москва : Прогресс, 1996. С. 95–142.

12. Нечаева О. А. Теория функционально-смысловых типов речи // Лингвистика текста: констатирующие тексты типа «описание» и «повествование» : монография / под общ. ред. О. А. Нечаевой. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. С. 7–112.

13. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1974. 261 с.

14. Омельченко Л. Н. О синтаксической структуре повествовательных и описательных фрагментов текста // Актуальные проблемы теории текста: Межвузовский сб. науч. тр. Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2001. Вып. 2. С. 75–89.

15. Падучева Е. В. Говорящий как наблюдатель: об одной из возможностей приложения лингвистики в поэтике // Известия АН Серия литературы и языка, 1993. Т. 52–3. С. 33–44.

16. Падучева Е. В. Говорящий: субъект речи, субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты. Москва, 1991. С. 164–168.

17. Падучева Е. В. Дейктические компоненты в семантике глаголов движения // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. Москва : Индрик, 2002. С. 121–136.

18. Реброва И. В. Фреймовая модель в функционально-семантическом типе речи ‘описание пространства': типологическая универсальность текста и жанрово-стилевые проявления // Современные тенденции в изучении и преподавании русского языка и литературы: материалы докладов и сообщений XXII международной научно-методической конференции, 2017. С. 174–178.

19. Рогова К. А. Структурная организация описания как функционально-смыслового типа речи // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура, 2019а. № 2. С. 51–56.

20. Рогова К. А. Текстовые фрагменты описание в произведениях И. С. Тургенева // Слово. Словарь. Словесность: к столетию кафедры русского языка и 95-летию профессора Сакмары Георгиевны Ильенко: сб. научн. ст. / под ред. проф. В. Д. Черняк. Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019б. С. 115–121.

21. Русакова Н. В. Функциональные свойства лексических средств темпоральности в визуальном описании // Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения: материалы междунар. научно-практич. конф., посвящ. 85-летию доктора филол. наук, профессора О. А. Нечаевой (13-24 апреля 2004). Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2004. С. 96-98.

22. Русакова Н. В. Текст типа «описание» как средство референции // Вестник БГУ. Сер. 6. Филология. 2006. Вып. 11. С. 123–131.

23. Степанов В. Н. Прагматика спонтанной телевизионной речи: монография. Ярославль : РИЦ МУБиНТ, 2008. 248 с.

24. Степанов В. Н., Чибисова Е. А. Суггестия и механизмы ее реализации в рекламном тексте: ритм и синестезия // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». Вып. 1. 2013. С. 206–214.

25. Успенский Б. А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. Москва : Искусство, 1970. 256 с.

26. Функционально-смысловые единицы речи: типология, исходные модели и принципы развертывания / под. общ. ред. К. А. Роговой. Санкт-Петербург : Златоуст, 2017. 320 с.

27. Хамаганова В. М. Описательный текст в семиотическом аспекте. Москва; Улан-Удэ, 2000. 157 с.

28. Хандархаева И. Ю. Глаголы совершенного вида прошедшего времени в темпоральных типах речи. Улан-Удэ, 2005. 138 с.

29. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «современный русский язык». Красноярск: Красноярский государственный университет, 1988. 54 с.

30. Шмид В. Нарратология. Москва : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

31. Langacker R. W. Grammar and conceptualization. Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 1999. 427 p.

32. Talmy L. How language structures space // H. L. Pick, Jr., L. P. Acredolo (eds). Spatial orientation: Theory, research, and application. New York; London : Plenum Press, 1983. P. 225–282.

Reference list

1. Apresjan Ju. D. Dejksis v lingvistike i grammatike i naivnaja model' mira = Deixis in linguistics and grammar and the world naive model // Semiotika i informatika. Moskva, 1986. Vyp. 28. S. 5–33.

2. Bohieva M. V. Funkcii rasprostranitelej bezlichnogo predikata v uslovijah teksta tipa «opisanie» = Functions of impersonal predicate distributors in the context of «descriptive» text type // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Jazyk. Literatura. Kul'tura, 2019. № 2. S. 13–18.

3. Verhoturova T. L. Status nabljudaemogo v kognitivnoj modeli nabljudenija = The status of the observed in the cognitive model of observation // Vestnik IGLU, 2009. S. 167–174.

4. Gonchar I. A. Opisanie kak edinica rechi = Description as a unit of speech / I. A. Gonchar, I. V. Rebrova, K. A. Rogova // XLV Mezhdunarodnaja filologicheskaja nauchnaja konferencija, Sankt-Peterburg, 14–21 marta 2016 g.: tezisy dokladov, 2016. S. 106–107.

5. Zolotova G. A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa = Communicative aspects of the russian syntax. Moskva : Nauka, 1982. 368 s.

6. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Ju. Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka = Communicative grammar of the russian language. Moskva, 1998. 542 s.

7. Kolesov I. Ju., Maksimov V. D. Problemy konceptualizacii i jazykovoj reprezentacii zritel'nogo vosprijatija (na materiale anglijskogo i russkogo jazykov) = Problems of conceptualization and linguistic representation of visual perception (in english and russian) : monografija. Barnaul : BGPU, 2008. 354 s.

8. Korpusova E. V. Govorjashhij i nabljudatel' v tekstah opisanija = The speaker and the observer in descriptive texts // Aktual'nye problemy teksta: lingvisticheskaja teorija i praktika obuchenija: materialy mezhdunar. nauchno-praktich. konf., posvjashh. 85-letiju doktora filol. nauk, professora O. A. Nechaevoj (13–24 aprelja 2004). Ulan-Udje : Izdatel'stvo Burjatskogo gosuniversiteta, 2004. S. 42–44.

9. Korpusova E. V. Osobennosti govorjashhego – nabljudatelja v hudozhestvennom tekste (Na materiale rasskaza I. Bunina «Pervaja ljubov'») = Peculiarities of the speaker-observer in a literary text (On the material of Bunin's story «First Love») // Aktual'nye problemy teorii teksta: mezhvuz. sb. nauch. tr. Ulan-Udje: Izdatel'stvo Burjatskogo gosuniversiteta, 2001. Vyp. 2. S. 44–49.

10. Korpusova E. V. Pragmaticheskij aspekt tipov rechi «opisanie» i «povestvovanie» = The pragmatic aspect of the descriptive and narrative speech types // Lingvistika teksta: konstatirujushhie teksty tipa «opisanie» i «povestvovanie»: monografija / pod obshh. red. O. A. Nechaevoj. Ulan-Udje : Izd-vo Burjatskogo gosuniversiteta, 2011. S. 216–246.

11. Maturana U. Biologija poznanija = Biology of cognition // Jazyk i intellekt. Moskva : Progress, 1996. S. 95–142.

12. Nechaeva O. A. Teorija funkcional'no-smyslovyh tipov rechi = The theory of functional and semantic types of speech // Lingvistika teksta: konstatirujushhie teksty tipa «opisanie» i «povestvovanie» : monografija / pod obshh. red. O. A. Nechaevoj. Ulan-Udje : Izd-vo Burjatskogo gosuniversiteta, 2011. S. 7–112.

13. Nechaeva O. A. Funkcional'no-smyslovye tipy rechi (opisanie, povestvovanie, rassuzhdenie) = Functional and semantic types of speech (description, narration, reasoning). Ulan-Udje : Burjatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1974. 261 s.

14. Omel'chenko L. N. O sintaksicheskoj strukture povestvovatel'nyh i opisatel'nyh fragmentov teksta = On the syntactic structure of narrative and descriptive text fragments // Aktual'nye problemy teorii teksta: Mezhvuzovskij sb. nauch. tr. Ulan-Udje : Izdatel'stvo Burjatskogo gosuniversiteta, 2001. Vyp. 2. S. 75–89.

15. Paducheva E. V. Govorjashhij kak nabljudatel': ob odnoj iz vozmozhnostej prilozhenija lingvistiki v pojetike = The Speaker as the observer: on a possibility to apply linguistics in poetics // Izvestija AN Serija literatury i jazyka, 1993. T. 52–3. S. 33–44.

16. Paducheva E. V. Govorjashhij: subjekt rechi, subjekt soznanija = The speaker: the subject of speech, the subject of consciousness // Logicheskij analiz jazyka. Kul'turnye koncepty. Moskva, 1991. S. 164–168.

17. Paducheva E. V. Dejkticheskie komponenty v semantike glagolov dvizhenija = Deictic components in the motion verb semantics // Logicheskij analiz jazyka. Semantika nachala i konca. Moskva : Indrik, 2002. S. 121–136.

18. Rebrova I. V. Frejmovaja model' v funkcional'no-semanticheskom tipe rechi ‘opisanie prostranstva': tipologicheskaja universal'nost' teksta i zhanrovo-stilevye projavlenija = Frame model in the functional-semantic ‘description of space' speech type: typological universality of the text and genre and style manifestations // Sovremennye tendencii v izuchenii i prepodavanii russkogo jazyka i literatury: materialy dokladov i soobshhenij XXII mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii, 2017. S. 174–178.

19. Rogova K. A. Strukturnaja organizacija opisanija kak funkcional'no-smyslovogo tipa rechi = Structural organization of description as a functional and semantic type of speech // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Jazyk. Literatura. Kul'tura, 2019a. № 2. S. 51–56.

20. Rogova K. A. Tekstovye fragmenty opisanie v proizvedenijah I. S. Turgeneva = Text fragments of description in I. S. Turgenev's works // Slovo. Slovar'. Slovesnost': k stoletiju kafedry russkogo jazyka i 95-letiju professora Sakmary Georgievny Il'enko: sb. nauchn. st. / pod red. prof. V. D. Chernjak. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gercena, 2019b. S. 115–121.

21. Rusakova N. V. Funkcional'nye svojstva leksicheskih sredstv temporal'nosti v vizual'nom opisanii = Functional properties of lexical means of temporality in visual description // Aktual'nye problemy teksta: lingvisticheskaja teorija i praktika obuchenija: materialy mezhdunar. nauchno-praktich. konf., posvjashh. 85-letiju doktora filol. nauk, professora O. A. Nechaevoj (13-24 aprelja 2004). Ulan-Udje : Izd-vo Burjatskogo gosuniversiteta, 2004. S. 96-98.

22. Rusakova N. V. Tekst tipa «opisanie» kak sredstvo referencii = Text of the «description» type as a means of reference // Vestnik BGU. Ser. 6. Filologija. 2006. Vyp. 11. S. 123–131.

23. Stepanov V. N. Pragmatika spontannoj televizionnoj rechi = Pragmatics of spontaneous television speech : monografija. Jaroslavl' : RIC MUBiNT, 2008. 248 s.

24. Stepanov V. N., Chibisova E. A. Suggestija i mehanizmy ee realizacii v reklamnom tekste: ritm i sinestezija = Suggestion and mechanisms of its realization in the advertising text: rhythm and synaesthesia // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija». Vyp. 1. 2013. S. 206–214.

25. Uspenskij B. A. Pojetika kompozicii: Struktura hudozhestvennogo teksta i tipologija kompozicionnoj formy = Poetics of composition: literary text structure and typology of compositional form. Moskva : Iskusstvo, 1970. 256 s.

26. Funkcional'no-smyslovye edinicy rechi: tipologija, ishodnye modeli i principy razvertyvanija = Functional and semantic speech units: typology, original models, and expansion principles / pod. obshh. red. K. A. Rogovoj. Sankt-Peterburg : Zlatoust, 2017. 320 s.

27. Hamaganova V. M. Opisatel'nyj tekst v semioticheskom aspekte = Descriptive text in the semiotic aspect. Moskva; Ulan-Udje, 2000. 157 s.

28. Handarhaeva I. Ju. Glagoly sovershennogo vida proshedshego vremeni v temporal'nyh tipah rechi = Perfect past tense verbs in temporal speech types. Ulan-Udje, 2005. 138 s.

29. Shmeleva T. V. Semanticheskij sintaksis: Tekst lekcij iz kursa «sovremennyj russkij jazyk» = Semantic syntax: Lecture texts from the course «modern russian». Krasnojarsk : Krasnojarskij gosudarstvennyj universitet, 1988. 54 s.

30. Shmid B. Narratologija = Narratology. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. 312 s.

31. Langacker R. W. Grammar and conceptualization. Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 1999. 427 r.

32. Talmy L. How language structures space // H. L. Pick, Jr., L. P. Acredolo (eds). Spatial orientation: Theory, research, and application. New York; London : Plenum Press, 1983. P. 225–282.

УДК 811.111

Е. А. Петрова **https://orcid.org/0000-0002-2530-1358**

К вопросу об интенциональности коммуникации с точки зрения общей когнитивности

Для цитирования: Петрова Е. А. К вопросу об интенциональности коммуникации с точки зрения общей когнитивности // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 71–77. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-71-77

Статья посвящена вопросам когнитивной лингвистики, исследующей язык как инструмент коммуникации. В статье выдвигается постулат о том, что когнитивная лингвистика представляет собой подход к анализу естественного языка, имеющий своей основной целью изучение языка как инструмента, предназначенного для организации, обработки и передачи информации. Автор выдвигает точку зрения, что принципиально важным для когнитивной лингвистики является анализ концептуальной базы лингвистических категорий, а также определенные механизмы обработки информации. Предметом анализа статьи является характеристика соотношения языкового и когнитивного модулей. Цель статьи: проанализировать корреляцию лингвистического и когнитивного модулей. Методологической основой исследования послужили теоретические работы, касающиеся когнитивной лингвистики и философской теории когниции, для которых приоритетным является изучение языка как когнитивного механизма, играющего роль в кодировании и трансформировании информации. Делается акцент на том, что язык служит когниции, под которой понимается как научное, так и обыденное познание мира, реализуемое в процессах его концептуализации и категоризации. Особое внимание обращено на анализ вербальной и невербальной коммуникации на примере ментальных репрезентаций, которые формируются в детском возрасте. Исходя из результатов анализа, подчеркивается о неоднозначной интерпретации проблемы, раскрывающей механизм восприятия и порождения речи. Сделан вывод о том, что коммуникацию можно разделить на интенциональную и неинтенциональную. Выявлено, что передача информации может осуществляться и без интенции, т. е. не всякая информация может быть интенциональной.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивность, когнитивный модуль, языковой модуль, интенциональный, неинтенциональный, коммуникация.

E. A. Petrova

On intentionality of communication in terms of general cognitivity

The article is devoted to the issues of cognitive linguistics, which studies language as a communication tool. The article postulates that cognitive linguistics is an approach to the analysis of natural language, which has as its main goal the study of language as a tool for organizing, processing and transmitting information. The author puts forward a point of view that it is fundamentally important for cognitive linguistics to analyze the conceptual base of linguistic categories, as well as certain mechanisms of information processing. The subject of the analysis in the article is the characteristic of the ratio of linguistic and cognitive modules. The purpose of the article is to analyze the correlation of linguistic and cognitive modules. The methodological basis of the study includes theoretical works on cognitive linguistics and philosophical theory of cognition, for which the priority is the study of language as a cognitive mechanism that contributes to encoding and transforming information. The emphasis is placed on the fact that language serves cognition, which is understood as both scientific and everyday comprehention of the world, realized in the processes of its conceptualization and categorization. Particular attention is paid to the analysis of verbal and non-verbal communication using the example of mental representations formed in childhood. The results of the analysis underline the ambiguous interpretation of the problem, revealing the mechanism of perception and generation of speech. A conclusion is made that communication can be divided into intentional and non-intentional. Evidence was found that the information transmission can be carried out without intention, i.e., not all information can be intentional.

Key words: cognitive linguistics, cognition, cognitive module, language module, intentional, non-intentional, communication.

Введение

Современный подход к изучению языка основывается на том, что язык закрепляет в своих формах результат мыслительной деятельности и воздействует на процессы мышления, оформляя и конкретизируя наши мысли в процессе коммуникации. Следовательно, язык – это система знаков,

© Петрова Е. А., 2021

служащая средством человеческого общения, мышления и выражения, создающая новую реалию для человека и являющаяся средством самопознания [Bickerton, 2003, с. 77–93].

Следствием нового осмысления языка в новейших парадигмах, является взгляд на единство выполняемых им функций, связанных с созданием и передачей информации в языке (эпистематическая), использованием языка в качестве средства получения нового знания о действительности (когнитивная) и функционированием языка как основного средства передачи информации от говорящего к слушающему (коммуникативная) [Кибрик, 2003].

Когнитивная лингвистика представляет собой подход к анализу естественного языка, имеющий своей основной целью изучение языка как инструмента, предназначенного для организации, обработки и передачи информации. Когнитивная лингвистика рассматривает язык в плане общих когнитивных способностей человека. Объектом исследования когнитивности являются структурные характеристики категоризации естественного языка (систематическая полисемия, когнитивные модели и т. д.), функциональные принципы лингвистической организации, концептуальное взаимодействие между синтаксисом и семантикой, взаимопонимание между языком и мыслью, понятие концептуальных универсалий.

В историческом ракурсе когнитивная лингвистика возникла как наука в начале 80-х гг. прошлого столетия на базе генеративной семантики, а также психолингвистики. Тем не менее, когнитивная лингвистика вышла далеко за рамки генеративной семантики и сформировалась как отдельное направление. Следует отметить тот факт, что когнитивная лингвистика прочно заняла свое место в парадигме концепций современного мирового языкознания. Немало работ посвящено вопросам когнитивной лингвистики, как у отечественных, так и у зарубежных исследователей. Так, В своих работах Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия постоянно подчеркивали значение «человеческого фактора» в языке, указывали на тесную связь лингвистики с философией и психологией. И. А. Стернин, Р. З. Мурясов, занимались вопросами семантико-когнитивной концепции. Проблемы ономасиологии освещали в своих трудах В. Г. Гак, А. А. Уфимцева, Г. В. Колшанский. Представители зарубежной лингвистической школы Дж. Лакофф, Г. Томпсон, Р. Лангакер генерируют идеи, например, когнитивной грамматики, которые стали отправным пунктом в развитии когнитивной лингвистики.

Результаты исследования

Язык как действительное сознание и коммуникативность как главное предназначение языка и языковых структур – вот тот интегральный ракурс, который обеспечивает не только актуальность исследования, но и объясняет постановку цели и определение серии научно-теоретических задач [Петрова, 2013, с. 5-6]. Одной из ключевых и наиболее важных проблем, попавшей в наше исследовательское поле когнитивной лингвистики, является исследование вопроса о том, существует ли специализированный когнитивный модуль, предназначенный исключительно для переработки лингвистической информации или же следует говорить о наличии более широкого модуля, характеризующегося более общей когнитивной природой и связанным соответственно с другие видами коммуникации. Эта ключевая проблема не нашла пока еще своего решения, поэтому она и находится в центре внимания многих смежных наук, таких как когнитивная лингвистика, когнитивная психология, психолингвистики, логика, философия и ряд других наук. Некоторый ученые поддерживают теорию о том, что язык независим от других когнитивных процессов [Fodor, 2018].

Целью данной статьи является рассмотрение вопросов, связанных с взаимодействием лингвистического и когнитивного модулей. Как утверждает Ноам Хомский, языковой модуль, также известный как «языковой факультет», представляет собой гипотетическую структуру в человеческий мозг, который, как считается, содержит врожденные способности к языку [Хомский, 1972]. В современной терминологии «модульность» относится к специализации: языковая обработка специализируется в мозгу в той степени, в которой она происходит в разных областях, чем другие типы обработки информации, такие как визуальный ввод.

По мнению американского философа и психолингвиста Джерри Алана Фодора, когнитивный модуль – это специализированный инструмент или подраздел, который может использоваться другими частями для решения когнитивных задач [Fodor, 2018]. Совершенно очевидно, что наличие лингвистического модуля – отдельного специального лингвистического модуля – говорит в пользу того,

что язык – это отдельная форма коммуникации, отделенная от других видов коммуникации.

У языка можно определить две основные функции: внешнюю коммуникацию с другими людьми и внутреннее представление наших собственных мыслей. Когнитивная лингвистика и когнитивная психология занимаются проблемами ментальной репрезентации, т. е. тем, каким образом знание, лежащее в основе использования языка, представлено в сознании человека. Считаем необходимым подчеркнуть, что и когнитивная лингвистика, и когнитивная психология занимаются исследованием ментальных процессов, которые обеспечивают конструирование и понимание отдельных высказываний, адекватных тому контексту, в котором они возникают. Существенной задачей, стоящей перед когнитивной лингвисткой, является задача определения того, какой вид знания (лингвистического и общего) необходим для овладения конкретным языком.

С точки зрения когнитивной лингвистики весьма важным представляется изучение развития детей в возрасте от девяти до двадцати четырех месяцев, поскольку именно в этот период, как показывают исследования, происходит переход от невербальной коммуникации к вербальной. На этой и даже более ранней стадии у детей формируются перцептивные и концептуальные категории. Этот процесс весьма важен с точки зрения когнитивности, поскольку для исследователей по-прежнему остается неясным, каким образом происходит превращение новорожденного ребенка, который, естественно, не говорит ни на каком языке, в говорящего ребенка в возрасте двух лет. Другими словами эту проблему можно представить следующим образом: является ли человек полностью генетическим продуктом, или же он приобретает определенные качества в результате накопленного опыта?

В плане развития коммуникационных способностей и возможностей у ребенка эта проблема выглядит так: либо новорожденные дети имеют врожденный потенциал, который помогает им участвовать в социальном взаимодействии, либо такого врожденного потенциала не имеется, и ребенок должен приобретать определенные навыки в результате собственного опыта. Эта дискуссия восходит к XVI–XVIII столетиям и была представлена противоположными мнениями, соответственно, английского философа Джона Локка (сторонник опыта) и французского философа Жан-Жака Руссо (приверженец врожденного потенциала). Данный спор между двумя различными направлениями продолжается до сегодняшнего дня с периодическим перевесом в ту или другую сторону.

Наиболее заметным явлением в лингвистике, занимающим значительное место в решении вышеупомянутого философского спора между представителями XVIII века, была критика Ноамом Хомским в отношении американского психолога Берреса Фредерика Скиннера, который утверждал, что процесс обучения языку и конечный результат овладения языком является только лишь явлением опыта и не имеет отношения к генетически заложенным возможностям человека [Skinner, 1974]. Н. Хомский выступил против этого утверждения и настаивал на том, что имеют место внутренние резервы человека, заложенные в его генетическом коде и раскрывающиеся и проявляющиеся на подсознательном уровне в плане восприятия и порождения языка [Хомский, 1972].

Все вышесказанное свидетельствует о весьма неоднозначной интерпретации проблемы, раскрывающей механизм восприятия и порождения речи. Остановимся чуть подробнее на вопросах коммуникации.

Наиболее существенным во всех определениях коммуникации является тот факт, что коммуникация предполагает передачу информации невербальными средствами. Чрезвычайно важным в определении коммуникации является следующий момент: осуществляется ли коммуникация интенционально и насколько точно она принимается, или же она является неинтенциональной. Примером интенциональной коммуникации может служить следующий: ребенку говорят, как называется предмет, например: «Это кукла» или же ему велят сделать что-то, например: «Веди себя тихо!». Некоторые исследователи ограничивают параметры коммуникации такими условиями, как только что были приведены выше. Однако, вовсе не все признаки указывают на то, что коммуникация должна быть обязательно интенциональной. Передача информации может осуществляться и без интенции. Например, дорожный знак передает определенно информацию, но не имеет интенции. Определенные движения тела могут передавать информацию о том, что человек нервничает, но

при этом нет никакой интенции для передачи этой информации.

В целом коммуникацию можно разделить на интенциональную и неинтенциональную. Внутри интенциональной коммуникации выделяется соответственно информация (коммуникация), воспринимаемая точно, не воспринимаемая точно и совсем не воспринимаемая. Воспринимаемая точно коммуникация воспринимается, как правило, как интенциональная. Мы полагаем, что не воспринимаемая точно коммуникация может быть воспринята либо как интенциональная, либо как неинтенциональная. В подгруппе иеинтенциональной коммуникации коммуникация может быть воспринята как интенциональная и невоспринятая как интенциональная.

Подкрепим наши доводы некоторыми примерами. Новорожденный ребенок плачет, при этом он не имеет в виду интенциональную коммуникацию, но вместе с тем, он дает информацию своим родителям о том, что он испытывает дискомфорт. В этой связи представляется важным вопрос о том, следует нам включать в определение коммуникации идею интенциональности. Если понятие интенции считать необходимой частью определения коммуникации, то тогда проблема будет заключаться в том, каким образом определить интенциональную коммуникацию. Относительно легко почувствовать интенцию интуитивно, но гораздо труднее четко установить, что она имеет место и что она из себя представляет. Например, большинство людей, хотя и не все, согласятся с тем, что новорожденный ребенок плачет не для того, чтобы привлечь внимание родителей или для того, чтобы они его успокаивали. Одновременно большинство людей согласится так же с тем, что к 12 месяцам дети плачут уже для того, чтобы привлечь внимание взрослых. Для исследователя задача усложняется из-за того, что очень трудно определить, когда происходит этот качественный скачок – от отсутствия интенции к ее наличию. Эта перемена является интенциональной, при этом предполагается, что ребенок к 12 месяцам уже мыслит о мире определенным образом. Верным в этом отношении представляется мнение американского психолога, занимающегося вопросами когнитивной лингвистики, Джерома Сеймура Брунера, который полагает, что интенциональность присутствует тогда, когда имеется упорство в достижении цели, невзирая на трудности [Bruner, 2015].

Наряду с трудностями в определении интенциональности, аналогичные проблемы возникают и в связи с восприятием информации, т. е. была информация воспринята или нет, и если она была воспринята, то насколько адекватно. На самом примитивном уровне можно сказать, что если информация воспринята – независимо от того, интенциональная она или нет, можно сказать, что коммуникация состоялась. Далеко не все будут согласны с таким общим определением. В частности, разногласия часто возникают по поводу того, необходим ли точный прием информации. Например, плач ребенка можно воспринять как следствие того, что он устал, в то время как истинной причиной плача может являться чувство голода. Таким образом, информация может быть воспринята либо точно, либо неточно, либо это невозможно идентифицировать.

Получатель информации, с другой стороны, может по-разному оценивать воспринимаемую информацию с точки зрения ее интенциональности или неинтенциональности. В определениях коммуникации этот параметр не всегда считается важным. Этот параметр оказывается важным для определенных социальных групп, например, в отношениях родителей с детьми. В частности, тот факт, что родители очень часто расценивают интенциональное поведение своих малолетних детей как интенциональное свидетельствует о социальной мотивированности коммуникации [Lock, 1978].

Подход к коммуникации как к процессу обработки информации рассматривался Аланом Фогелем. Он считает, что не следует рассматривать коммуникацию как серию отдельных ответов-откликов на отдельные предыдущие события [Fogel, 1993]. Напротив, он предполагает, что имеет место процесс совместного регулирования, при котором происходит непрерывная адаптация как к поведению в настоящий момент, так и к прогнозируемому поведению другого человека. А. Фогель также подчеркивает, что социальная коммуникация – это только частично планируемый процесс. Это открытый процесс, который подвержен модификации и адаптации в свете совместных процессов, имеющих место в процессе общения. Однако неясно, как далеко этот процесс может быть развит для того, чтобы

обеспечить системное изучение коммуникаций. Скорее потребуется применение различных методов и моделей в зависимости от типа коммуникации.

Каково же соотношение между когнитивным развитием ребенка и его коммуникативными возможностями? Рассмотрим несколько точек зрения. Согласно Жану Пиаже и социальное и коммуникативное развитие считаются результатом общего когнитивного модуля, т. е. нет специальной социальной когнитивности, нет специальных когнитивных структур, служащих для коммуникации, а есть только результат общей когнитивности. Пиаже утверждает, что когнитивные структуры создаются как следствие взаимодействия с миром. Так, например, понимание мира ребенком – это не результат только внутренних способностей или только одного опыта, но результат того, как ребенок накладывает общие когнитивные процессы к исследованию мира. Теория Жана Пиаже была использована для объяснения связей между когнитивными способностями и коммуникацией. Следует отметить, что этот подход имеет достаточно большое число последователей.

С другой стороны, есть и другие подходы к этой проблеме. Так, часто противопоставляются подходы Жана Пиаже и Льва Семеновича Выготского. Основной тезис Ж. Пиаже заключается в том, что когнитивный процесс обеспечивает основу для развития [Пиаже, 2019], в то время как Л. С. Выготский выдвигает аргумент, что социальное взаимодействие (общение) и культура обеспечивают базу для развития ребенка, лежат в основе развития личности [Выготский, 2019]. По мнению Л. С. Выготского, понимание должно возникать в социальном контексте до того, как оно инкорпорируется в когнитивные структуры личности. На наш взгляд, этот тезис выводит на первое место роль социального поведения в развитии навыков формирующейся личности. Кстати, подобные тенденции возникают и в процессе развития речи. Первый шаг делается взрослыми, когда они указывают и называют его. Дети имитируют слова, но предполагается, что они вначале не понимают значения слов, которые они имитируют. Слова начинают приобретать реальное значение в процессе социального общения. Тем не менее, не совсем понятно, как происходит переход к использованию слов. Прежде всего, нет никаких доказательств того, что дети не понимают значения тех слов, которые они имитируют. Кроме того, существует много источников информации, которые позволяют детям понимать слова прежде, чем они могут говорить их. Таким образом, научные постулаты Л. С. Выготского и последователи его теории основываются на гипотезе, что социальная коммуникация развивается из общения со взрослыми. Из этого можно заключить, что социальные отклики взрослых на действия и слова ребенка ведут к слиянию интенциональной коммуникации и к новым формам общения.

Исследователь Кеннетент Кей предложит свой подход к этой проблеме. Он постулировал идею о том, что процесс развития социальных и когнитивных навыков подобен процессу обучения ученика-стажера. При этом Кей выдвигает понятие «формирование рамки поведения ребенка родителями» [Kaye, 1982]. Термин «*рамка*» используется в том смысле, что взрослые обеспечивают «рамку» – поддержку или контекст для действий ребенка, то есть когда ребенку не хватает какого-либо навыка или умения, взрослые компенсируют отсутствие этого навыка. Таким образом, Кей предлагает такую модель, когда социальное взаимодействие приводит к развитию когнитивности.

Выводы

Проведенное исследование показало, что когнитивная лингвистика рассматривает язык в плане общих когнитивных способностей человека. Проанализированный материал свидетельствует о том, что когнитивная лингвистика представляет собой изучение языка в его когнитивной функции, при этом под когнитивностью понимается роль непосредсвенных информационных структур, которыми пользуется человек при восприятии внешнего мира. В этом смысле когнитивная лингвистика близка к когнитивной психологии, поскольку взаимодействие с окружающим миром происходит при помощи информационных структур в сознании человека. Считаем, что вопрос взаимодействия когнитивного модуля и лингвистического модуля остается одним из нерешенных вопросов когнитивной лингвистики, когнитивной психологии и ряда других смежных наук. Исходя из этого, можно сделать вывод, что данная проблема и сопряженные с ней другие проблемы требуют дальнейших как лингвистических, так и психологических исследований.

Библиографический список

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1999. 895 с.

2. Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования. Москва : Национальное, 2019. 368 с.

3. Гак В. Г. Языковые преобразования : монография. Москва : Школа Языки русской культуры, 1998. 768 с.

4. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. 720 с.

5. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. Москва : Наука, 1984. 175 с.

6. Кубрякова Е. С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Известия АН. М., 2002. Том 61. № 1. С. 13–24.

7. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Москва : Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 2–52.

8. Меркулов И. П. Когнитивная наука // Новая философская энциклопедия в четырех томах. Москва, 2001. Т. 2. С. 264.

9. Мурясов Р. З. Стоим ли мы на пороге нового понимания сущности языка // Когнитивные и семантические аспекты языковых единиц языка и речи. Уфа : РИЦ БашГУ, 2007. С. 77–102.

10. Петрова Е. А. Истоки и векторы логико-когнитивного направления в изучении языка : монография. Уфа : УЮИ МВД России, 2013. 128 с.

11. Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. 4-е изд., испр. и доп. Москва : Академический проект, Екатеринбург : Деловая книга, 2019. 480 с.

12. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистик. Москва : Едиториал УРСС, 2003. 312 с.

13. Стернин И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2004. № 1. С. 65–69.

14. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. Москва : Наука, 1991. С. 5–35.

15. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков // «Лингвистическое наследие XX века». 2-е изд. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 208 с.

16. Хомский Н. Язык и мышление. Москва : Изд-во Москов. Ун-та, 1972. 121 с.

17. Bickerton D. Symbol and structure: a comprehensive framework for language evolution. Language Evolution. Oxford : Oxford University Press, 2003. P. 77–93.

18. Bruner J.S. Beyond the information given: Studies in the Psychology of knowing. London : Routledge Hardcover, 2015. 530 p.

19. Fodor J. A. The language of thought. New York : Oxford University Press, 2018. 214 p.

20. Fogel. A. Two Principles of Communication: Co-regulation Framing // Nadel and Camaioni (Eds), New Perspectives in Communicative Development. London: Routledge, 1993. P. 9–22. URL: https://www.researchgate.net/publication/330175254 (дата обращения: 8.02.2021).

Kaye K. The Mental and Social Life of Babies. Chicago : Chicago Press, 1982. 289 p.

Lock A. Action. Gesture and Symbol. New York : Academic, 1978. 588 p.

23. Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar. Volume II: Descriptive Application. Stanford : Stanford University Press, 1991. 628 p.

24. Skinner B. F. About behaviorism. New York : Knopf, 1974. 225 p. URL: https://www.psychologos.ru/articles/view/berres-frederik-skinner (дата обращения: 18.02.2021)

25. Thompson A. S. The role of pragmatic inference in semantics: A study of sensory verb complements in English. London, 1976. Vol. 10. P. 200–240.

Reference list

1. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka = Language and the world of man. Moskva : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1999. 895 s.

2. Vygotskij L. S. Myshlenie i rech'. Psihologicheskie issledovanija = Thinking and speech. Psychological research. Moskva : Nacional'noe, 2019. 368 s.

3. Gak V. G. Jazykovye preobrazovanija = Linguistic transformations : monografija. Moskva : Shkola Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 768 s.

4. Kibrik A. E. Konstanty i peremennye jazyka = Language constants and variables. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2003. 720 s.

5. Kolshanskij G. V. Kommunikativnaja funkcija i struktura jazyka = Communicative function and language structure. Moskva : Nauka, 1984. 175 s.

6. Kubrjakova E. S. Kognitivnaja lingvistika i problemy kompozicionnoj semantiki v sfere slovoobrazovanija = Cognitive linguistics and problems of compositional semantics in the sphere of word formation // Izvestija AN. M., 2002. Tom 61. № 1. S. 13–24.

7. Lakoff Dzh. Myshlenie v zerkale klassifikatorov = Thinking reflected by classifiers // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Moskva : Progress, 1988. Vyp. HHIII. S. 2–52.

8. Merkulov I. P. Kognitivnaja nauka = Cognitive science // Novaja filosofskaja jenciklopedija v chetyreh tomah. Moskva, 2001. T. 2. S. 264.

9. Murjasov R. Z. Stoim li my na poroge novogo ponimanija sushhnosti jazyka = Are we on the doorstep of a new understanding of the nature of language? // Kognitivnye i semanticheskie aspekty jazykovyh edinic jazyka i rechi. Ufa : RIC BashGU, 2007. S. 77–102.

10. Petrova E. A. Istoki i vektory logiko-kognitivnogo napravlenija v izuchenii jazyka = Origins and vectors of the logical-cognitive trend in language study : monografija. Ufa : UJuI MVD Rossii, 2013. 128 s.

11. Piazhe Zh. Psihogenez znanij i ego jepistemologicheskoe znachenie = Psychogenesis of knowledge and its epistemological significance // Semiotika : antologija / sost. Ju. S. Stepanov. 4-e izd., ispr. i dop. Moskva : Akademicheskij proekt, Ekaterinburg : Delovaja kniga, 2019. 480 c.

12. Stepanov Ju. S. Metody i principy sovremennoj lingvistiki = Methods and principles of modern linguistics. Moskva : Editorial URSS, 2003. 312 s.

13. Sternin I. A. Kognitivnaja interpretacija v lingvokognitivnyh issledovanijah = Cognitive interpretations in linguistic cognitive researches // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. Tambov, 2004. № 1. S. 65–69.

14. Telija V. N. Jekspressivnost' kak projavlenie sub#ektivnogo faktora v jazyke i ee pragmaticheskaja orientacija = Expressivity as a manifestation of the subjective factor in language and its pragmatic orientation // Chelovecheskij faktor v jazyke: Jazykovye mehanizmy jekspressivnosti. Moskva : Nauka, 1991. S. 5–35.

15. Ufimceva A. A. Tipy slovesnyh znakov = Types of word signs // «Lingvisticheskoe nasledie HH veka». 2-e izd. Moskva : Editorial URSS, 2004. 208 s.

16. Homskij N. Jazyk i myshlenie = Language and mind. Moskva : Izd-vo Moskov. Un-ta, 1972. 121 s.

17. Bickerton D. Symbol and structure: a comprehensive framework for language evolution. Language Evolution. Oxford : Oxford University Press, 2003. P. 77–93.

18. Bruner J.S. Beyond the information given: Studies in the Psychology of knowing. London : Routledge Hardcover, 2015. 530 p.

19. Fodor J. A. The language of thought. New York : Oxford University Press, 2018. 214 p.

20. Fogel. A. Two Principles of Communication: Co-regulation Framing // Nadel and Camaioni (Eds), New Perspectives in Communicative Development. London: Routledge, 1993. P. 9–22. URL: https://www.researchgate.net/publication/330175254 (data obrashhenija: 8.02.2021).

21. Kaye K. The Mental and Social Life of Babies. Chicago : Chicago Press, 1982. 289 p.

22. Lock A. Action. Gesture and Symbol. New York : Academic, 1978. 588 p.

23. Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar. Volume II: Descriptive Application. Stanford : Stanford University Press, 1991. 628 p.

24. Skinner B. F. About behaviorism. New York : Knopf, 1974. 225 p. URL: https://www.psychologos.ru/articles/view/berres-frederik-skinner (data obrashhenija: 18.02.2021)

25. Thompson A. S. The role of pragmatic inference in semantics: A study of sensory verb complements in English. London, 1976. Vol. 10. P. 200–240.

УДК 81.36'37:811.161.1

В. В. Шигуров **https://orcid.org/0000-0002-4898-6484**

Т. А. Шигурова **https://orcid.org/0000-0001-5342-8471**

Индексация степеней адвербиализации и модаляции словоформ типа «правда», «факт» в функции модального обстоятельства

Для цитирования: Шигуров В. В., Шигурова Т. А. Индексация степеней адвербиализации и модаляции словоформ типа «правда», «факт» в функции модального обстоятельства // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 78–85. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-78-85

Цель настоящего исследования – анализ степеней транспозиции субстантивных словоформ в межчастеречный семантико-синтаксический разряд вводно-модальных единиц в условиях совмещенной модаляции и адвербиализации. Актуальность работы обусловлена все более возрастающим влиянием субъективно-модального фактора в языке, необходимостью исследования синкретичных структур, позволяющих комплексно оценивать содержание и форму сообщаемого. Новизна подхода состоит в использовании метода индексации степеней транспозиции языковых единиц, позволяющего свести к минимуму фактор субъективизма в оценке переходных явлений. В работе применялись также общенаучные и общелингвистические, специальные методы анализа материала (сравнение, обобщение; описательный метод, оппозиционный анализ, элементы компонентного, дистрибутивного и трансформационного анализа). В центре внимания – словоформы типа «правда», «факт», демонстрирующие в функции модальных обстоятельств разную степень сближения с взаимодействующими в их структуре существительными, наречиям и вводно-модальными словами. Исследование степеней их адвербиализации и модаляции показало, что в таких образованиях синтезируются в разной пропорции и комбинаторике дифференциальные признаки существительных, наречий и вводно-модальных единиц. Употребляясь интерпозитивно в синкретичном контексте адвербиализации и модаляции, синкреты типа «правда» обнаруживают 17 % соответствия своих дифференциальных признаков признакам исходного существительного, 89 % соответствия признакам наречий в функции модального обстоятельства («вправду») и 20 % соответствия признакам ядерных отадъективных вводно-модальных единиц («конечно»). Результаты проведенного исследования могут быть использованы в дальнейшем исследовании фактов переходности и синкретизма в системе частей речи и межчастеречных разрядов вводно-модальных слов и предикативов с использованием метода индексации.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, транспозиция, существительное, наречие, вводно-модальное слово, индексация.

V. V. Shigurov, T. A. Shigurova

Indexing degrees of adverbialization and modalization of such word forms as «truth», «fact» in the function of modal circumstance

The purpose of the study is to analyze the degrees of transposition of substantive word forms into the inter-parts-of-speech semantic-syntactic category of introductory-modal units in the context of combined modalization and adverbialization. The relevance of the work is due to the ever-increasing influence of the subjective-modal factor in the language, the need to study syncretic structures that make it possible to comprehensively assess the content and form of what is communicated. The novelty of the approach lies in the use of the method of indexing the degrees of linguistic units transposition, which makes it possible to minimize the factor of subjectivity in assessing transitional phenomena. The work also used general scientific and general linguistic, special methods of the analysis (comparison, generalization; descriptive method, oppositional analysis; elements of component, distributive and transformational analysis). The focus is on word forms such as «truth» and «fact», demonstrating in the function of modal circumstances a different degree of convergence with interacting nouns, adverbs and introductory modal words in their structure. A study of the degrees of their adverbialization and modalization has shown that such formations synthesize differential characteristics of nouns, adverbs and introductory-modal units in various proportions and combinatorics. Used interpositively in the syncretic context of adverbialization and modalization, syncretes of the «truth» type show 17 % compliance of their differential features with the features of the original noun, 89 % compliance with the features of adverbs in the function of a modal circumstance (“really”) and 20 % compliance with the features of nuclear from adjective introductory-modal units («of course»). The results of the study can be used in the further research into the

© Шигуров В. В., Шигурова Т. А., 2021

facts of transitivity and syncretism in the system of parts of speech and inter-parts-of-speech divisions of introductory modal words and predicatives using the indexing method.

Key words: Russian, grammar, transposition, noun, adverb, introductory-modal word, indexing.

Введение

Актуальность исследования определяется все более возрастающим влиянием субъективно-модального фактора в языке, необходимостью определения синкретичных (периферийных и гибридных) структур, используемых субъектом речи для разноаспектной оценки содержания и формы сообщаемого [Воротников, 2003, с. 82; Кустова, 2018, с. 380-390; Падучева 2019]. Целью работы является комплексное междисциплинарное исследование механизма транспозиции языковых единиц в разряд вводно-модальных слов и выражений в условиях чистой модаляции и совмещенной с другими типами категориальных преобразований – адвербиализацией, партикуляцией, конъюнкционализацией, интерьективацией и т. п. [Бабайцева, 2000; Шигуров, 2020, с. 42-55]. Новизну подхода определяет использование количественных данных при анализе явлений переходности и синкретизма в системе частей речи и межчастеречных разрядов [Чеснокова, 1991, с. 44-54; Шигуров, 2016]. Это позволяет минимизировать элемент субъективизма в оценке грамматически противоречивых фактов, связанных с разными стадиями транспозиции языковых единиц из одного класса в другой, особенно в условиях пересечения в структуре одного слова нескольких транспозиционных процессов. Методологической базой исследования являются работы российских и зарубежных ученых, рассматривающих проблемы категориальной транспозиции (или, иначе, конверсии, трансляции, деривации, трансформации) (см.: [Балли, 1955; Всеволодова, 2011, с. 103-135; Курилович, 1962, с. 57-71; Мигирин,1971; Мельчук, 1995; Теньер, 1988; Урысон, 1996, с. 25-38; Вихованець, 2004; Marchand, 1967, с. 13-26; Eihinger Ludwig M., 1982; Stekauer P., 1996; Shigurov, Shigurova, 2016, с. 237-245]). В процессе исследования применялись общенаучные и общелингвистические, специальные методы анализа материала (сравнение, обобщение; описательный метод, оппозиционный анализ, элементы компонентного, дистрибутивного и трансформационного анализа). Применение метода индексации позволило выявить комбинаторику и пропорцию признаков существительных, наречий и вводно-модальных слов в структуре отсубстантивных образований, вовлеченных в процессы адвербиализации и модаляции.

Результаты исследования

В данной работе на примере словоформы *правда* произведено исчисление индексов адвербиализации и модаляции субстантивных словоформ, представляющих в функции модального обстоятельства разную степень отхода от существительных и приближения к наречиям и вводно-модальным словам.

В литературе уже отмечалось, что слова разных частей речи могут выступать в необособленной позиции в функции так называемых модальных обстоятельств. Чаще всего это бывает в положении между подлежащим и сказуемым. Так, в «Справочнике по правописанию и литературной правке» Д. Э. Розенталя сказано, что некоторые образования типа *безусловно, естественно* различаются по смыслу при употреблении в функции обстоятельств (1) и вводных слов (2) [Розенталь, 2006, с. 131]:

(1) *Он* ***безусловно*** *прав* (обстоятельство, указывающее на степень правоты); *Ваши рассуждения* ***естественно*** *подводят нас к правильному решению* (обстоятельство со значением ‘естественным образом’);

(2) *Он,* ***безусловно****, прав* (вводное слово, указывающее на уверенность говорящего в правоте); *Ваши рассуждения,* ***естественно****, подводят нас к правильному решению* (вводное слово в значении ‘разумеется’).

Употребление слов типа *правда, вправду, в принципе, действительно* в функции модальных обстоятельств, их неизменяемость, смысловое тяготение к глагольным сказуемым дают основание говорить об их близости к наречиям. По мнению А. Я. Баудера, способ присловной связи с глаголом-сказуемым в таких случаях можно осмыслить как аналог примыкания [Баудер, 1982, с. 122]. К таким модальным обстоятельствам трудно или нельзя задать логический вопрос. Они не выделяются запятыми. Модальные обстоятельства могут выражаться существительными, подвергшимися узуальной или речевой адвербиализации. К отсубстантивным наречиям узуального типа относятся, в частности, словоформы со значением ‘случайно’ типа *часом, случаем*, способные употребляться в качестве необособленных модальных обстоятельств (3) и

вводно-модальных слов (4); ср. примеры из академического «Словаря русского языка» [1984. Т. 4: 654]:

(3) *Что это вы все строчите, поручик? Уж не стихи ли* ***часом****?* (А. Куприн. Прапорщик армейский);

(4) *Товарищ, – обратился он к парню, – вы,* ***часом****, не рыбак?* (Чаковский. У нас уже утро).

Речевой характер адвербиализации может быть усмотрен в случае необособленного употребления отсубстантивных словоформ типа *правда*, *факт* в контекстах совмещенной модаляции и адвербиализации. См. примеры А. Я. Баудера [1982, с. 121]:

(5) *Мне* ***правда*** *неприятно, что Кеха затеял все это* (В. Шугаев. Караульная заимка);

(6) *Детка, вы* ***правда*** *поможете?* (Н. Ильина. Возвращение).

В отличие от А. Я. Баудера, считающего подобные образования периферийными модальными словами, мы рассматриваем их как гибриды, совмещающие в контексте модаляции и адвербиализации свойства типичных представителей существительных, наречий и вводно-модальных единиц.

Употребляясь чаще всего в интерпозиции, между субъектным и предикатным компонентами предложения гибриды типа *правда*, *факт* оказываются вовлеченными в два транспозиционных процесса, сближающих их с наречиями и вводно-модальными словами (см. также: [Высоцкая, 2006, с. 225]).

В контексте совмещенной модаляции и адвербиализации могут быть и краткие прилагательные типа *действительно*, не имеющие коррелятов среди наречий; ср.:

(7) *Удостоверение* ***действительно*** *до 1 сентября* (типичное прилагательное в позиции именного предиката);

(8) *Он* ***действительно*** *талантливый художник* (отадъективный гибрид в функции модального обстоятельства, совмещающий свойства кратких прилагательных, наречий и модальных слов).

При обособленном употреблении словоформы типа *правда*, *действительно* выполняют функцию вводно-модальных слов, совмещая ее с функцией утвердительной частицы (*действительно*, *правда*) (9–10) или уступительно-противительного союза (*правда*) (11); ср.:

(9) ***Действительно****, он очень талантлив* (≈ ‘да’);

(10) ***Правда****, он самый способный среди них* (≈ ‘да’);

(11) *В целом он согласен с выводами,* ***правда****, предложил уточнить некоторые формулировки* (≈ ‘хотя’).

С функцией вводности интерпозитивно употребляемых словоформ типа *правда* связана большая степень актуализации субъективно-личностного начала в высказывании: субъект речи стремится акцентировать внимание слушающих на достоверности передаваемой информации:

(12) *Он,* ***правда****, заболел*;

(13) *Он,* ***правда****, не знал об этом*.

Учитывая то, что словоформы типа *правда*, выступающие в роли модальных обстоятельств, не имеют в речи интонационно-смыслового выделения и пунктуационно не отделяются от других слов предложения, квалификация их в качестве вводно-модальных слов неправомерна. Это один из типов гибридных структур, наподобие *действительно*, возникающих на пересечении двух транспозиционных процессов – адвербиализации и модаляции.

Остановимся на характеристике свойств гибридных, субстантивно-адвербиально-модальных образований, функционирующих в синкретичных контекстах адвербиализации и модаляции.

В отличие от классических существительных, гибридное образование *правда* не выступает в первичных синтаксических функциях подлежащего (14) и дополнения (15); ср.:

(14) ***Правда*** *о потерях тогда никому была не нужна*;

(15) *Он любил* ***правду***.

Функционально сближаясь со сказуемым, оно употребляется в роли обстоятельства, характеризующего степень достоверности передаваемой информации (16):

(16) *Он* ***правда*** *талантливый человек* (≈ ‘действительно, в самом деле’).

Очевидной в таких случаях представляется связь подобного рода гибридов с субъектом модуса, оценивающим передаваемое сообщение как соответствующее действительности.

При обособлении модальные обстоятельства, выраженные адвербиализованными существительными типа *правда* (пример под цифрой 16), приобретают большую самостоятельность в речи, что свидетельствует об их дальнейшем продвижении в сторону ядерных вводно-модальных единиц вроде *конечно*, *пожалуй*. На письме они выделяются запятыми. Ср. контексты необособленного (17) и обособленного употребления (18)

словоформы *правда* в предложениях с глагольными предикатами типа *(не) знал, верил* из Национального корпуса русского языка, отмеченные здесь и далее аббревиатурой [НКРЯ] URL: http://www.ruscorpora.ru/:

(17) *Я и* ***правда*** *не знал, как объяснить, что же говорил этот человек* [А. Приставкин. Радиостанция «Тамара» (1994)] [НКРЯ]; *Я и* ***не знал*** *раньше, что там пещера.* ***Правда*** *не знал…* [В. Пелевин. Омон Ра (1992)] [НКРЯ]; *Мы, Андрюха, и умираемто от того, что видим несостоятельность всего, о чем мечталось и думалось, во что мы верили. А я ведь и* ***правда*** *верил!* [Н. Дежнев. Год бродячей собаки (2002)] [НКРЯ];

(18) *Тахмазов пожал плечами. Он,* ***правда****, не знал, что делать* [М. Ибрагимов. Метаморфоза (1969)] [НКРЯ]; *Это было очень глупо, но он,* ***правда****, не знал, как надо себя вести* [Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003)] [НКРЯ]; *Бердяев,* ***правда****, верил, что встретится в раю со своим Мурром, но даже там они вряд ли говорят по-кошачьи* [А. Генис. Темнота и тишина (1996-1997)] [НКРЯ].

Сравнительный анализ приведенных контекстов употребления словоформы *правда* показывает, что в функции необособленного модального обстоятельства она употребляется либо в вопросительных предложениях, либо в сочетании с частицей и. Но в принципе вполне возможно необособленное употребление *правда* как модального обстоятельства в повествовательных предложениях и без поддержки частиц типа и. Ср.:

(19) *Он* ***правда*** *не знал, как это можно объяснить*;

(20) *Он,* ***правда****, не знал, как это можно объяснить*.

В примерах типа (20) наблюдается большая степень актуализации субъективно-модального компонента высказывания, что выражается в осмыслении *правда* в качестве вводного слова, выделяемого на письме запятыми.

Надо сказать, что категориальное осмысление словоформы *правда* в функции модального обстоятельства далеко не однозначно в словарях русского языка. Чаще всего эта функция связывается с ролью частицы. Так, в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» [2007, с. 713] разные типы употребления правда квалифицируются в пределах одной словарной статьи как а) существительное с лексико-семантическими вариантами ‘То, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей’ (*горькая правда*); ‘Справедливость, честность, правое дело’ (*Правда на твоей стороне*); ‘То же, что правота’ (*Твоя правда*); б) вводное слово как выражение истинности ‘верно, в самом деле’ (*Я, правда, не знал этого*); в) союз в значении ‘Хотя и, следует признать, что’ (*Погуляли хорошо, правда, устали*); г) частица, выражающая утверждение, уверенное подтверждение (*Я правда уезжаю*). Что касается интерпозитивного употребления словоформы *правда,* не выделенной запятыми, то оно связывается здесь, как видим, с функцией модальной, утвердительной частицы. Сходную интерпретацию данного типа употребления правда как частицы (*Я правда не здорова*) находим в «Большом толковом словаре русского языка» (под ред. С. А. Кузнецова) [2000, с. 952].

В «Словаре грамматических омонимов русского языка» рассматриваемый тип употребления *правда* осмыслен как наречие [Ким, Островкина, 2004, с. 565]. См. примеры из данного словаря:

(21) *Видела Лику, она* ***правда*** *выходит замуж. Стала такая славная* (М. Чехова);

(22) *«Ты* ***правда*** *любишь меня?» – тихонько шепнула Леля на ухо Драницыну* (Н. Никитин).

Разноречивая грамматическая трактовка необособленного употребления *правда* объясняется во многом его гибридной природой, совмещением в структуре данной синкреты разнородных признаков, в той или иной степени сближающих с существительными, наречиями и модальными словами.

Можно согласиться, наверное, с А. Я Баудером, Л. И. Ушаковой в том, что в русском языке есть модальные слова и синкретичные структуры, синтезирующие дифференциальные признаки модальных слов и наречий (см.: [Баудер, 1982, с. 134-135; Ушакова, 1999, с. 220]). К синкретам такого типа, с их точки зрения, относятся образования *действительно, правда, факт* и нек. др. Употребляясь интерпозитивно, чаще всего в положении между подлежащим и сказуемым, они представляюз значение достоверности передаваемой информации, сближаясь в функции обстоятельства со сказуемым. В диахроническом аспекте их можно квалифицировать как гибриды, эксплицирующие разные стадии совмещенной адвербиализации и модаляции существительных.

Ср. контексты употребления прототипического существительного (23), синкреты с признаками существительного, наречия и модального слова в контексте адвербиализации и модаляции (24) и вводно-модальной единицы в контексте совмещенной модаляции и партикуляции (25):

(23) ***Правда*** *глаза колет* (≈ ‘то, что соответ-

ствует действительности’);

(24) *Он* ***правда*** *ничего не знал* (≈ ‘действительно, в самом деле’);

(25) ***Правда****, его там не было* (≈ ‘да, верно’).

Чтобы определить степень адвербиализации и модаляции существительного *правда* в функции необособленного модального обстоятельства (см. выше пример 24), необходимо проиндексировать данные типы транспозиции. При этом будут установлены в структуре исследуемой синкреты дифференциальные признаки исходного существительного (*правда*), ядерных представителей отсубстантивных наречий (*вправду*) и ядерных представителей отадъективных вводно-модальных единиц (*конечно*). Вначале произведем исчисление индексов адвербиализации существительного правда (x1 и x2), а затем – индексов его модаляции. Индекс x1 характеризует в количественном отношении степень соответствия адвербиализованного существительного *правда* (24) исходному существительному *правда* (23).

На наш взгляд, адвербиализация существительного *правда* имеет не узуальный, а речевой характер, т. е. наблюдается она, как и в случаях с отадъективными образованиями вроде *действительно*, в определенных синтаксических условиях; ср. контексты совмещенной модаляции и адвербиализации:

(26) *Он* ***правда*** *талантливый художник*;

(27) *Он* ***действительно*** *талантливый художник*.

В связи с отсутствием в русском языке ядерного наречия правда будем сравнивать гибрид *правда* с модальным отсубстантивным наречием *вправду* в значении ‘в самом деле’, которое может употребляться в функции модального обстоятельства (28) и вводно-модального слова (29):

(28) *Но с годами ему самому* ***вправду*** *стало очень приятно выговаривать «Россия», «родина»* [А. Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990] [НКРЯ];

(29) *Он,* ***вправду****, занимался работой «левой», но для Шухова непостижимой* [А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)] [НКРЯ].

Как и синкрета *правда*, наречие *вправду* может использоваться в интерпозиции в роли модального остоятельства (28) и обособленного вводно-модального слова (29).

Какова степень соответствия дифференциальных признаков синкретичного образования *правда (Он* ***правда*** *не приходил)* признакам исходного существительного *правда (****Правда*** *не всем нравится)*? Исследование семантико-грамматических свойств синкреты *правда* свидетельствует о том, что их сближает такой признак, как тождество лексического значения существительного, фиксирующего соответствие сказанного реальному положению вещей (1 балл). Это означает, что адвербиальная транспозиция субстантивной словоформы имеет чисто грамматический (функциональный) характер, не будучи связана с выходом словоформы за пределы семантической зоны исходной лексемы *правда*. Кроме того, морфемная структура сравниваемых словоформ характеризуется как членимая; ср.: *прав-д-а* и *в-прав-д-у* (1 балл). Существительное *правда* и синкрета *правда* могут употребляться в функции члена предложения; ср.: *Он* ***правда*** *талантивый музыкант* (модальное обстоятельство) и ***Правда*** *глаза колет* (подлежащее); 1 балл. Всего, таким образом, интегральных признаков у них – три.

Отграничивают синкрету *правда* от исходного существительного *правда*, такие характеристики, как: 1) отсутствие категориальной семантики предмета (предметности); 1 балл; 2) отнесенность к лексико-грамматическим разрядам существительных, т. е. к нарицательным, неодушевленным и абстрактным; 3 балла; 3) категория рода (в форме женского рода; 1 балл; 4) категория числа (с семантически обусловленной и фиксированной формой ед. числа); 1 балл; 5) категория падежа [с оппозицией форм шести падежей: *правда, правды, правде* и т. п.]; 6 баллов; 6) комплексная парадигма, включающая систему форм в рамках категорий падежа и числа (с учетом семантических ограничений в образовании форм множ. числа); 1 балл; 7) наличие синтаксических связей с знаменательными словами в предложении; ср. *Настоящая* ***правда*** *о случившемся никого не интересовала* (1 балл); 8) наличие флексийной морфемы -а: в зоне совмещенной адвербиализации и модаляции флексия -а трансформировалась в суффикс; 1 балл. В итоге от исходного существительного *правда* гибрид *правда* отличают 15 признаков, которым соответствуют 15 баллов в процедуре индексации.

Из сказанного следует, что отсубстантивное адвербиально-модальное образование *правда* не имеет многих семантико-грамматических признаков исходного существительного, а именно общеграмматического значения предмета, категорий рода, числа и падежа; парадигмы, изменяемости и др. Вместе с тем процесс адвербиализации данной субстантивной словоформы имеет речевой характер: он не приводит к нарушению

смыслового тождества слова, позволяя говорить об особом адвербиально-модальном употреблении словоформы.

Первый индекс адвербиализации синкреты *правда* определяет степень соответствия ее дифференциальным признаков признакам исходного существительного (*правда*) и устанавливается по формуле:

x1 [… правда …] = 3 / (3 + 15) = 3 / 18 ≈ 0,17 (17 %)

Что касается степени соответствия отсубстантивной адвербиально-модальной структуры правда в совмещенном контексте адвербиализации и модаляции (*Он* ***правда*** *здесь не был*) наречиям вроде вправду (*От этих слов он* ***вправду*** *заволновался; Он* ***вправду*** *поверил в победу*), то ее можно установить при исчислении второго индекса адвербиализации (x2).

Сближают синкрету *правда* с наречием *вправду* такие признаки, как: 1) общеграмматическое значение признака; 1 балл; 2) принадлежность к семантическому разряду определительно-количественных наречий; 1 балл; 3) неизменяемость, отсутствие грамматических категорий и парадигм; 1 балл; 4) морфемный состав: членимость слова на морфы; 1 балл; 5) роль обстоятельства (образа действия и / или степени) с дополнительной модальной окраской (по. М. Никитину, это модальные обстоятельства; 1 балл; 6) присловная подчинительная связь с главным словом словосочетания – примыкание (или аналог примыкания, по А. Я. Баудеру [1982, с. 135]): *правда не был*; *вправду поверил*; 1 балл; 7) интерпозитивное употребление, преимущественно в позиции между подлежащим и сказуемым: 1 балл; 8) отсутствие зависимых знаменательных слов; ср. сочетаемость с частицей: и *правда не знал*; и *вправду разволновался*; 1 балл. Всего интегральных признаков – восемь; им соответствуют 8 баллов в процедуре индексации.

Отграничивают синкрету *правда* от наречия *вправду* то, что она употребляется в контексте совмещенной адвербиализации и модаляции, в то время как *вправду* уже является наречием и в функции модального обстоятельства демонстрирует лишь зону гибридных адвербиально-модальных структур. Такое возможно в контексте чистой модаляции, т. е. не совмещенной с адвербиализацией (1 балл).

Исчисление второго индекса адвербиализации синкретичного, отсубстантивнорго адвербиально-модального образования *правда* показывает степень соответствия его дифференциальных признаков признакам наречия *вправду*:

x2 [… правда …] = 8 / (8 + 1) = 8 / 9 ≈ 0,89 (89 %)

Исчисление индексов адвербиализации свидетельствует о том, что синкрета *правда*, употребляющаяся интерпозитивно в контексте адвербиализации и модаляции, обнаруживает 17 процентов соответствия дифференциальных признаков признакам исходного существительного и 89 процентов соответстия признакам наречия *вправду*, употребляющемуся как модальное обстоятельство в контексте чистой модаляции (т. е. не совмещенной с адвербиализацией). Добавим, что степень сближения синкреты *правда* с другими наречиями, в частности, способными к пре-, интер- и постпозитивному употреблению с зависимыми словами, будет несколько меньше по сравнению с наречиями модального типа вроде *вправду*.

С целью определения степени соответствия дифференциальных признаков синкретичной структуры *правда* в функции модального обстоятельства признакам ядерных вводно-модальных слов типа конечно произведем исчисление индекса ее модаляции (x3).

Общими у данной синкреты с типичными вводно-модальными единицами вроде *конечно* являются такие признаки, как: 1) субъективно-модальное значение, указывающая на уверенность субъекта модуса в реальности сообщаемого; 1 балл; 2) неизменяемость, обусловленная отсутствием категорий и парадигм; 1 балл. В целом интегральных признаков у них два.

Отличается отсубстантивное адвербиально-модальное образование от ядерного отадъективного вводно-модального слова *конечно* такими характеристиками, как: 1) отсутствие омонимичного лексического значения, развивающегося при нарушении смыслового тождества исходной лексемы; ср. лексические омонимы типа *конечно* (≈ ‘имеет предел, конец’) и *конечно* (≈ ‘безусловно’); 2 балла; 2) обязательное интерпозитивное употребление, чаще всего в позиции между подлежащим и сказуемым; ср.: *Он* ***правда*** *талантливый музыкант* (синкрета в функции необособленного модального обстоятельства) и ***Конечно****, никто тогда об этом не думал / Никто тогда об этом не думал,* ***конечно*** (вводно-модальное слово-частица) и *Никто,* ***конечно****, тогда об этом не думал* (вводно-модальное слово в обособленной интерпозиции); 1 балл; 3) отсутствие функции вводно-модального слова с особым типом интонации (понижение тона голоса, ускорение темпа речи); 1 балл; 4) отсутствие синтаксически обособленного употребления и выделения запятыми; 1 балл; 5) использование в предложении, где нет четкого деления на модальную рамку и

диктум (пропозицию); ср.: ***Конечно*** (модус), *этот музыкант необыкновенно одарен* (диктум); 1 балл; 6) отсутствие интродукции как способа «вхождения» вводно-модального компонента в высказывание; 1 балл; 7) неспособность употребляться в качестве грамматического или лексико-грамматического омонима относительно представителей исходного звена модаляции; ср. грамматические омонимы: *Это положение пока* ***действительно*** (краткое прилагательное) – ***Завтра****, действительно, совещания не будет* (вводно-модальное слово) и лексико-грамматические омонимы: *Существование белковых тел* ***конечно****, т. е. имеет конец* (краткое прилагательное) – *Никто,* ***конечно****, с этим спорить не будет* (вводно-модальное слово). Таким образом, отличают синкрету правда от ядерной вводно-модальной единицы *конечно* 8 признаков, соотносительных с 8 баллами в процедуре индексации.

Индекс модаляции отсубстантивного адвербиально-модального образования *правда* может быть определен по формуле:

x3 [… правда…] = 2 / (2 + 8) = 2 / 10 ≈ 0,20 (20 %)

Заключение

Проведенное исследование показывает, что синкретичное образование правда, функционирующее в синкретичных контекстах адвербиализации и модаляции [*Он* ***правда*** *талантливый человек*], демонстрирует сложную комбинаторику дифференциальных признаков существительного, наречия и модального слова. Употребляясь интерпозитивно в функции модального обстоятельства, синкрета *правда* обнаруживает 17 % соответствия дифференциальных признаков признакам исходного существительного, 89 % соответствия признакам наречий в функции модального обстоятельства (*вправду*) и 20 % соответствия признакам ядерных отадъективных вводно-модальных единиц (*конечно*).

Библиографический список

1. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. Москва : Дрофа, 2000. 640 с.

2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.

3. Баудер А. Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин : Валгус, 1982. 184 с.

4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 2000. 1536 с.

5. Воротников Ю. Л. Слово и время. Москва : Наука, 2003. 168 с.

6. Всеволодова М. В. К вопросу об операционных методах категоризации предложных единиц // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. № 3. С. 103–135.

7. Высоцкая И. В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. Москва : МПГУ, 2006. 304 с.

8. Ким О. М., Островкина И. Е. Словарь грамматических омонимов русского языка. Москва : «Астрель»: «АСТ» : «Ермак», 2004. 842 с.

9. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. Москва, 1962. С. 57–71.

10. Кустова Г. И. Ментальные предикаты в метатекстовых конструкциях 2-го лица // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог-2018». Вып. 17 (24). Москва, 2018. С. 380–390.

11. Мельчук И. Русский язык в модели «Смысл – Текст». Москва – Вена : Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. 682 с.

12. Мигирин В. Н. Очерки по теории процессов переходности. Бельцы [б. и.], 1971. 199 с.

13. Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. Москва : Издательский дом ЯСК, 2019. 440 с.

14. Розенталь Д. Э. Справочнике по правописанию и литературной правке / под ред. И. Б. Голуб. 11-е изд.. Москва : Айрис-пресс, 2006. 368 с.

15. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. испр. и доп. Москва : Русский язык, 1981–1984. Т. 4., 1984. 794 с.

16. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов: (82 000 слов и фразеологических выражений) / [Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин]; отв. ред. Н. Ю. Шведова; Российская акад. наук, Отд-ние ист.-филологических наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. Москва : Азбуковник, 2007. 1175 с.

17. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. Москва : Прогресс, 1988. 656 с

18. Урысон Е. В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 25–38.

19. Ушакова Л. И. Современный русский язык. Морфология. Белгород : Изд-во Белгор. ун-та, 1999. 282 с.

20. Чеснокова Л. Д. Порядковые числительные в аспекте теории синкретизма // Переходность и синкретизм в языке и речи: Межвуз. сб. науч. тр. Москва : Изд-во «Прометей» / МПГУ им. В. И. Ленина, 1991. С. 44–54.

21. Шигуров В. В. Предикативация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи: Теория транспозиционной грамматики русского языка. Москва : Наука, 2016. 702 с.

22. Шигуров В. В. «Судя по» в контексте модаляции и препозиционализации: к исчислению индексов транспозиции // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 6. С. 42–55.

23. Вихованець І. Р. Теоретична морфологія української мови / І. Р. Вихованець, К. Г. Городенська; за ред. І. Р. Вихованця. Київ : Пульсари, 2004. 398 с.

24. Marchand H. Expansion, transposition and derivation // La Linguistique. 1967. Vol. 3. No. 1. Pp. 13–26.

25. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch. Tübingen. 1982. 241 p.

26. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.

27. Shigurov V. V., Shigurova T. A. Theoretical basics of the transpositional grammar of Russian language // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. 2016. Vol. 5. No. 5. P. 237–245.

Reference list

1. Babajceva V. V. Javlenija perehodnosti v grammatike russkogo jazyka = Phenomena of transitivity in russian grammar. Moskva : Drofa, 2000. 640 s.

2. Balli Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka = General linguistics and the french language issues. Moskva : Izd-vo inostrannoj literatury, 1955. 416 s.

3. Bauder A. Ja. Chasti rechi – strukturno-semanticheskie klassy slov v sovremennom russkom jazyke = Parts of speech – structural and semantic classes of words in modern russian. Tallin : Valgus, 1982. 184 s.

4. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = The Complete explanatory dictionary of the russian language / sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. Sankt-Peterburg : Norint, 2000. 1536 s.

5. Vorotnikov Ju. L. Slovo i vremja = Word and time. Moskva : Nauka, 2003. 168 s.

6. Vsevolodova M. V. K voprosu ob operacionnyh metodah kategorizacii predlozhnyh edinic = On operational methods for categorizing sentence units // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija. 2011. № 3. S. 103–135.

7. Vysockaja I. V. Sinkretizm v sisteme chastej rechi sovremennogo russkogo jazyka = Syncretism in the parts-of-speech system of the modern russian language. Moskva : MPGU, 2006. 304 s.

8. Kim O. M., Ostrovkina I. E. Slovar' grammaticheskih omonimov russkogo jazyka = Dictionary of russian grammatical homonyms. Moskva : «Astrel'»: «AST»: «Ermak», 2004. 842 s.

9. Kurilovich E. Derivacija leksicheskaja i derivacija sintaksicheskaja = Lexical derivation and syntactic derivation // Kurilovich E. Ocherki po lingvistike. Moskva, 1962. S. 57–71.

10. Kustova G. I. Mental'nye predikaty v metatekstovyh konstrukcijah 2-go lica = Mental predicates in 2nd person meta-textual constructions // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam mezhdunarodnoj konferencii «Dialog-2018». Vyp. 17 (24). Moskva, 2018. S. 380–390.

11. Mel'chuk I. Russkij jazyk v modeli «Smysl – Tekst» = Russian language in the «Meaning – Text» model. Moskva – Vena : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», Venskij slavisticheskij al'manah, 1995. 682 s.

12. Migirin V. N. Ocherki po teorii processov perehodnosti = Essays on the theory of transitivity processes. Bel'cy [b. i.], 1971. 199 s.

13. Paducheva E. V. Jegocentricheskie edinicy jazyka = Egocentric language units. Moskva : Izdatel'skij dom JaSK, 2019. 440 s.

14. Rozental' D. Je. Spravochnike po pravopisaniju i literaturnoj pravke = Handbook on spelling and literary editing / pod red. I. B. Golub. 11-e izd.. Moskva : Ajris-press, 2006. 368 s.

15. Slovar' russkogo jazyka: V 4-h t. = Dictionary of the russian language: in 4 vols. / AN SSSR. In-t rus. jaz.; pod red. A. P. Evgen'evoj. 2-e izd. ispr. i dop. Moskva : Russkij jazyk, 1981–1984. T. 4., 1984. 794 s.

16. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vkljucheniem svedenij o proishozhdenii slov: (82 000 slov i frazeologicheskih vyrazhenij) Explanatory dictionary of the Russian language with the data on the origin of words: (82,000 words and phraseological units) / [N. Ju. Shvedova, L. V. Kurkina, L. P. Krysin]; otv. red. N. Ju. Shvedova; Rossijskaja akad. nauk, Otd-nie ist.-filologicheskih nauk, In-t russkogo jaz. im. V. V. Vinogradova. Moskva : Azbukovnik, 2007. 1175 s.

17. Ten'er L. Osnovy strukturnogo sintaksisa = Basics of structural syntax. Moskva : Progress, 1988. 656 s

18. Uryson E. V. Sintaksicheskaja derivacija i «naivnaja» kartina mira = Syntactic derivation and the «naive» picture of the world // Voprosy jazykoznanija. 1996. № 4. S. 25–38.

19. Ushakova L. I. Sovremennyj russkij jazyk. Morfologija = Modern russian language. Morphology. Belgorod : Izd-vo Belgor. un-ta, 1999. 282 s.

20. Chesnokova L. D. Porjadkovye chislitel'nye v aspekte teorii sinkretizma = Ordinal numerals in terms of syncretism theory // Perehodnost' i sinkretizm v jazyke i rechi: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Moskva : Izd-vo «Prometej» / MPGU im. V.I. Lenina, 1991. S. 44–54.

21. Shigurov V. V. Predikativacija kak tip stupenchatoj transpozicii jazykovyh edinic v sisteme chastej rechi: Teorija transpozicionnoj grammatiki russkogo jazyka = Predicativation as a type of stage transposition of linguistic units in the parts of speech system: The theory of transpositional grammar of the russian language. Moskva : Nauka, 2016. 702 s.

22. Shigurov V. V. «Sudja po» v kontekste modaljacii i prepozicionalizacii: k ischisleniju indeksov transpozicii = «Judging by» in the context of modalization and prepositionalization: on calculation of transposition indices // Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka. 2020. T. 79. № 6. S. 42–55.

23. Vihovanec' I. R. Teoretichna morfologija ukraïns'koï movi / I. R. Vihovanec', K. G. Gorodens'ka; za red. I. R. Vihovancja. Kiïv : Pul'sari, 2004. 398 s.

24. Marchand H. Expansion, transposition and derivation // La Linguistique. 1967. Vol. 3. No. 1. Pp. 13–26.

25. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch. Tübingen. 1982. 241 p.

26. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.

27. Shigurov V. V., Shigurova T. A. Theoretical basics of the transpositional grammar of Russian language // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. 2016. Vol. 5. No. 5. P. 237–245.

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 81-11

О. В. Лукин **https://orcid.org/0000-0001-9101-9134**

Адмирал Шишков, генерал Ахвердов, майор Щулепников и «Русская грамматика» И. С. Фатера

Для цитирования: Лукин О. В. Адмирал Шишков, генерал Ахвердов, майор Щулепников и «Русская грамматика» И. С. Фатера // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 86–91. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-86-91

Статья посвящена истории создания «Русской грамматики» известного немецкого языковеда И. С. Фатера. В ней с позиций нарративной лингвоисториографии анализируются особенности его научной деятельности и предпосылки появления его «Русской грамматики». Особый интерес с точки зрения современной нарративной лингвоисториографии представляют периоды на пороге появления новых лингвистических парадигм. Таковым был период конца XVIII – начала XIX вв., когда в Российской империи главными специалистами по русскому языку в силу разных причин были немцы, а грамматики русского языка, написанные немецкими авторами, стали самыми распространенными учебными пособиями по русскому языку. И. С. Фатер вошел в историю языкознания не только как ученик и продолжатель дела И. К. Аделунга, но и как один из основателей славистики, автор «Практической грамматики русского языка» и «Книги для чтения на русском языке». Появление работ И. С. Фатера было связано с такими российскими военными и политическими деятелями как А. С. Шишков, Н. И. Ахвердов и М. С. Щулепников, которые также внесли свой вклад в развитие российской культуры и русского языкознания, а также с племянником своего учителя Ф. П. Аделунгом. Самую первую свою грамматику русского языка И. С. Фатер выпустил в 1808 году в Лейпциге, в этой своей работе он опирался на изданную в Москве в 1789 году «Русскую грамматику для немцев» профессор словесного факультета Московского университета И. А. Гейма.

Ключевые слова: нарративная лингвоисториография, грамматика русского языка, И. С. Фатер, И. А. Гейм, А. С. Шишков, Н. И. Ахвердов, Ф. П. Аделунг, М. С. Щулепников.

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

O. V. Lukin

Admiral Shishkov, general Akhverdov, major Shchulepnikov and «Russian Grammar» by J. S. Vater

The article is devoted to the history of writing «Russian Grammar» by the famous German linguist J. S. Vater. It analyzes the peculiarities of his scientific activity and the prerequisites for the appearance of his Russian Grammar from the standpoint of narrative linguistic historiography. Modern narrative linguistic historiography pays particular attention to the periods right before the appearance of new linguistic paradigms. Such was the period of the late 18th and early 19th centuries, when the main experts on the Russian language in the Russian Empire, for various reasons, were Germans, and Russian grammars written by German authors became the most common Russian language textbooks.J. S. Vater is known in the history of linguistics not only as a disciple and successor of J. C. Adelung, but also as one of the founders of Slavic studies, the author of «Practical Grammar of the Russian Language» and «The Book for Reading in the Russian Language». The appearance of J. S. Vater's works was associated with such Russian military and political figures as A. S. Shishkov, N. I. Akhverdov and M. S. Schulepnikov, who also contributed to the development of Russian culture and Russian linguistics, as well as with his teacher's nephew F. P. Adelung. J. S. Vater published his very first grammar of the Russian language in 1808 in Leipzig. In this work, he relied on the «Russian grammar for Germans» published in Moscow in 1789 by J. Heym, professor of the Faculty of Linguistics at Moscow University.

Key words: narrative linguistic historiography, grammar of the russian language, J. S. Vater, J. Heym, A. S. Shishkov, N. I. Akhverdov, F. P. Adelung, M. S. Shchulepnikov.

© Лукин О. В., 2021

Введение

Особый интерес для современной нарративной лингвоисториографии представляют периоды, находящиеся на пороге появления новой лингвистической парадигмы, когда в лоне старой появляются признаки новой парадигмы. Т. В. Клубкова не случайно называет их темными местами в истории языкознания, ср.: «… в истории языкознания, несмотря на многочисленные исследования, остаются темные места. Историю изучения русской грамматики XVIII – начала XIX вв. можно с уверенностью отнести к таковым. Особый интерес они составляют, поскольку дают представление о том, как подготавливалась смена научной парадигмы в сравнительно-историческом языкознании» [Клубкова, 2018, с. 230].

Так случилось, что на рубеже веков немецкие ученые нередко становились составителями русских грамматик. Русские грамматики были предназначены, в первую очередь, для этнических немцев, проживавших в Петербурге, Москве и других частях бескрайней Российской империи. Среди авторов грамматик русского языка были и поистине выдающиеся ученые.

Актуальность предлагаемой статьи обусловлена интересом современных лингвоисториографов не только к периодам в истории языкознания, находящимся на границе лингвистических парадигм вообще, но и взаимодействию и взаимовлиянию различных лингвистических школ. В этом смысле нельзя обойтись без детального жизнеописания людей, их происхождения и круга общения, что может пролить свет на особенности их научного творчества (ср., например [Лукин, 2021, с. 113]).

Методы исследования

При работе над статьей нами был использован метод нарративной лингвоисториографии, включающий в себя:

1. изучение и анализ биографической литературы;
2. изучение и анализ лингвоисториографической литературы;
3. концептуальный анализ источников появления «Русской грамматики» И. С. Фатера.

Результаты исследования

1. Страницы биографии И. С. Фатера

И. С. Фатер (нем. Johann Severin Vater, 27.05.1771 – 16.03.1826) более всего знаменит в истории языкознания как ученик и продолжатель дела крупнейшего немецкого филолога И. К. Аделунга (нем. Johann Christoph Adelung, 8.08.1732 – 10.09.1806), составивший и издавший три из четырех томов его словаря «Митридат, или Всеобщее языкознание...». Не менее известен его вклад в развитие славистики: ученый является автором «Практической грамматики русского языка», выдержавшей два издания (с небольшими изменениями в названии – в 1808 и 1814 гг. [Vater, 1808], [Vater, 1814]) и «Книги для чтения на русском языке», увидевшей свет в 1815 году [Vater, 1815]. Начав свою научную деятельность в XVIII столетии, он закончил ее в веке XIX на пороге появления научной лингвистики.

Примечательно, что появление русских грамматик и книги для чтения И. С. Фатера было так или иначе связано с российскими военными и политическими деятелями, деятелями российской культуры и русского языкознания, с которыми ученый определенно так или иначе общался при составлении своих работ, прежде всего, как с носителями русского языка.

И. С. Фатер (биографические сведения приводим по [Arnold, 1863], [Schmidt, 1828], [Doering, 1835], [Kuhn, 1895]) родился в семье придворного адвоката и городского юрисконсульта Ф. С. Х. Фатера (нем. Friedrich Severin Christian Vater) в городе Альтенбурге (нем. Altenburg, н.-луж. Starograd, в.-луж. Starohród), маленьком тюрингском городке в 45 км к югу от Лейпцига, который до 1918 года был столицей герцогства Саксония-Альтенбург. По окончании гимназии в родном городе молодой человек с 1790 по 1794 гг. изучал богословие в университетах гг. Йена и Галле. 2 мая 1794 года ученый защитил диссертацию «*Animadversiones et lectiones ad Aristotelis libros tres Rhetoricum*» и начал преподавательскую деятельность. С 1796 до 1799 года И. С. Фатер продолжил свои теологические штудии в Йене, где в 1798 году стал экстраординарным профессором, а с 1799 года – профессором теологии и восточных языков на теологическом факультете университете г. Галле.

В 1809 году ученого приглашают в Кенигсберг, где, как это было нередко принято в то время, совмещает должности ординарного профессора теологии и библиотекаря. Очевидно, что незадолго до этого и в течение всего достаточно протяженного Кенигсбергского периода деятельности ученого он активно общался и с представителями Российской академии наук, и с уче-

ными, приближенными к императорской семье и воспитывавшие детей императора Александра Первого.

Немецкое ученое сообщество высоко оценило заслуги И. С. Фатера: в 1808 году он был избран членом-корреспондентом Баварской академии наук (нем. Bayerische Akademie der Wissenschaften), в 1810 – действительным членом академии общеполезных наук в Эрфурте (нем. Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt), в 1812 году – членом-корреспондентом Прусской академии наук (нем. Preußische Akademie der Wissenschaften). В 1820 году он возвратился в Галле, где и прожил остаток жизни.

2. Русские грамматики немецких авторов

Отечественные исследователи отмечают следующий немаловажный факт: в самом конце 18 – начале 19 вв. в Российской империи главными специалистами по русскому языку в силу разных причин были немцы, и именно грамматики русского языка, написанные немецкими авторами, стали самыми распространенными учебными пособиями по русскому языку (ср. [Ершова, 2010, 95], [Ширшикова, 2018, 104]). Многие были написаны на немецком языке для немцев, некоторые – на русском языке, иногда появлялись из печати как немецко- так и русскоязычные версии русской грамматики, ср. также: «Своих славистов у нас в то время почти не было, и статьи по славянской филологии, появлявшиеся в журналах этого времени, зачастую представляли собой простые переводы с иностранных языков или извлечения из иностранных трудов» [Булич, 1904, с. 1142].

Знакомство И. С. Фатера с русским языком, как принято считать, начинается в 1804 г., а в 1805 г. в «Учебнике всеобщей грамматики» он приводит славянский материал [Vater, 1805], [Клубкова, 2018, с. 230]. Самую первую свою грамматику русского языка – «Практическую грамматику русского языка в таблицах и правилах вместе с упражнениями для грамматического анализа, введением об истории русского языка и система ее грамматики, и исправления грамматики Гейма» – тридцатисемилетний богослов издал в 1808 году в Лейпциге [Vater 1808]. Как следует из названия, в своей работе он опирался на изданную в Москве в 1789 году «Русскую грамматику для немцев», которую составил профессор словесного факультета Московского университета И. А. Гейм (нем. von Heim Bernhard Andreas, также Johann Heym, рус. Бернгард Андреас Гейм, также Гейм Иван Андреевич, 1759 – 28.10.1821) [Heym, 1789]. Впрочем, как мы однажды писали, эта работа И. А. Гейма послужила источником не только для грамматики И. С. Фатера [Лукин, 2020, с. 160].

Примечательно, что первое издание грамматики автор посвящает Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге [Vater 1808], второе – российскому императору Александру Первому [Vater 1814], а книгу для чтения – его сыновьям великим князьям Николаю и Михаилу [Vater 1815]. В предисловии ко второму изданию грамматики мы находим слова благодарности И. С. Фатера в адрес адмирала А. С. Шишкова и генерал-лейтенанта Н. И. Ахвердова, которые, как указывает автор, «… помогли ему своими замечаниями и исправлениями» [Vater, 1814, Vorrede].

3. Петербургские «соавторы» И. С. Фатера

Александр Семёнович Шишков (9.(20.)03.1754 – 9.(21.)04.1841) – российский писатель, литературовед и государственный деятель, занимавший в разные годы своей жизни посты адмирала, государственного секретаря, министра народного просвещения, президента Российской Академии (с 1813 по 1841 гг.), известен прежде всего как реакционный идеолог и предтеча славянофильства и пуризма, ср.: «Заботясь, как член Российской академии, о сохранении чистоты русского языка, Ш. решился выступить против литературных новшеств, а вместе с тем и против источника этих новшеств, против подражания французам» [Бороздин, 1903, с. 612].

Заслуги А. С. Шишкова в области науки о языке высоко оценил крупный российский лингвоисториограф С. К. Булич (27.08(8.09)1859 – 15.04.1921), посвятивший его трудам несколько глав своей фундаментальной работы «Очерк истории языкознания в России» [Булич, 1904]. Именно адмиралу А. С. Шишкову принадлежат идеи о грамматике русского языка, которые тот направил на заседание Российской Академии 21 января 1822 года: «Все наши грамматики … суть списки, или подражания грамматикам чужих языков, и следственно должны заключать в себе многие недостатки, а может быть и погрешности: ибо … всякой язык имеет свои свойства и правила, различные с другим. По сей причине нужно бы было, не увлекаясь чужими грамматиками, заняться подробными исследованиями своего языка» (цит. по [Булич, 1904, с. 1044]).

Николай Исаевич Ахвердов

(20.09.(1.10.)1754 – 8.(20.)07.1817) – российский государственный деятель, генерал-лейтенант, с 31.12.1797 по 01.09.1798 г. возглавлял Архангельскую губернию (биографические сведения по: [Половцов, 1900, с. 360–361]), его был в дружеских отношениях с поэтом Г. Р. Державиным (3.(14).07.1743 – 8.(20).07.1816,) и писателем В. С. Хвостовым (24.12.1754 – 27.08.1832). С 1799 года он был воспитателем сыновей императора Александра Первого великих князей Николая и Михаила, преподавал им русскую словесность, историю, географию и статистику. В 1806 году был избран почетным членом Императорской Академии художеств, в 1811 году – почетным членом «Общества любителей российской словесности».

В этом же предисловии автор благодарит за дружеские советы действительного статского советника Аделунга. Фёдор Павлович Аделунг (нем. Friedrich von Adelung; 25.02.1768 – 18.(30.)01.1843), племянник его учителя И. К. Аделунга, с 1797 г. жил в Санкт-Петербурге, где помимо занятий коммерцией служил цензором немецких изданий и руководил немецким театром. С 1803 г. Ф. П. Аделунг был также воспитателем великих князей Николая и Михаила и преподавал им немецкий язык. В 1809 году был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук и почетным членом Харьковского и Дерптского университетов. Впоследствии возглавил дел Институт восточных языков при Министерстве иностранных (1824–1843). [Кирикова, 2018, с. 12].

Особые слова благодарности в предисловии адресованы значительно менее известной личности – майору Михаилу Щулепникову (нем. Herrn Major Michael Schulepnikoff). Михаил Сергеевич Щулепников (6.11.1778 – 15.08.1842) (биографические данные по [Артамонова, 1912, с. 157]), хотя и сделал блестящую карьеру в Морском министерстве, дослужившись впоследствии до генерал-аудитора флота, директора аудиторского департамента Морского министерства, был также известен как поэт и переводчик и журналист, публиковавшийся под псевдонимами *Усолец*, *Щлпнкв*. и *Мхл*. [Масанов, 1960, с. 538].

В Отечественную войну 1812 года М. С. Щулепников принимал участие в военных действием под началом графа П. Х. Витгенштейн (нем. Ludwig Adolf Peter zu Sayn-Wittgenstein, 25.12.1768(5.01.1769) – 30.05.(11.06.)1843), известного русского военачальника немецкого происхождения, впоследствии генерал-фельдмаршала (1826).

С 5.08.1813 г. М. С. Щулепников находился под Данцигом в должности офицера для поручений при принце Е. Вюртембергском (нем. Friedrich Eugen Karl Paul Ludwig von Württemberg, 18.01.1788 – 16.09.1857), генерале от инфантерии, племяннике императрицы Марии Фёдоровны (супруги Павла I), адъютантом которого он был назначен в 1815 году. К этому времени офицер был награжден прусским орденом «Pour le mérite», высшей военной наградой Пруссии, и произведен в майоры.

Заключение

Изложенные в этой небольшой статье факты, материалы и соображения свидетельствуют о многообразии факторов, оказывавших и оказывающих влияние на развитие языкознания в периоды, когда одной лингвистической парадигме на смену приходила другая. От внимания лингвоисториографа ни в коей мере не должны ускользать те, казалось бы, «мелочи», которые неискушенный читатель может легко пропустить при чтении, скажем, посвящения или предисловия лингвистического произведения давно ушедших времен.

Библиографический список

1. Артамонова И. Н. Щулепников, Михаил Сергеевич // Половцов А. А. Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. Т. 24: Щапов – Юшневский. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 1912. С. 157.
2. Бороздин А. К. Шишков (Александр Семенович) //Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т., т. XXXIXа: Шенье – Шуйский монастырь. Санкт-Петербург : Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1903. С. 611–615.
3. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1: (XIII в. – 1825 г.): с прил., вместо вступления, «Введения в изучение языка» Б. Дельбрюка. Санкт-Петербург : Типография М. Меркушева, 1904. 1248 с.
4. Ершова Е. О. Учебники русского языка для немцев XVIII в. как лингводидактический феномен: грамматический аспект // Наука и современность, 2010. С. 95–104.
5. Кирикова О. А. Аделунг Фёдор Павлович, фон // Ученые –фондообразователи Санкт-Петербургского филиала архива российской академии наук: Краткий биографический справочник: А–В / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина; Минобрнауки России, СПбФ АРАН. Санкт-Петербург : «Реноме», 2018. С. 12–14.
6. Клубкова Т. В. Русский язык: взгляд со стороны //

Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2018. № 189. С. 230–238.

7. Лукин О. В. «Начертание всеобщей грамматики» Л. Г. Якоба: немецкая философская грамматика на российской почве // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 112–120.

8. Лукин О. В. Русские грамматики Н. И. Греча и их немецкие источники // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 158–163.

9. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 4. Москва : Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1960. С. 538.

10. Половцов А. А. Ахвердовы // Половцов А. А. Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. Т. 2: Алексинский – Бесстужев-Рюмин. Санкт-Петербург : Типография Главного Управления Уделов, 1900. С. 360–361.

11. Ширшикова А. А. К вопросу о некоторых особенностях немецкоязычных грамматики русского языка второй половины XVIII века // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 2(23). С. 104–106.

12. Arnold. Vater, Johann Severin // Herzog J. J. Realenzyklopädie für protestantische Theologie und Kirche. Gotha: Verlag von Rudolf Besser, 1863, 1. – S. 51–52

13. Doering H. Johann Severin Vater // Doering H. Die gelehrten Theologen Deutschlands im achtzehnten und neunzehnten Jahrhundert. Neustadt an der Orla: bei Johann Karl Gottfried Wagner, 1835, Bd. 4, S. 563–572.

14. Heym J. Russische Sprachlehre für Deutsche. Moskwa [Moskva]: In der Universitäts Buchdruckerey Bey N. V. Nowikow, 1789. XII. 248, 68, [3] S.

15. Kuhn E. Vater, Johann Severin // Allgemeine Deutsche Biographie, herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Band 39 (1895). S. 503–508.

16. Schmidt F. A. Johann Severin Vater // Neuer Nekrolog der Deutschen. Ilmenau: Druck und Verlag von Bernhard Friedrich Voigt, 1828. 4. Jg. 1. Teil. S. 139–151.

17. Vater J. S. Lehrbuch der allgemeinen Grammatik besonders für höhere Schul-Classen: Mit Vergleichung älterer und neuerer Sprachen. Leipzig: in der Rengerschen Buchhandlung, 1805. 206 S.

18. Vater J. S. Praktische Grammatik der Russischen Sprache in Tabellen und Regeln nebst Übungsstücken zur grammatischen Analyse, einer Einleitung über Geschichte der Russischen Sprache und die Anordnung ihrer Grammatik, und Berichtigungen der Heymischen Sprachlehre. Leipzig: bei Siegfried Lebrecht Crusius, 1808. XL, 162 S.

19. Vater J. S. Praktische Grammatik der Russischen Sprache in bequemen und vollständigen Tabellen und Regeln mit Übungsstücken zur grammatischen Analyse zum Übersetzen ins Russischen. Leipzig: bey Friedrich Christian Wilhelm Vogel, Petersburg: in der Buchhandlung der Akademie der Wissenschaften, 1814. 276 S.

20. Vater J. S. Russisches Lesebuch: mit einem russisch-deutschen und deutsch-russischen Wörterbuche und einer Abhandlung über die Vorzüge der russischen Sprache. Leipzig: bey Friedrich Christian Wilhelm Vogel, Petersburg: in der Buchhandlung der Akademie der Wissenschaften, 1815. XVI, 286 S.

Reference list

1. Artamonova I. N. Shhulepnikov, Mihail Sergeevich = Shchulepnikov, Mikhail Sergeevich // Polovcov A. A. Russkij biograficheskij slovar' / Izd. pod nabljudeniem predsedatelja Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva A. A. Polovcova. T. 24: Shhapov – Jushnevskij. Sankt-Peterburg: Tipografija Glavnogo Upravlenija Udelov, 1912. S. 157.

2. Borozdin A. K. Shishkov (Aleksandr Semenovich) = Shishkov (Aleksandr Semyonovich) //Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t., t. XXXIXa: Shen'e – Shujskij monastyr'. Sankt-Peterburg : Semenovskaja Tipolitografija (I. A. Efrona), 1903. S. 611–615.

3. Bulich S. K. Ocherk istorii jazykoznanija v Rossii. T. 1: (XIII v. – 1825 g.): s pril., vmesto vstuplenija, «Vvedenija v izuchenie jazyka» B. Del'brjuka = An essay on the history of linguistics in Russia. V. 1: (13th century – 1825): instead of an introduction, B. Delbrück's Introduction to the Study of Language.Sankt-Peterburg : Tipografija M. Merkusheva, 1904. 1248 s.

4. Ershova E. O. Uchebniki russkogo jazyka dlja nemcev XVIII v. kak lingvodidakticheskij fenomen: grammaticheskij aspekt = Russian language textbooks for germans in the 18th century as a linguodidactic phenomenon: grammatical aspect // Nauka i sovremennost', 2010. S. 95–104.

5. Kirikova O. A. Adelung Fëdor Pavlovich, fon = Adelung Fyodor Pavlovich, von // Uchenye – fondoobrazovateli Sankt-Peterburgskogo filiala arhiva rossiĭskoĭ akademii nauk: Kratkiĭ biograficheskiĭ spravochnik: A–V / nauch. red. i sost. E. Ju. Basargina, I. V. Tunkina; Minobrnauki Rossii, SPbF ARAN. Sankt-Peterburg : «Renome», 2018. S. 12–14.

6. Klubkova T. V. Russkij jazyk: vzgljad so storony = Russian language: an outsider's view // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena. 2018. № 189. S. 230–238.

7. Lukin O. V. «Nachertanie vseobshheĭ grammatiki» L. G. Jakoba: nemeckaja filosofskaja grammatika na rossiĭskoĭ pochve = «L. G. Jakob's outline of universal grammar»: german philosophical grammar in Russia // Verhnevolzhskiĭ filologicheskiĭ vestnik. 2021. № 1 (24). S. 112–120.

8. Lukin O. V. Russkie grammatiki N. I. Grecha i ih nemeckie istochniki = N. I. Grech's Russian grammars and their german sources // Verhnevolzhskiĭ filologicheskiĭ vestnik. 2020. № 2 (21). S. 158–163.

9. Masanov I. F. Slovar' psevdonimov russkih pisatelej, uchenyh i obshhestvennyh dejatelej: V 4 t. T. 4 = Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures: In 4 vols. V. 4. Moskva : Izdatel'stvo Vsesojuznoj knizhnoj palaty, 1960. S. 538.

10. Polovcov A. A. Ahverdovy = The Akhverdovs // Polovcov A. A. Russkij biograficheskij slovar' / Izd. pod

nabljudeniem predsedatelja Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva A. A. Polovcova. T. 2: Aleksinskij – Besstuzhev-Rjumin. Sankt-Peterburg : Tipografija Glavnogo Upravlenija Udelov, 1900. S. 360–361.

11. Shirshikova A. A. K voprosu o nekotoryh osobennostjah nemeckojazychnyh grammatiki russkogo jazyka vtoroj poloviny XVIII veka = On the question of some peculiarities of the russian language grammar in German in the second half of the XVIII century // Baltiĭskiĭ gumanitarnyĭ zhurnal. 2018. T. 7. № 2(23). S. 104–106.

12. Arnold. Vater, Johann Severin // Herzog J. J. Realenzyklopädie für protestantische Theologie und Kirche. Gotha: Verlag von Rudolf Besser, 1863, 1. – S. 51–52

13. Doering N. Johann Severin Vater // Doering N. Die gelehrten Theologen Deutschlands im achtzehnten und neunzehnten Jahrhundert. Neustadt an der Orla: bei Johann Karl Gottfried Wagner, 1835, Bd. 4, S. 563–572.

14. Heym J. Russische Sprachlehre für Deutsche. Moskwa [Moskva]: In der Universitäts Buchdruckerey Bey N. V. Nowikow, 1789. XII. 248, 68, [3] S.

15. Kuhn E. Vater, Johann Severin // Allgemeine Deutsche Biographie, herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Band 39 (1895). S. 503–508.

16. Schmidt F. A. Johann Severin Vater // Neuer Nekrolog der Deutschen. Ilmenau: Druck und Verlag von Bernhard Friedrich Voigt, 1828. 4. Jg. 1. Teil. S. 139–151.

17. Vater J. S. Lehrbuch der allgemeinen Grammatik besonders für höhere Schul-Classen: Mit Vergleichung älterer und neuerer Sprachen. Leipzig: in der Rengerschen Buchhandlung, 1805. 206 S.

18. Vater J. S. Praktische Grammatik der Russischen Sprache in Tabellen und Regeln nebst Übungsstücken zur grammatischen Analyse, einer Einleitung über Geschichte der Russischen Sprache und die Anordnung ihrer Grammatik, und Berichtigungen der Heymischen Sprachlehre. Leipzig: bei Siegfried Lebrecht Crusius, 1808. XL, 162 S.

19. Vater J. S. Praktische Grammatik der Russischen Sprache in bequemen und vollständigen Tabellen und Regeln mit Übungsstücken zur grammatischen Analyse zum Übersetzen ins Russischen. Leipzig: bey Friedrich Christian Wilhelm Vogel, Petersburg: in der Buchhandlung der Akademie der Wissenschaften, 1814. 276 S.

20. Vater J. S. Russisches Lesebuch: mit einem russisch-deutschen und deutsch-russischen Wörterbuche und einer Abhandlung über die Vorzüge der russischen Sprache. Leipzig: bey Friedrich Christian Wilhelm Vogel, Petersburg: in der Buchhandlung der Akademie der Wissenschaften, 1815. XVI, 286 S.

УДК 81’316.772.2

В. Н. Бабаян **https://orcid.org/0000-0002-7044-3419**

Об основных психолингвистических особенностях диалогического дискурса терциарной речи с активными и пассивным участниками

Для цитирования: Бабаян В. Н. Об основных психолингвистических особенностях диалогического дискурса терциарной речи с активными и пассивным участниками // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 92–99. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-92-99

В настоящей работе представлен молчащий наблюдатель (МН) как пассивный третий участник двустороннего речевого обмена – диалога – коммуникантов, исследуется роль этого пассивного участника – МН – в триадном диалоге, выявлены психолингвистические аспекты диалога терциарной речи в присутствии МН как третьего участника акта коммуникации. В статье молчащий третий участник диалога классифицирован как эксплицитный (ЭМН) и имплицитный молчащий наблюдатель (ИМН). Установлено, что как ЭМН, так и ИМН как третий участник диалога, являясь неотъемлемым компонентом определенной коммуникативно-речевой ситуации, несомненно, влияет на вербальное и невербальное поведение активных участников, продуцентов диалога и этим создают особую форму общения, триадный диалог. Молчащее третье лицо, присутствующее при разговоре двоих коммуникантов, фиксируется партнерами по общению в рамках конкретного акта коммуникации, что дает основание говорить о том, что МН влияет как на содержание, так и на форму продуцируемого активными членами триады (АЧТ) диалога. Так, исследователь правомерно включает данного МН как пассивного участника триады (некоммуниканта) в наблюдаемую им конкретную коммуникативно-речевую ситуацию с учетом факта вовлеченности эксплицитного или имплицитного МН в акт определенной коммуникации. Приведены модели диалогов терциарной речи и перечислены основные критерии классификации взаимоотношения всех участников диалога – обоих активных и пассивного членов триады (МН), в процессе анализа диалогов с МН выделены триады с различной ролью их молчащего третьего участника. Приведена таблица соответствий между словом говорящего и реакцией слушающего, с включенным в нее третьим молчащим лицом.

Ключевые слова: диалог, терциарная речь, триада, триадный диалог, молчащий наблюдатель (эксплицитный и имплицитный), члены триады.

V. N. Babayan

On the principal psycholinguistic characteristics of a tertiary speech dialogical discourse with its active and passive participants

A silent bystander as a passive third participant in a two-person talk is presented and studied in the given article. The article studies the silent bystander’s significant role in a triadic dialogue, discovers psycholinguistic characteristics of a dialogue as a kind of tertiary speech including a silent bystander as a third person whose presence influences both the speakers. The author of the article classifies this silent bystander as an explicit and implicit silent bystander. The silent third person’s – silent bystander’s – presence in the speech situation has a specific influence on the speakers’ speech behaviour – both verbal and non-verbal – thus forming a special type of a dialogue, a triadic one. Both the speakers explicitly consider the silent bystander’s presence and it naturally affects the form as well as the content of their dialogical discourse, thus, enabling the researcher to include the silent bystander in the given communication act. The main criteria of relationship between the both speakers and the silent bystander are presented in the article. The thorough dialogues analysis brought to identifying sixteen types of triads with a wide range of silent bystander’s role. The chart showing the correspondence between the both speakers’ words and the bystander’s reaction to them is also given in the article under consideration.

Key words: tertiary speech, dialogue, triad, triadic dialogue, silent bystander (explicit as well as implicit), two active and a passive tertiary speech participants.

Введение

Под терциарной речью понимаем диалог двух коммуникантов (АЧТ) в присутствии молчащего наблюдателя (МН), т. е. пассивной третьей стороны акта коммуникации, который явно не принимает участия в процессе общения собеседников,

© Бабаян В. Н., 2021

однако фактом своего присутствия оказывает существенное влияние как на вербальное, так и невербальное поведение АЧТ и фактом своего нахождения при разговоре адресанта и адресата формирует особый тип диалога, диалог в триаде. Понятие терциарной речи включает существенные модификации и в речевом поведении одного из коммуникантов либо обоих АЧТ при условии их осведомленности о присутствующем МН в конкретной речевой ситуации. Таким образом *диада* трансформируется в *триаду* под воздействием присутствия МН, которое приводит к модификации как самой формы, так и содержания диалога АЧТ. Итак, в настоящей работе понятие **«диалог в триаде»** подразумевает терциарную речь коммуникантов, формирующуюся в присутствии молчащего участника триады. МН, являясь третьей влиятельной стороной определенной ситуации терциарной речи, представляет собой тот самый фактор, который влияет на психологический фон всего акта коммуникации. Вследствие этого воздействия, как видим, можно говорить о том, что **триада** включает двух АЧТ, формирующих диалогическое речевое произведение (диалогический дискурс), и молчащее третье лицо (МН) [Бабаян, 2016, с. 26; 2018, с. 91].

Гипотеза

Представляет интерес сам феномен третьего пассивного члена триадного диалога (МН). Как отмечалось выше, одно только присутствие МН оказывает воздействие на коммуниканта (коммуникантов), вследствие чего модифицируется как содержание, так и форма диалогического дискурса терциарной речи. Иначе говоря, активные члены диалога (АЧТ) сознательно (подсознательно) учитывают присутствие этого молчащего третьего лица в процессе общения. Это позволяет нам включить пассивного члена акта коммуникации в конкретную речевую ситуацию [Бабаян, 2006, с. 168]. Очевидно, что реакция АЧТ на присутствие МН при их разговоре будет различной. Так, например, АЧТ могут о чем-то умалчивать, не говорить все, что планировали или, наоборот, обсуждать то, о чем и не думали говорить наедине. Кроме того, АЧТ могут переключиться на другой язык или частично либо полностью сменить тему разговора. В каждой определенной ситуации воздействие МН на АЧТ и на создаваемое ими диалогическое произведение будет различным. Данное явление представляется вполне очевидным, т. к. общающиеся (АЧТ) и присутствующий при их разговоре МН могут быть людьми разного возраста, профессии, статуса, представителями одной и той же либо различных лингвокультур и др. Участники триадного диалога – активные (АЧТ) и пассивный (МН) – могут оказаться в разных ситуациях. Все вышеуказанные факторы непременно влияют на процесс акта коммуникации в целом, на самих АЧТ и соответственно могут видоизменять производимое коммуникантами речевое произведение, т. е. диалогический дискурс терциарной речи.

Внутри каждой триады взаимоотношения активных и пассивного участников разнообразны, и чаще всего их можно определить по речи самих АЧТ, по тому, насколько их реплики-высказывания (весь диалог) адресованы или не адресованы к присутствующему МН. Взаимоотношения АЧТ и МН можно классифицировать по следующим аспектам:

1) по факторам, вербально и невербально характеризующим каждого участника конкретного диалога в триаде (АЧТ1, АЧТ2 и МН), т. е. по национальным, возрастным, половым, социальным, образовательным, культурным и другим признакам;

2) по степени знакомства каждого из АЧТ с присутствующим МН;

3) по степени вовлеченности МН в разговор АЧТ;

4) по отношению АЧТ к присутствующему при их разговоре МН;

5) по добровольности/ принуждению участия МН в триаде, поведению МН в определенной коммуникативно-речевой ситуации. В подобном случае можем говорить о *случайных* и *неслучайных* МН. *Случайный МН* будет стараться показать свою незаинтересованность, безразличие к процессу АЧТ, тогда как *неслучайный МН* заинтересован в разговоре АЧТ. Он может быть *сознательно слушающим* и *тайно подслушивающим;*

6) по своему участию в триадном диалоге МН может быть *эксплицитным* (ЭМН) или *имплицитным* (ИМН). Эксплицитный МН (ЭМН) может классифицироваться как *непосредственно (контактно)* или *дистантно* присутствующий в акте коммуникации (триаде) [Бабаян, 2016, с. 27].

Из сказанного выше следует, что даже если в акте коммуникации не наблюдается никаких очевидных признаков присутствия ЭМН, всегда можно говорить о присутствии имплицитного МН (совести, авторитетного лица, общественной морали, бога и др.). Вербальное поведение «слышащего» и «не слышащего» голос Бога АЧТ, несомненно, различно.

Доказано, что по речи говорящего можно определить его *возраст, рост, размеры тела, профессию* и другие его характеристики. Одни исследователи называют это «социальной информацией», «языковым паспортом говорящего» [Поливанов, 1968; Попова, Стернин, 2004; Стернин, 2001]. Другие – «самопредставлением» коммуниканта (*англ.* a means of selfpresentation) [Dijk, 1985, p. 4; 1996, p. 86]. Языковой паспорт говорящего – информация, бессознательно сообщаемая человеком своему собеседнику и всем окружающим в процессе определенного акта коммуникации. Это информация включает сведения о его *поле, возрасте, происхождении, физическом состоянии* и других аспектах говорящего лица в момент речи» [Стернин, 2001, с. 43]. В настоящей работе это называется «лингво-социально-психологическим портретом говорящего», т. к. именно этот термин охватывает все характеристики коммуниканта и отвечает цели нашего исследования.

Далее приведем классификацию диалогического дискурса терциарной речи по *лингво-социально-психологическому портрету* его АЧТ и МН:

- *по полу* (два АЧТ, женщины, говорят в присутствии МН в лице мужчины; два АЧТ, мужчины, говорят в присутствии МН в лице женщины и т. д.). Известно, что по голосу и интонации говорящего можно определить его пол. Кроме того, выделяют и лексические характеристики, присущие мужской и женской речи. Можем предположить, что два коммуниканта, женщины, в присутствии МН в лице мужчины или женщины будут по-разному говорить на определенные темы. В присутствии МН в лице мужчины в речи коммуникантов-женщин может наблюдаться переключение языкового кода либо смена (полная/ частичная) темы разговора;
- *по возрасту* (два АЧТ, молодые люди, говорят в присутствии МН в лице пожилой женщины/ пожилого мужчины; два АЧТ, подростка, говорят в присутствии МН в лице взрослого/ ребенка и т. д.). Очевидно, что речь взрослого человека отличается от речи ребенка. В своем кругу представители молодого поколения обычно говорят непринужденно, даже к своим сверстникам, незнакомым им, молодые люди могут обращаться на *«ты»*. В своей речи они часто используют жаргонные и сленговые слова, выражения и штампы. Таким образом они выделяются от взрослых и пожилых людей. Однако старшее поколение более консервативно и не склонно к использованию жаргонных и сленговых слов и выражений в своей речи.

Акт коммуникации двух АЧТ будет протекать неодинаково в присутствии МН в лице взрослого/пожилого человека и представителя молодежи. Точнее говоря, возраст МН, присутствующего при разговоре двоих АЧТ, также ведет к варьированию стиля общения. Однако подобное присутствие МН при разговоре двух АЧТ может оказаться и уместным, этом случае он может выступать поддержкой одного или обоих АЧТ;

- *по географическому признаку и национальной принадлежности* (два АЧТ, русские, говорят в присутствии МН в лице кавказца; два АЧТ, американцы, говорят в присутствии МН в лице японца и т. д.). Будучи осведомленным об особенностях речи (говора) отдельных регионов (произношение и интонация, определенные слова, диалект), легко определить место жительства и национальную принадлежность говорящего. В различных регионах АЧТ и присутствующий при их разговоре МН в схожей ситуации будут вести себя в соответствии со своими обычаями, правилами и нормами. Два АЧТ одной национальной принадлежности при возникновении при их разговоре ЭМН, представителя другой национальности, будут продолжать свой разговор на родном языке либо переключатся на свой родной язык из-за изменившихся условий акта коммуникации, уважительного или негативного отношения АЧТ к присутствующему при их разговоре МН и др.;
- *по образовательному, профессиональному и культурному статусу* (два АЧТ, рабочие, говорят в присутствии МН в лице филолога и т. д.). По культуре речевого поведения, выбору лексики, грамматической корректности речи, произношению и интонации и других особенностей языка АЧТ можно определить его образовательный и культурный уровень. Известно, что при передвижении от одной культурной страты к другой, человек в определенной степени корректирует и свою речь. Только окружающие человека люди могут назвать его культурным. Делают они это, исходя из своего собственного представления. Значит, бытующая в каждом обществе культура относительна, она находится в определенном отношении к понятию «культурной нормы». Последнее корреспондирует с понятием «языковой нормы». Понятие «языковая норма» подразумевает ряд факторов (большой лексический запас, формулы речевого этикета, усложненный синтаксис и др.), соответствие которым и определяет культурного человека [Маймескул, 1995, с. 28; Макаров, 2003, с. 157]. Так, например, два АЧТ,

образованные люди, в присутствии менее образованного МН, в зависимости от их (положительного/ негативного) отношения к МН будут поразному вести акт коммуникации. АЧТ будут всячески пытаться задеть самолюбие МН, поставить его в неудобное положение при негативном отношении к нему. При уважительном же отношении АЧТ к присутствующему при их разговоре МН, не будут особо подчеркивать свой интеллектуальный уровень;

- *по месту ведения диалога* (дом/ семья, магазин, место учебы/работы, транспорт и т. д.). Речь АЧТ подвергается изменениям в зависимости от определенного места общения. Иначе говоря, «регистр общения» АЧТ адекватен определенной коммуникативно-речевой ситуации. Так, например, на рабочем месте АЧТ в своей речи будут использовать профессионализмы скорее, чем дома. Помимо того, на одни темы удобно и уместно говорить на публике, на другие – в кругу семьи;
- *по степени знакомства АЧТ и МН* (два АЧТ, знакомые друг другу, говорят в присутствии известного им обоим МН; два АЧТ, знакомые друг другу, говорят в присутствии неизвестного им обоим МН и др.). Чем менее знакомы АЧТ с МН, тем в более строгих статусно определенных нормах состоится их разговор;
- *по статусно-ролевому признаку* (два АЧТ, учитель и ученик, говорят в присутствии МН, класса; два АЧТ, офицеры, говорят в присутствии МН в лице курсантов и т. д.). Известно, что каждая социальная роль характеризуется определенным стилем речи. Поэтому АЧТ приходится подбирать стиль общения, соответствующий определенной коммуникативно-речевой ситуации. Кроме того, он должен учитывать и окружающих его людей;
- *по ситуационной характеристике речи* (два АЧТ говорят, находясь рядом друг с другом, в присутствии ЭМН; либо два АЧТ говорят по телефону, а МН находится рядом с одним из них; два АЧТ говорят по телефону и рядом с каждым из них находится свой МН). В последнем случае наблюдаем присутствие двух МН. При этом партнер по общению (АЧТ) может (не) догадаться о находящемся МН рядом со своим собеседником. В случае, если присутствие МН нежелательно, АЧТ может перейти на другой язык, сменить тему разговора или прервать его вообще. Но АЧТ могут и продолжить разговор, т. е. не обращать никакого внимания на присутствие МН [Бабаян, 2016, с. 26-27].

Отметим, что вариативность взаимоотношений людей ограничена. Так, например, О. Розеншток-Хюсси, выделяет следующие их комбинации. Во-первых, адресант и адресат могут быть единодушны, настроены на общение, т. е. АЧТ соглашаются друг с другом. Во-вторых, адресант и адресат могут быть чужими друг другу людьми. В-третьих, $АЧТ_1$ зависит от $АЧТ_2$, в ответ на сказанное он ожидает от своего партнера по общению каких-то определенных действий. В-четвертых, $АЧТ_1$ зависит от $АЧТ_2$, поскольку первый уже выполнил определенное действие [Розеншток-Хюсси, 1994, с. 124].

Информативные средства есть знаки-признаки эмоционального состояния коммуниканта и его речевой деятельности. Эти знаки-признаки могут также передаваться и третьему лицу [Тарасов, Сорокин, 1977, с. 23; Тарасов, 1977, с. 75]. Таким образом, можем заключить, что если тезаурус АЧТ представляет для них самих *знаки*, то для присутствующего при их разговоре МН этот же тезаурус представляет *признаки*. В таком случае динамика тезаурусов обоих АЧТ будет разной, а некоторые из признаков будут толковаться поразному. Так, например, МН в лице пожилого человека, наблюдающему за разговором двух АЧТ в лице юношей, может показаться, что никакого взаимообмена информацией не происходит. Для МН весь процесс этого диалога будет фатическим, т. е. для него это вообще не общение, а какой-то иной процесс [Crystal, 2005, p. 294; Ditmann, 1972, p. 41; Garnham, 1994, p. 136].

Анализ материала

Классифицировать триадный диалог можно по различным признакам. Приведем анализ диалогов с МН, в основу которого положен признак взаимоотношения АЧТ с этим третьим участником.

Глава «Племяннушка» романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» повествует о приезде Анниньки, племянницы Порфирия Владимирыча (Иудушки) в Головлево. Между Аннинькой ($АЧТ_1$) и Порфирием Владимирычем ($АЧТ_2$) состоится следующий диалог в столовой в присутствии Евпраксеюшки (ЭМН), экономки Иудушки:

– ***Ах, дядя, как у вас скучно здесь!*** *– начала она,* ***слегка позевывая****.*

– ***Вот-на! не успела повернуться – уж и скучно показалось! А ты поживи с нами – тогда и увидим: может, и весело покажется!*** *– ответил Порфирий Владимирыч, которого* ***глаза вдруг подернулись масленым отблеском****.*

– ***Нет, неинтересно! Что у вас тут? Снег кругом, соседей нет… Полк, кажется, у вас здесь стоит?***

– И полк стоит, и соседи есть, да, признаться, ***меня это не интересует****. А впрочем, ежели…*

Порфирий Владимирыч ***взглянул на нее****, но не докончил, а* ***только крякнул****. Может быть, он и* ***с намерением остановился****,* ***хотел раззадорить ее женское любопытство****; во всяком случае, прежняя,* ***едва заметная улыбка вновь скользнула на ее лице****. Она облокотилась на стол и довольно* ***пристально взглянула на Евпраксеюшку*** (ЭМН. – *В. Б.*), *которая,* ***вся раскрасневшись****, перетирала стаканы и тоже* ***исподлобья взглядывала на нее своими большими, мутными глазами****.*

– Это моя новая экономка… усердная! – молвил Порфирий Владимирыч.

Аннинька ***чуть заметно кивнула головой*** *и* ***потихоньку замурлыкала****: ah! ah! que j'aime… les mili-mili-militaire – причем* ***поясница ее как-то сама собой вздрагивала****.* ***Воцарилось молчание****, в продолжение которого Иудушка,* ***смиренно опустив глаза****, помаленьку прихлебывал чай из стакана.*

– ***Скука!*** *– опять* ***зевнула*** *Аннинька.*

– ***Скука да скука! заладила одно!*** *Вот погоди, поживи… Ужо велим саночки заложить – катайся, сколько душе угодно.*

– Дядя! отчего вы в гусары не пошли?

– А оттого, мой друг, что всякому человеку свой предел от бога положен. Одному – в гусарах служить, другому – в чиновниках быть, третьему – торговать, четвертому…

– Ах да! четвертому, пятому, шестому… я и забыла! И все это бог распределяет… так ведь?

– Что ж, и бог! над этим, мой друг, смеяться нечего! Ты знаешь ли, что в Писании-то сказано: без воли божьей…

– Это насчет волоса? – знаю и это! Но вот беда: нынче все шиньоны носят, а это, кажется, не предусмотрено! Кстати: посмотрите-ка, дядя, какая у меня чудесная коса… Не правда ли, хороша? <…>

– Да, хороша коса, – похвалил Иудушка и ***как-то погано распустил при этом губы****; но потом спохватился, что, <…> от подобных соблазнов надобно отплевываться, и присовокупил, – ах, егоза! все у тебя косы да шлейфы на уме,* ***а об настоящем-то, об главном и не догадаешься спросить?***

– Да, об бабушке… Ведь она умерла?

– Скончалась, мой друг! и как еще скончалась-то! Мирно, тихо, никто и не слыхал! Вот уж именно непостыдныя кончины живота своего удостоилась! Обо всех вспомнила, всех благословила, призвала священника, причастилась… И так это вдруг спокойно, так спокойно ей сделалось! [Салтыков-Щедрин, 1988, с. 158-160].

Тема исследуемого диалогического дискурса – *скука*. Скучно приехавшей в Головлево Анниньке, племяннице Порфирия Владимирыча, которая, будучи актрисой и привыкшая к шумной и веселой жизни в городе, не понимает своего дядю, не желает оставаться в имении Головлевых. Именно это нежелание и кроется в ее высказываниях-репликах: *«Ах, дядя, как у вас* ***скучно здесь!****»; «Нет,* ***неинтересно****! Что у вас тут?* ***Снег кругом, соседей нет…****»; «****Скука****!»* Порфирий Владимирыч, в свою очередь, выражает недовольство, возражает ей и упрекает ее, произнося следующие реплики: *«Вот-на! не успела повернуться – уж и* ***скучно показалось****! А* ***ты поживи с нами – тогда и увидим: может, и весело покажется!..****»; «И полк стоит, и соседи есть, да, признаться,* ***меня это не интересует****…»; «****Скука да скука! заладила одно!..»;*** *«Что ж, и бог! над этим, мой друг, смеяться нечего!..»; «..а* ***об настоящем-то, об главном и не догадаешься спросить****?»*

Тема скуки, с которой начинает разговор Аннинька (АЧТ$_1$), неприязнь Порфирия Владимирыча (АЧТ$_2$) к ней, его неудовлетворенность этим разговором-спором прослеживается и в авторских ремарках посредством *невербальных средств общения*, указывающих на состояние обоих АЧТ, а также эксплицитно присутствующего МН в лице Евпраксеюшки (ЭМН). Аннинька (АЧТ$_1$): *«…начала она,* ***слегка позевывая****»; «…****чуть заметно кивнула головой»; «…потихоньку замурлыкала»; «…поясница ее как-то сама собой вздрагивала»; «…****опять*** ***зевнула*** *Аннинька».* Порфирий Владимирыч (АЧТ$_2$): *«…не докончил, а* ***только крякнул****»;* ***«…смиренно опустив глаза****, помаленьку прихлебывал чай из стакана».* На продуцируемый диалог АЧТ следует и реакция присутствующей в столовой экономки Евпраксеюшки (ЭМН). Как пишет сам автор, Евпраксеюшка *«…****вся раскрасневшись****, перетирала стаканы и тоже* ***исподлобья взглядывала на нее*** (на Анниньку, АЧТ$_2$. – *В. Б.*) ***своими большими, мутными глазами»****.*

Разговаривая с Аннинькой (АЧТ$_1$), Порфирий Владимирыч (АЧТ$_2$), учитывая присутствующую при этом свою экономку Евпраксеюшку (ЭМН), в своей речи использует инклюзивные местоимения

«с нами», глаголы в форме множественного числа *«увидим»*, тем самым включая ее в свой альянс против своего адресата в лице Анниньки. И когда Иудушка представляет ей Евпраксеюшку (ЭМН), свою новую экономку, Аннинька ***«…чуть заметно кивнула головой*** *и* ***потихоньку замурлыкала:*** *ah! ah! que j'aime… les mili-mili-militaires – причем* ***поясница ее как-то сама собой вздрагивала»***, точнее, он не обратил на нее внимания, подчеркивая ее более низкий статус.

В исследуемом компетитивном диалоге терциарной речи между Анниньки и Порфирием Владимирычем наблюдается альянс двух его сторон против третьей: АЧТ$_2$ + ЭМН > АЧТ$_1$.

Другую триаду наблюдаем в романе У. Фолкнера «Шум и ярость» в эпизоде, где описывается, как Квентин и маленькая девочка, которая, по его словам, *«took up with me»,* вместе идут по улице. На своем пути маленькая девочка не отвечает на его вопросы, а только смотрит на Квентина и молчит. Квентин видит, как *«two men sat in chairs in front of a store».* Между Квентином (АЧТ$_1$) и этими двумя незнакомцами (АЧТ$_2$) состоится следующий диалог об этой девочке (ЭМН):

«Do you all know this little girl (ЭМН. – *В. Б.*)*? She sort of took up with me and I* ***can't find where she lives****.»*

They quit looking at me and looked at her.

«Must be ***one of them new Italian families****,» one said. He wore a rusty frock coat. «I've seen her before.* ***What's your name, little girl?****» She* ***looked at them blackly for a while, her jaws moving steadily****. She* ***swallowed without ceasing to chew****;*

«Maybe she can't speak English,» the other said.

«They sent her after bread,» I said. «She must be able to speak something.»

*«****What's your pa's name?****» the first said. «****Pete? Joe? name John huh?****» She* ***took another bite from the bun****.*

*«What must I do with her?» I said. «****She just follows me****. I've got to get back to Boston.»*

«You from the college?»

«Yes, sir. And I've got to get on back.»

*«****You might go up the street and turn her over to Anse****. He'll be up at the livery stable. The marshal.»*

«I reckon that's what I'll have to do,» I said. «I've got to do something with her. Much obliged. Come on, ***sister****»* [Faulkner, 2015, p. 63].

В анализируемой триаде наблюдаем двух активных коммуникантов (АЧТ$_1$ и АЧТ$_2$) и присутствующего при этом диалоге ЭМН в лице маленькой девочки. Интересным представляется тот факт, что одна из сторон триады – АЧТ$_2$ – представлена не одним человеком, а двумя незнакомцами, которых Квентин и девочка встретили на своем пути. Именно с ними состоится разговор Квентина о маленькой девочке, т. е. ЭМН – тема разговора.

Представляется интересным тот факт, что ЭМН в лице маленькой девочки не отвечает на вопросы Квентина *("…where she lives")* и этих двух незнакомцев *("****What's your name, little girl?****»; «****What's your pa's name?****" "…****Pete? Joe? name John huh?****")*, оставаясь молчащим участником-свидетелем (МН) до конца диалога. Читатель может ясно представить себе поведение этой девочки только по авторским ремаркам с использованием таких средств невербального общения, как: *"She* ***looked at them*** (на двух незнакомцев, АЧТ$_2$. – *В. Б.*) ***blackly for a while, her jaws moving steadily****. She* ***swallowed without ceasing to chew"; "****She* ***took another bite from the bun"****.*

В отличие от первой триады, в настоящем диалогическом пространстве терциарной речи, как видим, альянс его участников не наблюдается, анализируемый диалог не содержит маркеров этого коммуникативного феномена. Кроме того, если в первом триадном диалоге МН является членом альянса, то во втором – темой, поводом диалога АЧТ, т. е. без него этот диалог не состоялся бы вообще.

Приведем таблицу соответствий между словом говорящего и реакцией слушающего, данную О. Розенштоком-Хюсси, включив в нее МН [Розеншток-Хюсси, 1994, с. 150]:

Таблица 1

Учет реакции АЧТ и МН в триадных диалогах

АЧТ$_1$	**АЧТ$_2$**	**МН**
жалуется, спрашивает	возражает, отвечает	слушает, вздрагивает
интересуется, говорит	огрызается	слушает, понимает
убеждает, сетует	интересуется	слушает, краснеет
хвастается	соглашается, хвалит	слушает, понимает
унижает, издевается	упрекает	слушает
доказывает	пререкается	поддерживают АЧТ
говорит, просит о помощи	поясняет	слушает, наблюдает
слушает, смеется	здоровается, отвечает	слушает
негодует, жалуется	поддерживает разговор	подслушивает

Выводы

В таблице представлены действия-реакции всех членов акта коммуникации (АЧТ и МН). Проанализировав эти данные, приходим к выводу о том, что действия-реакции в дискурсивном пространстве терциарной речи чаще выражаются *глаголами*. Кроме того, отметим, что реакции активных и пассивного участников диалога различны, разнообразны и коммуникативные ситуации, характеристики АЧТ и МН, различны и взаимоотношения как самих коммуникантов в каждом диалоге, так и их отношение к присутствующему при их разговоре МН. Во всех диалогах МН представляет собой в разной степени влиятельного участника каждого акта коммуникации и, соответственно, ведет себя в каждом из них по-разному. Именно благодаря его присутствию и поведению (что находит свое отражение в репликах-высказываниях АЧТ и в авторских ремарках) создается особая коммуникативная ситуация, в которой АЧТ приходится продуцировать триадный диалог.

Библиографический список

1. Бабаян В. Н. Молчащий наблюдатель как неотъемлемый участник в диалогическом дискурсе терциарной речи // Верхневолжский филологический вестник : научный журнал. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. № 1. С. 91–96.

2. Бабаян В. Н. Психолингвистические особенности диалогического дискурса терциарной речи в присутствии эксплицитного молчащего третьего лица // Иностранные языки в высшей школе : научный журнал. Рязань, 2016. Вып. 4 (39). С. 25–33.

3. Бабаян В. Н. Лакуны в триаде (диалог с молчащим наблюдателем /МН/) // Вопросы психолингвистики. 2006. № 3. Москва, 2006. С. 168–182.

4. Горелов И. Н. Основы психолингвистики : учеб. пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. Москва : Лабиринт, 2001. 304 с.

5. Карасик В. И. Язык социального статуса. Москва : Гнозис, 2002. 333 с.

6. Маймескул Е. А. Речевой этикет и его место в языке и культуре // РЖ, 1995, № 4. 28 с.

7. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. Москва : Гнозис, 2003. 280 с.

8. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. Москва : Наука, 1968. 376 с.

9. Попова З. Д. Общее языкознание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж : Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2004. 208 с.

10. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. Москва : Лабиринт, 1994. 213 с.

11. Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы // Собрание сочинений в десяти томах. Том шестой. Москва : Издательство «Правда», 1998. 494 с.

12. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 252 с.

13. Тарасов Е. Ф. Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения // Национально-культурная специфика речевого поведения. Москва : Наука, 1977. С. 14–38.

14. Тарасов Е. Ф. Место речевого общения в коммуникативном акте // Национально-культурная специфика речевого поведения. Москва : Наука, 1977. С. 67–95.

15. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 499 p.

16. Dijk T. A. van. Introduction / T. A. van Dijk // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 3: Discourse and Dialogue. London etc., 1985. P. 2–7.

17. Dijk T. A. van. Discourse, power and access / T. A. van Dijk // Texts and Practices. Readings in Critical Discourse Analysis. Ed. C. R. Caldas-Coulthard and M. Coulthard. London, New York : Routledge, 1996. P. 84–104.

18. Ditmann A. T. Interpersonal Messages of Emotion. New York : Springer Publishing Co, Inc., 1972. 232 p.

19. Faulkner W. The Sound and the Fury. London : Vintage Books, 2015. 272 p.

20. Garnham A. Psycholinguistics. Central Topics / A. Garnham. London & New York, 1994. 269 p.

Reference list

1. Babajan V. N. Molchashhij nabljudatel' kak neotjemlemyj uchastnik v dialogicheskom diskurse terciarnoj rechi = The silent observer as an integral participant in the dialogic discourse of tertiary speech // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik : nauchnyj zhurnal. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. № 1. S. 91–96.

2. Babajan V. N. Psiholingvisticheskie osobennosti dialogicheskogo diskursa terciarnoj rechi v prisutstvii jeksplicitnogo molchashhego tret'ego lica = Psycholinguistic features of dialogic discourse of tertiary speech in the presence of an explicit silent third person // Inostrannye jazyki v vysshej shkole : nauchnyj zhurnal. Rjazan', 2016. Vyp. 4 (39). S. 25–33.

3. Babajan V. N. Lakuny v triade (dialog s molchashhim nabljudatelem /MN/) = Lacunae in the triad (dialogue with the silent observer /SO/) // Voprosy psiholingvistiki. 2006. № 3. Moskva, 2006. S. 168–182.

4. Gorelov I. N. Osnovy psiholingvistiki = Basic psycholinguistics : ucheb. posobie / I. N. Gorelov, K. F. Sedov. Moskva : Labirint, 2001. 304 s.

5. Karasik V. I. Jazyk social'nogo statusa = The language of social status. Moskva : Gnozis, 2002. 333 s.

6. Majmeskul E. A. Rechevoj jetiket i ego mesto v jazyke i kul'ture = Speech etiquette and its place in language and culture // RZh, 1995, № 4. 28 c.

7. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa = Basics of discourse theory. Moskva : Gnozis, 2003. 280 s.

8. Polivanov E. D. Stat'i po obshhemu jazykoznaniju = Essays on general linguistics. Moskva : Nauka, 1968. 376 s.

9. Popova Z. D. Obshhee jazykoznanie = General linguistics. / Z. D. Popova, I. A. Sternin. Voronezh : Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izd-vo, 2004. 208 s.

10. Rozenshtok-Hjussi O. Rech' i dejstvitel'nost' = Speech and reality. Moskva : Labirint, 1994. 213 s.

11. Saltykov-Shhedrin M. E. Gospoda Golovlevy = The Golovlev family // Sobranie sochinenij v desjati tomah. Tom shestoj. Moskva : Izdatel'stvo «Pravda», 1998. 494 s.

12. Sternin I. A. Vvedenie v rechevoe vozdejstvie = Introduction to linguistic manipulation. Voronezh, 2001. 252 s.

13. Tarasov E. F. Nacional'no-kul'turnaja specifika rechevogo i nerechevogo povedenija = National and cultural specificity of verbal and non-verbal behavior // Nacional'no-kul'turnaja specifika rechevogo povedenija. Moskva : Nauka, 1977. S. 14–38.

14. Tarasov E. F. Mesto rechevogo obshhenija v kommunikativnom akte = The place of verbal communication in the communicative act // Nacional'no-kul'turnaja specifika rechevogo povedenija. Moskva : Nauka, 1977. S. 67–95.

15. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 499 p.

16. Dijk T. A. van. Introduction / T. A. van Dijk // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 3: Discourse and Dialogue. London etc., 1985. P. 2–7.

17. Dijk T. A. van. Discourse, power and access / T. A. van Dijk // Texts and Practices. Readings in Critical Discourse Analysis. Ed. C. R. Caldas-Coulthard and M. Coulthard. London, New York : Routledge, 1996. P. 84–104.

18. Ditmann A. T. Interpersonal Messages of Emotion. New York : Springer Publishing Co, Inc., 1972. 232 p.

19. Faulkner W. The Sound and the Fury. London : Vintage Books, 2015. 272 p.

20. Garnham A. Psycholinguistics. Central Topics / A. Garnham. London & New York, 1994. 269 p.

УДК 811.1/.8

А. А. Штеба **https://orcid.org/0000-0002-0067-8204**

Проблема «неточных слов» (на примере смешанных эмоций)

Для цитирования: Штеба А. А. Проблема «неточных слов» (на примере смешанных эмоций) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 100–106. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-100-106

В статье на примере языковой категоризации смешанных эмоций, под которыми предлагается понимать такое средство выражения эмоций, в котором в одно целое объединяются две и более номинации эмоциональных переживаний, рассматривается проблема «неточных слов». Данный термин К. А. Долинина соотносится с семантическими явлениями десемантизации и девербализации, одновременно представляющими собой упрощение и усложнение кодифицированной языковой системы, «расшатывание» конвенционального смыслового содержания слов, привнесение в семантику дополнительных смысловых компонентов. Постулируется тезис о том, что эмоционально-смысловая составляющая любого слова безгранична, что обусловливает постоянное семантическое развитие слова в зависимости от коммуникативной ситуации, целей коммуникации, коммуникативной интенции говорящего и пр. Принципиальная невыразимость эмоциональных переживаний представляет собой потенцию развития системы. Суммативное в своей основе понятие смешанной эмоции, в котором сумма больше его частей, являет собой выраженную невыразимость, когда при линейно построенном перечислении компонентов смешанной эмоции ее эмоционально-смысловая составляющая остается неопределенной, поскольку в языке отсутствуют средства конвенционального выражения данного типа эмоций. Проводится межпарадигмальная связь смешанных эмоций с алекситимией – невозможностью или затрудненностью вербальной экспликации эмоциональных переживаний, что аргументируется наблюдениями за художественным отображением особенностей поведения лиц, страдающих алекситимией. На языковом уровне данное явление объясняется тем, что говорящий не находит в языковой системе категоризации эмоций соответствующих его эмоциональному состоянию средств для выражения эмоций и, как следствие, прибегает к созданию новых дескрипций своих эмоциональных переживаний.

Ключевые слова: смешанные эмоции; эмотивность; алекситимия; девербализация; десемантизация; суммативность; языковая категоризация эмоций; коммуникативная ситуация.

A. A. Shteba

The problem of «inaccurate words» (on the example of mixed emotions)

The article deals with the problem of «inaccurate words» using the example of the language categorization of mixed emotions, which is understood as a means of expressing emotions, in which two or more categories of emotional experiences are combined into a single whole. This term proposed by K. A. Dolinin correlates with the semantic phenomena of desemantization and deverbalization, which simultaneously represent the simplification and complication of the codified language system, the «loosening» of conventional semantic content of words, and the introduction of additional semantic components into semantics. The article postulates that the emotional and semantic component of any word is limitless, which determines the constant semantic development of the word depending on the communicative situation, the goals of communication, the communicative intention of the speaker, etc. The fundamental inexpressibility of emotional experiences represents the potency of the system development. The summative concept of a mixed emotion, in which the sum is greater than its parts, is a pronounced inexpressibility, when, with a linearly constructed enumeration of the components of a mixed emotion, its emotional and semantic component remains undefined, since there are no means of conventional expression of this type of emotion in the language. The author establishes an interparadigmal connection of mixed emotions with alexithymia, i.e. the impossibility or difficulty of verbal explication of emotional experiences, which is supported by observations of the artistic representation of alexithymic persons' specific behavior. At the linguistic level, this phenomenon is explained by the fact that the speaker does not find the appropriate means to express their emotions in the linguistic system of emotion categorization and, as a result, resorts to creating new descriptions of his emotional experiences.

Key words: mixed emotions; emotivity; alexithymia; deverbalisation; desemantisation; summativity; language categorization of emotions; communicative situation.

© Штеба А. А., 2021

И снова случилось самое простое и самое непостижимое на свете – два человека разговаривали друг с другом, но каждый говорил для самого себя: звуки, именуемые словами, вызывали у каждого одинаковые образы и чувства, и из случайных колебаний голосовых связок, порождающих необъяснимые ответные реакции, из глубины серых мозговых извилин внезапно вновь возникало небо жизни, в котором отражались облака, ручьи, прошлое, цветение, увядание и зрелый опыт
Э. М. Ремарк

Введение

Отражение действительности языковыми средствами является приблизительным, аппроксимативным. Реальность принципиально недостижима для человека по причине того, что вещи есть чистые денотаты, которые существуют в семиотическом вакууме. Соответственно вещи принадлежат регистру Реального, из-за чего они невозможны. Единственная реальность, которая доступна человека – компульсивно-обсессивная, повторяющаяся, гипертекстовая вымышленная реальность слов, поскольку вещи недоступны человеку, в его распоряжении находятся только слова, благодаря которым он думает о словах [Руднев, 2020, с. 155]. Соответственно любая мысль о вещи вторична, когда с применением механизма аппроксимации говорящий создает текстовую проекцию, которая преобразовывает ментальные представления о «многомерной жизни» в «многомерную плоскость текста» [Ионова, 2006, с. 7]. В процессе языковой категоризации эмоций создание данной текстовой проекции усложняется дополнительно тем, что говорящему нужно попытаться выразить не столько объективный (принципиально недостижимый по причине условности языка), сколько субъективный мир. Языковая система, в свою очередь, реагирует на данную невозможность тем, что постоянно варьирует уже имеющиеся (на уровне формы и содержания), а также предлагает свободные потенции для создания новых способов экспликации эмоций для приближения к недостижимой эмоциональной реальности.

Особенности девербализации и десемантизации

Процесс переосмысления и трансформации эмоционально-смысловой составляющей слова можно описать через девербализацию. Девербализация является одной из примет современной человеческой коммуникации, при которой слова заменяются языком тела и акциональными знаками [Шаховский, 2020, с. 221]. Процессы девербализации являются внешним проявлением десемантизации, происходящей от неудовлетворенности возможностями языка и/или запрета на использование данных возможностей. Десемантизация представляет собой «процесс семантического опустошения слова» [Мандрикова, 2015, с. 69-73], это полная или частичная утрата одного или нескольких компонентов лексического значения [Кокошкина, 2011, с. 145]. При полной десемантизации дифференциальные семы утрачиваются, архисема заменяется на более абстрактную, а при частичной – происходит потеря одной или всех дифференциальных сем с сохранением потенциальной семы [Панкина, 2012, с. 84].

Десемантизированные слова при этом (как результат) принято отличать от слов с размытой семантикой, когда последние суть слова, не достигшие предела семантического развития, у них отсутствует иерархия, значения относятся к одному микрополю, слова приобретают безграничное число значений внутри контекста посредством наведения в семантику потенциальных адгерентных сем. Неопределенный интенсионал, конкретизируемый импликационалом, является основной семантической диффузии, на которой основа десемантизация.

Разнообразные новые значения слова, приобретаемые в результате действия на смысловое содержания процесса десемантизации, исследователи относят к подзначениям, употреблениям, оттенкам [Жуков, 2003, с. 107]. Однако важно, что семантическая диффузия представляется сущностной характеристикой семантики любого слова, когда при условии отсутствия контекста каждая лексическая единица характеризуется неполнотой, недосказанностью, неопределенностью [Жуков, 2003, с. 110]. Среди причин диффузии семантики слов рассматривают как технический прогресс, в целом, порождающий новые явления, предметы, лишенные определенного названия, например, paraphernalia, memorabilia, flotsam, jetsam [Желонкина, 2013, с. 112], так и генерализованную семантики слов, зависимость значения слов от контекста, отсутствие четкой предметной соотнесенности и определенного представления о том, что обозначает данное слово [Ulmann, 1962, p. 118]. И. В. Кокошкина отмечает, что помимо контекста катализаторами десемантизации являются устная коммуникация, уровень речевой культуры говорящего, его эмоциональное состояние, дополнительные особенности протекания коммуникативного акта [Кокошкина, 2011, с. 143].

Проблема алекситимии и homo-kombini

На уровне эмоциональных переживаний также следует говорить о потере и/или преобразовании способов описания эмоций через деэмотивизацию, под которой можно понимать отказ от привычных способов языковой категоризации эмоций и создание новых, неконвенциональных обозначений для мира эмоциональных переживаний. Подобное развитие и, бесспорно, усложнение подсистемы языковой категоризации эмоций является следствием деструктивного внешнего воздействия на нее говорящим.

Интересно, что в психологии подобное состояние деэмоциональности изучается наряду с афазийными (алалия, алексия, аграфия и пр.) расстройствами личности. Алекситимия представляет собой сниженную способность или затрудненность в вербализации эмоциональных состояний, когда к характеристикам аклекситимичной личности относят трудность вербального выражения эмоциональных переживаний, неспособность или затрудненность дифференциации эмоциональных переживаний от телесных ощущений, объективность и предметность категоризации в том числе внутреннего мира, отсюда следует бедность воображения или фикциональная упрощенность [Никитин, 2006, с. 75]. В своей статье О. В. Петрова обращает внимание на то, что из сознания студентов в настоящее время пропадает «индивидуальная физиономия» понятий, когда окружающий мир категоризуется, напротив, с использованием абстрактных обозначений, что сопровождается пренебрежением значениями слов, нарушениями лексической сочетаемости, абсурдизации речи [Петрова, 2007, с. 100].

Согласно Торонтской шкале алекситимии Дж. Тэйлора (1985 г.) [Прив. по: Понять себя…, 2007, с. 9] при диагностировании алекситимии предлагается пройти опрос по принципу семантического шкалирования, включающий более 25 вопросов. В данных вопросах основное внимание фокусируется на фантазийности, фикциональности, проективности («*Мечты – это потеря времени»; «я редко мечтаю», «Я часто мечтаю о будущем», «Я провожу много времени в мечтах, когда не занят ничем другим», «Я часто даю волю воображению»*), затрудненности контроля («*Когда я плачу, я всегда знаю, почему»; «Я часто не знаю, почему я сержусь*») и описания эмоциональных переживаний / состояний («*Когда я плачу, я всегда знаю, почему»; «Я часто затрудняюсь определить, какие чувства я испытываю»; «Мне трудно находить правильные слова для моих чувств»; «Я способен с легкостью описать свои чувства»; «У меня бывают чувства, которым я не могу дать вполне точное определение»; «Мне трудно описывать свои чувства по отношению к людям»; «Я не знаю, что происходит у меня внутри*»; «*Когда я расстроен, я не знаю, печален ли я, испуган или зол»*).

Наряду с приведенными выше особенностями среди признаков алекситимичной личности выделяют повышенную тревожность, увеличенную частотность агрессивных способов реагирования, пониженную эмпатийность [Семке и др., 2009, с. 94]. В исследовании Д. С. Никулиной и Д. В. Аднодворцева показана зависимость трудоголизма от алекситимии, поскольку трудоголики испытывают трудности при выражении своих чувств и эмоций, что сопровождается тенденцией к сдерживанию и подавлению эмоциональных переживаний [Никулина и др., 2006, с. 273]. Исследователи отмечают, что люди, страдающие алекситимией, тяготеют к вещественной ориентации и опредмечиванию субъективной действительности, не испытывают удовольствия от повседневных занятий, обладают завышенным уровнем притязаний (вероятно, это может быть обусловлено собственно акцентом на предметном видении мира), становятся более категоричными и авторитарными.

Проблема алекситимии показана в романе С. Мурата «Человек-комбини» (2020). В данном романе описывается жизнь сотрудницы комбини – круглосуточного магазина шаговой доступности в Японии. Героиня романа с детства испытывает трудности выражения и адекватного происходящей ситуации переживания эмоций («*Я чувствовала, что мой поступок, наверно, и правда был чем-то непростительным, но почему – для меня оставалось загадкой*»; «*Походе, я опять облажалась, но как именно – снова не понимала, хоть тресни*»). В результате К. Фурукура (главная героиня романа) начинает симулировать «нормальное» поведение окружающих ее людей, вплоть до интонации и манеры речи, превращаясь в homo kombini (человека-комбини). Среди особенностей коммуникативного поведения данной личности в романе выделены такие характеристики, как симуляция, похожесть, отсутствие эмпатии («*Наверно, своего племянничка я всё же должна ценить куда больше. Но для меня что один, что другой одинаковы, как бродячие кошки <…> оба – всего лишь животные из породы “младенец”*»), подавление актуальных эмоциональных переживаний («*Хотя такое чувство, как*

гнев, лично мне почти не знакомо») и демонстрация эмоций по подобию окружающих лиц («*Да, я – безупречная деталь механизма этого мира»; «Придет утро и я опять стану homo kombini -и превращусь в шестеренку этого мира. Одно лишь это делает меня „нормальным человеком*”»). С целью уподобления «нормальному» человеку героиня романа начинает жить вместе с мужчиной для создания о себе образа соответствующей социальным представлениям женщины, увольняется с непрестижной работы в магазине, где она проработала 18 лет и куда изначально устроилась в качестве подработки. Однако данные изменения приводят к тому, что человек-комбини замыкается в себе, перестает контактировать с окружающим миром. Только возобновление работы в магазине возвращает ей радость жизни («*Я всё поняла. Я не просто человеческое существ. Я – Человек-комбини. И даже если я ненормальна как человек, даже если мне придется сдохнуть от голода в канаве – от самой себя мне не убежать. Каждая клетка моего тела существует только ради комбини*»).

В данном романе неспособность выражать и переживать эмоции, характерные «нормальному» человеку, приводит к попытке создания о себе образа среднестатистического человека, когда симулятивная деятельность вытесняет естественное восприятие и реагирование на окружающую действительность. Границы условной шкалы нормы смещаются, а отклонение становится индивидуальной нормой. В анализируемом романе точно показаны не только трудности языковой категоризации эмоций, но и естественная для любого эмоционального переживания неопределенная оценочная и смысловая составляющие, когда конвенциональные эмоции и средства их выражения не воспринимаются говорящим таковыми.

Фракционарность смешанных эмоций

Анализ примеров Национального корпуса русского языка показал, что частотно затрудненность вербализации эмоциональных переживаний сопровождает положительные (радость, благодарность), отрицательные (возмущение, изумление) эмоции, а также состояние взволнованности, обеспокоенности, сконфуженности:

Он даже не мог подобрать слов, чтобы выразить своё возмущение (А. Т. Аверченко);

Целую Ваши ручки и Вас, а о благодарности моей за Ваше внимание и заботу просто не могу подобрать слов (Э. Герштейн);

Александра Федоровна в письмах бурно выражала радость: «Мой самый единственный и любимый, я не могу найти слов, чтобы выразить все, что я хочу…» (А. Алексеев);

Я так растерялся, так разбит душой, что не могу найти слов (Л. Спиридонова).

Я понимаю, вы хотите извиниться за то, что тайком перелезли через забор, но от смущения не можете найти слов, – сказал он лукаво (В. Губарев).

Понимала, что я не могла успеть дочитать рукопись, понимала и то, что я растеряна и не могу найти слов (Н. И. Ильина).

К сущностным особенностям любой эмоции относят их неопределенность, амбивалентность, дискурсивность и флуктуативность оценочной составляющей в зависимости от, к примеру, контекста, условий коммуникации и пр. Язык, в свою очередь, отражает данную эмоционально-смысловую подвижность и множественность эмотивов. Так, И. В. Несветайлова, к примеру, указывает, что ревность суть амбивалентная эмоция, где один объект вызывает противоположные эмоциональные переживания [Несветайлова, 2010, с. 296]. С. В. Рудакова пишет, что счастье представляется сложным эмоциональным переживанием, которое может объединяться с разнообразными эмоциями (радость, грусть, восторг и пр.) [Рудакова, 2020, с. 143].

Особое внимание следует обратить на затрудненность описания смешанных эмоций, которые можно представить через понятие фракционарного знака по Ш. Балли [Балли, 1955, с. 161-164], в случае которого одно означаемое распределено между несколькими псевдоозначающими, обладающими смыслом только в их совокупности:

Не могу подобрать слов, чтобы описать это ощущение – это смесь восторга, благоговения перед этой красотой, величием действа, в котором я принимаю участие (Ю. В. Усачев).

Здесь происходит, – я задыхался от горя и возмущения и не мог подобрать слов (Б. Левин).

Отличие фракционарности смешанных эмоций заключается в том, что при разделении семантического комплекса, к примеру, фразеологической единицы элементы последней обладают сравнительно бóльшей степенью связности, но при этом обозначение любой смешанной эмоции следует рассматривать как суммативное, а не суммарное понятие, служащее средством обозначения нового эмоционального переживания (например, радость + грусть ≠ радость и грусть). Реакцией на переживание смешанных амбивалентных эмоциональных переживаний служит возникновение трудностей

при номинации эмоционального состояния. Говорящий осознает, что имеющиеся в его распоряжении конвенциональные средства дескрипции или номинации эмоций не соответствуют коммуникативной ситуации, спектру переживаемых им эмоций, что приводит к необходимости поиска адекватных средств кодирования эмоций. Отдельные номинации эмоциональных переживаний при этом девербализируются, чтобы объединиться в новое синергийное целое, аппроксимативно отвечающее коммуникативному намерению говорящего. Соответственно формально выраженное состояние алекситимии на содержательно-функциональном уровне представляет собой попытку упорядочить языковую категоризацию эмоций через ее расширение и обогащение привнесением новых способов экспликации.

По замечанию К. А. Долинина, неточные слова, предметно-логическое значение которых неопределенное и зависит от контекста, являются признаками эмоции. Данное явление цитируемый ученый объясняет тем, что языковые значения не всегда соответствуют личностным смыслам, а если речь идет об эмоциональной речи, то по принципу «воронки» подбор адекватного обозначения для аффективно окрашенного смысла затрудняется. Поскольку эмоциональное переживание, как правило, выступает в позиции ремы, языковое воплощение для данной аффективной реакции трудно вербализовать [Долинин, 1978, с. 258-260]. При этом аффективные смыслы нужно не сужать до междометий и бранных слов, а распространять до уровня принципиально любой лексической единицы, десемантизируемой относительно ее языкового значения и приобретающей неограниченные эмоционально-смысловые оттенки в зависимости от коммуникативной ситуации. Живая эмоция всегда субъективна и является исключительно достоянием отдельной личности [Долинин, 2017, с. 270], соответственно средства ее объективации также специфичны и единичны. Сказанное соответствуют высказанному О. В. Голубевой положению о том, что по причине оперирования говорящим ограниченным набором языковых единиц с кодифицированным значением при выражении «неограниченного числа итогов деятельности» появляются смысловые сдвиги, которые в том числе могут вызывать трудности декодирования у адресата [Голубева, 2020, с. 20]. Согласно подходу Г. Гийома к речевой деятельности последняя может быть рассмотрена в виде речи и языка. В первом случае речевая деятельность суть дискретное явление, которое вмещает дискретные представления. В виде языка речевая деятельность представляет собой потенцию или постоянно существующую (недискретную) возможность [Гийом, 1992, с. 129]. В рамках обсуждения проблемы возможности словесного (не)выражения Г. Гийом указывает на необходимость отдельного рассмотрения: а) преобразования невозможного выразить словами (indicible) в возможное (dicible); б) преобразования возможного выразить словами в речь (le dire); в) преобразования речи в высказывание (dit terminal) [Гийом, 1992, с. 138].

Заключение

Каждое слово есть одновременно потенция и ее реализация, сочетание множества возможностей и неограниченного количества результатов актуализации. При этом поиск формы реализации данной потенции может быть как конечным (собственно удовлетворяющий говорящего выбор плана выражения), так и условно конечным (являющий собой дискретную поисковую форму приблизительного обозначения). При попытке поиска говорящим вербализации не имеющих определенного способа выражения в языке смешанных эмоций (например, радость и грусть, любовь и ненависть, отчаяние и восторг) происходит преобразование высказывания в невыразимое.

Библиографический список

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Перевод с третьего франц. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель. Москва : Издательство иностранной литературы, 1955. 416 с.

2. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / общ. ред., послесл., коммент. Л. М. Скрелиной. Москва : «Прогресс», 1992. 224 с.

3. Голубева О. В. «Пятьдесят оттенков» смысловой неопределенности // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2020. № 4. С. 17–23.

4. Долинин К. А. Интерпретация текста: французский язык. Москва : КомКнига, 2017. 302 с.

5. Долинин К. А. Стилистика французского языка. Ленинград : «Просвещение», 1978. 344 с.

6. Желонкина Т. П. Существительные с «размытым» значением в современной английском языке // Гуманитарный вектор. 2013. № 4 (36). С. 111–115.

7. Жуков А. В. Семантика неопределенности (о словах и фразеологизмах с размытым и широким значением) / А. В. Жуков, К. А. Жуков // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2003. № 25. С. 106–111.

8. Ионова С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: монография. Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 2006. 380 с.

9. Кокошкина И. В. Лексическая десемантизация как явление принципиально разное в устном дискурсе // Филология и человек. 2011. № 1. С. 140–146.

10. Мандрикова Г. М. Слово в процессе десемантизации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2015. № 2. С. 68–73.

11. Несветайлова И. В. Образно-метафорическая составляющая концептов зависть и ревность в английской и русской лингвокультурах // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 1. № 1. С. 290–299.

12. Никитин Е. А. Соотношение агрессивности, алекситимии и типа поведения у военнослужащих / Е. А. Никитин, С. М. Шкленник, В. С. Цой // Вестник психотерапии. 2006. № 17 (22). С. 73–78.

13. Никулина Д. С. Изучение проявления феномена алекситимии у субъектов с разной степенью выраженности трудоголизма / Д. С. Никулина, Д. В. Аднодворцев // Известия ТРТУ. 2006. № 14 (69). С. 271–275.

14. Панкина М. Ф. Десемантизация как процесс развития значения слова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 83–85.

15. Петрова О. В. Неточные слова или размытость понятий? // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2007. № 5. С. 98–106.

16. Понять себя: тест на алекситимию // Астма и аллергия. 2007. № 1. С. 8–9.

17. Рудакова С. В. Счастье как эмоциональное переживание (на материале лирики Е. А. Баратынского) // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: материалы международной конференции, Москва, 2020. С. 141–146.

18. Руднев В. П. Нарративный диссонанс: язык против реальности. Москва : Академический проект, 2020. 165 с.

19. Семке В. Я. Психологическая модель алекситимии в ракурсе факторного анализа / В. Я. Семке, Е. Ю. Брель, И. Я. Стоянова // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2009. № 1 (52). С. 93–95.

20. Шаховский В. И. Экология языка и человека в меняющемся социуме // Неофилология. 2020. № 22. С. 217–225.

21. Ullmann S. Semantics. An Introduction to the Science of Meaning. Oxford : Blackwell, 1962. 278 p.

Reference list

1. Balli Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka = General linguistics and the french language issues / perevod s tret'ego franc. izd. E. V. i T. V. Ventcel'. Moskva : Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1955. 416 s.

2. Gijom G. Principy teoreticheskoj lingvistiki = Principles of theoretical linguistics / obshh. red., poslesl., komment. L. M. Skrelinoj. Moskva : «Progress», 1992. 224 s.

3. Golubeva O. V. «Pjat'desjat ottenkov» smyslovoj neopredelennosti = «Fifty shades» of semantic ambiguity// Vestnik TvGU. Serija «Filologija». 2020. № 4. S. 17–23.

4. Dolinin K. A. Interpretacija teksta: francuzskij jazyk = Text interpretation: the french language. Moskva : KomKniga, 2017. 302 s.

5. Dolinin K. A. Stilistika francuzskogo jazyka = Stylistics of the french language. Leningrad : «Prosveshhenie», 1978. 344 s.

6. Zhelonkina T. P. Sushhestvitel'nye s «razmytym» znacheniem v sovremennoj anglijskom jazyke = Nouns with « vague» meaning in modern English // Gumanitarnyj vektor. 2013. № 4 (36). S. 111–115.

7. Zhukov A. V. Semantika neopredelennosti (o slovah i frazeologizmah s razmytym i shirokim znacheniem) = Semantics of ambiguity (about words and phraseological units with vague and broad meanings) / A. V. Zhukov, K. A. Zhukov // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo. 2003. № 25. S. 106–111.

8. Ionova S. V. Approksimacija soderzhanija vtorichnyh tekstov = Approximation of the secondary text content : monografija. Volgograd : Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006. 380 s.

9. Kokoshkina I. V. Leksicheskaja desemantizacija kak javlenie principial'no raznoe v ustnom diskurse = Lexical de-semantization as a fundamentally different phenomenon in oral discourse // Filologija i chelovek. 2011. № 1. S. 140–146.

10. Mandrikova G. M. Slovo v processe desemantizacii = The word in the desemantization process // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: istorija, filologija. 2015. № 2. S. 68–73.

11. Nesvetajlova I. V. Obrazno-metaforicheskaja sostavljajushhaja konceptov zavist' i revnost' v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah = Figurative and metaphorical component of the concepts «envy» and «jealousy» in English and Russian linguistic cultures // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2010. T. 1. № 1. S. 290–299.

12. Nikitin E. A. Sootnoshenie agressivnosti, aleksitimii i tipa povedenija u voennosluzhashhih = Correlation between aggression, alexithymia, and military behavior type / E. A. Nikitin, S. M. Shklennik, V. S. Coj // Vestnik psihoterapii. 2006. № 17 (22). S. 73–78.

13. Nikulina D. S. Izuchenie projavlenija fenomena aleksitimii u subjektov s raznoj stepen'ju vyrazhennosti trudogolizma = Studying the phenomenon of alexithymia in people with different degrees of workaholism / D. S. Nikulina, D. V. Adnodvorcev // Izvestija TRTU. 2006. № 14 (69). S. 271–275.

14. Pankina M. F. Desemantizacija kak process razvitija znachenija slova = Desemantization as a process of word meaning development // Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2012. № 1. S. 83–85.

15. Petrova O. V. Netochnye slova ili razmytost' ponjatij? = Inaccurate words or vague concepts? // Teoreticheskie i prikladnye aspekty izuchenija rechevoj dejatel'nosti. 2007. № 5. S. 98–106.

16. Ponjat' sebja: test na aleksitimiju = Understand yourself: the alexithymia test // Astma i allergija. 2007. № 1. S. 8–9.

17. Rudakova S. V. Schast'e kak jemocional'noe perezhivanie (na materiale liriki E.A. Baratynskogo) = Happiness as an emotional experience (in E.A. Baratynsky's lyrics) // Jemocional'naja sfera cheloveka v jazyke i kommunikacii: sinhronija i diahronija: materialy mezhdunarodnoj konferencii, Moskva, 2020. S. 141–146.

18. Rudnev V. P. Narrativnyj dissonans: jazyk protiv real'nosti = Narrative dissonance: language versus reality. Moskva : Akademicheskij proekt, 2020. 165 s.

19. Semke V. Ja. Psihologicheskaja model' aleksitimii v rakurse faktornogo analiza = Psychological model of alexithymia in the context of factor analysis / V. Ja. Semke, E. Ju. Brel', I. Ja. Stojanova // Sibirskij vestnik psihiatrii i narkologii. 2009. № 1 (52). S. 93–95.

20. Shahovskij V. I. Jekologija jazyka i cheloveka v menjajushhemsja sociume = Ecology of language and man in changing society // Neofilologija. 2020. № 22. S. 217–225.

21. Ullmann S. Semantics. An Introduction to the Science of Meaning. Oxford : Blackwell, 1962. 278 p.

УДК 81'246.2

Е. В. Бакалова **https://orcid.org/0000-0003-0646-4669**

Прагматика переключений кодов в глянцевом журнале «Elle»

Для цитирования: Бакалова Е. В. Прагматика переключений кодов в глянцевом журнале «Elle» // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 107–112. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-107-112

На сегодняшний день лингвистический аспект языка моды недостаточно изучен, в связи с чем данное направление приобретает все большую популярность. Современные глянцевые журналы о моде и красоте характеризуются высоким процентом использования переключений кодов. Лингвисты, исследуя данный языковой феномен, проявляют особый интерес к выявлению особенностей функционирования иноязычных единиц в журнальных текстах.

В статье рассматривается проблемы контактной и гендерной лингвистики: влияние гендерной ориентации глянцевого журнала на использование переключений кодов и их функции, производится обзор научной литературы, осуществляется анализ специфики женской речи, исследуется прагматический аспект иноязычных единиц в глянцевых журналах для женщин.

В текстах статей женских глянцевых журналов переключения кодов выполняют 7 разнообразных прагматических функций. Результаты количественного анализа демонстрируют, что для журналов Elle характерно использование иноязычных единиц, выполняющих предметно-тематическую функцию, функцию экономии языковых средств и эмоционально-оценочную. Превалирование данных функций объясняется гендерной направленностью глянцевого журнала Elle. Жанрово-тематическое своеобразие Elle определяет использование переключений кодов, выполняющих предметно-тематическую функцию. Терминология индустрии моды и красоты подразумевает использование популярных в данной сфере выражений, которые, как правило, являются более лаконичными, чем единицы матричного языка. С одной стороны, данные переключения кодов выполняют функцию экономии языковых средств, с другой стороны – предметно-тематическую, т. е. мы имеем дело с совмещением прагматических функций. Преобладание эмоционально-оценочной функции объясняется яркостью и экспрессивностью женской речи.

Ключевые слова: гендер, глянцевый журнал, переключения кодов, прагматическая функция, предметно-тематическая функция, экстралингвистические факторы, эмоционально-оценочная функция.

E. V. Bakalova

The pragmatics of code-switching in the glossy magazine «Elle»

To date, the linguistic aspect of the language of fashion has been studied insufficiently, therefore this research area is becoming increasingly popular. Modern glossy fashion and beauty magazines are characterized by a high percentage of code-switches. Linguists studying this linguistic phenomenon are particularly interested in researching foreign language units in magazine texts.

The article deals with the problems of contact and gender linguistics: the influence of the gender focus of a glossy magazine on the usage of code-switches and their functions; it reviews the relevant scientific works, analyzes the specifics of women's speech and examines the pragmatic aspect of foreign language units in glossy magazines for women. In women's glossy magazine articles, code-switches are used for 7 different pragmatic reasons. The results of the quantitative analysis demonstrate that Elle magazines are characterized by the usage of foreign-language units with different intentions: topic-related, effort-saving and emotional ones. The prevalence of these functions is explained by the gender focus of the glossy magazine «Elle». The genre-thematic uniqueness of Elle determines the usage of code-switches with topic-related intention. The terminology of the fashion and beauty industry implies the usage of popular expressions in this field, which, as a rule, are more concise than the units of the Matrix language. On the one hand, the reason for code-switches is to save the effort, on the other hand, they serve the topic-related function of the magazine, i. e. we are dealing with the combination of pragmatic functions. The predominance of the emotional code-switches is explained by the brightness and expressiveness of women's speech.

Key words: gender, glossy magazine, code-switching, pragmatic function, topic-related function, extralinguistic factors, emotional function.

© Бакалова Е. В., 2021

Введение

В настоящее время лингвистика отличается возрастающим интересом к изучению языка в рамках антропоцентричного и социокультурного подхода. В центре внимания данных исследований находится роль человека в использовании языка в качестве средства общения, инструмента получения и передачи информации [Тоцкая, 2020, с. 352]. Более того, каждое употребление языка отражает социальные характеристики говорящего / пишущего, его лингвистический опыт [Aabi, 2020, с. 1].

В современном мире большинство людей владеют несколькими языками, в связи с чем явление переключения кодов (далее ПК) широко распространено в устном и письменном общении [Ahn, Jimenez, Tsvetkov, Black, 2020, p. 308].

Возрастание влияния СМИ повлекло за собой необходимость анализа языковых механизмов, особенно в дискурсе глянцевых журналов [Moody, Eslami, 2020, p. 326]. Переключение кода между двумя и более языками в соответствии с определенными экстралингвистическими факторами является стратегией журналистов для привлечения внимания читателей.

В письменной речи иноязычные единицы могут передавать информацию, придавать экспрессию, т. е. использоваться по различным причинам [Гунько, 2020, с. 126]. В глянцевых изданиях на появление ПК в статьях может оказывать влияние их гендерная детерминация [Бакалова, 2020, с. 11].

Целью данной работы является выявление специфики прагматики ПК в гендерно-ориентированных глянцевых журналах Elle.

Обзор литературы

ПК исследуются в рамках различных подходов как отечественными, так и зарубежными лингвистами, в связи с чем существуют разнообразные определения данного явления.

К. Майерс-Скоттон, являясь представителем структурного подхода, в широком смысле под ПК подразумевает использование двух языков в пределах одной беседы [Myers-Scotton, 2006, p. 239]. При этом исследователь отмечает, что существует иерархия «матричный (далее МЯ) – гостевой (далее ГЯ)» язык. МЯ ожидаем коммуникантами, он определяет морфосинтаксическую рамку высказывания. ГЯ – источник иноязычных элементов [Myers-Scotton, 1995, с. 237].

В настоящем исследовании проводится прагматический анализ ПК, поэтому необходимо ввести понятие «прагматика».

Прагматика – раздел философии языка, который интерпретирует высказывание ориентируюсь на конкретный контекст, в котором оно функционирует [Savage, 2020, p. 4]. Она изучает зависимость коммуникации от структуры и состава социума, то есть может определяться как связующее звено между социологией и лингвистикой [Которова, 2019, с. 101].

Ф. Грожан, исследующий социопрагматический аспект иноязычных единиц, отмечает следующие основания появления ПК в речи: необходимость заполнить языковую лакуну, подчеркнуть групповую идентичность, включить / исключить кого-то из беседы, повысить свой статус и др. [Grosjean, 2012, p. 19]. Количество ПК зависит от говорящего / пишущего, его личности, а также от окружающей среды и контекста разговора.

Прагматический анализ позволяет изучить различные условия использования языка говорящими, которые дают возможность обогатить содержание высказывания. К ним относится контекст, характеристики коммуникантов и их знания о мире, правилах общения [Grosjean, 2018, p. 28].

Прагматическое значение слова обусловлено его коннотацией. Прагматический потенциал слова реализуется в полной мере во взаимодействии с контекстуальной информацией его употребления, к которым прежде всего относится лексический контекст [Багуева, 2009, с. 14].

В дискурсе моды журналисты используют «ловушки внимания», к которым относятся ПК [Гапутина, 2019, с. 55]. Иноязычные единицы также находятся под влиянием контекста, в котором они употреблены, в связи с чем ПК в текстах журнальных статей могут выполнять разнообразные функции.

Г. Н. Чиршева разработала классификацию прагматических функций ПК для устной речи. Однако устная речь, отличающаяся спонтанной формой осуществления, противопоставлена письменной, контролируемой деятельности [Ahn, Jimenez, Tsvetkov, Black, 2020, p. 308]. В связи с данным фактом в настоящем исследовании анализ прагматики ПК осуществляется на основе адаптированной для письменного билингвального материала классификации

отечественного лингвиста [Чиршева, 2020, с. 107-112].

Мы выяснили, что в печатных СМИ прагматические возможности слова находится под воздействием экстралингвистических факторов [Сажина, 2020, с. 122]. Многие социолингвистические исследования рассматривают ПК как «средство социальной игры» [Almelhi, 2020, p. 35]. М. Дюшар отмечает, что на появление ПК оказывают влияние такие социальные факторы, как пол, возраст и профессия [Deuchar, 2019, p. 13].

Так, помимо контекста на использование ПК в глянцевых журналах может оказывать влияние гендерная ориентация журнала, т. е. его целевая аудитория.

Гендерная лингвистика изучает как пол влияет на использование языка женщинами и мужчинами, в чем различие между коммуникативным поведением мужчин и женщин [Новикова, Хамидулина, 2013, с. 79]

Гендер – фактор, который определяет выбор языковых единиц. Существуют стили речи, культурно ассоциируемые с женщинами или мужчинами [Шевелева, 2018, с. 55].

Elle – современный журнал для женщин о моде и красоте. В связи с данным фактом, рассмотрим особенности женского стиля общения.

Женщины инстинктивно избегают грубых выражений и отдают предпочтение утонченным и в некоторой степени завуалированным выражениям [Coates, 2013, p. 15].

Когда слово приобретает плохую коннотацию, ассоциируясь с чем-то неприятным или смущающим, женщины ищут заменители, которые не имеют неприятного эффекта, то есть употребляют в речи эвфемизмы или хеджи [Lakoff, 1975, 57]. Хеджи – слова, которые способствуют смягчению значения высказывания или наоборот усиливают его [Sharma, 2019, с. 25].

Для женщин характерен экспрессивный стиль общения [Тоцкая, 2020, с. 354]. Они отдают предпочтение эмоционально-оценочной лексике, склонны к интенсификации положительной оценки [Чутпулатов, 2016, с. 53]. Женщины чаще используют прилагательные, «ласкательные слова», частицы и междометия, т. е. такие слова, в которые можно вложить эмоцию [Новикова, Хамидулина, 2013, с. 82]. Так, например, междометия придают речи женщин живность, а также усиливают эмоциональность высказывания. Они заключают в себе значение нескольких слов, что повышает лаконизм фразы [Горницкая, 2019, с. 47].

Методы исследования

Исследование опирается на материал (477 примеров), собранный методом сплошной выборки из 16 номеров журналов Elle за 2015-2016 гг.

Описательный метод и метод прагматического анализа используются с целью выявления особенностей прагматики ПК в глянцевых журналах для женщин.

Результаты исследования и дискуссия

В женских глянцевых журналах представлено 7 прагматических функций, в системе иерархии по количественному составу их можно представить следующим образом: предметно-тематическая функция – 71 %; функция экономии языковых средств – 9 %; металингвистическая функция – 6 %; эмоционально-оценочная функция – 6 %; функция самоидентификации – 4 %; цитатная функция – 3 %; адресатная функция – 1 %.

I. Тематика женских журналов Elle («мода», «тренд», «стиль», «красота» и т. д.) является наиболее частой причиной появления ПК в текстах статей. Ниже представлено несколько примеров ПК различной тематики, выполняющих предметно-тематическую функцию:

1) Чтобы максимально поспособствовать красоте кончиков пальцев, мы собрали 21 совет от ведущих мировых nail-специалистов [Elle № 6, 2015, с. 153]. Тема статьи «красота», этим объясняется появление в статье ПК со значением «мастер маникюра».

2) High-shine lamé puts a silver lining on hypermodern dressing [Elle № 9, 2016, с. 88]. Здесь ПК на французский отражает тематику «мода», т. к. «lamé» = «ламе» = досл. «металлическая пластина» – ткань, которая является одной из самых модных в сезоне.

Тематика глянцевых журналов Elle оправдывает появление ПК в журнальных статьях. Кроме того, женщины, как правило, предпочитают говорить о моде, красоте, кулинарии. Данные тематические группы нашли отражение в использовании иноязычных элементов.

II. Функция экономии языковых средств является второй по распространенности в женских журналах. Билингвы часто используют

стратегию облегчения, поэтому выбирают более лаконичный эквивалент [Чиршева, 2020, с. 112]. Например:

Must see и must do здесь столько, что, лишь, заняв ключевую позицию, можно не упустить ничего [Elle № 9, 2016, с. 355]. Здесь оба ПК со значением «то, что обязательно нужно увидеть или сделать» реализуют функцию экономии языковых средств. Журналист предпочел использовать ПК, поскольку единицы ГЯ более лаконичны. Кроме того, здесь иноязычные единицы образованы по аналогии с модным словосочетанием «must have», характерным для женского глянца. Другими словами, в данном примере помимо функции экономии языковых средств ПК выполняют предметно-тематическую функцию.

III. Металингвистическая и эмоционально-оценочная функции в равной степени нашли отражение в женских глянцевых изданиях Elle.

Эмоциональная функция ПК характерна для выражения эмоций. Сниженная лексика чаще используется из того языка, который меньше знаком говорящим [Чиршева, Коровушкин, Мушникова, 2018, с. 198].

Г. Хаарман и Р. Дж. Блер считают, что главная функция ПК в журнальных статьях – это воздействие на чувства и эмоции читателя [Haarman, 1986], [Blair, 1977].

Примеры эмоционально-оценочной функции ПК приведены ниже:

1) Нельзя сесть с шоколадкой на диване и сказать: «F*ck you, мир, я такая, какая есть!» [Elle № 5, 2015, с. 105]. Журналист использует ПК, поскольку ругательство на неродном языке звучит менее оскорбительно.

2) Когда люди, знавшие Катю Жаркову только по картинкам, встречают меня в жизни, они восклицают: «Wow, ты что, похудела?» [Elle № 5, 2015, с. 100].

В данном случае, КП – междометие, которое является средством выражения восторга. 3) «Красотка! Красавица! Потрясающая! Роковая! Stunning! Amazing! Bella!» Еще никогда комплименты не давались нам так легко [Elle № 8, 2015, с. 12].

Здесь с помощью ПК-прилагательных журналист усиливает эмоцию восхищения.

Так, ПК в виде междометий, прилагательных и эвфемизмов отражают стиль общения присущий женщинам, которые часто при общении используют данные части речи и нейтральные слова, заменяющие грубые выражения.

IV. Примерами металингвистической функции выступают следующие высказывания:

1) Госпожа министр отвечает значком pouting face – возмущенно-надувшейся красной рожицей [Elle № 7, 2015, с. 67]. В данном примере журналист переводит иноязычную единицу.

2) Старики на Коста-Рике употребляют другой термин – plan de la vida, «жизненный план» [Elle № 9, 2015: 191]. Автор статьи объясняет значение ПК на французский «plan de la vida» («жизненный план»).

V. Функция самоидентификации редко встречается в глянцевых журналах для женщин. Например:

Летом мы вдруг вспоминаем о том, что за прелесть slow life, когда мы никуда не спешим, и часы кажутся минутами [Elle № 5, 2015, с. 138]. Журналист демонстрирует знания английского языка. ПК является призывом прекратить спешку.

VI. Цитатная функция представлена 3 % ПК: This 24-year-old, Joe Alwyn, had nothing more than a handful of stage credits from his alma mater [Elle № 9, 2016, с. 320]. ПК на латинский – крылатое выражение («alma mater» = «мать-кормилица»), обозначающее старинное название университета.

VII. Примером адресатной функции выступает следующее ПК: «Ну как дела, love?» – жизнерадостно приветствует меня дизайнер, как только появляется в парижском шоуруме [Elle № 3, 2016, с. 222]. Здесь с помощью англоязычной единицы «love» («любимая») дизайнер уточняет, что высказывание адресовано его возлюбленной.

Заключение

На функционирование ПК в глянцевых журналах оказывает влияние не только контекст, но и экстралингвистические факторы. Гендерная ориентация глянцевых изданий также определят выбор журналистами лексических единиц, которые дают возможность читательницам проникнуться глубже в текст статьи.

Доминантой женской речи является экспрессивность. Исходя из лексических особенностей женской речи, авторы статей особое внимание уделяют средствам выразительности, среди которых можно отметить использование ПК.

Ведущими прагматическими функциями в женских глянцевых журналах Elle является

предметно-тематическая, функция экономии языковых средств и эмоционально-оценочная функции. Целевая аудитории Elle – женщины, следящие за модными тенденциями. Данный факт оправдывает использование ПК по тематике «мода и красота».

Стремление журналиста сэкономить языковые усилия при написании статьи – еще одна причина использования ПК в журналах Elle. Однако иноязычные единицы в данных случаях выполняют две функции: функцию экономии языковых средств и предметно-тематическую. Данные ПК формируют своеобразный язык моды, характерный для глянца. Преобладание ПК в виде междометий и эвфемизмов, выполняющих эмоционально-оценочную функцию, объясняется гендерными особенностями: женская речь отличается выразительностью и гиперболизированной экспрессивностью.

Библиографический список

1. Багуева О. Б. Дивергенция прагматики разговорного слова и прагматики контекста как средство интенсификации оценочных смыслов в тексте британской прессы // Язык: мультидисциплинарность научного знания. 2009. № 1. С. 13–18.

2. Бакалова Е. В. Контрастивный анализ прагматических функций кодовых переключений // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. 2020. № 17. С. 9–20.

3. Гапутина В. А. Средства речевого воздействия в современном медиадискурсе моды (на материале глянцевых журналов) // Медиариторика и современная культура общения: наука-практика-обучение. 2019. № 1. С. 55–59.

4. Городницкая В. М. Лексические и экстралингвистические особенности женской речи во французском художественном тексте // Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования. 2019. № 1. С. 45–47.

5. Гунько Л. А. Структура кодовых переключений в романах Питера Мейла «Марсельская авантюра» и «Корсиканская авантюра» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 126–133.

6. Которова Е. Г. Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации // Вестник Российского университета дружбы народов. 2019. № 1. С. 98–115.

7. Новикова И. Н., Хамидулина Л. Ю. К вопросу об особенностях мужской и женской речи // Наука и современность. 2013. № 2. С. 78–83.

8. Сажина Е. В. Развитие прагматического потенциала полемического дискурса печатных СМИ (на материале британской прессы) // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2020. № 1 (118). С. 122–126.

9. Тоцкая О. В., Ткачева Н. А. Гендерное моделирование дискурса глянцевых журналов (на примере англоязычной версии журнала Cosmopolitan) // Новые направления научной мысли. 2020. № 1. С. 352–355.

10. Чиршева Г. Н. Возрастная билингвология. Москва : Издательство Юрайт, 2020. 166 с.

11. Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В., Мушникова Н. С. Прагматика русско-английских переключений кодов // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 193–199.

12. Чутпулатов М. Ч. Гендерная лингвистика: узбекская мужская и женская речь // Вестник Российского университета дружбы народов. 2016. № 3. С. 51–57.

13. Шевелева М. С. О гендерных исследованиях в лингвистике // Инновационная наука. 2018. № 3. С. 54–57.

14. Aabi M. The Syntax of Arabic and French Code Switching in Morocco. Cham : Palgrave, 2020. 259 p.

15. Ahn E., Jimenez C., Tsvetkov Y. What Code-Switching Strategies are Effective in Dialogue e in Dialogue Systems? // Proceedings of the Society for Computation in Linguistics. 2020. V. 3. P. 308–318.

16. Almelhi A. M. Understanding Code-switching from a Sociolinguistic Perspective: A Meta-analysis // International Journal of Language and Linguistics. 2020. V. 8. P. 34–45.

17. Blair J. R. The role of English and other foreign languages in Japanese society // The Faculty Journal of Aichi Gakuin Junior College, 1997. V. 5. P. 74–86.

18. Coates J. Women, men and language. NY : Routledge, 2012. 260 p.

19. Deuchar M. Code-Switching in Linguistics: A Position Paper // Languages, 2019. V. 5. P. 1–19.

20. Grosjean F. Bilingualism : A short introduction. NJ : John Wiley & Sons, 2012. 256 p.

21. Grosjean F., Byers-Heinlein K. The listening Bilingual: Speech Perception, Comprehension, and Bilingualism. NJ : John Wiley & Sons, 2018. 272 p.

22. Haarmann H. The Role of Ethnocultural Stereotypes and Foreign Languages in Japanese Commercials / H. Haarmann // International Journal of the Sociology of Language, 1984. P. 101–121.

23. Keller M. L. Code-Switching: Unifying Contemporary and Historical Perspectives Linguistics. Cham : Springer Nature, 2020. 94 p.

24. Lakoff R. Language and Woman's Place // Language in Society. 1973. V. 2. 45–80 pp.

25. Moody S., Eslami Z. R. Political discourse, code-switching, and ideology // Russian Journal of Linguistics, 2020. V. 2. P. 325–343.

26. Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in code- switching. Oxford : Clarendon Press, 1997. 285 p.

27. Myers-Scotton C. Multiple voices : An introduction to bilingualism. Oxford : Blackwell Publishing, 2006. 457 p.

28. Savage H., Ebbers M., Martin R. M. The meaning of language. London : MIT Press, 2020. 416 p.

29. Sharma S. Language, Gender and Ideology. NY : Routledge, 2018. 216 p.

30. Tsoukala C., Broersma M., Bosch A. Simulating Code-switching Using a Neural Network Model of Bilingual Sentence Production // Computational Brain & Behavior, 2021. V. 4. P. 87–100.

Reference list

1. Bagueva O. B. Divergencija pragmatiki razgovornogo slova i pragmatiki konteksta kak sredstvo intensifikacii ocenochnyh smyslov v tekste britanskoj pressy = Divergence of colloquial and contextual pragmatics as a means of intensifying evaluative meanings in the british press // Jazyk: mul'tidisciplinarnost' nauchnogo znanija. 2009. № 1. S. 13–18.

2. Bakalova E. V. Kontrastivnyj analiz pragmaticheskih funkcij kodovyh perekljuchenij = Contrastive analysis of code-switching pragmatic functions // Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse. 2020. № 17. S. 9–20.

3. Gaputina V. A. Sredstva rechevogo vozdejstvija v sovremennom mediadiskurse mody (na materiale gljancevyh zhurnalov) = Means of linguistic influence in modern fashion media discourse (in glossy magazines) // Mediaritorika i sovremennaja kul'tura obshhenija: nauka-praktika-obuchenie. 2019. № 1. S. 55–59.

4. Gorodnickaja V. M. Leksicheskie i jekstralingvisticheskie osobennosti zhenskoj rechi vo francuzskom hudozhestvennom tekste = Lexical and extralinguistic features of women's speech in french literary texts // Innovacionnoe razvitie: potencial nauki i sovremennogo obrazovanija. 2019. № 1. S. 45–47.

5. Gun'ko L. A. Struktura kodovyh perekljuchenij v romanah Pitera Mejla «Marsel'skaja avantjura» i «Korsikanskaja avantjura» = Code-switching structure in Peter Mayle's novels The Marseilles Adventure and The Corsican Adventure // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2020. № 1 (20). S. 126–133.

6. Kotorova E. G. Pragmatika v krugu lingvisticheskih disciplin: problemy definicii i klassifikacii = Pragmatics in linguistic disciplines: problems of definition and classification // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. 2019. № 1. S. 98–115.

7. Novikova I. N., Hamidulina L. Ju. K voprosu ob osobennostjah muzhskoj i zhenskoj rechi = On the characteristics of male and female speech // Nauka i sovremennost'. 2013. № 2. S. 78–83.

8. Sazhina E. V. Razvitie pragmaticheskogo potenciala polemicheskogo diskursa pechatnyh SMI (na materiale britanskoj pressy) = Pragmatic potential of polemical discourse in the print media (in the british press) // Izvestija Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny. 2020. № 1 (118). S. 122–126.

9. Tockaja O. V., Tkacheva N. A. Gendernoe modelirovanie diskursa gljancevyh zhurnalov (na primere anglojazychnoj versii zhurnala Sosmopolitan) = Gender modeling of the glossy magazine discourse (based on the english version of Cosmopolitan magazine) // Novye napravlenija nauchnoj mysli. 2020. № 1. S. 352–355.

10. Chirsheva G. N. Vozrastnaja bilingvologija = Age-related bilinguology. Moskva : Izdatel'stvo Jurajt, 2020. 166 s.

11. Chirsheva G. N., Korovushkin P. V., Mushnikova N. S. Pragmatika russko-anglijskih perekljuchenij kodov = Pragmatics of russian-english code-switching // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 3. S. 193–199.

12. Chutpulatov M. Ch. Gendernaja lingvistika: uzbekskaja muzhskaja i zhenskaja rech' = Gender linguistics: Uzbek male and female speech // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. 2016. № 3. S. 51–57.

13. Sheveleva M. S. O gendernyh issledovanijah v lingvistike = On gender studies in linguistics // Innovacionnaja nauka. 2018. № 3. S. 54–57.

14. Aabi M. The Syntax of Arabic and French Code Switching in Morocco. Cham : Palgrave, 2020. 259 p.

15. Ahn E., Jimenez C., Tsvetkov Y. What Code-Switching Strategies are Effective in Dialogue e in Dialogue Systems? // Proceedings of the Society for Computation in Linguistics. 2020. V. 3. P. 308–318.

16. Almelhi A. M. Understanding Code-switching from a Sociolinguistic Perspective: A Meta-analysis // International Journal of Language and Linguistics. 2020. V. 8. P. 34–45.

17. Blair J. R. The role of English and other foreign languages in Japanese society // The Faculty Journal of Aichi Gakuin Junior College, 1997. V. 5. P. 74–86.

18. Coates J. Women, men and language. NY : Routledge, 2012. 260 p.

19. Deuchar M. Code-Switching in Linguistics: A Position Paper // Languages, 2019. V. 5. P. 1–19.

20. Grosjean F. Bilingualism : A short introduction. NJ : John Wiley & Sons, 2012. 256 p.

21. Grosjean F., Byers-Heinlein K. The listening Bilingual: Speech Perception, Comprehension, and Bilingualism. NJ : John Wiley & Sons, 2018. 272 p.

22. Haarmann H. The Role of Ethnocultural Stereotypes and Foreign Languages in Japanese Commercials / H. Haarmann // International Journal of the Sociology of Language, 1984. P. 101–121.

23. Keller M. L. Code-Switching: Unifying Contemporary and Historical Perspectives Linguistics. Cham : Springer Nature, 2020. 94 p.

24. Lakoff R. Language and Woman's Place // Language in Society. 1973. V. 2. 45–80 pp.

25. Moody S., Eslami Z. R. Political discourse, code-switching, and ideology // Russian Journal of Linguistics, 2020. V. 2. P. 325–343.

26. Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in code- switching. Oxford : Clarendon Press, 1997. 285 p.

27. Myers-Scotton C. Multiple voices : An introduction to bilingualism. Oxford : Blackwell Publishing, 2006. 457 p.

28. Savage H., Ebbers M., Martin R. M. The meaning of language. London : MIT Press, 2020. 416 p.

29. Sharma S. Language, Gender and Ideology. NY : Routledge, 2018. 216 p.

30. Tsoukala S., Broersma M., Bosch A. Simulating Code-switching Using a Neural Network Model of Bilingual Sentence Production // Computational Brain & Behavior, 2021. V. 4. P. 87–100.

УДК 81-13

А. А. Малюка **https://orcid.org/0000-0002-4089-8201**

Понятие «неприличная форма»: проблемы разграничения юридического и лингвистического

Для цитирования: Малюка А. А. Понятие «неприличная форма»: проблемы разграничения юридического и лингвистического // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 113–118. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-113-118

Спорный текст зачастую становится объектом лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. В виду этого необходимо иметь четкое представление о совокупности признаков, которые необходимы для выявления оскорбительного компонента в исследуемом тексте. Одним из таких признаков является неприличная форма выражения.

В статье рассматривается понятие «неприличная форма выражения» как основная составляющая речевого акта оскорбления. Автором исследованы варианты интерпретации понятия с точки зрения лингвистической и правовой науки. Основной целью исследования стал сравнительный анализ понятия для определения, насколько полно оно раскрывается и как используется в решении практических задач судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении.

В ходе исследования автором были выявлены различия в понимании понятия неприличной формы и недостаточную ясность при разграничении неприличной формы высказывания с точки зрения юридического и лингвистического подходов. При этом отсутствие однозначности при дефиниции неприличной формы может иметь значительные последствия при определении оскорбительного характера рассматриваемого высказывания. Опираясь на результаты исследования, автор обосновывает необходимость дальнейшего углубленного рассмотрения поднятой проблемы.

Данная статья может быть полезной экспертам, которые практикуют проведение лингвистических экспертиз (в том числе и по делам об оскорблении). Также эта статья станет вспомогательным материалом судьям, следователям и адвокатам, которые смогут правильно квалифицировать дело (защита чести, достоинства и деловой репутации или оскорбление), четко видеть объект экспертизы по делам об оскорблении и не будут допускать ошибок при назначении лингвистических экспертиз по делам об оскорблении.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, неприличная форма, оскорбление, оскорбительный характер, речевой акт.

A. A. Malyuka

The concept of «indecent form»: problems of distinguishing between legal and linguistic

Controversial text often becomes the object of linguistic expertise in court cases of insult. In view of this, it is necessary to have a clear understanding of the set of features that are necessary to identify the offensive component in the text under study. One of such features is an indecent form of expression.

The article addresses the concept of «indecent form of expression» as the main component of an insulting speech act. The author investigates the options for interpreting the concept from linguistic and legal points of view. The main goal of the study is to compare and analyze the concept in order to determine how fully it is revealed and how it is used in solving issues of practical forensic linguistic examination in cases of insult.

In the course of the research, the author identified the differences in understanding the concept of indecent form of expression and lack of clarity in distinguishing the concept from legal and linguistic approaches. Moreover, ambivalence in the definition of an indecent form can have significant consequences in determining the offensive nature of the statement under examination. Based on the results of the research, the author substantiates the need for further in-depth consideration of the problem raised.

This article may be useful to experts conducting linguistic examinations (including cases of insult). The article will also be supporting material for judges, investigators and lawyers who will be able to correctly qualify the case (protection of honor, dignity and business reputation or insult), clearly see the object of examination in cases of insult and will not make mistakes when assigning linguistic examinations in cases of insult.

Key words: forensic linguistic expertise, indecent form, an insult, insult character, speech act.

© Малюка А. А., 2021

Введение

Оскорбление в юридическом понимании определено в статье 5.61 КоАП России и понимается при правовой квалификации деяния как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Понятие «оскорбление» в настоящей формулировке трактуется посредством термина «неприличная форма», однако, что означает «неприличная форма» законодатель не объясняет. В. В. Колмакова и Д. Ю. Шалков отмечают, что отсутствие определения порождает в правоприменительной практике множество вопросов, что не позволяет с ясностью толковать смысл, который был вложен в это понятие [Колмакова, Шалков, 2017, с. 111].

Практика применения данной статьи насчитывает уже не один год, но несмотря на это, а также на выявленные исследователями признаки оскорбления (которые на первый взгляд кажутся очевидными), в процессе правоприменения зачастую возникают различные трактовки и противоречия.

Постановка проблемы

У существующей проблемы выделяют две стороны. С одной стороны, русский язык предоставляет огромное богатство и разнообразие форм выражения смыслов и их интерпретаций, что размывает понятие неприличной формы выражения. Другой стороной является морально-нравственная категория чести и достоинства, которая зачастую не поддается четкому определению [Магерамова, 2018, с. 94].

Понятие оскорбления находится на стыке языка и права, где естественно возникает необходимость разграничивать высказывания как с позиций лингвистики, так и с позиций юриспруденции [Бринев, 2009, с. 24]. В обыденном сознании, которое тесно связано с употреблением языка как повседневного средства коммуникации, как отмечает Г. В. Кусов, поведение лица, которое наносит оскорбление, оценивается на основе бытовых этических представлений о моральных и нравственных категориях справедливости и целесообразности [Кусов, 2011, с. 17-18]. В правовом же дискурсе оскорбление должно соответствовать предписаниям закона, в котором оно квалифицируется, как справедливо пишет В. А. Ефремов [Ефремов, 2011, с. 302].

И. А. Стернин указывает, что само понятие, стоящее за словом оскорбление, в бытовом сознании человека может быть гораздо шире, чем его правовое понимание, и зачастую подменяется понятием, соотносимым со словом обида: «…обида основывается на индивидуальной субъективной негативной эмоционально-психологической реакции на слова собеседника, так что обида может быть нанесена и оскорблением, и обвинением, и клеветой, и сравнением, и оценкой, и просто характеристикой, констатацией некоторого факта.» [Стернин, 2013, с. 9]. При этом оскорбление в обыденном сознании (обида) может быть причинена в литературной форме, что, однако, не может расцениваться как оскорбление в юридическом понимании этого термина.

Оскорбление – это проявление речевого насилия, цель которого – унизить, понизить в статусе (психологически), вызвать психологическую дестабилизацию адресата [Иваненко, 2013, с. 93]. Речевой акт оскорбления – частый предмет дискуссий из-за неоднозначности анализа способов реализации этого акта.

С точки зрения лингвистики в понятие «оскорбление» входят такие составляющие как форма (поступок, слово, поведение), адресат (на кого направлено действие), содержание (негативный компонент унижения, обиды) и ментальный компонент (чувства кого-либо). В лингвистическом аспекте понятие «оскорбление» имеет размытые неявные границы, которые нуждаются в четком обозначении для дальнейшего применения при проведение лингвистических экспертиз.

С точки зрения права термин «оскорбление» (как правонарушение) включает в себя следующие признаки:

- унижение чести, достоинства;
- конкретное лицо или группа лиц, на которых направлено деяние;
- неприличная форма выражения.

Мы видим, что с точки зрения права термин «оскорбление» имеет более точные компоненты, четко выраженную логическую вербальную дефиницию и не содержит описания невербальных проявлений действия.

Так как лингвистическая экспертиза назначается для установления как доказательственных, так и главных фактов (прежде всего, объективной стороны состава правонарушения), то наличие или отсутствие

неприличной формы является главным фактом, который необходимо установить по делам об оскорблении. Таким образом, независимо от того, что в лингвистическом понимании оскорбления такая характеристика отсутствует, при проведении лингвистического исследования на предмет выявления оскорбления установление такого квалификационного признака, как неприличная форма выражения, является необходимым.

Методы исследования

Понятие «неприличная форма» вызывает наибольшее количество дискуссий среди специалистов и разными учеными оценивается по-разному. Рассмотрим различные аспекты разграничения юридического и лингвистического в данном понятии.

Г. В. Напреенко отмечает, что при установлении речевого акта оскорбления в высказывании лингвист сталкивается с отсутствием однозначности в трактовке понятий [Напреенко, 2018, с. 106]. Понятие «неприличная форма высказывания» в лингвистике наполняется различным содержанием, в связи с чем остро стоит проблема неоднозначности определения слов, которые имеют неприличную форму. Конечно, к таким словам относится матерная (обсценная) лексика, но отнесение других лексических единиц к этой группе не имеет единственно верного решения: разные стилистические пометы могут по-разному влиять на вывод о форме определенных слов.

Матерная лексика однозначно признается исследователями неприличной как наиболее грубая и вульгарная форма русской брани: именно эти слова, а также все, образованные от них, считаются неприличными (полностью запрещенными к использованию в общественном месте) [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова, 2018, с. 16]. В некоторых источниках термины «матерный» и «обсценный» полностью дублируют друг друга, в других же – сообщается о том, что мат является лишь частью обсценной лексики русского языка [Магерамова, 2018, с. 97].

Бринев К. И. в своей работе указывает, что «в русской речевой культуре негативно ценным (неприличным) считается употребление обсценных слов и выражений, а также форм, содержащих непристойность. Употребление других языковых средств оценивается как неприличное по отношению к другой шкале – оскорбление как форма речевого поведения оценивается как неприличная, и в данном случае не является важным, в какой форме (обсценной, просторечной или литературной) было выражено оскорбление» [Бринев, 2009, с. 107].

В Памятке по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы значится, что «неприличная форма дискредитации потерпевшего означает, что отрицательная оценка его личности дается в явно циничной, а потому резко противоречащей принятой в обществе манере общения между людьми» [Памятка …, 2004, с. 30].

Кусов Г. В. пишет, что «на сегодняшний день теория судебной лингвистической экспертизы определяет «неприличную форму» оскорбления (оценку оценки) как крайне негативную обобщенную характеристику лица в случае употребления ненормативной лексики (мата, грубой и обсценной лексики), то есть инвективной лексики» [Кусов, 2011].

Таким образом, мы видим, что определение неприличной формы высказывания или слова рассматривается учеными не только с точки зрения закрепленных словарных значений, но более широко, с учетом общественных норм поведения, контекста.

Двоякое толкование неприличной формы дают и словари:

1. нарушение правил поведения (в особенности речевого), принятых обществом в целом или данной социальной группой для данной ситуации;

2. непристойность, то есть употребление слов и выражений, ... оскорбляющих общественную нравственность.

Результаты исследования

Определение нормы поведения и степени непристойности на наш взгляд происходит довольно субъективно. Решение зависит от морального уклада, ценностей и от взгляда общества, которое может по-разному воспринимать и трактовать поведение его членов. Понимание термина «непристойность» существенно менялось в зависимости от эпохи, и с течением времени изменялся его национально-специфический характер [Колмакова, Шалков, 2017, с. 112].

Понятие «неприличие» многомерно [Саженин, 2016, с. 335]:

1. С точки зрения лингвистики «неприличность» – это стилистико-

функциональная характеристика (характеристика плана выражения).

2. С точки зрения права для определения понятия нужно учесть и этические нормы, и стилистико-функциональные характеристики плана выражения.

3. С позиции этики приличие или неприличие определяются экстралингвистическими параметрами: ситуацией, целью сообщения, статусом участников, их ситуативными ролями, воспитанием, культурой общения и др.

В настоящее время все более распространено единое мнение, что объединяющим термином для определения неприличной формы в случае всех видов речевой агрессии выступает понятие «инвектива» – ненормативная (табуированная, недопустимая) лексика (также мат, нецензурная лексика, обсценная лексика, сквернословие). Составитель «Современного толкового словаря русского языка» Т. Ф. Ефремова толкует термин «инвектива» как «резкое выступление против кого-л., чего-л.; обвинение, обличение, оскорбительная речь» [Ефремова, 2006].

Заключение

Мы видим, что специалистами не выработано единого подхода к исследованию текстов, содержащих признаки оскорбления. Различия экспертных подходов приводят к разной оценке объекта исследования разными экспертами, что вызывает сомнения в объективности методов лингвистической экспертизы у участников судебного процесса. Необходима разработка единого общепринятого научно-методического подхода и понятийного аппарата судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. Для достижения указанной цели необходимо проведение совместных круглых столов, семинаров, конференций и иных мероприятий с участием представителей экспертных учреждений и научных школ с целью обсуждения и апробации уже разработанных методик и рекомендаций по диагностике признаков оскорбления в текстах и их усовершенствования [Подкатилина, 2016, с. 394].

Необходимо обратить внимание, что развитие языковой системы и особенности речевого поведения носителей языка приводят к разнообразным ситуациям несоответствия формы (в том числе инвективной) и содержания коммуникативного акта. Так, Е. Г. Борисова в исследовании прагматических категорий дружелюбного общения отмечает случаи невежливого, но уместного речевого поведения (автор не исключает случаев уместного использования и табуированной лексики). С другой стороны возможны превращения даже самых галантных вежливых формул в конфликтогенные и их использование в ироническом издевательском плане. Еще одной гранью, которая характеризует соответствие речи желательному поведению участника коммуникации, выступает приемлемость: приемлемым можно считать использование того или иного слова или формулы, при котором оно не может вызывать одобрения, но в то же время не вызывает у адресата ощущения оскорбления словом. Именно эта категория, по мнению Е. Г. Борисовой, – нижний порог дружелюбия, пересечение которого делает высказывание враждебным [Борисова, 2018].

Также существуют коллизии в отношении возможности использования понятия «оскорбление» экспертами-лингвистами при производстве лингвистической экспертизы. Это связано с тем, что термины, имеющие общеизвестное значение, довольно часто находят отражение в нормативных юридических текстах. При этом подобное нормативное использование может вызвать различного рода дискуссии, что употребление таких терминов в экспертном исследовании является выходом за пределы компетенции эксперта. Как раз такая ситуация сложилась в отношении использования слова «оскорбление».

Общий вывод был сформулирован Н. Д. Голевым, который справедливо заметил, что «субъективизм, недостаточная убедительность выводов, неопределенность и слабая эксплицированность методик, оценок и доводов свидетельствуют о слабой проработанности принципов и критериев филологического решения таких вопросов. Видимо, дело это новое, не освоенное ни судами, ни экспертами-филологами, и требующее определенной регламентации. А жизнь показывает, что эта важнейшая область общественного бытия требует высокого профессионализма, предполагающего специфическую подготовку. Для осуществления экспертной деятельности требуется определенная научная база, включающая специфическую расшифровку кодифицированных норм, принципов, методик, терминологического аппарата» [Голев, 2002].

Библиографический список

1. Борисова Е. Г. Прагматические категории дружелюбного общения (вежливость, приемлемость, уместность). // Сборник «Вежливость и «антивежливость» в языке и коммуникации. Москва : Политическая энциклопедия, 2018. С. 33–38.

2. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография / под редакцией Н. Д. Голева. Барнаул : АлтГПА, 2009. 252 с.

3. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста / Стернин И. А., и др. Ярославль, 2013. 35 с.

4. Галяшина Е. И. и др. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз // Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. Москва : Фонд защиты гласности. 2005. № 1(6). С. 24–39.

5. Голев Н. Д. Актуальные проблемы юрислингвистической экспертизы // Юрислингвистика–3: Проблемы юрислингвистической экспертизы. Барнаул, 2002. С. 5–13. URL: http://filfak.mrsu.ru/shigurov/urisl.html (дата обращения: 13.12.2020).

6. Ефремов В. А. Оскорбление: наивная и юридическая картина мира. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/oskorblenie-naivnaya-i-yuridicheskaya-kartina-mira (дата обращения: 21.12.2020).

7. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка // В 3 томах. Москва : АСТ, Астрель, Харвест, 2006. URL: http://www.onlinedics.ru/slovar/efr/o/oskorblenie-sr.html (дата обращения: 10.03.2018).

8. Иваненко Г. С. Еще раз о «неприличной форме выражения» // Юрислингвистика. 2013. № 2 (13). URL: http://journal.asu.ru/urisl/article/view/2140/1550 (дата обращения: 09.01.2021).

9. Колмакова В. В., Шалков Д. Ю. Проблема установления границ языкового оскорбления. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 1. С. 111–113. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ustanovleniya-granits-yazykovogo-oskorbleniya (дата обращения: 21.01.2021).

10. Кусов Г. В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: развитие современной теории и практики // Российский судья. Москва : Юрист, 2011. № 9. С. 15–20.

11. Кусов Г. В. Анализ и диагностика признаков вербального оскорбления в судебной лингвистической экспертизе (типовая методика): монография. Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2011. 156 с.

12. Магерамова Ю. Ю. Правовые и лингвистические противоречия в трактовке понятия «оскорбление» // Научный диалог. 2018. № 7. С. 93–102. URL: http://old.nauka-dialog.ru/assets/userfiles/4933/93-102_Mageramova_ND_2018_7.pdf (дата обращения: 01.12.2021).

13. Напреенко Г. В. Об участии лингвиста в судебных заседаниях по делам об оскорблении представителей власти. Юрислингвистика, 2018, № 9/10, С. 100–112. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-uchastii-lingvista-v-sudebnyh-zasedaniyah-po-delam-ob-oskorblenii-predstaviteley-vlasti (дата обращения 01.01.2021).

14. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. проф. М. В. Горбаневского. Москва : Медея, 2004г. 104 с. URL: http://www.pseudology.org/crim/Lingua_pamyatka.pdf (дата обращения: 15.12.2020).

15. Подкатилина М. Л. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3. Ч. II. Юридические науки. Тула : Изд-во ТулГУ, 2016. С. 389–394.

16. Саженин И. И. Неприличная форма высказывания: этика, лингвистика, право. Новосибирск, 2016. URL: http://journals.uspu.ru/attachments/article/1410/%D0 %A1 %D1 %82 %2027.pdf (дата обращения: 21.12.2020).

17. Стернин И. А. Речевое (бытовое) и «юридическое» оскорбление // Юрислингвистика – 11: Право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов. Кемерово, 2011. С. 398–403.

18. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва : Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 2. 1938. 523 с.

19. Fairclough N. (1989) Language and Power. London : Longman.

20. Gibbons J. (2003). Forensic Linguistics: an introduction to language in the Justice System. Blackwell.

Reference list

1. Borisova E. G. Pragmaticheskie kategorii druzheljubnogo obshhenija (vezhlivost', priemlemost', umestnost') = Pragmatic categories of friendly communication (politeness, acceptability, appropriateness) // Sbornik «Vezhlivost' i «antivezhlivost'» v jazyke i kommunikacii. Moskva : Politicheskaja jenciklopedija, 2018. S. 33–38.

2. Brinev K. I. Teoreticheskaja lingvistika i sudebnaja lingvisticheskaja jekspertiza = Theoretical linguistics and forensic linguistics : monografija / pod redakciej N. D. Goleva. Barnaul : AltGPA, 2009. 252 s.

3. Vyjavlenie priznakov unizhenija chesti, dostoinstva, umalenija delovoj reputacii i oskorblenija v lingvisticheskoj jekspertize teksta = Identifying signs of honor and dignity humiliation, harm to business reputation and insult in the linguistic expertise of the text / Sternin I. A., i dr. Jaroslavl', 2013. 35 s.

4. Galjashina E. I. i dr. Lingvisticheskie priznaki diffamacii v teorii i praktike sudebnyh lingvisticheskih jek-

spertiz = Linguistic signs of defamation in the theory and practice of forensic linguistic expertise // Vzgljad. Ezhekvartal'nyj analiticheskij bjulleten'. Moskva : Fond zashhity glasnosti. 2005. № 1(6). S. 24–39.

5. Golev N. D. Aktual'nye problemy jurislingvisticheskoj jekspertizy = Current problems of legal linguistic expertise // Jurislingvistika–3: Problemy jurislingvisticheskoj jekspertizy. Barnaul, 2002. S. 5–13. URL: http://filfak.mrsu.ru/shigurov/urisl.html (data obrashhenija: 13.12.2020).

6. Efremov V. A. Oskorblenie: naivnaja i juridicheskaja kartina mira = Insult: a naive and legal picture of the world. Sankt-Peterburg, RGPU im. A. I. Gercena. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/oskorblenie-naivnaya-i-yuridicheskaya-kartina-mira (data obrashhenija: 21.12.2020).

7. Efremova T. F. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Modern explanatory dictionary of the russian language // V 3 tomah. Moskva : AST, Astrel', Harvest, 2006. URL: http://www.onlinedics.ru/slovar/efr/o/oskorblenie-sr.html (data obrashhenija: 10.03.2018).

8. Ivanenko G. S. Eshhe raz o «neprilichnoj forme vyrazhenija» = Once again about the «indecent form of expression» // Jurislingvistika. 2013. № 2 (13). URL: http://journal.asu.ru/urisl/article/view/2140/1550 (data obrashhenija: 09.01.2021).

9. Kolmakova V. V., Shalkov D. Ju. Problema ustanovlenija granic jazykovogo oskorblenija. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = The problem of establishing the boundaries of linguistic insult. Philological sciences. Issues of theory and practice. Tambov : Gramota, 2017. № 12(78): v 4-h ch. Ch. 1. C. 111–113. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ustanovleniya-granits-yazykovogo-oskorbleniya (data obrashhenija: 21.01.2021).

10. Kusov G. V. Sudebnaja lingvisticheskaja jekspertiza «oskorblenija»: razvitie sovremennoj teorii i praktiki = Forensic linguistic expertise of «insult»: development of modern theory and practice // Rossijskij sud'ja. Moskva : Jurist, 2011. № 9. S. 15–20.

11. Kusov G. V. Analiz i diagnostika priznakov verbal'nogo oskorblenija v sudebnoĭ lingvisticheskoĭ jekspertize (tipovaja metodika) = Analysis and diagnosis of verbal abuse signs in forensic linguistic examination (model methodology) : monografija. Krasnodar : Izdatel'skij Dom – Jug, 2011. 156 s.

12. Mageramova Ju. Ju. Pravovye i lingvisticheskie protivorechija v traktovke ponjatija «oskorblenie» = Legal and linguistic contradictions in interpreting the concept of «insult» // Nauchnyj dialog. 2018. № 7. S. 93–102. URL: http://old.nauka-dialog.ru/assets/userfiles/4933/93-102_Mageramova_ND_2018_7.pdf (data obrashhenija: 01.12.2021).

13. Napreenko G. V. Ob uchastii lingvista v sudebnyh zasedanijah po delam ob oskorblenii predstavitelej vlasti = On participation of a linguist in court hearings of cases about insulting representatives of the authorities // Jurislingvistika, 2018, № 9/10, S. 100–112. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-uchastii-lingvista-v-sudebnyh-zasedaniyah-po-delam-ob-oskorblenii-predstaviteley-vlasti (data obrashhenija 01.01.2021).

14. Pamjatka po voprosam naznachenija sudebnoj lingvisticheskoj jekspertizy: Dlja sudej, sledovatelej, doznavatelej, prokurorov, jekspertov, advokatov i jurisknsul'tov = Instructions on forensic linguistic expertise: for judges, investigators, interrogators, prosecutors, experts, attorneys and legal advisers / pod red. prof. M. V. Gorbanevskogo. Moskva : Medeja, 2004g. 104 s. URL: http://www.pseudology.org/crim/Lingua_pamyatka.pdf (data obrashhenija: 15.12.2020).

15. Podkatilina M. L. Sudebnaja lingvisticheskaja jekspertiza po delam ob oskorblenii = Forensic linguistic expertise in insult cases // Izvestija TulGU. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki. Vyp. 3. Ch. II. Juridicheskie nauki. Tula : Izd-vo TulGU, 2016. S. 389–394.

16. Sazhenin I. I. Neprilichnaja forma vyskazyvanija: jetika, lingvistika, pravo = Indecent expressions: ethics, linguistics, law. Novosibirsk, 2016. URL: http://journals.uspu.ru/attachments/article/1410/%D0 %A1 %D1 %82 %2027.pdf (data obrashhenija: 21.12.2020).

17. Sternin I. A. Rechevoe (bytovoe) i «juridicheskoe» oskorblenie = Verbal (domestic) and «legal» insults // Jurislingvistika – 11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Kemerovo, 2011. S. 398–403.

18. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: V 4 t. = Explanatory dictionary of the russian language: in 4 vols. / pod red. D. N. Ushakova. Moskva : Sov. jencikl.: OGIZ, 1935–1940. T. 2. 1938. 523 s.

19. Fairclough N. (1989) Language and Power. London : Longman.

20. Gibbons J. (2003). Forensic Linguistics: an introduction to language in the Justice System. Blackwell.

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

УДК 811.133.1

https://orcid.org/0000-0003-1219-9160

А. В. Солнцева

Сравнительно-сопоставительный анализ французских союзных выражений «autant que», «d'autant que и d'autant plus que» и их испанских аналогов

Для цитирования: Солнцева А. В. Сравнительно-сопоставительный анализ французских союзных выражений«autant que», «d'autant que и d'autant plus que» и их испанских аналогов // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 119–128. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-119-128

Настоящая статья представляет собой семантико-синтаксический анализ французских союзных выражений autant que, d'autant que и d'autant plus que. Автор выясняет, какие связочные средства в испанском языке могут считаться их эквивалентами, опираясь на данные словарей и переводы французских художественных произведений и прессы на испанский язык. В статье определяется грамматический статус и лексическое значение союзов autant que, d'autant que и d'autant plus que и их испанских соответствий, анализируются условия их функционирования в речи, устанавливаются общие черты и выявляются различия союзов на уровне синтагматики и парадигматики.

Союз autant que способен обозначать разнообразные значения и оттенки значений: сравнение, ограничение, тождество, условие, уступку. В испанском языке ему соответствуют tanto como, como, cuanto, hasta donde, según lo que, en lo que, todo lo que и сочетание a más no + инфинитив, cuando, por mucho que. Безглагольные конструкции с autant que на испанский язык могут переводиться конструкциями с lo que, lo mismo que, el mismo + существительное + que, al mismo tiempo.

Французским союзам d'autant plus que и d'autant que в испанском языке соответствуют tanto más cuanto que, tanto más cuanto, tanto más que. Данные союзы служат для обозначения дополнительной мотивировки действия главного предложения. Они вводят придаточные предложения со значением дополнительной причины и функционируют в конструкциях, состоящих из трех компонентов: мотивируемое сообщение, основная причина и дополнительная причина.

Ключевые слова: французский язык, испанский язык, синтаксис, союз, подчинение, грамматическое значение.

Languages of foreign countries (romance languages)

A. V. Solntseva

Comparative and contrastive analysis of french conjunctive expressions «autant que», «d'autant que and d'autant plus que» and their spanish equivalents

The article is an attempt of a semantic and syntactic analysis of french complex conjunctions autant que, d'autant que and d'autant plus que. The author undertakes to find out which means of conjunction can be regarded as their equivalents in spanish. The research is based on the data provided by dictionaries and translations of french fiction and press into spanish. The article defines the grammatical status and lexical meaning of the conjunctions autant que, d'autant que and d'autant plus que and their spanish equivalents, analyzes the conditions of their functioning in speech, reveals common features and differences in the fields of syntagmatics and paradigmatics.

The conjunction autant que can denote a variety of meanings and their shades: comparison, limitation, equivalence, condition, concession. In spanish it corresponds to tanto como, como, cuanto, hasta donde, según lo que, en lo que, todo lo que and the combination a más po + infinitive, cuando, por mucho que. French verbless constructions containing autant que can be translated by Spanish constructions containing lo que, lo mismo que, el mismo + noun + que, al mismo tiempo.

French conjunctions d'autant plus que and d'autant que correspond in spanish to tanto más cuanto que, tanto más cuanto, tanto más que. These conjunctions serve to indicate additional motivation for the action described in the main

© Солнцева А. В., 2021

sentence. They introduce subordinate clauses expressing additional reason and operate within constructions consisting of three components: the motivated message, the main reason, and the additional reason.

Key words: french, spanish, syntax, conjunction, subordination, grammatical meaning.

Постановка проблемы

Как показывают данные проведенного исследования, испанскими эквивалентами каждого из французских союзных выражений с элементом *autant (autant que, pour autant que, en autant que, d'autant que, d'autant plus que, d'autant moins que)* являются несколько связочных средств. Это объясняется тем, что группа исследуемых союзов неоднородна и объединяет разные по семантике союзы [Heuchin-Kozlowska, 1995]. При переводе предложений, содержащих такие единицы, необходимо принимать во внимание их значение и в случае необходимости производить лексико-грамматические трансформации [Сорокина, 2015].

База исследования

Испанские аналоги французского союза autant que

В настоящей статье определяются испанские эквиваленты французских союзных выражений *autant que, d'autant que* и *d'autant plus que,* а также проводится сравнительно-сопоставительный анализ.

Абсолютный аналог французского союза *autant que* в испанском языке представлен союзом *tanto como:* во-первых, он содержит компонент *tanto* – эквивалент французского наречия *autant,* во-вторых, *tanto como,* как и *autant que,* является многозначным союзом и способен обозначать разнообразные значения и оттенки значений.

Тождественные отношения *tanto como* может приобретать как на уровне простого, так и на уровне сложного предложения [Васильева, Епифанцева, 1984], например:

... elles votent à gauche autant que les hommes. (LF37, 16)	*... votaron a la izquierda tanto como los hombres. (LF37-e)*
Rappelez-moi au souvenir de Mme de Rosemonde, que j'aime toujours autant qu'elle le mérite. (Ch, 26)	*Recordale a Mme de Rosemonde que la amo siempre tanto como merece. (Ch-e, 29)*

Придаточное предложение, вводимое союзом *tanto como*, как и конструкция с французским союзом *autant que*, способно выражать ограничительные отношения, если его сказуемое выражено глаголом, обозначающим возможность (*poder, ser posible* и др.) [Васильева, Пицкова, 2016; Dauzat, Dubois, Mitterand, 1994; Grevisse, 1993; Hanse, 1996; Larousse, 1992; Littré, 1994; Macé, Guinard, 1990], например:

... on s'est enfoncé dans la boue autant qu'on a pu et le pauvre squelette de bois pourri nous a cachés. (BF, 293)	*... nos metimos en el barro tanto como fue posible, y el pobre esqueleto de madera nos ocultó. (BF-e, 264)*

Испанский союз *tanto como* вызывает споры лингвистов по нескольким аспектам. Так, в частности, неоднозначно трактуются безглагольные построения с союзом *tanto como*. Одни авторы (Х. Алсина Франч и Х. М. Блекуа [Alcina Franch, Blecua, 1975] и др.) справедливо рассматривают подобные конструкции в качестве простых предложений. Однако существует противоположная точка зрения; так, например, С. Хили Гайя [Gili Gaya, 1976] интерпретирует безглагольные структуры с союзом *tanto como* как сложные предложения с эллипсисом глагола сказуемого придаточного.

Кроме того, дискуссионным является грамматический статус союза *tanto como.* По мнению одних лингвистов, он представляет собой сочинительный союз. Так считают, например, М. Секо и Г. Салвадор, которые обосновывают свою точку зрения способностью союза *tanto como* обозначать соединение: *"De una primitiva idea de equiparación entre dos nociones se pasa también a la de suma o añadura de las mismas"* [Seco, Salvador, 1995, с. 130]. Другие авторы, например, Ф. Марса [Marsá, 1986], трактуют союз *tanto como* как подчинительный. Нам представляется правомерным отнесение союза *tanto como,* как и его французского соответствия *autant que,* к подчинительным союзам.

Употребляясь в качестве аналога единого союза *autant que*, как на уровне простого, так и на уровне сложного предложения, сочетание *tanto como* функционирует в нерасчлененной форме, и его компоненты являются неизменяемыми. В современной испанистике не существует и однозначной трактовки структуры этого сочетания. Ю. А. Смычковская [Смычковская, 1979], Х. Алсина Франч и Х. М. Блекуа [Alcina Franch,

Blecua, 1975], М. Секо [Seco, Salvador, 1995], составители словаря Vox [Vox, 1991] интерпретируют *tanto como* в качестве свободного сочетания наречия *tanto* и союза *como (... estas construcciones dan sentido a un intensivo que puede aparecer ... como adverbio referido a un verbo para expresar la intensidad"* [Vox, 1991, с. 1059]). Согласно составителям Проекта новой испанской грамматики [Esbozo de una nueva gramática, 1989] и С. Эрнандесу Алонсо [Hernández Alonso, 1984], *tanto como* представляет собой единую конструкцию.

Сравнительный анализ французских оригиналов и их испанских переводов показал, что при переводе французского союза *autant que* могут использоваться и другие средства, кроме союза *tanto como.* Этот факт объясняется несколькими причинами: во-первых, полисемичностью союза *autant que* [Солнцева, 2015] во-вторых, богатством испанского языка, проявляющемся в существовании большого количества синонимов [Denis, Maraval, 1960, Gutiérrez Araus, 1985].

Французские придаточные предложения с *autant que,* служащие для обозначения тождества, иногда переводятся на испанский язык конструкциями, вводимыми союзом *como* [Лисичкина, 2016], например:

Vous haïssez les superstitions grossières des moines autant que je les déteste moi- même. (FR 174)	*Odiás las groseras supersticiones frailunas, como yo las odio. (FR-e 175)*

В современном испанском языке союзные выражения *tanto como* и *como* обладают близким значением, что обусловливает их способность функционировать в сходных структурах. Сравните, например:

(...) Eugénie eût-elle été prudente et observatrice autant que le sont certaines filles en province...? (BE, 132)	*(...) Eugenia hubiese sido prudente y observadora como lo son algunas jóvenes de provincias... (BE-e, 140)*
Ce sont vos ennemis autant que le sont aujourd'hui ces soldats allemands qui gisent ici entre vous, et qui ne sont que de pauvres dupes odieusement trompées et abruties, des animaux domestiques... (BF, 425)	*Son vuestros enemigos tanto como lo son hoy esos soldados alemanes que yacen aquí entre vosotros, y que no son sino pobres muñecos engañados y embrutecidos animales domésticos... (BF, 404)*

Для испанских придаточных предложений сравнения, вводимых союзами *tanto como* и *como,* характерно использование форм изъявительного наклонения при выражении ими реального сравнения и условного наклонения – для обозначения предполагаемого или потенциального сравнения.

Исследование показало, что употребление модально-временных форм после союза *tanto como* и *como* в большинстве случаев аналогично французскому союзному выражению *autant que,* однако в отдельных случаях возможны несовпадения: французские придаточные предложения с изъявительным наклонением могут переводиться на испанский язык предложениями с условным наклонением, например:

Le Pilgrim est un bon navire ... et j'en suis sûr, autant qu'un marin peut l'être du bâtiment qu'il commande depuis plusieurs années. (VC, 15)	*El Pilgrim es un buen navío, y estoy tan seguro de él como podría estarlo un marino que hubiese dirigido un barco durante veinte años. (VC, 7)*

Испанский переводчик употребил глагол придаточного предложения в условном наклонении, чтобы показать, что в данной фразе речь идет о вероятном, гипотетичном факте.

Сравнительные придаточные предложения с союзным выражением *autant que,* в которых сказуемое выражено глаголом faire в функции verbum vicarium, переводятся на испанский язык простыми предложениями с конструкцией *lo mismo que,* например:

Il se permit des singeries enfantines autant qu'en aurait fait une jeune fille en s'habillant pour le bal (BP, 159).	*... y se permitió hacer algunos gestos infantiles, lo mismo que una muchacha al prepararse para el baile. (BP-e, 160)*

Испанскими эквивалентами союзного выражения *autant que*, употребляющегося на уровне простого предложения, могут являться (кроме способных функционировать как в простом, так и в сложном предложении союзов *tanto como, como)* конструкции *lo que, lo mismo que, el mismo + существительное + que, al mismo tiempo,* свойственные лишь простому предложению, например:

Pa'c' que ceux qui risquent vraiment, on doit les aimer autant que les morts. (BF. 177)	*Porque los que se arriesgan de verdad. lo repito, merecen el mismo homenaje que los muertos. (BF-e. 150)*

...à peine si la manie respectante vivra autant que nous. (St, 141)	*Apenas si la manía del respeto vivirá lo que nosotros. (St-e, 146)*

Испанскими переводчиками в качестве аналога предложений с союзом *autant que*, обозначающим сравнение, иногда используется конструкция *más que* после глагола в отрицательной форме (*не более чем*), например:

Et d'ailleurs, après le roi, il n'est pas d'homme que j'aime autant que le comte de Peyrac. (GA T2, 48)	*Y además, después del rey, no hay hombre a quien más quiera que al conde de Peyrac. (GA-e, 268)*
Personne ne le souhaite autant que moi, sire. (GA T2, 41)	*Nadie lo desea más que yo, señor. (GA-e, 264)*

Расчлененное сочетание *tanto* + существительное + como представляет собой испанский аналог французской конструкции *autant de* + существительное + *que*. В данном случае компонент *tanto*, входящий в состав главного предложения, является изменяемым (*tanta ... como, tantos ... como, tantas ... como*), например:

Faut-il supposer dans l'estomac autant d'estomacs qu'il s'y trouve de goûts? (FB, 375).	*¿Puede hacer suponer que en el estómago haya tantos estómagos como gustos hay? (FB-e, 197)*

Переводчики используют также построения *todo (-a, -s) + артикль + существительное + que, lo (a) mismo (a) ... que* для перевода сочетания *autant+de+существительное+que*.

Французские придаточные предложения с союзом *autant que*, сказуемое которых выражено глаголом *falloir*, могут переводиться на испанский язык сочетанием с прилагательным *necesario*, например:

Candide ne s'arrêta dans Bordeaux qu'autant de temps qu'il en fallait pour vendre quelques cailloux du Dorado et pour s'accomoder d'une bonne chaise à deux places. (Vol, 94)	*Cándido sólo se detuvo en Burdeos el tiempo necesario para vender algunas piedras de El Dorado, y comprar una buena silla de posta de dos asientos. (Vol-e, 100)*

Предложения со значением ограничения, вводимые французским союзом *autant que*, реализуются в испанском языке конструкциями, вводимыми не только союзом *tanto como,* но и другими средствами – союзом *cuanto*, союзными выражениями *hasta donde, según lo que, en lo que, todo lo que* и сочетанием *a más no + инфинитив,* например:

1) cuanto

Son dessein était de profiter, autant qu'il le pourrait, des avantages que la connaissance de Candide pouvait lui procurer. (Vol, 102)	*Su intención era la de aprovecharse cuanto pudiera del trato que con Cándido tenía. (Vol-e, 110)*

2) hasta donde:

Et l'aventureux Méridional s'était empressé de se lier avec cette délicieuse comtesse, autant qu'un jeune homme peut se lier avec une femme pendant une contredanse et une valse. (BP, 46)	*Y el audaz meridional se apresuró a entablar relaciones con esta deliciosa condesa hasta donde un joven puede hacerlo en el tiempo que duran una contradanza y un vals. (BP-e, 45)*

3) todo lo que:

Camille aimait Laurent autant qu 'il pouvait aimer, en égoïste satisfait, et Laurent semblait lui rendre une égale affection. (ZT, 59)	*Camille quería Laurent, todo lo que. podía querer aquel egoísta satisfecho, y Laurent parecía correspenderle con un afecto igual. (ZT- e, 63)*

4) en (por) lo que

C'était, autant que la faible clarté de la lampe permettait d'en juger, un vieillard d'environ soixante ans et de moyenne taille, qui paraissait assez malade et cassé. (HN, 177)	*Por lo que podía juzgar a la débil luz del velón, era un anciano de unos sesenta años, de estatura mediana, que parecía estar bastante enfermo y desmejorado. (HN-e, 204)*
Vous, mes frères Cari et (Johann), aussitôt que je serai mort, et si le professeur Schmidt vit encore, priez-le en mon nom qu'il décrive ma maladie, et joignez à l'historique de ma maladie, la lettre que voici, afin qu'après ma mort, au moins autant qu'il est possible. le monde se réconcilie avec moi. (RV, 110)	*En cuanto a vosotros, Cari y (Johann), hermanos míos, cuando yo muera, si vive todavía el profesor Schmidt, rogadle en mi nombre, que cuente mi enfermedad, y añadid a la reseña esta carta, a fin de que, después de mi muerte, el mundo me perdone, en lo que sea posible. (RV. 77)*

5) según lo que

Autant que je puis me rappeler.	*Según lo que puedo recordar. [Denis, Maraval, 1960, c. 52])*

В качестве испанского эквивалента французского придаточного *autant qu'il est (était) possible* может выступать безглагольная конструкция *en la medida de lo posible*, например:

Autant que cela est possible, il est à l'aise dans la terreur. (CP, 219)	*En la medida de lo posible él está a su gusto en medio del terror. (CP-e, 191)*

Иногда предложения, вводимые *autant que*, на испанский язык переводятся бессоюзной конструкцией, например:

Autant que je puis croire ... cette adorable fille venait pour un autre que moi. (FR, 162)	*Supongo ... que la encantadora muchacha iba en busca de otro. (FR-e, 164)*
Je les ai ménagés autant que faire se peut. (GA, 236)	*Les he guardado las mayores consideraciones posibles. (GA-e, 236)*

Данные исследования показывают, что наклонение в испанском и французском эквивалентах не всегда идентично, например:

Son dessein était de profiter, autant qu'il le pourrait (Conditionnel), des avantages que la connaissance de Candide pouvait lui procurer. (Vol, 102)	*Su intención era la de aprovecharse cuanto pudiera (Subjuntivo) del trato que con Cándido tenía. (Vol-e, 110*
... afin qu'après ma mort, au moins autant qu'il est possible (Indicatif), le monde se réconcilie avec moi. (RV, 110)	*... a fin de que, después de mi muerte, el mundo me perdone, en lo que sea posible (Subjuntivo). (RV, 77)*
Autant que ma faiblesse peut (Indicatif) en juger, n'est-ce pas le plus grand sacrifice que je puisse faire à Dieu? (StR, 121).	*Hasta donde pueda juzgar (Subjuntivo) mi flaqueza, ¿no es ése el mayor sacrificio que puedo hacer a Dios? (StR, 128)*

Французский союз *autant que* обладает более широкой гаммой значений, чем его испанский аналог: *tanto como* не способен обозначать условные и уступительные отношения, поэтому французские придаточные предложения со значением условия и уступки, вводимые *autant que*, переводятся на испанский язык другими связочными средствами.

Испанским эквивалентом французского союза *autant que*, обозначающего условные отношения, является союз *cuando*, например:

Il avait reçu l'épouvantable éducation de ce monde où, dans une soirée, il se commet en pensées, en paroles, plus de crimes que la Justice n'en punit aux Cours d'assises, où les bons mots assassinent les plus grandes idées, où l'on ne passe pour fort qu'autant que l'on voit juste. (BE, 130- 131)	*Era un viejo con aspiraciones de joven y había recibido la espantosa educación de ese mundo en que se cometen en una noche, de pensamiento y de palabra, más crímines que los que castiga en un año el Tribunal de una Audiencia; en donde las buenas palabras asesinan las más grandes ideas y en donde se pasa por hombre de mundo cuando se ve claro... (BE-e, 138-139)*
Les voilà tous ligués, se dit-elle, contre un homme de génie qui n'a pas dix louis de rente, et qui ne peut leur répondre qu'autant qu'il est interrogé. (StR, 322)	*Ya están todos unidos, se dijo, contra un hombre de genio que no tiene diez luises de renta, y que no puede responderles sino cuando le preguntan. (StR-e, II, 66)*

В современном испанском языке аналогом французского союза *autant que* в уступительном значении является расчлененное союзное сочетание *por ... que* с наречием *mucho*. Аналогично французскому языку, предложения этого типа строятся с субхунтиво, например:

Autant qu'il ait plu, le sable d'Argelouse ne retient aucune flague. (MT, 86)	*Por mucho que haya llovido, la arena de Argelouse no conserva ningún charco. (MT-e, 170)*

Испанские придаточные предложения с сочетанием *por mucho que*, как и предложения с *autant que* во французском языке, отличаются синкретизмом значений: они обозначают количественно-уступительные отношения.

Эквиваленты французских союзных выражений d'autant plus que и d'autant que в испанском языке

Союзные выражения *d'autant plus que* и *d'autant que* являются грамматическими вариантами [Солнцева, 2017] и обладают сходной семантикой, поэтому их аналогами в испанском языке являются одни и те же связочные средства: союзы *tanto más cuanto que*, *tanto más cuanto*, *tanto más que*:

Il dit qu'il était impossible qu'un Maure y demeurât, d'autant plus que celui qu'on lui avait signalé était vêtu comme un gueux. (GA T2, 238-239)	*Dijo que era imposible que el negro viviese allí, tanto más cuanto que el que le habían indicado iba vestido como un mendigo. (GA-e, 387)*
Ce renseignement ébranla Morin dans leur estime, d'autant plus qu'il condamne toutes les coiffures, chapeaux, bonnets et casquettes, exigence qui révolta Pécuchet (FB, 135)	*Esa información resitió la estima que sentían por Morin, tanto más que él condena todos los tocados, así se trate de sombreros, gorros o gorras, exigencia que irritó a Pecuchet. (FB-e, 50)*

Семантика названных испанских союзов [Солнцева, 2020] трактуется неоднозначно современными романистами. Большинство авторов [Gross, 1990; Gutiérrez Araus, 1985; Pinchón, 1986; Piot, 1988; Vigara Tauste, 1992; Современная грамматика, 1997] говорят об их причинном значении, однако существует точка зрения, согласно которой *tanto más cuanto que, tanto más cuanto, tanto más que* обозначают сравнение.

Данные проведенного исследования показывают, что *tanto más cuanto que, tanto más cuanto, tanto más que* (как и их французские соответствия) служат для обозначения причинности, а именно дополнительной мотивировки действия главного предложения. В данном случае союз *tanto más cuanto que* вводит придаточные предложения со значением дополнительной причины и функционирует, как и французский союз *d'autant plus que,* в конструкциях, состоящих из трех компонентов: мотивируемое сообщение (МС), основная причина (О) и дополнительная причина (Д). Звено дополнительной причины, вводимое союзами *tanto más cuanto que,* опосредовано, логически связано не только с компонентом *мотивируемое сообщение*, но и с *основной причиной*:

Si Mme de Rénal avait eu le moindre sang-froid, elle lui eût fait compliment de la réputation qu'il avait conquise, et l'orgueil de Julien rassuré (O), il eût été pour elle doux et aimable (MC), d'autant plus que sa robe nouvelle lui semblait charmante(Д). (StR, 85)	*Si la señora de Renal hubiese tenido la menor sangre-fría, le hubiese felicitado por la reputación que había conquistado, y el orguello de Julián, tranquilizado (O), le hubiese permitido ser amable y cariñoso con ella (MC), tanto más cuanto que el traje nuevo le parecía encantador (Д). (StE-e, 90)*

Употребление модально-временных форм в предикативных единицах, вводимых союзами *tanto más cuanto que*, *tanto más que, tanto más cuanto* и *d'autant plus que* идентично, например:

Et je me méprisait de n'avoir pas su rester légère, d'autant plus que cela me l'eût peut-être attaché (Cond), par dépit. (SC, 179)	*Y me reprochaba el no haber sabido mantenerme ligera, tanto más cuanto ello tal vez me lo hubiera atraído, (Pot), por despecho. (SC-e, 127)*
Ils manifestent et se groupent, d'autant plus que l'édit de Nantes a été trop indulgent pour eux (Indicatif), en leur laissant non seulement le droit de leur confession, mais encore l'égalité des droits civiques... (GA, 24)	*Se dan a conocer y se agrupan, tanto más cuanto que el edicto de Nantes ha sido demasiado indulgente para con ellos (Indicativo), dejándoles no sólo el derecho de pertenecer a su confesión, sino además la igualdad de derechos cívicos ... (GA-e, 24)*

Звено, вводимое испанскими союзами *tanto más cuanto que*, *tanto más cuanto, tanto más que,* как и предложения с *d'autant plus que и d'autant plus que*, может быть парцеллировано с целью приближения письменного литературного языка к живой разговорной речи, например: *Tanto más, cuanto que el primo ha caído no sabe de dónde y que la historia contada por los Quenu es bastante rara. (ZV-e, 157)*

Данные проведенного исследования демонстрируют способность союза *tanto más cuanto (que)* расчленяться. В данном случае его составляющие разъединяются обращением, например:

Tanto más, hijo mío, cuanto que, mira, al estimar tus alhajas no he apreciado mas que el oro en bruto, y acaso se pueda sacar algo por el trabajo. (BE-e, 156)

Конструкция *tanto más cuanto que,* подобно своему французскому аналогу *d'autant plus que,* может функционировать не только в качестве единого союзного выражения, но и образовывать омонимичные сочетания наречия *tanto más*, входящего в состав главного предложения, и союза *cuanto (que).* В данном случае *tanto más* является обстоятельством степени, а придаточное предложение вводится союзом *cuanto (que).*

Свободные сочетания *tanto más cuanto que, tanto más cuanto, tanto más que* могут употребляться как в расчлененной, так и нерасчлененной форме:

Estaba tanto más tranquilo cuanto que se había

asegurado de que no había en los confesionarios más que algunas mujeras piadosas. (StR, I, 214)

Al llegar al comedor, distrajo a Julián de su malhumor el luto riguroso de la señorita de La Mole, que le sorprendió tanto más cuanto que ninguna otra persona de la familia iba vestida de negro. (StR-e, II, 51)

Конструкция *tanto más cuanto que*, компоненты которой не образуют союза, несмотря на то, что находятся в линейной последовательности, может являться аналогом свободного сочетания *d'autant plus que* в расчлененной и нерасчлененной форме:

L'œil de Julien resta pénétrant et sévère. Mathilde avait eu un moment d'enthousiasme; la froideur de son partenaire la déconcerta profondément. Elle fut d'autant plus étonnée que c'était elle qui avait coutume de produire cet effet-là sur les autres. (StR, 293)	*Los ojos de Julián permanecieron penetrantes y severos. Matilde había tenido un momento de entusiasmo; la frialdad por su parte le desconcertó profundamente. Se asombró tanto más cuanto que estaba acostumbrada a producir este efecto sobre los demás. (StR-e, II, 36)*
Madame Sanseverina essaya de changer tout cela; elle amusait le prince, et d'autant plus qu 'elle avait su conserver toute son indépendance. (St, 129)	*La señora Sanseverina intentó variar todo esto; divertía al príncipe tanto más cuanto que había sabido conservar toda su independencia. (St-e, 133)*

Свободные сочетания *tanto más cuanto que, tanto más cuanto, tanto más que* отличаются синкретизмом причинного и количественного значений или обозначают пропорциональные отношения в зависимости от наличия в придаточном наречий *más* и *menos*. Употребление в предложении, вводимом *cuanto (que)*, количественных наречий свидетельствует о его пропорциональном значении, например:

... mais image d'autant plus vrai qu'elle est plus naïve et plus franche. (BP, 336)	*Imagen tanto más real y verdadera cuanto más franca e ingenua. (BP- e, 283-284)*

Кроме союза *tanto más cuanto que,* в качестве испанских аналогов французского союзного выражения *d'autant plus que* могут функционировать также другие средства:

– союз *cuanto que;*

– сочетания *sobre todo que* и *sobre todo porque*

– сочетание *por otra parte.*

В качестве испанского аналога свободного сочетания «наречие *d'autant plus* + союз *que"* может выступать не только конструкция, омонимичная союзу *tanto más (cuanto) que,* но и сочетание *aún más porque*, например:

La présence de Julien rendait inutile sa course de ce matin, ce qui la contraria d'autant plus, qu'elle venait chercher le second volume de la Princesse de Babylone de Voltaire, digne complément d'une éducation éminemment monarchique et religieuse, chef-d'oeuvre du Sacré-Coeur! (StR, 256).	*La presencia de Julián hacía inútil su visita aquella mañana, lo cual la contrarió, aún más, porque venía a buscar el segundo tomo de "La princesa de Babilonia" de Voltaire, digno complemento de una educación eminentemente religiosa y monárquica, obra maestra del Sagrado Corazón. (StR-e, 267)*

Заключение

Таким образом, союз *autant que* способен обозначать разнообразные значения и оттенки значений: сравнение, ограничение, тождество, условие, уступку. В испанском языке ему соответствуют *tanto como, como, cuanto, hasta donde, según lo que, en lo que, todo lo que* и сочетание *a más no + инфинитив*, cuando, por mucho que. Безглагольные конструкции с *autant que* на испанский язык могут переводиться конструкциями с *lo que, lo mismo que, el mismo + существительное + que, al mismo tiempo.*

Французским союзам *d'autant plus que и d'autant que* в испанском языке соответствуют *tanto más cuanto que, tanto más cuanto, tanto más que*. Данные союзы служат для обозначения дополнительной мотивировки действия главного предложения: вводят придаточные предложения со значением дополнительной причины и функционируют в конструкциях, состоящих из трех компонентов: мотивируемое сообщение, основная причина и дополнительная причина.

Библиографический список

1. Васильева Н. М., Пицкова Л. П. Французский язык. Теоретическая грамматика, морфология, синтаксис. Учебник. Бакалавр. Академический курс. Москва : Юрайт, 2016. 473 с.

2. Васильева Н. М., Епифанцева Н. Г. О грамматическом статусе подчинительных союзов на уровне простого предложения // Филологические науки. 1984. № 6. С. 53.

3. Дроздова Ю. А. Грамматический аспект научного дискурса в названиях трудов и заголовках статей на французском языке // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. Москва :

МГЛУ, 2011. С. 126–128.

4. Лисичкина Н. Е. Структурно-семантические разновидности предложений образа действия с сомо в испанском языке // Романское культурное и языковое наследие: история и современность. Москва : МГОУ, 2016. С. 311–315.

5. Смычковская Ю. А. Синтаксис современного испанского языка. Киев : Головное издательство издательского объединения «Вища Школа», 1979. 191 с.

6. Современная грамматика испанского языка. Часть вторая. Синтаксис. Санкт-Петербург : Лань, 1997. 256 с.

7. Солнцева А. В. Критерии разграничения омонимии и многозначности применительно к союзам // Функционально-прагматический аспект в исследованиях романских языков. Москва : МГОУ, 2015. С. 91–95.

8. Солнцева А. В. О вариантности союзов (на примере французского языка) // Романские языки в синхронии и диахронии. Москва : МГОУ, 2017. С. 113–116.

9. Солнцева А. В. О семантике союзов // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Тольятти : Волжский университет имени В. Н. Татищева (институт), 2020. С. 151–158.

10. Сорокина О. О. Преобразования схемы построения мысли в переводе. Лингвистическая доминанта процесса коммуникации. Москва : МГОУ, 2015. С. 130–135.

11. Alcina Franch J., Blecua J. M. Gramática española. Barcelona : Editorial Ariel, 1975. 1245 p.

12. Denis S., Maraval M. Dictionnaire français-espagnol. Paris : Hachette, 1960. 903 p.

13. Dauzat A., Dubois J., Mitterand H. Nouveau dictionnaire étymologique et historique. Paris, 1994. 822 p.

14. Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. Real Academia Española. Madrid : Espasa-Calpe. S. A., 1989. 592 p.

15. Gili Gaya S. Curso superior de sintaxis española. Barcelona : Bibliograf, 1976. 347 p.

16. Grammaire Larousse du français contemporain. Paris, 1994. 495 p.

17. Grevisse M. Le bon usage: Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui. Paris : Duculot, 1993. 1762 p.

18. Gross M. Grammaire transformationnelle. Syntaxe de l'adverbe. Paris, 1990. 670 p.

19. Gutiérrez Araus M. L. Las estructuras sintácticas del español actual. Madrid : Socidad General Española de Librería, S. A., 1985. 365 p.

20. Hanse J. Nouveau dictionnaire des difficultés du français moderne. Paris, 1996. 983 p.

21. Hernández Alonso C. Gramática funcional del español. Madrid: Gredos, 1984. 534 p.

22. Heuchin-Kozlowska R. Étude des locutions conjonctives en français // Neophilologica: Studia językoznawcze. Katowice, 1995. P. 47–59.

23. Larousse. Dictionnaire de la langue française. Paris : Lexis, 1992. 2109 p.

24. Littré P.-E. Dictionnaire de la langue française. Chicago : Encyclopaedia Britannica Inc., 1994. T. I. 1062 p.

25. Macé P. A., Guinard M. Dictionnaire des synonymes. Paris : Nathan, 1990. 444 p.

26. Marsá F. Diccionario normativo y guía práctica de la lengua española. Barcelona : Editorial Ariel, S.A., 1986. 477 p.

27. Pinchón J. Morphosyntaxe du français. Paris : Hachette, 1986. 301 p.

28. Piot M. Coordination-subordination: Une définition générale // Langue française: Syntaxe des connecteurs. 1988. № 77. P. 5–18.

29. Seco M., Salvador G. La lengua española, hoy. Coordinación. Madrid : Fundación Juan March, 1995. 176 p.

30. Vigara Tauste A. M. Morfosintaxis del español coloquial. Esbozo estilístico. Madrid : Gredos, 1992. 507 p.

31. Vox. Diccionario de la lengua española. Barcelona : Bibliograf, 1991. 1668 p.

Reference list

1. Vasil'eva N. M., Pickova L. P. Francuzskij jazyk. Teoreticheskaja grammatika, morfologija, sintaksis. Uchebnik. Bakalavr. Akademicheskij kurs = The french language. Theoretical grammar, morphology, syntax. Textbook. Bachelor's degree. Academic course. Moskva : Jurajt, 2016. 473 s.

2. Vasil'eva N. M., Epifanceva N. G. O grammaticheskom statuse podchinitel'nyh sojuzov na urovne prostogo predlozhenija = On the grammar status of subordinating conjunctions at the simple sentence level // Filologicheskie nauki. 1984. № 6. S. 53.

3. Drozdova Ju. A. Grammaticheskij aspekt nauchnogo diskursa v nazvanijah trudov i zagolovkah statej na francuzskom jazyke = Grammatical aspect of scientific discourse in the titles of works and articles in french // Diskurs kak social'naja dejatel'nost': prioritety i perspektivy. Moskva : MGLU, 2011. S. 126–128.

4. Lisichkina N. E. Strukturno-semanticheskie raznovidnosti predlozhenij obraza dejstvija s somo v ispanskom jazyke = Structural and semantic varieties of action sentences in spanish // Romanskoe kul'turnoe i jazykovoe nasledie: istorija i sovremennost'. Moskva : MGOU, 2016. S. 311–315.

5. Smychkovskaja Ju. A. Sintaksis sovremennogo ispanskogo jazyka = Syntax of modern spanish. Kiev : Golovnoe izdatel'stvo izdatel'skogo objedinenija «Vishha Shkola», 1979. 191 s.

6. Sovremennaja grammatika ispanskogo jazyka. Chast' vtoraja. Sintaksis = Modern spanish grammar. Part two. Syntax. Sankt-Peterburg : Lan', 1997. 256 s.

7. Solnceva A. V. Kriterii razgranichenija omonimii i mnogoznachnosti primenitel'no k sojuzam = Criteria for distinguishing homonymy and polysemy as applied to conjunctions // Funkcional'no-pragmaticheskij aspekt v issledovanijah romanskih jazykov. Moskva : MGOU, 2015. S. 91–95.

8. Solnceva A. V. O variantnosti sojuzov (na primere francuzskogo jazyka) = On the variability of conjunctions

(on the example of french) // Romanskie jazyki v sinhronii i diahronii. Moskva : MGOU, 2017. S. 113–116.

9. Solnceva A. V. O semantike sojuzov = On the semantics of conjunctions // Tatishhevskie chtenija: aktual'nye problemy nauki i praktiki. Tol'jatti : Volzhskij universitet imeni V.N. Tatishheva (institut), 2020. S. 151–158.

10. Sorokina O. O. Preobrazovanija shemy postroenija mysli v perevode. Lingvisticheskaja dominanta processa kommunikacii = Transformations of the scheme of thought construction in translation. The linguistic dominant of the communication process. Moskva : MGOU, 2015. S. 130–135.

11. Alcina Franch J., Blecua J.M. Gramática española. Barcelona : Editorial Ariel, 1975. 1245 p.

12. Denis S., Maraval M. Dictionnaire français-espagnol. Paris : Hachette, 1960. 903 p.

13. Dauzat A., Dubois J., Mitterand H. Nouveau dictionnaire étymologique et historique. Paris, 1994. 822 p.

14. Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. Real Academia Española. Madrid : Espasa-Calpe. S. A., 1989. 592 p.

15. Gili Gaya S. Curso superior de sintaxis española. Barcelona : Bibliograf, 1976. 347 p.

16. Grammaire Larousse du français contemporain. Paris, 1994. 495 p.

17. Grevisse M. Le bon usage: Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui. Paris : Duculot, 1993. 1762 p.

18. Gross M. Grammaire transformationnelle. Syntaxe de l'adverbe. Paris, 1990. 670 p.

19. Gutiérrez Araus M. L. Las estructuras sintácticas del español actual. Madrid : Socidad General Española de Librería, S. A., 1985. 365 p.

20. Hanse J. Nouveau dictionnaire des difficultés du français moderne. Paris, 1996. 983 p.

21. Hernández Alonso C. Gramática funcional del español. Madrid: Gredos, 1984. 534 p.

22. Heuchin-Kozlowska R. Étude des locutions conjonctives en français // Neophilologica: Studia językoznawcze. Katowice, 1995. P. 47–59.

23. Larousse. Dictionnaire de la langue française. Paris : Lexis, 1992. 2109 p.

24. Littré P.-E. Dictionnaire de la langue française. Chicago : Encyclopaedia Britannica Inc., 1994. T. I. 1062 p.

25. Macé P. A., Guinard M. Dictionnaire des synonymes. Paris : Nathan, 1990. 444 p.

26. Marsá F. Diccionario normativo y guía práctica de la lengua española. Barcelona : Editorial Ariel, S.A., 1986. 477 p.

27. Pinchón J. Morphosyntaxe du français. Paris : Hachette, 1986. 301 p.

28. Piot M. Coordination-subordination: Une définition générale // Langue française: Syntaxe des connecteurs. 1988. № 77. P. 5–18.

29. Seco M., Salvador G. La lengua española, hoy. Coordinación. Madrid : Fundación Juan March, 1995. 176 p.

30. Vigara Tauste A. M. Morfosintaxis del español coloquial. Esbozo estilístico. Madrid : Gredos, 1992. 507 p.

31. Vox. Diccionario de la lengua española. Barcelona : Bibliograf, 1991. 1668 p.

Сокращенные названия исследованных текстов

BE	*Balzac H. de. Eugénie Grandet.-Paris: Booking International, 1993. – 221p.*
BE-e	*Balzac H. de. Eugenia Grandet. – La Habana: Instituto cubano del libro, 1969. – 236 p.*
BF	*Barbusse H. Le feu.-Moscou: Éditions en langues étrangères, 1953. – 430 p.*
BF-e	*Barbusse H. El fuego. Diario de un peloton. – La Habana: Instituto cubano del libro, 1973. – 411 p.*
BP	*Balzac H. de. Le père Goriot. – Paris: Booking International, 1993. – 315 p.*
BP-e	*Balzac H. de Papa Goriot. – La Habana:Instituto cubano del libro, 1972. –319 p.*
Ch	*Choderlos de Laclos P. Les liaisons dangereuses. – Paris: Éditions des trois pommiers, 1954. – 382 p.*
Ch-e	*Choderlos de Lacios P. Las amistades peligrosas. – La Habana: Biblioteca del Pueblo, 1969. – 500 p.*
CP	*Camus A. La peste. – Paris: Gallimard, 1947. – 337 p.*
CP-e	*Camus A. La peste. – Buenos Aires: SUR, 1948. – 296 p.*
FB	*Flaubert G. Bouvard et Pécuchet. – Paris: Gallimard, 1981. – 570 p.*
FB-e	*Flaubert G. Bouvard et Pecuchet. – Buenos Aires: Centro editor de America Latina, 1980. – 218 p.*
FR	*France A. La rôtisserie de la reine Pédauque. – Paris : Booking International, 1972. – 244 p.*
FR-e	*France A. El figón de la reina Patoja. – La Habana: Editorial nacional de Cuba, 1963. – 247 p.*
GA	*Golon A. et S. Marquise des Anges. T.I – Paris: Colbert, 1968. – 493 p. Golon A. et S. Angélique, marquise des Anges. T.II. – Paris: J'ai lu, 1976. – 409 p.*
GA-e	*Golón A. et S. Angélica. La marquesa de los Angeles. Tomo I. – Buenos Aires: Editorial Sopeña Argentina S.A., 1962. – 495 p.*
HN	*Hugo V. Notre-Dame de Paris. – Paris: Booking International, 1995. – 511p.*
HN-e	*Hugo V. Nuestra señora de París. – La Habana: Instituto cubano del libro, 1971. – Tomo I. – 376p. Tomo II. – 292p*
LF37	*Label France. – Paris. – 1999. – № 37. – 48 p.*
MT	*Mauriac F. Thérèse Desqueyroux. Le Nœud de vipères. Le sagouin. Un adolescent d'autrefois. – Moscou: Éditions du Progrès, 1975. – 448 p.*
MT-e	*Mauriac F. Thérèse Desqueyroux. – Madrid: Catedra. Letras Universales, 1989. – 181 p.*
RV	*Rolland R. Vie de Beethoven. – Paris: Hachette, 1964. – 175 p.*
RV-e	*Rolland R. Vida de Beethoven. – La Habana: Instituto cubano del libro, 1970.- 106p.*

SC *Sagan F. Un certain sourire. – Paris: Julliard, 1956. – 189 p.*
SC-e *Sagan F. Una cierta sonrisa. – Mexico, Publicaciones Helios, 1956. – 137 p.*
St *Stendhal. La chartreuse de Parme. – Paris: Booking International, 1993. –503 p.*
St-e *Stendhal. La cartuja de Parma. – La Habana: Instituto cubano del libro, 1971. – 56l p.*
StR *Stendhal. Le rouge et le noir. – Paris: Booking International, 1993. – 511 p.*
StR-e *Stendhal. El rojo y el negro. Crónica del siglo XIX. – Tomo I. – La Habana: Biblioteca del Pueblo, 1962. – 285 p.*
VC *Verne J. Un capitaine de quinze ans. – Paris: J. Hetzel, 1905. – 304 p.*
VC-e *Verne J. Un capitán de quince años. La Habana : Editorial Gente Nueva, 1970. – 110 p.*
Vol *Voltaire F. M. A. de. Candide. Micromégas. Jeannot et Colin.- Paris: Bibliothèque précieuse, 1959. – 189 p.*
Vol-e *Voltaire F.M.A. Cándido o el optimismo. – La Habana : Imprenta Nacional de Cuba, S.A., 124 p.*
ZT *Zola E. Thérèse Raquin. – Paris: Fasquelle, 1963. – 246 p.*
ZT-e *Zola E. Thérèse Raquin. – La Habana: Instituto cubano del libro, 1972. – 248 p.*
ZV *Zola E. Le ventre de Paris. – Paris: Garnier Flammarion., 1971.- 379 p.*
ZV-e *Zola E. El vientre de París. – Madrid: El cosmos editorial, 1886. – 320 p.*

УДК 811.133.1/811.134.2

А. И. Макарова **https://orcid.org/0000-0002-7560-4349**

Концепции «реальности» и «утверждения» в анализе модального чередования в относительных придаточных предложениях испанского языка

Для цитирования: Макарова А. И. Концепции «реальности» и «утверждения» в анализе модального чередования в относительных придаточных предложениях испанского языка // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 129–134. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-129-134

В статье проводится анализ теоретических трудов, поднимающих проблему анализа употребления сослагательного наклонения в придаточных относительных в испанском языке на основе концепции «реальности». Данная тема является актуальной и широко обсуждаемой в исследованиях испанистов. Ранее автор затрагивал проблемы исследования иной концепции – концепции «утверждения». Данная концепция, основанная на скрытой семантике всего предложения применима к анализу придаточных дополнительных предложений. Цель работы – определить особенности употребления сослагательного наклонения в придаточных относительных предложениях в испанском языке, основываясь на семантических особенностях концепций «утверждения» и «реальности». В данной статье предпринимаются попытки реализации концепции «утверждения» при анализе придаточных относительных предложений. Автор приходит к выводу, что данная концепция не всегда применима к анализу данного типа придаточных предложений. Однако полностью исключать ее из анализа нельзя. Концепция «реальности», которая является в своем роде следствием концепции «утверждения», помогает объяснить модальное чередование в придаточных относительных предложениях. Сослагательное наклонение указывает на абстрактность антецедента или сомнения говорящего относительно существования антецедента в реальности. Изъявительное наклонение напротив указывает на реальность объекта или веру говорящего в его существования. Материалы данного исследования поднимают вопросы, связанные с применением концепций в рамках других типов придаточных предложений и в других близкородственных языках (французском).

Ключевые слова: концепция «реальности», концепция «утверждения», испанский язык, придаточные дополнительные, придаточные относительные, сослагательное наклонение, модальное чередование.

A. I. Makarova

The concepts of «reality» and «statement» in the analysis of modal alternation in spanish relative subordinate clauses

The article analyzes theoretical works that raise the problem of analyzing the use of the subjunctive mood in subordinate relatives in spanish based on the concept of «reality». This topic is relevant and widely discussed among spanish researchers. Earlier, the author has already attempted to study a different concept – the concept of «statement». This concept, based on the hidden semantics of the whole sentence, is applicable to the analysis of subordinate object sentences. The aim of the study is to determine the features of the subjunctive mood use in subordinate relative sentences in the spanish language, based on the semantic features of the concepts of «statement» and «reality». This article attempts to implement the concept of «statement» in the analysis of subordinate relative clauses. The author concludes that this concept is not always applicable to the analysis of this type of subordinate clauses. However, we cannot completely exclude it from the analysis. The concept of «reality», which is in its own way a consequence of the concept of «statement», helps to explain the modal alternation in subordinate relative clauses. The subjunctive mood indicates the abstractness of the antecedent or the speaker's doubts about the existence of the antecedent in reality. The indicative mood, on the contrary, indicates the reality of the object or the speaker's belief in its existence. The materials of this study raise questions related to the application of concepts within other types of subordinate clauses and in other closely related languages (french).

Key words: the concept of «reality», the concept of «statement», spanish, object subordinate clauses, relative subordinate clauses, subjunctive mood, modal alternation.

Введение

Модальное чередование в относительных предложениях в испанском языке связано с различными факторами и элементами, поэтому их

© Макарова А. И., 2021

свойства не могут быть столь четко установлены. В данной статье внимание уделяется определению характеристик и механизмов выбора наклонения в таких конструкциях. Многие исследователи пытались проанализировать модальное чередование в испанском языке. Так появилась теория «трансформации», согласно которой модальное чередование является следствием «трансформации» ряда грамматических явлений (например, отрицания). При этом семантика предложения по мнению приверженцев этой теории не меняется [Bolinger, 1968; Togeby, 1975; Manteca Alonso-Cortés, 1981]. Другие исследователей склонны полагать, что влияние на выбор наклонения оказывают отрицание, артикль и другие грамматические факторы [Hernández Alonso, 1970; Ramírez, 1986; Васильева-Шведе, Степанов, 1998]. Однако большинство исследователей склонны полагать, что на выбор наклонения влияет семантика главного предложения [Alarcos Llorach, 1951; Alcina Franch, Blecua Perdices, 1998; Hummel, 2004].

На основе этих исследований была разработана концепция «реальности», согласно которой использование наклонения зависит как от определенности и неопределенности антецедента в главном предложении, так и от мнения говорящего об объекте – антецеденте [Alarcos Llorach, 2002; Ahern, 2008; Макарова, 2019; Макарова, 2020]. Рассмотрим следующие примеры:

1. Busco un libro en el que se analiza el modo en las oraciones de relativo.

2. Busco un libro en el que se analice el modo en las oraciones de relativo [Pérez Saldanya, 1999, p. 3256].

В первом примере изъявительное наклонение употреблено для описания конкретного объекта (книги), который существует в реальности, тогда как во втором – сослагательное наклонение обозначает нереальный, возможно несуществующий антецедент. Определенность антецедента как инструмент анализа действует только в придаточных относительных предложениях.

В течение последних нескольких лет понятие утверждения (или подтверждения) Террелла и Хупера было принято в качестве основы для анализа сложноподчиненных предложений с придаточным дополнительным. Согласно этой концепции, изъявительное наклонение обозначает утверждение истины, в то время как сослагательное наклонение, с другой стороны, указывает на противоречие или предположение о том, что содержание придаточного предложения является реальным, что происходит, когда подчиненное предложение не имеет высокой степени информативности и утверждения [Terrell T., Hooper J., 1974]. Далее мы представим сравнение свойств относительных предложений и свойств дополнительных придаточных предложений. Перес Салдания, автор главы 50 Описательной Грамматики Испанского Языка [Pérez Saldanya M., 1999] с целью анализа употребления наклонения в придаточных относительных использует не только понятие утверждения, а также определенности, реальности и соотнесенности, не затрагивая при этом подробно взаимосвязь между ними. Это исследование предлагает новый анализ наклонения в относительных предложениях на основе концепции «реальности», а с другой стороны, утверждения.

Результаты исследования

Порто Дапена отметил, что выбор наклонения в относительных предложениях зависит, среди прочего, от степени «реальности»: изъявительное наклонение обозначает что-то конкретное, определенное, а сослагательное наклонение – что-то абстрактное, неопределенное: «Безусловно, истинное чередование наклонения в зависимости от степени «реальности» происходит в придаточных дополнительных, но эта характеристика также соответствует относительным придаточным предложениям. В общих чертах можно сказать, что употребление изъявительного и сослагательного наклонения зависит, соответственно, от степени «реальности» (конкретности или абстрактности) антецедента, а также – даже если это является следствием первого – от веры говорящего в истину того, что выражается в придаточном предложении» [Цит. Porto Dapena J., 1991, p. 159].

1. El edificio que tenemos enfrente es el Ministerio de Educación.

2. El que no está conmigo está contra mí.

3. A quien madruga Dios le ayuda.

4. Quiere una habitación que tenga cuarto de baño.

5. No conozco a nadie que haya leído ese libro [Miyake H., 2010].

Разберем представленные примеры на основе понятия «реальности». В первом примере изъявительное наклонение в придаточном относительном предложении обозначает существование объекта-антецедента. Антецедент имеет определенный и экзистенциальный характер. Во втором и третьем примерах определенный и общеизвестный характер обыденных фактов и высказываний влечет за собой использование изъявительного наклонения. С другой стороны, в четвертом и пя-

том примерах несоотнесенность и абстрактность антецедента требуют использования сослагательного наклонения.

Таким образом, понятие «реальность», возможно, объединяет понятие «экзистенциальность» и «соотнесенность».

Определенность представляет собой характерную черту грамматических категорий, указывающую на индивидуальность, в то время как неопределенность обозначает класс. Определенный артикль используется в контекстах, когда говорящий считает, что слушатель уже знает или может предвидеть референта, обозначенного номинальной синтагмой, в то время как неопределенный артикль используется, когда говорящий выражает информацию, которая является новой для слушателя [Seco, 1969; Sastre Ruano, 2004; Ahern, Amenos-Pons, Guijarro-Fuentes, 2014].

Рассмотрим несколько примеров [Gonzalo, 1990, p. 286]:

1. una habitación que tiene cuarto de baño
2. una habitación que tenga cuarto de baño
3. la habitación que tiene cuarto de baño
4. la habitación que tenga cuarto de baño

В первом примере говорящий уверен в существовании «жилья с ванной комнатой» и передает неизвестную информацию слушателю, в то время как во втором – сослагательное наклонение также передает новую информацию, но на этот раз обозначает неуверенность говорящего в существовании такого жилья.

В третьем примере, с глаголом в форме изъявительного наклонения, как говорящий, так и слушатель знают о существовании антецедента (жилья), в то время как в четвертом примере, с глаголом в форме сослагательного наклонения, хотя говорящий знает о существовании антецедента, он сомневается, что эта информация известна слушателю.

В последние годы понятие утверждения приобретает приемлемость в отношении анализа различных типов придаточных предложений, выражающих эмоции. В то время как изъявительное наклонение в подчиненных предложениях соответствует утверждению, сослагательное наклонение выражает предположение относительно информации в придаточном предложении. Однако сослагательное наклонение указывает на то, что информация в придаточном предложении является реальной, но не важной.

1. Me alegro de que hayas llegado a tiempo…
2. Aunque sea español, no me gusta la tortilla [Gonzalo, 1990, p. 286].

В содержании первого придаточного предложения сослагательное наклонение указывает на реальность, известную как говорящему, так и слушающему, а с другой стороны, говорящий утверждает главное предложение («Me allegro» – «я рад») и предполагает, что информация придаточного предложения соответствует реальности (слушатель действительно прибыл вовремя). Во втором примере, точно так же, говорящий выражает, что, несмотря на то, что он испанец, а испанцы любят омлет, этот ему не нравится.

Применение понятий информационной значимости и утверждения к относительным предложениям представляется невозможным, поэтому такой анализ был ограничен лишь придаточными дополнительными.

Quiero una habitación que tenga cuarto de baño [Gonzalo, 1990, p. 286].

В примере выше относительное придаточное предложение в сослагательном наклонении не выражает известной информации, и все же это не означает, что это предложение содержит меньшую информационную ценность. Скорее наоборот придаточное предложение содержит информацию важную для говорящего и слушателя. По этой причине понятие «информационной значимости» к относительным предложениям не может быть применено. Более того, этот пример говорит о том, что акцент основного предложения, достигнутый за счет использования глагольной формы, подразумевает, что понятие утверждения, связанное с информационной ценностью, не подходит для анализа относительных придаточных предложений. Однако полностью исключить данную концепцию нельзя, так как важность и значимость информации в придаточном предложении играет роль при выборе наклонения.

Мияке [Miyake H., 2010] провел анализ относительных придаточных предложений на основе данных, взятых из Corpus de Referencia del Español Actual [Real Academia Española], и на основе опроса носителей испанского языка. Исследователь предположил, что модальное чередование в относительных придаточных предложениях связано с понятием реальности, а также с понятиями экзистенциальности и соотнесенности. Мияке делает вывод, что понятие «реальности» применимо к большинству анализируемых предложений. Кроме того, основываясь на результатах этого опроса, Мияке отмечает, что концепция утверждения также применима в некоторых случаях. Давайте рассмотрим несколько примеров из этого опроса:

La policía de Arizona buscaba ayer a dos de los cinco cazarrecompensas que el domingo asaltaron una vivienda de Phoenix [Real Academia Española, 2009].

La policía de Arizona buscaba ayer a dos de los cinco cazarrecompensas que el domingo asaltaran una vivienda de Phoenix [Real Academia Española, 2009].

Три из пяти опрошенных респондентов сочли оба способа приемлемыми в и хотя обе альтернативы выражают действие в прошлом, сослагательное наклонение подразумевает, что говорящий не хочет идти на компромисс и утверждать существование события, обозначенного предложением. Это использование сослагательного наклонения не связано с понятием реальности, а скорее отражает негативное отношение говорящего и подчеркивает реальность того факта, что полиция вчера «разыскивала» двух из пяти охотников за головами (это использование очень часто встречается в журналистском языке). Таким образом, согласно Мияке, понятие утверждения также подходит для учета модального чередования в некоторых относительных придаточных предложениях.

1. A quien madruga Dios le ayuda [Miyake, 2010].

2. Los Juegos Paralímpicos de Invierno se han disputado en Nagano apenas dos semanas después de que finalizaran los Olímpicos [Esqueva, Cantarero, 1981, p. 297]

3. Lloraba como un niño que ha perdido a sus padres [Pérez Saldanya, 1999, p. 3257]

Мияке приходит к выводу, что существуют две фундаментальные концепции, которые регулируют модальное чередование в относительных придаточных предложениях: реальность, как основное понятие, и утверждение, как вторичное. Изъявительное наклонение указывает и подчеркивает, что говорящий уверен в информации, и она реальна, в то время как сослагательное наклонение обозначает неуверенность говорящего или попытку скрыть правдивость высказывания.

В данной работе принимается точка зрения Переса Салданьи. Согласно мнению исследователя, говорящий выбирает наклонение в относительном придаточном предложении, начиная с утверждения, то есть в зависимости от того, уверен ли он в правдивости информации относительного придаточного предложения. Другими словами, утверждение связано с реальностью, а модальность не зависит от информационной ценности. Употребление изъявительного наклонения свидетельствует о том, что антецедент существует и является конкретным и реальным, в то время как употребление сослагательного наклонения лишь предполагает экзистенциальность антецедента. Говорящий не утверждает, что такой антецедент существует, поскольку он не уверен в его реальности [Pérez Saldanya, 1999].

На основе данных Эскевы и Кантареро попытаемся подтвердить наш анализ модального чередования в относительных придаточных предложениях.

1. Pero no; la avioneta hace un movimiento de derecha a izquierda bastante pronunciado, ¿no?, y entonces usted tira de una palanca que tiene su... a su izquierda, cae el cable que lo sujeta a usted a la avioneta, y entonces se pone usted a planear por su cuenta [Esqueva, Cantarero, 1981, p. 7].

2. Además, es la única manera de evitar un poco la rutina que te lleva a ser el...un...imperfecto burócrata, porque todavía, si fueras perfecto, pues mira...era un grado de perfección ¿no? [Esqueva, Cantarero, 1981, p. 83].

В первом примере говорящий уверен в существовании антецедента (una palanca) и в том, что слушатель знает, что он находится слева от него. Таким образом, утверждение, выраженное изъявительным наклонением, связано с реальностью антецедента. Во втором примере говорящий уверяет слушателя в некоторой информации и, следовательно, использует изъявительное наклонение.

1. lo que yo estaba pensando, que tú no eres un hombre que... en fin, que puedas llegar a los problemas, sencillamente [Esqueva, Cantarero, 1981, p. 36].

2. Cada uno puede elegir el color que más le convenga o más le guste, simplemente [Esqueva, Cantarero, 1981, p. 70].

В первом примере говорящий отрицает высказывание (главное предложение отрицательное) и не имеет уверенности в содержании придаточного предложения. Во втором примере сослагательное наклонение используется, поскольку говорящий не определяет конкретный цвет в антецеденте, а предполагает, что такой «найдется для каждого» и использует сослагательное наклонение для выражения информации в целом.

Заключение

Понятие «утверждение» тесно связано с модальным чередованием в относительных придаточных предложениях. Однако идея о том, что говорящий строит свое высказывание на основе

«реальности» существования антецедента, также может применяться к модальному чередованию в относительных придаточных предложениях. То есть по отношению к относительным придаточным предложениям употребление изъявительного наклонения говорящего веру говорящего в информацию придаточного предложения и показывает, что антецедент существует и что он реален. С другой стороны, сослагательное наклонение указывает на то, что говорящий предполагает существование антецедента, сомневается в излагаемой информации.

Библиографический список

1. Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского язы ка: Синтаксис предложения : учебник / под ред. К. В. Ламиной. 2-е изд., испр. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского университета, 1998. 320 с.

2. Макарова А. И. Употребление сослагательного наклонения в придаточных относительных в испанском и французском языках // Романские языки: взаимодействие литературы и культуры народов : Материалы Международной научной онлайн-конференции, Москва, 23–24 июня 2020 года / отв. редактор И. В. Скуратов. Москва : Московский государственный областной университет, 2020. С. 144–153.

3. Макарова А. И. Функционирование сослагательного наклонения в придаточных дополнительных во французском и испанском языках // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 2(17). С. 122–128.

4. Ahern A. El subjuntivo: contextos y efectos. Madrid : Arco Libros, S.L., 2008. 95 p.

5. Ahern A., Amenos-Pons J., Guijarro-Fuentes P. Interfaces in the Interpretation of Mood Alternation in L2 Spanish Morpho-Phonology, Semantics and Pragmatics. EUROSLA Yearbook. 2014. № 14. P. 173–200.

6. Alarcos Llorach E. Gramática estructural (según la escuela de Copenhague y con especial atención a la lengua española) / Emilio Alarcos Llorach. Madrid : Gredos, 1951. 129 p.

7. Alarcos Llorach E. Gramática de la lengua Española. Madrid : Espasa Calpe, 2002. 406 p.

8. Alcina Franch J., Blecua Perdices J. M. Gramática española. Barcelona: Ariel, 1998. 1274 p.

9. Bolinger D. Postposed Main Phrases // Canadian Journal of Romance Linguistics. 1968. № 10. P. 125–197.

10. Hernández Alonso C. Sintaxis española. Madrid : Valladolid, 1970. 400 p.

11. Esqueva M., Cantarero M. El habla de la ciudad de Madrid: Materiales para su studio. Consejo Supeior de Investigaciones Científicas. Madrid : Instituto «Miguel de Cervantes», 1981. 449 p.

12. Gili Gaya S. Curso superior de siiuaxis espanola. Barselona : Bibliograf, 1980. 347 p.

13. Gonzalo C. R. La alternancia modal en las relativas y los tipos de mención del SN complejo // BOSQUE, I. (ed.), Indicativo y subjuntivo. Madrid : Taurus,1990. P. 280–300.

14. Hummel M. El valor básico del subjuntivo español y románico. Cáceres: Universidad de Extremadura, 2004. 347 p.

15. Manteca Alonso-Cortés A. Gramática del subjuntivo. Madrid : Ediciones Cátedra, S.A., 1981. 158 p.

16. Miyake H. Sobre “especifidad” y “aserción” de la alternancia modal en las oraciones relatives. 2010. № 20. P. 2–19.

17. Pérez Saldanya M. El modo en las subordinadas relativas y adverbiales Vol. 2. Capítulo 50 // I. Bosque y V. Demonte, dirs. Gramática descriptiva de la lengua Española. Madrid : Espasa Calpe, 1999. P. 3254–3322.

18. Porto Dapena J. Ál. Del indicativo al subjuntivo: valores y usos de los modos. Madrid : Arco/Libros, 1991. 339 p.

19. Ramírez S. F. Gramática Española. 4. El verbo y la oración. Madrid : ARCO/LIBROS, S.A., 1986. 543 p.

20. Real Academia Española. Corpus de Referencia del Español Actual (CREA).

21. Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua Española. 2 tomes. T. 1 Morfología / Real Academia Española. Madrid : Espasa Libros, S.L.U., 2009. 3885 p.

22. Sastre Ruano M. Á. El subjuntivo en español. Salamanca : Colegio de España, 2004. 407 p.

23. Seco R. Manual de Gramática Española. La Habana : Instituto del libro, 1969. 402 p.

24. Terrell T., Hooper J. A semantically based analysis of mood in Spanish // Hispania. 1974. № 57. P. 484–494.

25. Togeby K. Mode, aspect et temps en espagnol. København : Kommissionær: Munksgaard, 1975. 141p.

Reference list

1. Vasil'eva-Shvede O. K., Stepanov G. V. Teoreticheskaja grammatika ispanskogo jazy ka: Sintaksis predlozhenija = Theoretical grammar of the spanish language: sentence syntax : uchebnik / pod red. K. V. Laminoj. 2-e izd., ispr. Sankt-Peterburg : Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 1998. 320 s.

2. Makarova A. I. Upotreblenie soslagatel'nogo naklonenija v pridatochnyh otnositel'nyh v ispanskom i francuzskom jazykah = The use of the subjunctive mood in relative clauses in spanish and french // Romanskie jazyki: vzaimodejstvie literatury i kul'tury narodov : Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj onlajn-konferencii, Moskva, 23–24 ijunja 2020 goda / otv. redaktor I. V. Skuratov. Moskva : Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet, 2020. S. 144–153.

3. Makarova A. I. Funkcionirovanie soslagatel'nogo naklonenija v pridatochnyh dopolnitel'nyh vo francuzskom i ispanskom jazykah = Functioning of the subjunctive mood in object clauses in french and spanish // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2019. № 2(17). S. 122–128.

4. Ahern A. El subjuntivo: contextos y efectos. Madrid : Arco Libros, S.L., 2008. 95 p.

5. Ahern A., Amenos-Pons J., Guijarro-Fuentes P. In-

terfaces in the Interpretation of Mood Alternation in L2 Spanish Morpho-Phonology, Semantics and Pragmatics. EUROSLA Yearbook. 2014. № 14. P. 173–200.

6. Alarcos Llorach E. Gramática estructural (según la escuela de Copenhague y con especial atención a la lengua española) / Emilio Alarcos Llorach. Madrid : Gredos, 1951. 129 p.

7. Alarcos Llorach E. Gramática de la lengua Española. Madrid : Espasa Calpe, 2002. 406 p.

8. Alcina Franch J., Blecua Perdices J. M. Gramática española. Barcelona: Ariel, 1998. 1274 p.

9. Bolinger D. Postposed Main Phrases // Canadian Journal of Romance Linguistics. 1968. № 10. P. 125–197.

10. Hernández Alonso C. Sintaxis española. Madrid : Valladolid, 1970. 400 p.

11. Esqueva M., Cantarero M. El habla de la ciudad de Madrid: Materiales para su studio. Consejo Supeior de Investigaciones Científicas. Madrid : Instituto «Miguel de Cervantes», 1981. 449 p.

12. Gili Gaya S. Curso superior de siiuaxis espanola. Barselona : Bibliograf, 1980. 347 p.

13. Gonzalo C. R. La alternancia modal en las relativas y los tipos de mención del SN complejo // BOSQUE, I. (ed.), Indicativo y subjuntivo. Madrid : Taurus,1990. P. 280–300.

14. Hummel M. El valor básico del subjuntivo español y románico. Cáceres: Universidad de Extremadura, 2004. 347 p.

15. Manteca Alonso-Cortés A. Gramática del subjuntivo. Madrid : Ediciones Cátedra, S.A., 1981. 158 p.

16. Miyake H. Sobre “especifidad” y “aserción” de la alternancia modal en las oraciones relatives. 2010. № 20. P. 2–19.

17. Pérez Saldanya M. El modo en las subordinadas relativas y adverbiales Vol. 2. Capítulo 50 // I. Bosque y V. Demonte, dirs. Gramática descriptiva de la lengua Española. Madrid : Espasa Calpe, 1999. P. 3254–3322.

18. Porto Dapena J. Ál. Del indicativo al subjuntivo: valores y usos de los modos. Madrid : Arco/Libros, 1991. 339 p.

19. Ramírez S. F. Gramática Española. 4. El verbo y la oración. Madrid : ARCO/LIBROS, S.A., 1986. 543 p.

20. Real Academia Española. Corpus de Referencia del Español Actual (CREA).

21. Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua Española. 2 tomes. T. 1 Morfología / Real Academia Española. Madrid: Espasa Libros, S.L.U., 2009. 3885 p.

22. Sastre Ruano M. Á. El subjuntivo en español. Salamanca : Colegio de España, 2004. 407 p.

23. Seco R. Manual de Gramática Española. La Habana : Instituto del libro, 1969. 402 p.

24. Terrell T., Hooper J. A semantically based analysis of mood in Spanish // Hispania. 1974. № 57. P. 484–494.

25. Togeby K. Mode, aspect et temps en espagnol. København : Kommissionær: Munksgaard, 1975. 141p.

УДК 82091

С. Б. Барушкова **https://orcid.org/0000-0002-2488-4977**

Лингвокультурная характеристика лексико-семантического поля «Réalité russe» в романе Ф. Бегбедера «Идеаль»

Для цитирования: Барушкова С. Б. Лингвокультурная характеристика лексико-семантического поля «Réalité russe» в романе Ф. Бегбедера «Идеаль» // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 135–141. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-135-141

Целью настоящей статьи является анализ и определение содержания лексико-семантического поля «Российская действительность» (далее ЛСП) в современной художественной литературе на примере романа Ф. Бегбедера «Au secours, pardon» («Идеаль»).

Являясь современным популярным французским автором, Ф. Бегбедер, бесспорно, рассматривается как яркий представитель массовой литературы, творчество которого удостоено литературной премии «Renaudot».Образы, создаваемые писателем на страницах романов, близки и понятны читателю. Стиль и лингвистические единицы, используемые в произведениях, заслуживают особого внимания, поскольку романы Ф. Бегбедера, характеризуются интертекстуальностью, приемом цитирования культовых классических произведений, принципом амбивалентности, автобиографичностью. Представленный текст не является исключением. В исследуемом произведении указанные выше приемы и принципы раскрываются путем слияния автора с рассказчиком, смещения стилей, жанров в произведении, использованием иронии, наличием тематических образов и представлений.

Анализ целых тематических блоков в художественном произведении остается актуальной лингвистической проблемой, поскольку лексико-семантическое исследование позволяет рассмотреть тематические группировки слов одновременно с точки зрения психолингвистики, национально-культурной составляющей. В изучаемом произведении значительное место уделено формированию образов, представлений, стереотипов, мифологем о российской действительности, что послужило богатым материалов для построения лексико-семантического поля с идентичным названием. Помимо этого, в романе образ российской действительности отражен не напрямую, а посредством восприятия женских образов, через трактовку и экспликацию понятия «женской красоты». Данный факт вызывает еще больший интерес для описания выбранного ЛСП. Основными результатами исследования является, прежде всего, формирование лексико-семантического поля «российская действительность» (réalité russe) на основе лингвистических единиц, отобранных методом сплошной выборки из текста исследуемого произведения на французском языке и лингвокультурный анализ фактического материала с указанием процентного соотношения заполняемости ядра и периферии анализируемого лексико-семантического поля.

Ключевые слова: поле, лексико-семантическое поле, ядро, периферия, стереотип, женский образ, русская действительность.

S. B. Barushkova

Linguistic and cultural characteristics of the lexical-semantic field «Réalité russe» in the novel «Ideal» by F. Beigbeder

The article discusses and defines the content of the lexical and semantic field «Russian reality» in modern literature on the example of the novel by F. Beigbeder «Au secours, pardon» («Ideal»). The author of the selected work F. Beigbeder is a popular modern French writer, the winner of the famous literary award «Renaudot». F. Beigbeder is known in the literary world as a prominent representative of mass literature. The images created by the writer on the pages of novels are understandable and close to the reader. The style and linguistic units used in the works deserve special attention, since F. Beigbeder's novels are characterized by intertextuality, the method of quoting cult classical works, the principle of ambivalence, and autobiography. The text under consideration is no exception. In it, the above-mentioned techniques and principles are applied by merging the author with the narrator, shifting styles and genres in the work, using irony, and the presence of thematic images and representations.

The analysis of entire thematic blocks in a work of fiction remains an urgent linguistic problem, since lexical and semantic research allows us to consider thematic groupings of words from the point of view of psycholinguistics, the national cultural component. In the work under study, a significant place is given to the formation of images, ideas,

© Барушкова С. Б., 2021

stereotypes, and mythologies about Russian reality, which served as a rich material for building a lexical and semantic field with the same name. In addition, the image of Russian reality is reflected in the novel not directly, but through the perception of female characters, through the interpretation and explication of the concept «female beauty». This fact is even more interesting for the description of the selected field. The main results of the research are, first of all, the formation of the lexical-semantic field «Russian reality» (réalité russe) on the basis of linguistic units selected by the continuous sampling method from the text of the work in French and the linguistic-cultural analysis of the factual material with the indication of the percentage of filling the core and periphery of the analyzed lexical-semantic field.

Key words: field, lexical-semantic field, core, periphery, stereotype, female character, russian reality.

Введение

На современном этапе развития лингвистической науки наблюдается устойчивый интерес исследователей к вопросам описания и анализа лексики как системы взаимосвязанных элементов. Системный характер лексического пласта обусловлен, в первую очередь, наличием в ее составе семантически коррелированных полей, блоков, групп.

Теория «семантического поля» в лингвистике имеет давнюю историю, и ее развитие в науке связано с такими именами, как Й. Трир, В. Порциг, Ш. Балли, Ю. Д. Апресян, Ю. Н. Караулов, Л. А. Новиков и других исследователей. Построение лексико-семантических полей позволяет провести описательный и сравнительный анализ входящих в него единиц. Лингвистические единицы, помещенные в контекст, в нашем случае, речь идет о художественном тексте, проявляют свою специфику на основе единства языковых и экстралингвистических факторов.

Под «семантическим полем» обычно понимается набор лингвистических единиц (слов или выражений), который охватывает то или иное понятие. Кроме того, «семантическое поле» представляет собой закрытую систему, включающую в себя как лексические единицы, так и концепты.

Нельзя не согласиться с мыслью Ю. Н. Караулова о том, что понятие лексико-семантического поля очень объемно. В рамках семантических полей рассматриваются и решаются проблемы лексикологии, синонимии и антонимии, полисемии, проблемы соотнесения понятия и слова [Караулов, 1972, с. 65].

Являясь крупным структурно-системным образованием, лексико-семантическое поле обладает признаком иерархичности, то есть в состав ЛСП входят лексические единицы, объединенные родо-видовыми отношениями и отражающие в языке конкретную семантическую область.

Структурность ЛСП проявляется в наличии ядра (гиперсема) и периферии (производные и специализированные значения лексических единиц).

Периферийная зона ЛСП не менее важна для понимания и раскрытия всей структуры рассматриваемого того или иного лексико-семантического поля. Несмотря на то, что составляющие ее элементы входят в разряд семантического потенциала, так как они удалены от ядра в своём значении, они являются своего рода «нитями», которые обеспечивают связь с другими ЛСП, тем самым создают непрерывный характер языковой системы в целом.

Методы исследования

Общелогические методы познания, такие как описание и теоретический анализ основных понятий, затронутых в работе; междисциплинарный синтез, позволивший описать изучаемые явления на стыке лингвистики, литературоведения и психологии; метод сплошной выборки лексических единиц из текстов, представленных на языке-оригинала и его перевод на русский язык; а так же научный приём классификации способствовали в наиболее полной мере представить образ России глазами современного французского писателя и особенности использования проанализированных лексических единиц в рамках ЛСП «Российская действительность» (réalité russe).

Стоит отметить, что теоретический обзор материала по данному вопросу, подтверждает тот факт, что образ России представлен во многих литературных произведениях. Соглашаясь с мнением А. Р. Ощепкова, формирование представления о России зависит не только от политических, религиозных, эстетических взглядов, но и общественно-исторической ситуации, а также общекультурных тенденций эпохи [Ощепков, 2011, с. 14].

Опираясь на указанную выше характеристику, подчеркнем, что сюжет романа Ф. Бегбедера раскрывает французскому читателю новую для него российскую культуру. Отобранный для анализа фактический материал, нацеленный на противопоставление двух культур, характеризую-

щий представления иноязычной культуры, позволяет раскрыть оппозицию «свой-чужой», заложенную в национальной концептосфере, и как следствие, позволяет очертить границы своего мира и определить границы другого [Зинченко, 2003, с. 59].

В данной статье сделана попытка представить ЛСП «Российская действительность» сразу с двух позиций, во-первых, через призму представителя современной французской литературы, во-вторых, опосредованно – через восприятие женского образа в рамках созданной действительности.

В настоящей работе понятие «образ» сливается с понятием «стереотип». Набор стереотипов о российской действительности являются практической базой для формирования и анализа рассматриваемого нами поля. Основываясь на теоретическом заключении о сущности стереотипа – (от греч. *stereos* – твердый, *typos* – отпечаток, монолитная печатная форма) термина, пришедшего изначально из типографского дела, согласимся с мнением о том, что это своего рода метафора мышления [Гуревич, 1992, с. 118]. Междисциплинарные исследования указанного понятия позволяют утверждать, что стереотип является многогранным феноменом, под которым в самом широком смысле понимается «некое устоявшееся отношение к происходящим событиям, действиям и поступкам» [Лебедева, 1994, с. 157]. Стереотип понимается через призму таких понятий как образ, представление, мнение, суждение, знание, установка. Все указанные выше концепты имеют отношение к феномену стереотипа, взаимосвязаны между собой, отражая тот или иной его аспект [Охапкина, 2011, с. 64].

Крысько В. Г. дает следующее определение стереотипа, в котором и прослеживается указанная взаимосвязь: «Под традиционно закрепившимся в общественных науках понятием «стереотип» обычно понимается схематизированный образ своей или чужой этнической общности, который отражает упрощенное (иногда одностороннее или неточное, искаженное) знание о психологических особенностях и поведении представителей конкретного народа и на основе которого складывается устойчивое и эмоционально окрашенное мнение одной нации о другой или о самой себе» [Крысько, 2008, с. 281].

Помимо многокомпонентности рассматриваемого нами явления, автор указывает и на его национальный характер, то есть говорит о национальном стереотипе. В этнопсихологии под национальным стереотипом понимается устойчивый, достаточно схематизированный, обладающий эмоционально-оценочными характеристиками, имеющий высокую частность употребления в той или иной этнокультурной среде образ либо своего, либо другого народа [Сергеева, 2006, с. 223].

Результаты исследования

Выделенный для исследования корпус лексических единиц (229) позволил очертить круг используемых в романе автором стереотипов.

Роль стереотипов, совокупность образов и представлений о том или ином явлении действительности определяется нами как важный инструмент не только восприятия текста читателем, с одной стороны, но и авторского воздействия, базирующегося на «картинках, возникающих в голове», с другой стороны.

Используемый в качестве основы для анализа французский современный роман «Au secours, pardon», в русском варианте фигурирует под названием «Идеаль». Написанное в стиле постмодернизма, указанное произведение является логическим продолжением романа «99 francs» («99 франков»). По задумке автора главный герой Октав Паранго предпринимает поездку в Россию в качестве главного редактора модного глянцевого журнала. Герой не рассматривает в качестве цели своего путешествия – наблюдение и изучение российской действительности, однако лингвистические единицы, используемые автором для её описания, занимают значительное место в рамках повествования, создавая фоновый образ, вместе с тем представляющие несомненный интерес для лексико-семантического анализа и лингвокультурного анализа в рамках ЛСП.

Так, отобранные методом сплошной выборки лексические единицы, ставшие основой для формирования исследуемого лексико-семантического поля «Российская действительность», были классифицированы между ядром ЛСП и периферией данного поля. Такое распределение изучаемых единиц было осуществлено, исходя из иерархической структуры, присущей всем подобным образованиям.

Итак, ядро ЛСП «Российская действительность» (Réalité russe) образует ядерная лексема «Россия» (la Russie) (127 – 85 % лексических единиц от общего числа), объединяющая в себе географическую характеристику (необъятность l'immensité), социальную составляющую (богатые и бедные riches et pauvres), эстетическое вос-

приятие (красота la beauté du pays). Москва, являясь столичным регионом, во-первых, привлекает внимание рассказчика в силу его профессии как центр моды и гламура. Помимо этого, отмечается противопоставление между быстрым столичным ритмом, постоянной гонкой за модными тендециями (*la beauté est un sport national*) и невероятной застывшей красотой природы (*de larges fleuves immobiles, des forêts de bouleaux),* необъятностью страны (*la Russie est grande).* Данная оппозиция находит своё дальнейшее развитие, представляя социальное неравенство, деление общества на богатых и бедных (*de grands pauvres, de grands bourgeois, ses habitants sont pauvres) :*

J'habite Moscou depuis un an: la Ville des Espoirs Déçus. Ici, la beauté est un sport national. La Russie est grande et ses habitants sont pauvres: leur seule distraction consiste à réciter des poèmes en marchant dans des forêts de bouleaux, ou à faire la sieste au bord de larges fleuves immobiles. Leurs églises ressemblent à des glaces à l'or. Ce sont de grands pauvres comme il y a de grands bourgeois [Begbeder, 2007, p. 7].

Совокупность лексических единиц, используемых в тексте для характеристики географических особенностей, осуществляется по уже сложившейся культурной схеме. [Ощепков, 2011, с. 27]. Так, отмечаем группу единиц, служащих для описания столицы России (la capitale mobile), крупного мобильного центра; далее, выделим пласт лексики, подчеркивающий культурную составляющую российской действительности, направленный на описание культурной столицы (la capitale culturelle) России и достопримечательностей Санкт-Петербурга *(la cathédrale orthodoxe, le troisième palais d'hiver de Saint-Pétersbourg, la «8e merveille du monde»)*; наконец, суровые климатические особенности *(climat arctique , le froid, extrême nord*) раскрываются через Сибирь (Sibérie). Таковы основные черты формирования ядра лексико-семантического поля «Российская действительность».

В качестве особенности построения и отражения представления о России отметим тот факт, что фоном для формирования ЛСП «Российская действительность» (Réalité russe) в романе является образ женщины (l'image de la femme). Так, периферийная область анализируемого поля выстраивается через женский образ (67 %). Обзор научной литературы по данной тематике позволяет отметить, что исследование образа женщины, ее красоты, социальной роли не является новым направлением ни в лингвистике, ни психологии, ни в литературоведении. Во всех рассмотренных дисциплинах женский образ чаще всего обобщен.

Авторов художественных произведений, представляющих образ женщины в европейской литературе, особенно интересовал вопрос восприятия чужого, чужого в литературных произведениях, сопоставление архетипов в представлениях женщин разных культур, наличие особенных черт, присущих той или иной женщине. Не является исключением изучаемое художественное произведение, однако особенность его представления в данном романе основана на трансформации данного образа во временном аспекте, то есть развитие общества привело и к изменению представлений о женской красоте и к эволюции роли женщины в обществе.

Составляя периферийную часть изучаемого ЛСП, лексические единицы, отражающие описанный выше феномен, представлены в количестве 102 единиц, что составляет 67 % от общего числа отобранного фактического материала. Центральным понятием образа женщины является «женская красота» (la beauté de la femme), через призму которого в тексте автор так же дополняет образ России, что и делает его неотъемлемым элементом исследуемого нами поля:

J'avais donc accepté une mission particulière: trouver le nouveau visage de L'Idéal, le leader mondial de l'industrie cosmétique. Comme je vous l'ai expliqué, dans notre monde blasé, seule l'innocence fait vendre [Begbeder, 2007, p. 7].

Являясь сложной структурной составляющей, дефиниция «la beauté russe» (русская красота женщины) включает в себя лексические единицы, организованные нами в три тематических блока.

Во-первых, затрагивается портретное описание (*le nouveau visage)*, выполненное автором с помощью так называемых «портретных универсалий» женских образов по принадлежности к той или иной национальной группе: цвет волос, глаз, оттенок кожи:

Nous avons détruit les Juifs d'Europe pour y instaurer la domination des ***blondes slaves****.*
…on dirait qu'elles se retiennent de pleurer, comme si ***leurs yeux turquoises*** *étouffaient des sanglots venus du froid polaire…*
les yeux turquoises, les joues de tzarines, les mains ***pâles*** [Begbeder, 2007, p. 35].

Помимо этого, в тексте образ женской красоты используется автором для определения

роли России на мировой арене, что находит выражение в создании с помощью лингвистических средств ассоциаций и параллелей с «угрожающей вражеской» силой *(les filles-ennemies)*, мощью *(le pouvoir)*, влиянием. Выделенные характеристики передаются с помощью лексики на военную тематику: des *missiles nuclŭaires, des armes de destruction massive, des fusŭes interplanŭtaires* [Begbeder, 2007]. *Les filles russes sont* ***ennemies****. Ce n'est pas la première fois que des anges ont* ***autant d'ennemis****: relisez la Bible, ce catalogue d'anges brûlés* [Begbeder, 2007, p. 38]. Настолько сильное влияние, оказываемое женской обворожительностью и красотой, вызывает зависть (*elles les haïssent)*, а порой и ненависть со стороны других женщин. Единицы, отражающие указанную характеристику, так же включены нами в данный тематический блок:

Vous savez de quoi je parle, depuis que la planète est un seul pays. Le reste du monde connaît ***le pouvoir des filles russes****; c'est pourquoi on leur refuse les visas pour l'étranger. Les femmes de toutes les nationalités* ***les haïssent*** *parce que la* ***beauté*** *est une* ***injustice*** *et qu'il faut combattre toutes les injustices. Les filles russes sont l'ennemi. Ce n'est pas la première fois que des anges ont autant d'ennemis: relisez la Bible, ce catalogue d'anges brûlés* [Begbeder, 2007, с. 67].

Третий блок включает в себя лексические единицы, связанные с наивными представлениях о мире. Всевозможные мифологемы о сказочных персонажах, мистических существах в женском обличии отражают таинственность, загадочность России вновь через описание женских образов. Последние создаются с помощью фольклорной лексики: *de belles ondines, des serènes magiques, ...fées de contes*, *princesse* [Begbeder, 2007].

Отметим, военная лексика, фольклорная лексика, лексические единицы, подчеркивающие социальный статус женщины в паре мужчина-женщина – это тот набор лексических единиц, используемый автором для характеристики женского образа в указанных выше блоках, и как следствие, способствующий созданию более полного образа российской действительности. Количественное соотношение лексических единиц во всех трёх блоках распределено следующим образом: 29–28 % (1), 34–33 % (2), 39–38 % (3), исходя из количества единиц, описывающих женский образ, в целом. В общем, данное процентное соотношение указывает на незначительное превышение доли лексических единиц в третьем блоке, в котором сделан акцент на нереальном образе, основанном на фантастической, загадочной составляющей.

Заключение

В ходе проведенного исследования на основе текста современного французского автора Ф. Бегбедера «Au secours, pardon» нами был отобран корпус лексических единиц, представленных в романе для описания такого феномена, как «российская действительность». Интересным фактом является то, что данное явление представляется в произведении через дополнительный лексический пласт, связанный с описанием русской современной женщины.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что представленный фактический материал романа – это набор образов или стереотипов о России, сформировавшихся в иноязычном обществе. Совокупность лексических единиц в указанном произведении достаточно ограничена с тематической точки зрения, что объясняется сюжетной линией. Лингвистические средства, позволившие автору сделать акцент на представлении о российской действительности глазами иностранца, фокусируются, в основном, на географических и климатических особенностях России, следовательно, образуют ядро исследуемого нами ЛСП. Второй важной составляющей лексико-семантического поля «российская действительность» стали лексические единицы, послужившие фоном/периферией ЛСП, сконструированные на образе женщины, ее красоты, социальной роли. Все представленные компоненты в рамках исследуемого поля очень тесно переплетены друг с другом и образуют единую подвижную систему, элементы которой описывают лишь стереотипные представления о российской действительности, создавая поверхностное, скользящее представление о российской действительности, несмотря на современные тенденции глобализации, открытость русского мира и культуры.

Библиографический список

1. Барушкова С. Б. Семантические параметры и структура фразеосемантического поля «Трудовая деятельность человека» (на материале современного французского языка) : учебное пособие. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. 143 с.

2. Бегбедер Ф. 99 франков. Москва : Иностранка, 2000. 220 с.

3. Бегбедер Ф. Идеаль. Москва : Иностранка, 2000. 220 с.

4. Болдырева Е. М. Автобиографический метатекст И. А. Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма : монография. Ярославль : ЯГПУ, 2007. 484 с.

5. Вейнингер О. Пол и характер. Принципиальное исследование. Санкт-Петербург : Посев, 1908. 512 с.

6. Гуревич П. С. Стереотип // Современная западная социология: словарь. Москва : Наука, 1990. 332 с.

7. Желудкова Е. Г. Женские образы в современной художественной литературе // Вестник Кемеровского Государственного университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2015. № 2. с. 149–152.

8. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Межкультурная коммуникация: системный подход. Нижний Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2003. 192 с.

9. Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки № 1. Москва : Наука, 1972. С. 65–77.

10. Кирилина А. Гендерные стереотипы по данным языка // Гендер: лингвистические аспекты. Москва : Институт социологии РАН, 1999. 358 с.

11. Крысько В. Г. Этнопсихология и межнациональные отношения : курс лекций. Москва : Экзамен, 2002. 448 с.

12. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию : учебное пособие. Москва : Ключ-С, 1999. 224 с.

13. Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. 1983. Т. 2. С. 251–261.

14. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

15. Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Симферополь : ОАО «Симферопольская городская типография», 2008. 200 с.

16. Охапкина С. Б. Анализ фразеологических единиц с культурным компонентом значения (на материале французского языка) // Через диалог культур к культуре диалога : юбилейный сборник кафедры французского языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Ярославль : Изд.-во ЯГПУ, 2011. С. 59–67.

17. Ощепков А. Р. Образ России во французской литературе XIX в. : монография. Москва : МПГУ, 2011. 318 с.

18. Полякова О. А. Репрезентация образа России во французской литературе в оценках российский компаритивистов : научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 9.

19. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. Москва : Наука, 2006. 320 с.

20. Телия В. Н. Культурные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) : сборник научных статей 11-й международный съезд славистов. Москва : Наука, 1993. С. 302–314.

21. Amossy Ruth, Anne Herdchberg Pierrot. Stéréotypes et clichés. Langue, discours, société. 3-me édition. Paris : Armand Colin, 2011. 325 p.

22. Begbeder F. 99 francs. Paris : Grasset &Fasquelle, 2000. 202 p.

23. Begbeder F. Au secours, pardon. Paris : éditions Grasset & Fasquelle. 2007. 307 p.

24. Gasparini Ph. Est-il «Je». Roman autobiographique et autofiction. URL: http://www.fabula.org/actualites/article7805.php (дата обращения 23.12.2020).

25. Genon A. Les coulisses de l'autofiction. URL: http://www.fabula.org/revue/docu,ent3146.php (дата обращения 18.11.2020).

26. Lippman Walter, Public opinion New York : Harcourt, Brace and Company, 1922. 380 p.

Reference list

1. Barushkova S. B. Semanticheskie parametry i struktura frazeosemanticheskogo polja «Trudovaja dejatel'nost' cheloveka» (na materiale sovremennogo francuzskogo jazyka) = Semantic parameters and structure of the phraseological semantic field «Human labor activity» (on the material of modern french) : uchebnoe posobie. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. 143 s.

2. Begbeder F. 99 frankov = 99 franks. Moskva : Inostranka, 2000. 220 s.

3. Begbeder F. Ideal' = Ideal. Moskva : Inostranka, 2000. 220 s.

4. Boldyreva E. M. Avtobiograficheskij metatekst I. A. Bunina v kontekste russkogo i zapadnoevropejskogo modernizma = I. A. Bunin's autobiographical metatext in the context of russian and western european modernism : monografija. Jaroslavl' : JaGPU, 2007. 484 s.

5. Vejninger O. Pol i harakter. Principial'noe issledovanie = Gender and character. A principle study. Sankt-Peterburg : Posev, 1908. 512 s.

6. Gurevich P. S. Stereotip = Stereotype // Sovremennaja zapadnaja sociologija: slovar'. Moskva : Nauka, 1990. 332 s.

7. Zheludkova E. G. Zhenskie obrazy v sovremennoj hudozhestvennoj literature = Female characters in modern literature // Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Psihologija. Pedagogika. 2015. № 2. S. 149–152.

8. Zinchenko V. G., Zusman V. G., Kirnoze Z. I. Mezhkul'turnaja kommunikacija: sistemnyj podhod = Inter-cultural communication. Systemic approach. Nizhnij Novgorod : NGLU im. N.A. Dobroljubova, 2003. 192 s.

9. Karaulov Ju. N. Struktura leksiko-semanticheskogo polja = Structure of lexical-semantic field // Filologicheskie nauki № 1. Moskva : Nauka, 1972. S. 65–77.

10. Kirilina A. Gendernye stereotipy po dannym jazyka = Gender stereotypes according to language data // Gender: lingvisticheskie aspekty. Moskva : Institut sociologii RAN, 1999. 358 s.

11. Krys'ko V. G. Jetnopsihologija i mezhnacional'nye otnoshenija = Ethnic psychology and international relations : kurs lekcij. Moskva : Jekzamen, 2002. 448 s.

12. Lebedeva N. M. Vvedenie v jetnicheskuju i kross-kul'turnuju psihologiju = Introduction to ethnic and cross-cultural psychology : uchebnoe posobie. Moskva : Kljuch-S, 1999. 224 s.

13. Leont'ev A. N. Obraz mira = The image of the world // Izbrannye psihologicheskie proizvedenija. 1983. T. 2. S. 251–261.

14. Lippman U. Obshhestvennoe mnenie = Public opinion / per. s angl. T. V. Barchunova, pod red. K. A. Levinson, K. V. Petrenko. Moskva : Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie», 2004. 384 s.

15. Orehov V. V. Mif o Rossii vo francuzskoj literature pervoj poloviny XIX veka = The myth about Russia in French literature of the first half of the XIX century. Simferopol' : OAO «Simferopol'skaja gorodskaja tipografija», 2008. 200 s.

16. Ohapkina S. B. Analiz frazeologicheskih edinic s kul'turnym komponentom znachenija (na materiale francuzskogo jazyka) = Analysis of phraseological units with a cultural component of meaning (on the material of French) // Cherez dialog kul'tur k kul'ture dialoga : jubilejnyj sbornik kafedry francuzskogo jazyka JaGPU im. K. D. Ushinskogo. Jaroslavl' : Izd.-vo JaGPU, 2011. S. 59–67.

17. Oshhepkov A. R. Obraz Rossii vo francuzskoj literature XIX v. = Image of Russia in French literature of XIX century : monografija. Moskva : MPGU, 2011. 318 s.

18. Poljakova O. A. Reprezentacija obraza Rossii vo francuzskoj literature v ocenkah rossijskij komparitivistov : nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept» = Representation of Russia in french literature according to Russian comparativists : methodological e-journal «Concept». 2016. № 9.

19. Sergeeva A. V. Russkie: stereotipy povedenija, tradicii, mental'nost' = Russians: stereotypes of behavior, traditions, mentality. Moskva : Nauka, 2006. 320 s.

20. Telija V. N. Kul'turnye konnotacii frazeologizmov (ot mirovidenija k miroponimaniju) : sbornik nauchnyh statej 11-j mezhdunarodnyj sjezd slavistov = Cultural connotations of idioms (from worldview to world understanding) : a collection of scientific articles from the 11th Slavists' International Congress. Moskva : Nauka, 1993. S. 302–314.

21. Amossy Ruth, Anne Herdchberg Pierrot. Stéréotypes et clichés. Langue, discours, société. 3-me édition. Paris : Armand Colin, 2011. 325 r.

22. Begbeder F. 99 francs. Paris : Grasset &Fasquelle, 2000. 202 p.

23. Begbeder F. Au secours, pardon. Paris : éditions Grasset & Fasquelle. 2007. 307 p.

24. Gasparini Ph. Est-il «Je». Roman autobiographique et autofiction. URL: http://www.fabula.org/actualites/article7805.php (data obrashhenija 23.12.2020).

25. Genon A. Les coulisses de l'autofiction. URL: http://www.fabula.org/revue/docu,ent3146.php (data obrashhenija 18.11.2020).

26. Lippman Walter, Public opinion New York : Harcourt, Brace and Company, 1922. 380 r.

УДК 811.133.1

Ю. А. Дроздова **https://orcid.org/0000-0002-8143-9386**

М. Н. Зубкова **https://orcid.org/0000-0001-8174-6469**

Особенности употребления восклицательных конструкций заголовков французских экономических статей

Для цитирования: Дроздова Ю. А., Зубкова М. Н. Особенности употребления восклицательных конструкций заголовков французских экономических статей // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 142–147. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-142-147

Настоящая статья посвящена исследованию ряда грамматических, лексических и стилистических особенностей названий французских статей экономической тематики с восклицательными конструкциями. Достоверность результатов обеспечивается анализом значительного корпуса фактического материала, а именно заголовков статей французской экономической прессы последних трех лет, полученных методом сплошной выборки. Названия статей, содержащие восклицательные конструкции, наиболее ярко демонстрируют весь спектр разнообразных средств привлечения внимания читателя к проблематике, затронутой в тексте самой статьи. Авторами устанавливается тесная взаимосвязь внеязыковой реальности и выбора лексико-грамматических средств в заголовке. Как показало проведенное исследование, в названиях французских экономических статей восклицательного характера наиболее часто присутствуют номинативные конструкции, что, однако, не исключает и выбора глагольных конструкций. Анализ позволяет выявить определенные закономерности в выборе времен и наклонений глагола, синтаксической конструкции в рамках названий статей. В статье выделяются наиболее значимые средства выразительности текста, используемые авторами заголовков статей, лексического, грамматического, орфографического характера. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в преподавании французского языка в аспекте изучения языка прессы и в различных спецкурсах как на уровне старших курсов бакалавриата, так и в магистратуре. Небезынтересным представляется изучить использование грамматических, лексических и стилистических средств в рамках восклицательных заголовков статей экономической тематики в сравнительно-сопоставительном плане, на материале прессы разных стран.

Ключевые слова: восклицательная конструкция, артикль, употребление времен, газетный заголовок, французская пресса, экономическая тематика, средства выразительности текста.

J. A. Drozdova, M. N. Zubkova

Peculiarities of using exclamatory constructions in headlines of french economic articles

The following article is dedicated to certain grammar, lexical and stylistic particularities in headlines of french economic articles with exclamatory constructions. Authenticity of received results is ensured by the analysis of important corpus of factual material, headlines of french economic press articles of the last three years, chosen by continuous sampling method. Headlines of articles with exclamatory constructions clearly demonstrate a full variety of means to draw reader's attention to the problems described in the text of the article. The authors specify strong interdependence of extralinguistic reality and lexico-grammatical means in headlines. The research shows that French economic press headlines with exclamatory meaning are the most frequent nominative constructions, but verbal elements are also present. The analysis helps to find out some regularities in the choice of verbal tenses and modalities, syntax construction in headlines of articles. The article highlights the most important lexical, grammar and orthographical expressive means used by authors in headlines of articles. The research results can be used in teaching of french press language and in special courses at the bachelor and master levels. It can be quite interesting to study grammar, lexical and stylistic means in exclamatory headlines of economic articles in contrastive-comparative aspect, based on the press of different countries.

Key words: exclamatory construction, article, use of tenses, press headline, french press, economic subject, textual expressive means.

© Дроздова Ю. А., Зубкова М. Н., 2021

1. Введение

В настоящее время заголовки статей все чаще становятся объектом внимания исследователей-лингвистов, подвергающих это явление всестороннему анализу, базирующемуся как на принципах лингвопрагматики и лингвистики текста [Акаева, Винокурова, 2019; Бакина, Проконина, 2019; Нойич, 2020; Прокофьева, 2018; Уварова, 2018; Akbalayeva, 2019; Basenko, Radchenko, 2020; Bogdanova, Kramarenko, 2021; Bondareva, Sereda, 2019; Saburova, Fedorova, Radnaeva, 2020; Tashmukhammedova, 2020; Trofimova, 2019], так и с точки зрения стилистики и фразеологии [Двойнина, 2020; Макарова, 2018; Мжельская, 2019; Москаленко, Чмырева, 2019; Iglikova, 2018; Kalanzhiy, 2018; Karpovskaya, Shiryaeva, Zheltukhina, 2019; Nabiullina, 2019]. Грамматические особенности названий статей также вызывают определенный интерес современных языковедов [Варзапова, 2020; Дроздова, 2019; Дроздова, 2020; Нойич, 2020; Komarkova, 2019].

Названия статей французской экономической прессы, содержащие восклицательные конструкции, являются своеобразным концентрированным отражением наиболее ярких и актуальных событий экономического контекста. Они изобилуют целым спектром языковых средств, экспрессивно привлекающих внимание читателя и обыгрывающих позицию автора статьи в контексте ситуации, рассматриваемой в самой статье. Подобные конструкции не столь распространены в рамках заголовков экономических статей, как, например, вопросительные, однако они также обладают рядом характерных грамматических, лексических и стилистических особенностей, изучению которых посвящена настоящая статья.

2. Методы исследования

При написании настоящей статьи было собрано и проанализировано значительное количество фактического материала. Достоверность полученных результатов обеспечивается изучением примеров, полученных методом сплошной выборки. Материалом исследования послужила французская экономическая периодика последних трех лет (предпочтение отдавалось таким крупным и известным французским экономическим изданиям, как Le Nouvel Economiste и L'Agefi).

Также в процессе исследования применялись такие апробированные в лингвистике методы, как трансформация, субституция и элиминация.

3. Результаты исследования

Проведенное исследование позволило выявить ряд морфолого-синтаксических особенностей восклицательных названий французских экономических статей. Так, было установлено, что авторы статей экономической тематики отдают явное предпочтение номинативным конструкциям в рамках заголовков восклицательного характера:

Actions et obligations, le monde à l'envers! (Le Nouvel Economiste)

Encore un effort Monsieur l'indice Dow Jones! (Le Nouvel Economiste)

La Chine – Mieux que Maastricht! (L'Agefi)

Глагольные восклицательные заголовки также могут встречаться в рамках названий экономических статей. Наиболее часто в подобных случаях присутствует повелительное наклонение – авторы статей призывают к какому-либо действию свою аудиторию, либо причисляя себя к ней (в этом случае употребляется глагол в первом лице и множественном числе), либо дистанцируясь от читателя:

Normes, réglementations et lois... Mais laissez-nous vivre! (L'Agefi)

L'Urgence africaine: Changeons le modèle de croissance! (Le Nouvel Economiste)

В некоторых случаях возможно обращение ко второму лицу единственного числа, однако подобное обращение к читателю на «ты», несколько выходящее за рамки стандартных норм и правил вежливости, встречается нечасто. Подобный заголовок может выражать крайне эмоциональный призыв к тем или иным действиям:

Ose! Tout le monde peut devenir entrepreneur (L'Agefi)

Investissements étrangers en France: autorise-moi si tu veux! (L'Agefi)

Восклицательные заголовки с глаголом в изъявительном наклонении могут содержать эмоциональную констатацию некоего важного факта, анализу которого посвящена сама статья:

Un vent nouveau souffle sur le monde de l'immobilier! (Le Nouvel Economiste)

Comment augmenter le chômage – Non ils n'ont pas tout essayé! (Le Nouvel Economiste)

La création d'entreprises accélère! (L'Agefi)

Интересным случаем является выбор Passé Simple для придания сатирического оттенка высказыванию, вынесенному в название статьи:

Enfin, Macron vint! Et parla du statut de la fonction publique! (L'Agefi)

Иногда в заголовках статей французской эко-

номической прессы может сочетаться восклицательная и вопросительная конструкция, в частности, когда в заглавии содержится риторический вопрос и ответ на него:

Pas d'appartement, pas de voiture? Pas de femme! (L'Agefi)

La révolution digitale la plus fondamentale? Les réseaux sociaux! (L'Agefi)

«Les étudiants ne savent plus écrire? Et alors!» (Le Nouvel Economiste)

L'austérité en France? Voyez l'Espagne! (Le Nouvel Economiste)

La France ne sera plus jamais une grande puissance? Tant mieux! (Le Nouvel Economiste)

В некоторых случаях возможен и обратный порядок: восклицательная фраза, конкретизация значения которой содержится в дальнейшем вопросе.

Stupéfiant! Le chanvre va-t-il sauver le monde? (Le Nouvel Economiste)

Безусловно, невозможно анализировать такое явление, как газетный заголовок, в отрыве от его отражения внеязыковой реальности. Наличествует тесная связь и обусловленность языковых особенностей названия статьи и экстралингвистической реальности. Очень часто восклицательные заголовки посвящены неоднозначной актуальной теме, вызывающей бурные дискуссии в обществе (доступ к электронным персональным данным, нестабильность мировой экономической конъюнктуры вследствие всемирного санитарного кризиса…)

«Les banques ne financent plus le long terme!» (L'Agefi)

«Les marchés, c'est la dictature du court terme!» (Le Nouvel Economiste)

Les données personnelles doivent le rester! (L'Agefi)

Le marché de l'identité réelle en ligne n'a rien de virtuel! (L'Agefi)

Обращает на себя внимание тот факт, что восклицательные заголовки статей французской экономической прессы передают большой спектр как положительных, так и отрицательных эмоций, чувств, переживаний автора статьи, вовлекающего целевую аудиторию в анализируемую ситуацию. Так, подобные заголовки могут содержать как призывы к прекращению отрицательного с точки зрения автора статьи процесса, тенденции, так и к разрешению сложной ситуации:

Halte au «finance bashing»! (Le Nouvel Economiste)

Ça suffit! Nous avons besoin d'une France apaisée (L'Agefi)

Délivrez-nous du Bien! Halte aux nouveaux inquisiteurs (Le Nouvel Economiste)

Au secours, la répression financière revient! (Le Nouvel Economiste)

DSK, ça suffit! (L'Agefi)

Hypercroissance – On ne bouge plus! (Le Nouvel Economiste)

Однако далеко не всегда восклицательные заголовки французских экономических статей посвящены негативной стороне экономической жизни общества. Так, статьи с восклицательными заголовками могут превозносить и восхвалять какую-либо положительную тенденцию экономики, подчеркивать позитивные стороны как французской, так и мировой экономической жизни:

La consommation se mobilise! (Le Nouvel Economiste)

Industrie française: Saisissons le relais de croissance russe! (L'Agefi)

Для заголовков статей французской экономической тематики, содержащих восклицательные конструкции, характерно частое использование ярких экспрессивных средств привлечения внимания читателя. Такими средствами, в частности, является игра слов, подразумевающая отсылку к какому-либо общеизвестному лозунгу:

Blabla République: Au verbe, citoyens! (Le Nouvel Economiste) (ср. Aux armes citoyens! Цитата из гимна Франции)

La patrie est en danger! (L'Agefi) (известный лозунг времен Второй Мировой войны)

Utilisateurs des réseaux sociaux du monde entier, unissez-vous! (Le Nouvel Economiste) (отсылка к коммунистическому призыву объединения трудящихся разных стран)

Наиболее часто встречаются конструкции, вводимые призывом «Vive» (Да здравствует!) В данном случае автор часто использует такой своеобразный лозунг в сатирическом ключе:

Vive le tourisme médical! (L'Agefi)

Vive l'apostat! (Le Nouvel Economiste)

Vive le désordre! (L'Agefi)

Нередко встречается восклицательный заголовок в стихах, содержащий определенную фонетическую игру:

Poutine en rêvait, l'Europe l'a fait! (Le Nouvel Economiste)

Patrons, tenez bon! (L'Agefi)

Tu parles, Charles! (Le Nouvel Economiste)

I like Ike! (L'Agefi)

Заимствования из других языков в рамках заголовков экономических статей восклицательного характера, иногда в сочетании с французским языком, нередки: их функцией, помимо привлечения внимания читателя, является сближение языка прессы с молодежным слэнгом:

e-commerce, so Coolissimo! (Le Nouvel Economiste)

Winter is not coming: Managers, osez entreprendre! (L'Agefi)

L'art du marketing to women – On a assassiné la ménagère! (Le Nouvel Economiste)

Также определенный интерес вызывает использование особенностей орфографии, при помощи которых выражается намек на проблему, описанию которой посвящена сама статья.

L'artisanat est mort, vive l'@rtisanat! (Le Nouvel Economiste) (В статье рассматривается увеличение доли цифровой сферы услуг, которая отвоевывает место у традиционных отраслей. Намек содержится в особенности написания последнего существительного, включающего знак интернет-почты. Также в данном случае используется отсылка к известной пословице «Le roi est mort, vive le roi»)

Sire, Surtout Ne Faites Rien! (Le Nouvel Economiste)

4. Заключение

Как показало проведенное исследование, восклицательные заголовки статей французской прессы экономической тематики обладают определенными характерными чертами как в морфолого-синтаксической области, так и в выборе широкого спектра средств выразительности текста. Восклицательные заголовки наиболее часто выражены номинативными конструкциями, если же автор выбирает глагольную конструкцию, то в большинстве случаев отдается предпочтение повелительному наклонению.

Для привлечения особого внимания читателя к заголовку автор статьи, озаглавленной восклицательной конструкцией, использует такие выразительные средства, как отсылки к известным фразам, цитатам, пословицам и лозунгам, стихотворную форму, нарочитое нарушение правил орфографии.

Восклицательные конструкции в рамках названий статей французской экономической прессы – явление нечастое, но, при этом, крайне интересный предмет исследования. Язык экономических фактов довольно безэмоционален, поэтому восклицательность отражает наиболее яркие, интересные, дискуссионные и неоднозначные феномены французской и мировой экономической жизни. Подобные заголовки всегда активно привлекают внимание читателя, с первых строк (а, иногда, уже в рамках самого заголовка) разворачивается динамичное описание наиболее актуальных экономических проблем современности.

Представляется небезынтересным провести подобное исследование в сравнительно-сопоставительном плане; впрочем, это уже объект для отдельного анализа.

Библиографический список

1. Акаева Э. В., Винокурова Т. Н. Прагматика заголовка научного текста в английском языке // Вестник современных исследований. 2019. № 3.11 (30). С. 10–12.

2. Бакина А. Д., Проконина Н. И. Прагматический потенциал газетного заголовка // Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: актуальные проблемы и перспективы: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2019. С. 38–43.

3. Варзапова В. Ю. Осложнение синтаксической структуры простого двусоставного предложения в позиции заголовка британского сетевого печатного медиатекста // Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2020. С. 78–83.

4. Двойнина Е. В. Фонетические, лексические и синтаксические средства стилистической выразительности в заголовках профессионального англоязычного таможенного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 11. С. 181–185.

5. Дроздова Ю. А. Некоторые грамматические особенности заголовков французских статей юридической тематики // Этапы развития романских языков: от языка живого общения к национальному языку. Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. И. В. Скуратов. Москва, 2019. С. 78–83.

6. Дроздова Ю. А. Употребление вопросительных конструкций в названиях экономических статей французской прессы // Романские языки: взаимодействие литературы и культуры народов. Материалы Международной научной онлайн-конференции / отв. ред. И. В. Скуратов. 2020. С. 119–124.

7. Макарова А. С. Реализация приёма языковой игры лексико-фразеологическими средствами (на примере заголовка религиозно-публицистического дискурса) // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке. Материалы международной научной конференции. 2018. С. 260–265.

8. Мжельская О. К. Средства создания двусмысленности газетного заголовка // Наука о человеке: гу-

манитарные исследования. 2019. № 2 (36). С. 55–59.

9. Москаленко К. О., Чмырева Е. В. Специфика языковых и стилистических средств рекламного заголовка в испанских глянцевых журналах // Эстетика и прагматика рекламы – 2019. Материалы IV Международного симпозиума. 2019. С. 76–83.

10. Нойич Н. Номинативное предложение как тип газетного заголовка искусствоведческой тематики (на материале английского, сербского и русского языков) // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. 2020. С. 209–211.

11. Прокофьева В. Ю. Прагматика новостного заголовка в условиях цифровизации сми // Цифровые трансформации СМИ: региональный. национальный и глобальный аспекты. Десятые международные научные чтения в Москве. Тезисы. 2018. С. 195–196.

12. Уварова Е. А. Лингвопрагматические особенности заголовка текста интернет-новостей // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики: традиции и инновации. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Института иностранных языков / под ред. Е. А. Никулиной, Е. Е. Беляевой. 2018. С. 100–106.

13. Чжу Ц., Ли Я. Прагматические функции заголовка новостей на материалах газеты «аргументы и факты» // Вопросы теории и практики преподавания русского языка как иностранного. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию кафедры РКИ / под общ. ред. С. А. Вишнякова. 2020. С. 799–803.

14. Akbalayeva Zh. K. Challenges of political discourse as a kind of mediation between politicians and the public and issues of transference of the text idea // Научные исследования XXI века. 2019. № 1 (1). С. 179–184.

15. Basenko G. V., Radchenko G. I. Pragmalinguistic analysis of newspaper headlines (based on the material of the English newspaper «the Guardian») // Russian linguistic Bulletin. 2020. № 3 (23). С. 34–36.

16. Bogdanova O. Yu., Kramarenko O. L., Orlova N. O. Journalistic headline manipulative nature in military-political discourse (based on the English language) // Philology. Theory & Practice. 2021. Т. 14. № 1. С. 68–72.

17. Bondareva A. F., Sereda E. Features of newspaper headlines translation (based on «the Guardian») // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2019. № 1 (65). С. 38–50.

18. Djurayev M. Headline is an important element of newspaper texts // Theoretical & Applied Science. 2020. № 9 (89). С. 421–424.

19. Iglikova R. The evolution of the headline – from print to patterns and virality (an overview of research in English and Bulgarian) // Studies in Linguistics, Culture, and FLT. 2018. Т. 4. № 2. С. 55–69.

20. Kalanzhiy Yu. Allusion as one of the key components of the headlines of publicistic mediatexts // Iberoamerican Notes. 2018. № 4 (22). С. 81–85.

21. Karpovskaya N. V., Shiryaeva O. V., Zheltukhina M. R. Stylistic means of headline creating in the information-analytical media text: pragmasemantic aspect of metaphor // Xlinguae. 2019. Т. 12. № 4. С. 173–182.

22. Komarkova M. A. Linguistic peculiarities of newspaper headlines of British press // Филологический аспект. 2019. № 4 (48). С. 73–78.

23. Nabiullina V. The meaning of headline and its analysis // Eurasian Arabic Studies. 2019. Т. 2. № 6. С. 47–53.

24. Saburova N., Fedorova C., Radnaeva L. Headline as a means of drawing readers' attention in modern English-language entertainment media // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Т. 131. С. 1066–1074.

25. Tashmukhammedova L. I. The role of headline in increasing the effectiveness of mediatext // East European Scientific Journal. 2020. № 2-2 (54). С. 36–38.

26. Trofimova N. A. On functional potential of headline in publicistic discourse architectonics (based on the New York Times) // Experientia est optima magistra. Collection of Scientific Papers. Editor-in-Chief E. A. Ogneva, I. V. Borisovskaya, D. E. Nikulina. Belgorod, 2019. С. 183–187.

Reference list

1. Akaeva Je. V., Vinokurova T. N. Pragmatika zagolovka nauchnogo teksta v anglijskom jazyke = Pragmatics of the scientific text title in English // Vestnik sovremennyh issledovanij. 2019. № 3.11 (30). S. 10–12.

2. Bakina A. D., Prokonina N. I. Pragmaticheskij potencial gazetnogo zagolovka = Pragmatic potential of newspaper headlines // Lingvistika, perevodovedenie i metodika obuchenija inostrannym jazykam: aktual'nye problemy i perspektivy: sbornik materialov I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. 2019. S. 38–43.

3. Varzapova V. Ju. Oslozhnenie sintaksicheskoj struktury prostogo dvusostavnogo predlozhenija v pozicii zagolovka britanskogo setevogo pechatnogo mediateksta = Complication of the syntactic structure of a simple two-part sentence in the headline in British online media text // Jazyk i kul'tura: voprosy sovremennoj filologii i metodiki obuchenija jazykam v vuze. Materialy VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. 2020. S. 78–83.

4. Dvojnina E. V. Foneticheskie, leksicheskie i sintaksicheskie sredstva stilisticheskoj vyrazitel'nosti v zagolovkah professional'nogo anglojazychnogo tamozhennogo diskursa = Phonetic, lexical and syntactic means of stylistic expression in headlines of professional english customs discourse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. T. 13. № 11. S. 181–185.

5. Drozdova Ju. A. Nekotorye grammaticheskie osobennosti zagolovkov francuzskih statej juridicheskoj tematiki = Certain grammatical features of french legal headlines // Jetapy razvitija romanskih jazykov: ot jazyka

zhivogo obshhenija k nacional'nomu jazyku. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov / otv. red. I. V. Skuratov. Moskva, 2019. S. 78–83.

6. Drozdova Ju. A. Upotreblenie voprositel'nyh konstrukcij v nazvanijah jekonomicheskih statej francuzskoj pressy = The use of interrogative constructions in french economic articles titles // Romanskie jazyki: vzaimodejstvie literatury i kul'tury narodov. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj onlajn-konferencii / otv. red. I. V. Skuratov. 2020. S. 119–124.

7. Makarova A. S. Realizacija prijoma jazykovoj igry leksiko-frazeologicheskimi sredstvami (na primere zagolovka religiozno-publicisticheskogo diskursa) = The implementation of the language game by lexical-phraseological means (on the example of religious and journalistic discourse) // Poliparadigmal'nye konteksty frazeologii v HHI veke. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 2018. S. 260–265.

8. Mzhel'skaja O. K. Sredstva sozdanija dvusmyslennosti gazetnogo zagolovka = Means of creating ambiguity in a newspaper headline // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovanija. 2019. № 2 (36). S. 55–59.

9. Moskalenko K. O., Chmyreva E. V. Specifika jazykovyh i stilisticheskih sredstv reklamnogo zagolovka v ispanskih gljancevyh zhurnalah = Specifics of language and stylistic means of advertising headlines in spanish glossy magazines // Jestetika i pragmatika reklamy – 2019. Materialy IV Mezhdunarodnogo simpoziuma. 2019. S. 76–83.

10. Nojich N. Nominativnoe predlozhenie kak tip gazetnogo zagolovka iskusstvovedcheskoj tematiki (na materiale anglijskogo, serbskogo i russkogo jazykov) = Nominative sentence as a type of newspaper headline on art topics (in english, serbian, and russian) // Sovremennaja nauka: aktual'nye voprosy, dostizhenija i innovacii. Sbornik statej XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2-h chastjah. 2020. S. 209–211.

11. Prokof'eva V. Ju. Pragmatika novostnogo zagolovka v uslovijah cifrovizacii SMI = The pragmatics of the news headline in the context of the media digitalization // Cifrovye transformacii SMI: regional'nyj. nacional'nyj i global'nyj aspekty. Desjatye mezhdunarodnye nauchnye chtenija v Moskve. Tezisy. 2018. S. 195–196.

12. Uvarova E. A. Lingvopragmaticheskie osobennosti zagolovka teksta internet-novostej = Linguistic pragmatic features of the Internet news headline // Aktual'nye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki: tradicii i innovacii. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 70-letiju Instituta inostrannyh jazykov / pod red. E. A. Nikulinoj, E. E. Beljaevoj. 2018. S. 100–106.

13. Chzhu C., Li Ja. Pragmaticheskie funkcii zagolovka novostej na materialah gazety «argumenty i fakty» = Pragmatic functions of news headlines in the newspaper Arguments and Facts // Voprosy teorii i praktiki prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 55-letiju kafedry RKI / pod obshh. red. S. A. Vishnjakova. 2020. S. 799–803.

14. Akbalayeva Zh. K. Challenges of political discourse as a kind of mediation between politicians and the public and issues of transference of the text idea // Nauchnye issledovanija XXI veka. 2019. № 1 (1). S. 179–184.

15. Basenko G. V., Radchenko G. I. Pragmalinguistic analysis of newspaper headlines (based on the material of the English newspaper «the Guardian») // Russian linguistic Bulletin. 2020. № 3 (23). S. 34–36.

16. Bogdanova O. Yu., Kramarenko O. L., Orlova N. O. Journalistic headline manipulative nature in military-political discourse (based on the English language) // Philology. Theory & Practice. 2021. T. 14. № 1. S. 68–72.

17. Bondareva A. F., Sereda E. Features of newspaper headlines translation (based on «the Guardian») // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tehnologij upravlenija i jekonomiki. 2019. № 1 (65). S. 38–50.

18. Djurayev M. Headline is an important element of newspaper texts // Theoretical & Applied Science. 2020. № 9 (89). S. 421–424.

19. Iglikova R. The evolution of the headline – from print to patterns and virality (an overview of research in English and Bulgarian) // Studies in Linguistics, Culture, and FLT. 2018. T. 4. № 2. S. 55–69.

20. Kalanzhiy Yu. Allusion as one of the key components of the headlines of publicistic mediatexts // Iberoamerican Notes. 2018. № 4 (22). S. 81–85.

21. Karpovskaya N. V., Shiryaeva O. V., Zheltukhina M. R. Stylistic means of headline creating in the information-analytical media text: pragmasemantic aspect of metaphor // Xlinguae. 2019. T. 12. № 4. S. 173–182.

22. Komarkova M. A. Linguistic peculiarities of newspaper headlines of British press // Filologicheskij aspekt. 2019. № 4 (48). S. 73–78.

23. Nabiullina V. The meaning of headline and its analysis // Eurasian Arabic Studies. 2019. T. 2. № 6. S. 47–53.

24. Saburova N., Fedorova C., Radnaeva L. Headline as a means of drawing readers' attention in modern English-language entertainment media // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. T. 131. S. 1066–1074.

25. Tashmukhammedova L. I. The role of headline in increasing the effectiveness of mediatext // East European Scientific Journal. 2020. № 2-2 (54). S. 36–38.

26. Trofimova N. A. On functional potential of headline in publicistic discourse architectonics (based on the New York Times) // Experientia est optima magistra. Collection of Scientific Papers. Editor-in-Chief E. A. Ogneva, I. V. Borisovskaya, D. E. Nikulina. Belgorod, 2019. S. 183–187.

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

УДК 811.111

М. В. Черкунова **https://orcid.org/0000-0003-4167-4530**

Экспрессивная матрица малоформатных метатекстов современного англоязычного научного дискурса

Для цитирования: Черкунова М. В. Экспрессивная матрица малоформатных метатекстов современного англоязычного научного дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 148–155. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-148-155

Статья посвящена изучению категории экспрессивности в современном англоязычном научном дискурсе. Исследование выполнено на материале метатекстов, репрезентирующих научные публикации в международных наукометрических базах данных, а именно в Scopus и Web of Science. Данные метатексты, включающие название публикации и аннотацию, рассматриваются как вторичные малоформатные образования, представляющие собой семантическую копию оригинальной полнотекстовой статьи и сохраняющие базовый набор функционально-коммуникативных характеристик исходного текста. Одним из ключевых параметров письменного научного дискурса традиционно считается строгость и объективность изложения, отсутствие эмоционально-оценочной модальности. В то же время, аргументативный характер научной коммуникации предполагает наличие системы языковых средств выражения личной позиции автора и оказания воздействия на адресата. Таким образом, целью исследования является анализ средств выражения категории экспрессивности, характерных для научного метатекста, и составление матрицы экспрессивных средств. На основе методов дискурсивного и стилистического анализа производится выборка разноуровневых средств выражения экспрессии. Далее, в результате количественных подсчетов устанавливается иерархия экспрессивных средств на всех уровнях языка с выделением ядерных и периферийных элементов. На заключительном этапе исследования полученные качественно-количественные данные систематизируются в виде матрицы экспрессивных средств, характерных для малоформатных научных метатекстов. В результате автор приходит к выводу о том, что тексты указанного жанра характеризуются наличием системы языковых средств выражения экспрессии, центральное место в которой занимают лексические средства, главным образом прилагательные экспрессивно-оценочной семантики. На втором месте находятся средства языковой образности с подавляющим преобладанием метафоры. Средства экспрессивного синтаксиса занимают в данной матрице периферийное положение, равно как и графические инструменты логической акцентуации смысла. Полученные результаты расширяют представление о динамике средств выражения категории экспрессивности в современном научном дискурсе, а также имеют практическое значение для исследователей, планирующих размещение результатов своего научного труда в зарубежных наукометрических базах.

Ключевые слова: научный дискурс; малоформатный текст; вторичный текст; метатекст; аннотация; наукометрические базы данных; категория экспрессивности; экспрессивные средства.

Languages of foreign countries (germanic languages)

M. V. Cherkunova

Expressive matrix of small format metatexts of modern englsih scientific discourse

This paper investigates the category of expressivity in contemporary english scientific discourse. In particular, metatexts representing scientific articles in the international citations databases, namely Scopus and WoS, are analyzed. The aforesaid metatexts, including the title of the publication and the abstract to it, are treated as secondary small format units which represent a complete semantic replica of the original full-text version of the article retaining its basic functional and pragmatic characteristics. Objectivity, clarity of expression and lack of subjective modality are traditionally perceived as the key features of written scientific communication. At the same time, the argumentative nature of scientific discourse is supposed to bring about the language means of expressing one's personal position and affecting the addressee. Thus, this paper aims to elicit the expressive means typical of scientific small format metatexts, and to shape them into an expressivity matrix. With the help of stylistic and discourse analysis, the expressive means of

© Черкунова М. В., 2021

different linguistic layers are selected. Further on, due to the quantitative analysis the hierarchy of expressive means is determined on all the levels of the language system. In the final stage of the analysis the data is systematized into a matrix of scientific metatexts expressivity means. The acquired data prompt a conclusion that the scientific metatexts are characterized by a specific system of linguistic expressive means. The central position in this system is occupied by the lexical means, mainly by the evaluative adjectives. The second place is taken by the tropes, especially metaphor. The means of expressive syntax are on the periphery of the expressivity matrix, as well as the expressive means of the graphical character. The acquired results contribute to the understanding of the dynamic processes that the category of expressivity is undergoing in the contemporary scientific discourse; also they can be of practical use for those intending to publish their scientific works in the international high-rating scientific editions.

Key words: scientific discourse; small format text; secondary text; metatext; abstract; scientific citations database; expressivity; expressive means.

Введение

Современная наука характеризуется невиданной ранее активизацией процессов обмена научной информацией, который стал возможен благодаря широкому распространению телекоммуникационных технологий. В настоящий момент уже никого не удивляет, что буквально из любого уголка мира каждый желающий может присутствовать на лекции всемирно известного ученого, принимать участие в международной конференции, размещать результаты своего научного труда в международных изданиях. В то же время подобная доступность глобального научного пространства неизбежно влечет за собой необходимость адаптации к нормам и традициям, принятым в западном научном сообществе, где английский язык выполняет роль *«lingua franca»*, универсального коммуникативного посредника в мультикультурном и мультиязыковом научном пространстве.

Еще одно следствие открытости научного поля для исследователей из разных точек земного шара заключается в том, что она порождает огромный поток самой разноплановой информации. Это с одной стороны, влечет за собой необходимость разработки механизмов аккумулирования всех имеющихся данных и обеспечения возможности быстрого доступа к ним; с другой стороны, очевидной становится потребность структурирования информационных потоков и оптимизации процессов поиска необходимой информации. Данной цели служат появившиеся в последнее время международные наукометрические базы, которые не только систематизируют данные об имеющихся научных разработках в различных предметных областях, но и располагают инструментарием для оперативной навигации в информационном потоке. К числу наиболее крупных виртуальных платформ подобного рода относятся *Scopus* и *Web of Science*.

Научная информация представляется здесь посредством так называемых метаданных, то есть малоформатных текстовых образований вторичного порядка, выполняющих вспомогательные функции по отношению к первичному тексту. В частности, в наукометрических базах данных обязательный модуль метаданных включает название научной публикации, аннотацию и набор ключевых слов – именно эта вторичная информация призвана кратко, и в то же время емко представить результаты того или иного научного труда и повлиять на решение реципиента о необходимости обращения к оригинальной, полнотекстовой версии документа.

Метатекстовый блок представляет собой малоформатный текст, обладающий всеми параметрами текстуальности, а именно ему присущи целостность, завершенность, информативность, ситуативность, прагматическая направленность и т. д. В то же время, будучи образованием вторичного порядка, метатекст отражает коммуникативно-прагматический план первоисточника в максимально сжатом, конденсированном виде, так как «формирование вторичного текста осуществляется путем сокращения источника в результате аналитической обработки исходного текста с сохранением ключевой информации» [Рянская, Алексеева, с. 13]. Таким образом, можно говорить о том, что вторичный текст, являясь точной семантической копией оригинала, отражает все его характеристики благодаря перераспределению функциональной нагрузки редуцируемых текстовых элементов оригинала за счет расширения функционала разноуровневых единиц вторичного образования. В то же время, в процессе жанровой трансформации, у вторичного текста происходят приращения на уровне прагматического плана за счет добавления аттрактивной прагматической задачи.

В целом, прагматика письменного научного текста ориентирована на логичное, точное и однозначное выражение мысли, в силу чего тради-

ционно считается, что научный текст как таковой лишен эмоциональной нагрузки. Сухость и неэмоциональность изложения ассоциируются с объективностью сделанных выводов; они подчеркивают, что предлагаемые данные не являются плодом чьих-то чувств или эмоций. Напротив, «…малейший намек на эмоциональность, гиперболичность, образность в высказывании могут повредить ясности изложения, ибо понятие, растворившееся в аллегорическом образе, покидает область науки» [Скрипак, 2007, с. 223-224].

С другой стороны, в последнее время в связи с развитием антропоцентрической научной парадигмы, возникло представление о том, что автор научного текста не только передает информацию о предмете познания, но и воспроизводит «…самого себя путем интеллектуального самовыражения» [Рогожина, 2016, с. 175]. Кроме того, подчеркивается агональный характер научного нарратива, связанного, как правило, с обоснованием своей позиции и убеждением читателя в своей правоте [Рянская, Алексеева, 2020; Бугорская, 2017]. В связи с этим, в ряде работ звучит мысль о том, что экспрессивность является неотъемлемой частью научного дискурса [Бугорская, 2017; Савченко, 2018; Яковлева, 2010 и др.].

Методы исследования

Таким образом, целью данного исследования является анализ языковых способов реализации категории экспрессивности в малоформатных метатекстах англоязычного научного дискурса. Материалом для исследования послужили 150 метатекстовых комплексов (включающих заголовок, ключевые слова и аннотацию), сопровождающих научные статьи, проиндексированные в наукометрических базах *Scopus* и *Web of Science* за период с апреля по декабрь 2020 г.

Прежде чем перейти собственно к анализу экспрессивности во вторичных малоформатных метатекстах научного дискурса, необходимо уточнить ряд ключевых понятий, которыми мы оперируем в данной работе. Так, под экспрессивностью мы понимаем свойство текста или его отдельных элементов передавать смысл с повышенной интенсивностью с целью эмоционального и/или логического усиление [Арнольд, 1981; Скрипак, 2013; Зарайский, Морозова, Полякова, 2019; Сахарова, 2020]. В рамках данного подхода экспрессия трактуется как «…комплексное явление, подчиняющее себе эмоциональность» [Скрипак, 2013, с. 170].

Традиционно, принято говорить о преобладании рациональной экспрессивности в текстах, относящихся к научному дискурсу [Баженова, 2009; Чернявская, 2016; Сахарова, 2020], чем, по мнению исследователей, объясняется преобладание в нем синтаксических экспрессивных средств над лексическими [Яковлева, 2010; Скрипак, 2013; Зарайский, Морозова, Полякова, 2019]. В частности, к наиболее частотным средствам выражения категории экспрессивности относят разного рода повторы, синтаксический параллелизм; инвертированные и эллиптические конструкции, риторические вопросы, парцелляцию, эмфатические структуры [Хмельницкая, 2015; Переверзева, 2016]. В то же время необходимо подчеркнуть, что исследование экспрессивности в рамках научного дискурса проводится главным образом на основе научно-популярных текстов [Савченко, 2018; Зарайский, Морозова, Полякова, 2019; Яковлева, Колесникова, 2020], которые, в отличие от собственно научных, имеют ключевую установку на популяризацию научного знания среди непрофессиональной, массовой аудитории, в то время как собственно научные тексты, в частности – научные статьи в профессиональных журналах, ориентированы на узкую аудиторию, ограниченную по образовательному, интеллектуальному и профессиональному статусу. Таким образом, изучение категории экспрессивности в рамках узкоспециализированного научного дискурса представляется в данный момент актуальным и своевременным.

Результаты исследования

Итак, как показал качественно-количественный анализ материала выборки, экспрессивная матрица научного дискурса формируется за счет разноуровневых языковых средств, однако их распределение в количественном соотношении неравномерно. Явное преобладание отмечается на уровне лексических выразительных средств, среди которых абсолютное первенство принадлежит эмоционально окрашенным прилагательным со значением позитивной (крайне редко – негативной) оценки. Всего в рассмотренных метатекстах было зафиксировано 150 случаев употребления оценочных прилагательных, таких как *surprising juxtaposition, paramount importance, renowned letters, remarkable challenge, novel approach, bewildering number of studies, striking commonalities, crucial role, fundamental importance, perfect system, simple and straightforward explanation, varied account,*

proper linguistic philosophy, useful theoretical tool, broad scope, etc. Среди негативно-оценочных прилагательных можно привести следующие примеры: *imagined homogeneity, insufficient and problematic analysis, trenchant criticism, repeated criticism, etc.*

Как видно из приведенных примеров, прилагательные, отобранные авторами статей для представления результатов проделанной работы в сжатом, концентрированном виде в рамках метатекста, обладают ярко выраженной оценочностью и несут явный экспрессивный заряд. При этом обращает на себя внимание тот факт, что прилагательные употребляются главным образом в положительной степени; сравнительная и превосходная формы не характерны для рассмотренных аннотаций и носят окказиональный характер. Всего в материале выборки зафиксировано 9 случаев употребления данных морфологических вариаций, и столько же случаев модификации значения прилагательного посредством интенсификаторов:

- *The most important processes … include transposition of glottal fricative…* [Lingua];
- *The authors propose a more expansive understanding of trans as a reading practice…* [European Journal of English Studies];
- *It is far less clear … whether acoustic correlates of quotation marks exist* [Language and Speech];
- *… discursive practices become more relevant than ever…* [Intercultural Pragmatics].

Второе положение по степени частотности в малоформатных вторичных метатекстах занимают оценочные наречия (общее количество – 30 единиц), такие как *overtly, naively, intuitively, iconically, harshly, tentatively, greatly, especially, equally, clearly, very rarely, etc.*, например:

- *[…] issues that we frequently naively overlook* [Lingua];
- *Regional variation […] is especially salient to its speakers […]* [Language and Speech];
- *this paper tentatively reformulates an integrated model […]* [Intercultural Pragmatics];
- *an unusually large number of non-consonantal sounds* [Language and Speech].

Приведенные выше наречия содержат явную оценочную сему, что позволяет авторам выразить нюансы и оттенки своего отношения к тому или иному аспекту информации, излагаемой в рамках содержательного поля статьи, и таким образом, смоделировать вектор восприятия данных сведений реципиентом.

Наименее частотными экспрессивными средствами лексического уровня являются оценочные существительные и глаголы (по 15 примеров). В качестве примеров можно привести следующие эмоционально-окрашенные единицы: *innovations, resonances, magic, criticism, legacy, to reinvigorate, to over-accentuate, to boost, to underscore, etc.*

На уровне синтаксических средств формирования экспрессивной матрицы малоформатных научных метатекстов центральное место принадлежит средствам экспрессивного синтаксиса, и, в первую очередь, параллельным конструкциям. Всего нами было зафиксировано 30 примеров параллелизма; в качестве примеров можно привести следующие отрывки:

- *[…] studies conducted in widely varying locations with widely varying foci* [English Today];
- *[…] syntactic dependencies are 'cheaper' than semantic dependencies, which are 'cheaper' than discourse dependencies* [The Journal of Comparative Germanic Linguistics];
- *those with more educational attainment, those of service […], and those from Huelva* [Language Variation and Change].

Как известно, синтаксическая организация отрезка текста в виде параллельных структур ведет к ритмической организации высказывания, что, в свою очередь, способствует интенсификации семантики лексических единиц и таким образом активизирует экспрессивный потенциал текстового фрагмента.

Кроме того, частотным приемом экспрессивного синтаксиса является парный союз *not only … but (also)*, который также позволяет проставить логические акценты в рамках семантического поля высказывания – в нашей выборке представлено 15 случаев употребления данной структуры:

- *[…] our findings contribute not only to the current research […] but may also be significant for service providers …* [Intercultural Pragmatics];
- *[…] that unfolds not only Beckett's interesting relation to China, but modernism's ethical and aesthetic inclusion […]* [Literature and Theology];
- *the documentary […] not only confronts the discourse […], but also how the form itself operates […]* [European Journal of English Studies].

Вопросительные конструкции выступают в

качестве инструмента диалогизации смыслового пространства и вовлечения адресата в обсуждение проблемы; они способствуют активизации внимания и интереса к исследованию. Так, в материале выборки были зафиксированы следующие примеры вопросительных конструкций:

- *Do They Really Mean It?* [Language and Speech]
- *Do We Pronounce Quotation?* [Language and Speech]
- *What do menu languages in Korean coffee shops tell us about the meaning of English today?* [English Today]

В данной связи нужно отметить, что вопросительные конструкции были обнаружены главным образом в заголовочных блоках метатекстов; данное наблюдение подтверждает тезис о том, что вопросы выполняют контактоустанавливающую и проспективную функции, побуждая читателя ознакомиться предлагаемой далее аннотацией, содержащей ответ на поставленный вопрос.

Следующий сегмент экспрессивной матрицы научных метатекстов формируют средства создания языковой образности. Несмотря на то, что традиционно письменный научный дискурс представляется как сфера рационального, объективного, аналитического мышления, полностью лишенного эмоциональности и образности, эмпирические данные, полученные в ходе изучения практического материала подтверждают обратное. Так, нами было зафиксировано 78 случаев использования тропов, что означает их присутствие в каждом втором тексте. Безусловное ядро здесь составляют метафоры (48 примеров), как традиционные и привычные, такие как *to solve the puzzle, to shed fresh light, to be at the heart of the project, etc.*, так и достаточно яркие и оригинальные авторские образования, в частности: *this functional head is an active probe, the teleological horizon of reconciliation, a mountain of criticism; to add to cultural archives, the hybrid roots of the mystic quest, what surfaces from this work theoretically, insights into the magic of Standard English, English does not have a colonial legacy, shadow education, grammar needs to be interrogated, etc.*

С одной стороны, наличие большого количества метафор в научном тексте объясняется тем фактом, что метафора – это не просто риторическое украшение, но и онтологически присущий человеческому мышлению когнитивный механизм [Скрипак, 2006, с. 162; Яковлева, Колесникова, 2020, с. 42]. С другой стороны, нельзя отрицать тот факт, что данный троп, обладая безусловной эстетической ценностью, обогащает речь и добавляет ей выразительности.

Помимо метафоры, по степени убывания частотности, нам встретились такие средства стилистической образности, как:

- аллитерация: *new –way(s) with –ward(s); geopolitical and geoeconomic; linguistic landscape, multilingualism and multiculturalism; surrealism and soteriological desire, etc.;*
- эпитет*: robust literature; syntactic dependencies are cheaper than […]; a more Barfield-friendly Lewis;*
- аллюзия: *To Move or Not To Move: an ERP study […]* [Lingua]*;*
- антитеза: *The hatred, violence, and injustice […] contrast sharply with the love, nonviolence, and justice […]* [Literature and Theology];
- нарушение лексической сочетаемости: *Americano, Latte or English: What do menu languages in Korean coffee shops tell us about […]* [English Today];
- нарастание: *[…] to confront trauma, probe, memory, and salvage meaning in a secular age* [Literature and Theology];
- подхват: *Regional variation […] is especially salient to its speakers involved with hip-hop, as hip-hop assigns great importance to […]* [Language and Speech];
- обособленная конструкция: *[…] presence of vocalic sounds around a word boundary – especially before – impedes processing […]* [Language and Speech], etc.

Кроме того, для расстановки логических акцентов, авторы прибегают к использованию такого графического экспрессивного средства, как курсив. Прагматически доминантные смысловые элементы визуально выделяются в текстовом массиве, что можно рассматривать как механизм компенсации отсутствия интонационных модуляций. В частности, в последнем приведенном примере лексема “before” (– especially *before* –) выделена курсивом.

Заключение

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод о том, что малоформатные вторичные метатексты в рамках научного дискурса характеризуются наличием системы разноуровневых экспрессивных средств. Данное обстоятельство, на наш взгляд, объясняется, во-первых, тем фактом, что мета-

текстовые блоки представляют собой первичный источник информации о проведенном исследовании, своего рода «лицо» предлагаемой научной работы, в связи с чем помимо функции информирования, не последнее место в их функциональной парадигме занимает аттрактивная функция, реализация которой и предопределяет наличие средств выражения экспрессии. Кроме того, агональный характер научной коммуникации подразумевает использование риторического инструментария для оказания воздействия на адресата. Экспрессивные средства распределяются в рассмотренных текстах по всем языковым уровням с явным преобладанием лексических средств, главным образом – оценочных прилагательных с ярко выраженной эмоционально-оценочной нагрузкой. На втором по частотности месте располагаются средства языковой выразительности, а именно – тропы, среди которых центральную позицию занимает метафора как эффективное средство сочетания универсального когнитивного механизма освоения действительности с повышением эстетической ценности высказывания. Экспрессивный синтаксис, главным образом, синтаксический параллелизм, занимает периферийное положение в экспрессивной матрице научного метатекста, однако, выполняя вспомогательную функцию, способствует логической акцентуации ключевых аспектов семантического плана. Ту же функцию реализуют графические средства, а именно – курсив, служащий компенсаторным механизмом в условиях отсутствия фонетической составляющей речи.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Москва : Просвещение, 1981. 300 с.

2. Баженова Е. А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 5. С. 24–32.

3. Бугорская Н. В. Научный текст в ненаучном освещении, или вредит ли публицистичность научности? // Медиалингвистика: Материалы II Международной научно-практической конференции «Язык в координатах массмедиа», Санкт-Петербург, 02-06 июля 2017 г. С. 97–99.

4. Зарайский А. А., Морова О. Л., Полякова (Харитонова) В. Ю. Специфика экспрессивности научно-популярного текста в аспекте прагмалингвистики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 257–260.

5. Переверзева И. В. Особенности реализации прагматического потенциала экспрессивных синтаксических конструкций в текстах научно-популярного стиля // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11(65). Ч. 1. С. 142–144.

6. Рогожина Л. А. Роль метафоры в формировании современного научно-технического дискурса (на примере авиационной лексики русского и французского языков) // Научно-практическая конференция в рамках «Недели науки» ФИЯ МАИ-НИУ, посвящённая 55-летию полёта Ю. Гагарина : Москва, 07 апреля 2016 г. Москва, 2016. С. 175–181.

7. Рянская Э. М., Алексеева Л. В. Прагматический компонент заголовков научных текстов (на примере англо- и русскоязычных публикаций по истории). Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2020. 99 с.

8. Савченко А. А. Экспрессивность англоязычного научного и научно-популярного текста и способы ее передачи на русский язык // Актуальные аспекты лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 31 марта 2018 г. 2018. С. 151–160.

9. Сахарова А. В. Языковые средства выражения объективной эпистемической модальности в научном дискурсе // Научный диалог. 2020. № 4. С. 151–163.

10. Скрипак И. А. К вопросу об экспрессивности научной речи // Язык. Текст. Дискурс. 2007. № 5. С. 223–226.

11. Скрипак И. А. Метафора как когнитивная модель в научном дискурсе // Язык. Текст. Дискурс. 2006. № 4. С. 162–165.

12. Скрипак И. А. Экспрессивный синтаксис в текстах научного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-2 (22). С. 170–173.

13. Хмельницкая Н. В. К вопросу об экспрессивности научного текста (на материале текстов научного экологического дискурса) // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сборник материалов XV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Томск, 19-21 мая 2015 г. С. 136–139.

14. Чернявская В. Е. Научно-исследовательская статья как вербализация нового научного результата (на материале лингвистики) // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 56–64.

15. Яковлева Ю. В. Категория экспрессивности и средства ее реализации в текстах научного стиля экономической тематики // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: Материалы пятой международной научно-практической конференции. Самара, 20-21 сентября 2010 г. Самара, 2010. С. 620–624.

16. Яковлева И. Н., Колесникова В. С. Сохранение экспрессивности при переводе метафоры в научно-популярном тексте // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 41–50.

17. English Today. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/english-today (Accessed 22 December 2020).

18. English Today. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/english-today (Accessed 22 December 2020).

19. European Journal of English Studies. Volume 24, Issue 1, 2020. URL: https://www.tandfonline.com/toc/neje20/current (Accessed 22 December 2020).

20. Intercultural Pragmatics. Volume 17, Issue 5, November 2020. URL: https://www.degruyter.com/view/journals/iprg/iprg-overview.xml?tab_body=latestIssueToc-78033 (Accessed 22 December 2020).

21. Language and Speech. Volume 63, Issue 4, December 2020. URL: https://journals.sagepub.com/toc/lasa/current (Accessed 22 December 2020).

22. Language Variation and Change. Volume 32, Issue 2, July 2020. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/language-variation-and-change/issue/AB1F311312A36F10A2A76076F2AFD182 (Accessed 22 December 2020).

23. Lingua. Volume 244, September 2020. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0024384120301285 (Accessed 22 December 2020).

24. Literature and Theology. Volume 34, Issue 3, September 2020. URL: https://academic.oup.com/litthe/issue/34/3 (Accessed 22 December 2020).

25. The Journal of Comparative Germanic Linguistics. Volume 23, Issue 1, April 2020. URL: https://link.springer.com/journal/10828/volumes-and-issues/23-1 (Accessed 22 December 2020).

Reference list

1. Arnol'd I. V. Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka = Stylistics of the modern english language. Moskva : Prosveshhenie, 1981. 300 s.

2. Bazhenova E. A. Nauchnyj tekst v diskursivno-stilisticheskom aspekte = Scientific text in the discursive and stylistic aspect // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2009. № 5. C. 24–32.

3. Bugorskaja N. V. Nauchnyj tekst v nenauchnom osveshhenii, ili vredit li publicistichnost' nauchnosti? = Scientific text in non-scientific light, or does publicism harm science? // Medialingvistika: Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Jazyk v koordinatah massmedia», Sankt-Peterburg, 02-06 ijulja 2017 g. S. 97–99.

4. Zarajskij A. A., Morova O. L., Poljakova (Haritonova) V. Ju. Specifika jekspressivnosti nauchno-populjarnogo teksta v aspekte pragmalingvistiki = The specifics of expressiveness in popular science text in terms of pragmalinguistics // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Filologija. Zhurnalistika. 2019. T. 19. Vyp. 3. S. 257–260.

5. Pereverzeva I. V. Osobennosti realizacii pragmaticheskogo potenciala jekspressivnyh sintaksicheskih konstrukcij v tekstah nauchno-populjarnogo stilja = Specific realization of pragmatic potential of expressive syntactic constructions in popular science texts // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 11(65). Ch. 1. C. 142–144.

6. Rogozhina L. A. Rol' metafory v formirovanii sovremennogo nauchno-tehnicheskogo diskursa (na primere aviacionnoj leksiki russkogo i francuzskogo jazykov) = The role of metaphor in forming modern scientific and technical discourse (on the example of aviation vocabulary in russian and french) // Nauchno-prakticheskaja konferencija v ramkah «Nedeli nauki» FIJa MAI-NIU, posvjashhjonnaja 55-letiju poljota Ju. Gagarina : Moskva, 07 aprelja 2016 g. Moskva, 2016. S. 175–181.

7. Rjanskaja Je. M., Alekseeva L. V. Pragmaticheskij komponent zagolovkov nauchnyh tekstov (na primere anglo- i russkojazychnyh publikacij po istorii) = Pragmatic component of scientific text titles (on the example of english and russian history texts). Nizhnevartovsk: Nizhnevartovskij gosudarstvennyj universitet, 2020. 99 s.

8. Savchenko A. A. Jekspressivnost' anglojazychnogo nauchnogo i nauchno-populjarnogo teksta i sposoby ee peredachi na russkij jazyk = Expressiveness of the English scientific and popular science text and ways to convey it in russian // Aktual'nye aspekty lingvistiki, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoj kommunikacii: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Krasnodar, 31 marta 2018 g. 2018. S. 151–160.

9. Saharova A. V. Jazykovye sredstva vyrazhenija objektivnoj jepistemicheskoj modal'nosti v nauchnom diskurse = Linguistic means of expressing objective epistemic modality in scientific discourse // Nauchnyj dialog. 2020. № 4. S. 151–163.

10. Skripak I. A. K voprosu ob jekspressivnosti nauchnoj rechi = On expressiveness of scientific speech // Jazyk. Tekst. Diskurs. 2007. № 5. C. 223–226.

11. Skripak I. A. Metafora kak kognitivnaja model' v nauchnom diskurse = Metaphor as a cognitive model in scientific discourse // Jazyk. Tekst. Diskurs. 2006. № 4. C. 162–165.

12. Skripak I. A. Jekspressivnyj sintaksis v tekstah nauchnogo diskursa = Expressive syntax in scientific discourse texts // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 4-2 (22). C. 170–173.

13. Hmel'nickaja N. V. K voprosu ob jekspressivnosti nauchnogo teksta (na materiale tekstov nauchnogo jekologicheskogo diskursa) = On the expressiveness of scientific text (based on scientific ecological discourse texts) // Kommunikativnye aspekty jazyka i kul'tury: Sbornik materialov XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii studentov i molodyh uchenyh. Tomsk, 19-21 maja 2015 g. S. 136–139.

14. Chernjavskaja V. E. Nauchno-issledovatel'skaja stat'ja kak verbalizacija novogo nauchnogo rezul'tata (na materiale lingvistiki) = Scientific research article as ver-

balization of a new scientific result (on the material of linguistics) // Zhanry rechi. 2016. № 1 (13). S. 56–64.

15. Jakovleva Ju. V. Kategorija jekspressivnosti i sredstva ee realizacii v tekstah nauchnogo stilja jekonomicheskoj tematiki = The category of expressiveness and its realization in scientific texts on economy // Vysshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy: Materialy pjatoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Samara, 20-21 sentjabrja 2010 g. Samara, 2010. S. 620–624.

16. Jakovleva I. N., Kolesnikova V. S. Sohranenie jekspressivnosti pri perevode metafory v nauchno-populjarnom tekste = Saving expressiveness in metaphor translation of popular science texts // Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2020. № 1. S. 41–50.

17. English Today. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/english-today (Accessed 22 December 2020).

18. English Today. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/english-today (Accessed 22 December 2020).

19. European Journal of English Studies. Volume 24, Issue 1, 2020. URL: https://www.tandfonline.com/toc/neje20/current (Accessed 22 December 2020).

20. Intercultural Pragmatics. Volume 17, Issue 5, November 2020. URL: https://www.degruyter.com/view/journals/iprg/iprg-overview.xml?tab_body=latestIssueToc-78033 (Accessed 22 December 2020).

21. Language and Speech. Volume 63, Issue 4, December 2020. URL: https://journals.sagepub.com/toc/lasa/current (Accessed 22 December 2020).

22. Language Variation and Change. Volume 32, Issue 2, July 2020. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/language-variation-and-change/issue/AB1F311312A36F10A2A76076F2AFD182 (Accessed 22 December 2020).

23. Lingua. Volume 244, September 2020. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0024384120301285 (Accessed 22 December 2020).

24. Literature and Theology. Volume 34, Issue 3, September 2020. URL: https://academic.oup.com/litthe/issue/34/3 (Accessed 22 December 2020).

25. The Journal of Comparative Germanic Linguistics. Volume 23, Issue 1, April 2020. URL: https://link.springer.com/journal/10828/volumes-and-issues/23-1 (Accessed 22 December 2020).

УДК 811.111

Е. В. Власова **https://orcid. org/0000-0002-9902-4066**

И. А. Тисленкова **https://orcid. org/ 0000-0002-7202-2773**

Средства актуализации сравнения в языке современных социальных групп Англии

Для цитирования: Власова Е. В., Тисленкова И. А. Средства актуализации сравнения в языке современных социальных групп Англии // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 156–163. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-156-163

Целью статьи является установление средств выражения сравнения в речи персонажей высших, средних и низших классов современного английского общества на материале художественных произведений. В статье анализируются контексты употребления сравнения, вводимого модификатором like в речи 23 персонажей в произведениях современных английских писателей Кэрил Черчилл «Девушки из высшего общества» 1982 г., Патрика Марбера «Своя игра» 1995 г. и Индии Найт «Утешение и радость» 2010 г. и впервые выявляются средства репрезентации сравнения в сентенциях представителей разных социальных классов современного английского общества. В работе используется социолингвистический подход, предусматривающий анализ речи с учетом социального класса говорящего. В статье продемонстрировано, что выбор разных языковых средств для выражения сравнения продиктован особенностями социального слоя, к которому принадлежат коммуниканты, такими как ведущие ценности, уровень образования, дохода, степень свободы в выражении эмоций. В статье делается вывод о том, что сравнение речи представителей высшего класса выражено нейтральной лексикой для передачи положительных эмоций и неформальной лексикой для демонстрации гиперболизированной негативной оценки, отражающей критический и иронический взгляд на происходящие события. Сравнение в высказываниях представителей среднего класса выражается формальной лексикой, французскими словами, рифмами, политическими терминами, клише, деформированными фразеологизмами, которые отражают стремление подражать высшим классам, свидетельствуют о скромности, неуверенности в себе коммуникантов. Сравнение в суждениях англичан низшего класса передаётся арготизмами, помогающими выразить вспышку негативных эмоций, а также религиозными и литературными аллюзиями, употребленными не к месту, содержащими обилие логических ошибок.

Ключевые слова: сравнение, средства актуализации, высшие, средние и низшие классы, социолингвистические характеристики, речь современных англичан.

E. V. Vlasova, I. A. Tislenkova

Means of simile actualization in the language of modern social groups in England

The purpose of the article is to reveal the means of expressing simile in the speech of characters belonging to modern upper, middle and lower classes, based on the texts of contemporary English fiction: Caryl Churchill «Top Girls», Patrick Marber «Dealer's Choice» and India Knight «Comfort and Joy». Conducting speech analysis, the authors use the sociolinguistic approach, allowing to take into account the social class of the speaker. The article demonstrates that the choice of different language means for conveying simile is dictated by such specific characteristics of the social layer to which communicants pertain as leading values, level of education, income, and the degree of freedom in expressing emotions. The article concludes that simile in speech of upper class representatives is expressed by neutral vocabulary to convey positive emotions and informal vocabulary to demonstrate hyperbolized negative evaluation, reflecting a critical and ironic evaluation of everyday events. Simile in the statements of middle class speakers is expressed in formal vocabulary, French words, rhymes, political terms, clichés, deformed phraseological units, which reflect the desire to imitate the upper classes, indicate modesty and self-doubt of the communicants. Simile in the judgments of lower-class Englishmen is conveyed by argotisms, helping to express an outburst of negative emotions, as well as by religious and literary allusions that are misused and contain an abundance of logical errors.

Key words: simile, means of actualization, upper, middle and lower classes, sociolinguistic characteristics, modern english speech.

Изучению образного сравнения (simile) посвящено большое количество лингвистических

© Власова Е. В., Тисленкова И. А., 2021

исследований, в которых данный приём понимается как содержательная и формальная категория, устанавливающая, в чем вещи, явления сходны и в чем различны. В лингвистической литературе сравнение не рассматривается с точки зрения его использования в речи представителей разных слоёв населения современного английского общества. В настоящей статье мы обратимся к изучению средств актуализации сравнения в языке современного высшего, среднего и низшего классов Англии.

Цель исследования – установить средства выражения сравнения в речи говорящих высших, средних и низших классов современного английского общества.

Для выполнения поставленной цели решались следующие задачи:

1) проанализировать контексты употребления сравнения, вводимого словом like в речи персонажей трёх поколений в произведениях современных английских писателей;

2) выявить средства репрезентации сравнения в сентенциях представителей разных социальных классов современного английского общества.

Средства актуализации сравнения в языке современных социальных классов Великобритании рассматриваются в настоящей работе впервые.

В отечественной и зарубежной лингвистической литературе образное сравнение (simile) представляет собой явное высказывание частичной схожести (сходства, похожести, подобия) двух объектов [O'Donoghue, 2009; Devyatova, 2010; Chiappe, Kennedy, 2001]. Образное сравнение строится на базе реального или предметно-логического сравнения, но в отличие от него соотносит непохожие явления или предметы [Harding, 2019; Gibbs, 2002]. Данный прием возникает на базе ассоциативного сходства у говорящего [Буглак, 2001, с. 91].

Образные сравнения – это яркие сравнения, и чем они ярче, тем очевиднее несоответствия между двумя объектами [Utsumi, 2007]. Еще со времен Р. О. Якобсона известно, что секрет стилистического приема заключается в его неожиданности; реципиент готов на все, кроме того, что он готов увидеть [Скребнев, 2003, с. 193].

Сравнение представляет собой фигуру речи, в которой сравниваются два объекта, причем один из них уподобляется другому [Fogelin, 2011; Gibbs, 2002]. Сравнение основано на сопоставлении, которое может быть использовано как фигура экспрессивной деривации [Москвин, 2004, с. 188]. По мнению Е. В. Бобыревой, сравнение используется с целью эмоционального объяснения, сугубо индивидуального описания [Бобырева, 2010, с. 27].

Сравнение представляет собой один из основных способов отражения окружающей действительности посредством языковых средств [Михальченко, 2006].С помощью этого выразительного средства говорящий описывает свои чувства и внутреннее состояние, обозначает собственное мнение о текущих событиях и людях [Федорцова, 2013, с. 1060].

Сравнение используется в речи англичан всех возрастов и слоёв общества [Hanks, 2005; Baranova, 2020]. Однако, при сходстве формы, у разных социальных классов сравнение имеет свои специфические черты, которые в настоящее время не освещены в научной литературе. В нашем исследовании мы сфокусируем своё внимание на исследовании способов выражения аппроксимирующей сравнительной конструкции, вводимой модификатором *like*.

В связи с тем, что литературное произведение даёт достоверное представление о том, как в реальной жизни говорят люди [Ивушкина, 1997; Tislenkova, 2020,p. 320], материалом исследования послужили высказывания 23 персонажей из произведений современных английских писателей Кэрил Черчилл «Девушки из высшего общества» 1982 г., Патрика Марбера «Своя игра» 1995 г.. и Индии Найт «Утешение и радость» 2010 г. Общий объём проанализированных контекстов составляет 170 ситуаций употребления данного тропа.

Методы исследования, использованные в работе, включают социолингвистический анализ высказываний персонажей с применением социолингвистических категорий профессора Ивушкиной Т. А., описанных в монографии «Язык английской аристократии: социально-исторический аспект» [Ивушкина, 1997], а также функциональный, системный и структурный методы.

Способы выражения сравнения в речи персонажей высших классов

Рассмотрим специфику употребления сравнения аристократами из пьесы «Девушки из высшего общества» («TopGirls»), написанной современным британским драматургом Кэрил Черчилл (Caryl Churchill), представительницей высших классов.

Пьеса К. Черчилл посвящена проблеме роли женщины в современном обществе и показывает,

чем приходится жертвовать, чтобы стать успешной. В произведении автор подробно описывает различные виды потери человеком контакта с миром и с самим собой, а также не менее странные попытки обрести этот контакт. Необходимо отметить, что все герои пьесы – представители верхушки общества – реальные люди, такие, как например Изабелла Люси Бёрд – британская исследовательница, писательница, фотограф и натуралистка, чью речь мы исследуем в нашей работе. Интересным, на наш взгляд, является тот факт, что Изабелла Бёрд стала первой женщиной-членом Королевского географического общества Великобритании. К. Черчилл, имеющая оксфордское образование, говорит от лица своих героев, передавая тем самым особенности речи и манеру поведения, в то же время, автор учитывает и описывает личный опыт, и язык известных представителей высшего класса современного британского общества. Все персонажи пьесы сидят за столом в шикарном ресторане и вспоминают свою молодость. Представители высших классов часто создают речевые маски, скрывающие их истинные чувства [Власова, 2012]. Для речи персонажей свойственна также оригинальность и неологизмы [Tislenkova, 2020]. Остановимся на способах выражения сравнения, выявленных в высказываниях героинь высших классов.

Анализ пьесы показал, что сравнение характерно для речи женщин в основном старшего поколения. Автор пьесы вводит 15 ситуаций сравнений, представленных в большей степени соединительным словом *like*. Рассмотрим примеры сравнения в речи представительницы старшего возраста Изабеллы Бёрд:

1) I was sent on a cruise for my health and I felt even worse. Pains in my bones, pins and needles in my hands, swelling behind die ears, and – oh, stupidity. I shook all over, indefinable terror. And Australia seemed to me a hideous country, *the acacias stank like drains* [Churchill, 1982, p.12] / Чтобыпоправитьздоровьеменяотправилив круиз, откоторогомнесталотолькохуже. Боль в суставах, распухшие лимфоузлы, судороги, ломота, в общем, глупее не придумаешь. Я была охвачена беспричинным ужасом, дрожала всем телом. Австралия показалась мне отвратительной страной, где *акации смердели как сточные воды* (здесь и далее – перевод наш В. Е., Т. И.).

В данном контексте Изабелла описывает чувства, которые она испытывала во время поездки в Австралию, подчеркивает, что она была недовольна всем. Сравнение из её высказывания выражено глаголом с пометой *–infml* и содержит гиперболизированную негативную оценку [Hornby, 1994, p. 1262]. Здесь неожиданная этическая «сниженность» её рассказа указывает на такую типичную черту речевого поведения высшего общества, как эксцентричность, критический и иронический взгляд на жизнь [Ивушкина, 1997; Тисленкова, 2019].

На самом деле, героиня просто скучала **по дому.** За речевой маской героиня скрывает свои истинные чувства – радость от путешествия, новые эмоции, свобода и возможность не соблюдать правила этикета, о чем свидетельствует следующий пример:

2) **“I fell in love with the sea. There were rats in the cabin and ants in the food but suddenly** *it was like a new world***. I woke up every morning happy, knowing there would be nothing to annoy me. Nonervousness. Nodressing” [**Churchill**, 1982, p. 13]. /** Я вдруг влюбилась в океан. Хотя в каюте были крысы, а в еде – муравьи, ***всё это было словно новый мир для меня.*** Каждое утро я, как это ни странно, просыпалась счастливой, зная, что мне все будет нравиться. Ничто не вызывало у меня раздражения. Ничто не действовало на нервы. Даже переодеваться к столу было не нужно.

Сравнение в речи Изабеллы выражено нейтральными лексическими единицами, свидетельствующими о положительных эмоциях персонажа – радости, счастье и независимости от правил.

Следует отметить, что Изабелла Бёрд, родившаяся в семье священника, с ранних лет отличалась тягой к странствиям и начала путешествовать, когда ей исполнилось двадцать два года, отправившись сначала в Америку к родственникам, чтобы поправить здоровье. Австралия была четвертой страной, которую она посетила. О почти каждом из своих путешествий она написала книги, в которых отразила все свои эмоции, чувства и полученный опыт. К. Черчилл в речи своего персонажа – знаменитой путешественницы отразила особенности употребления стилистических приёмов, в данном примере – сравнения. Исследование способов выражения сравнения в речи реальных представителей высших классов позволяет увидеть классовые различия, которые сводятся к умению творчески подходить к языку, выражать критику или иронию [Власова, 2012].

Способы выражения сравнения в речи персонажей средних классов

Перейдём к рассмотрению сравнения, упо-

требляемого героями средних классов в романе «Утешение и радость» («ComfortandJoy»), созданного известной современной английской писательницей Индией Найт (*India Knight*), представительницей средних классов, обозревателем газеты «Sunday Times».

Произведение И. Найт описывает пред рождественские хлопоты главной героини, Клары Хатт, которая старается организовать праздник для своей большой эксцентричной семьи. На протяжении всего романа идёт описание её покупок и приготовлений к Рождеству, встреч с родственниками и друзьями, празднования в кругу родных и близких. Её второй брак трещит по швам, но, несмотря на личные проблемы, ей удаётся организовать изумительный праздник для всех домочадцев и провести его с удовольствием и радостью. Естественно, символично и само название романа.

Повествование от лица героини связывает сюжетный уровень, мир вымышленных героев и авторский образ. Создаётся впечатление, что сам автор описывает свою жизнь со всеми событиями в канун Рождества. Субъективный опыт писательницы осмысливается, преобразуется и объективируется в художественном тексте. Таким образом, обобщение сугубо личного опыта помогает проанализировать речь автора как представителя средних классов, среднего поколения в лице главного персонажа романа – Клары Хатт. Главная героиня романа с блестящим юмором описывает свою жизнь и происходящие события героев – представителей средних классов. Анализ романа показал, что сравнение характеризует в основном речь женщин среднего возраста. Необходимо отметить, что автор романа использует большое количество сравнений в своей речи, представленных преимущественно соединительным словом ‘like’. Рассмотрим примеры употребления сравнения в речи Клары Хатт – образованной женщины сорока однолетнего возраста, работающей в издательстве журнала. Клара умеет посмеяться над собой, с большой добротой и нежностью и юмором относится ко всем остальным.

1) “The Connaught, then. Ha! Why not? The Con-bloody-naught, so chic and refined. I haven’t been in there for years. It’s exactly the sort of place where a person might go and have a drink and be left in peace and ***feel like a lady in a hat in an old-fashioned novel***, plus it’s barely a ten-minute walk away. Worry: do I look smart enough under my polar-explorer coat?” [Knight, 2010 p. 11]./ Значит, идём в ресторан «Коннот». Ха! А почему бы и нет? Обдираловка для бедных, но такой шикарный и изысканный. Я сто лет там не была. Это именно то место, куда можно пойти выпить в тишине и покое, и ***почувствовать себя утончённой леди в шляпе из старомодного романа***, к тому же до него всего десять минут ходьбы. Только одна проблема: достойна ли я в своём пальто полярного исследователя перешагнуть порог этого заведения?

В данном примере Клара, после беготни по магазинам перед Рождеством, решает отдохнуть в шикарном месте – «Конноте» – лондонском ресторане в гостинице высшего класса в фешенебельном районе Мейфэр. Героиня иронично, и в то же время с восхищением описывает данное заведение с помощью эмоционально-оценочной лексики и сравнения.

Говорящие среднего класса более осторожны в том, какие слова они выбирают для выражения сравнения. Так, они «тянутся» к высшим слоям и стремятся использовать лексические единицы с пометами *formal*(«lady» – леди) и *French* («chic» – шикарный) [Cambridge Dictionary, 2020].

Клара хочет насладиться тишиной и посетить роскошный бар со стильным декором, в котором подают превосходные коктейли и изысканные вина. Следует отметить, что данное место предназначено для представителей высших классов с приличным материальным достатком, так как не каждый может позволить себе посетить бары и ресторан HeleneDarroze, удостоенный 3 розочек ресторанного гида Автомобильной ассоциации Великобритании и 2 звезд Мишлен. Таким образом, принимая во внимание все обстоятельства, героиня романа решает побаловать себя всего лишь одним напитком, но очень обеспокоена своим внешним видом. Прекрасное настроение героини, её игривый тон передаются с помощью рифм:«Why<u>not</u>? … TheCon-bloody-<u>naught</u>»и «po-l<u>ar</u>-explor<u>er</u>», которые также создают иронический эффект. Следующий пример продолжает описание этого дивного заведения:

2) “Slight left, and here’s Carlos Place, and here’s the Connaught, shining in the dark with that yellowy light, ***like a house in a book, like a beacon of possibilities***” [Knight, 2010]./ Левее, и мы на Карлос Плейс, а вот и «Коннот», сияющий в темноте золотыми огнями, ***как сказочный замок, как луч света***.

Клара видит перед собой гостиницу, которая предстаёт перед ней невероятным образом. Ис-

тория «Коннота» восходит к 1815 году, когда отель распахнул свои двери, как CoburgHotel, принадлежавший герцогу Вестминстерскому. В 1917 году отель был переименован в Connaught– в честь герцога Коннаут, третьего сына королевы Виктории. Автор сравнивает отель со «сказочным замком», так как это роскошное здание, украшенное колоннами, резьбой по камню и красивыми балконами в георгианском стиле. За годы своей истории фешенебельный отель принимал многих именитых гостей, включая королеву Елизавету II, принца Чарльза, французского президента Шарля де Голля, американского модельера Ральфа Лорена. «Луч света» означает то, что это отель для самых искушенных гостей, предлагающий все по высшему разряду: внутреннее убранство и интерьеры шикарных номеров, созданные такими знаменитыми дизайнерами, как Гай Оливер, Дэвид Коллинз и Индия Махдави, кулинарные шедевры в ресторанах от шеф-повара Элен Дарроз, роскошный спа-центр, элегантные бары, предлагающие первоклассные напитки, вместительные залы для конференций и банкетов, уникальный японский сад и ряд других услуг. Одним словом – другой, звёздный мир.

Для передачи своего восхищения атмосферой этого удивительного отеля героиня использует сравнение, в структуру которого она включает деформированный фразеологизм «***abeaconofpossibilities»,*** образованный от «abeaconofhope» с пометой *figurative* [Hornby, 1994].Употребление политических терминов характерно для средних классов английского общества и отражает склонность к использованию клише [Тисленкова, 2019].

Способы выражения сравнения в речи персонажей низших классов

Недалеко от элегантного ресторана «Коннот», в десяти минутах ходьбы от Вэст Энда, в подвале более чем скромной закусочной за грязным кухонным столом играют в покер представители низшего класса среднего возраста:полотёр Магси, хозяин забегаловки Стивен, его сын Карл и повар Суини – персонажи произведения «Своя игра» (Dealer's Choice) Патрика Марбера (Patrick Marber).Тридцатилетнему Магси, по прозвищу Харя, везёт в этот вечер, и он нечестным образом обыгрывает своего хозяина в карты.

1) **Mugsy** YES! Yes! The Mug is back. It's a miracle! What did you have, Stephen?

Stephen Trip fours.

Mugsy Trip fours, bottom trips and you raised? You're losing it, mate, you're cracking up!

He rakes in the chips.

It's what I always say Ash, this game is about stamina. It's about never say die even when you're dead. I have risen from the ashes ***like the proverbial dodo***. I am resurrected. It took the Lord three days, the Mug one hand! Trip fours and he calls a back-raise on that flop … you've lost it, mate! [Hornby, 1994, p. 107]

Магси ДА! Да-а-а! Харя снова в ударе. Это чудо! Что у тебя, Стивен?

Стивен Трипс – три четвёрки.

Магси Три четвёрки? И ты ещё на что-то рассчитываешь? Ты проигрываешь, дурень, сбрасывайся!

Он сгребает фишки.

Я всегда говорил, что это игра на выносливость, Эш. В ней никогда не говори конец, даже если твоя песня спета. ***Бог создал меня из пепла, как библейского додо.*** Он сделал это за три дня, а Харя это сделал за одну партию! Я воскрес. Три четвёрки, и он ещё хочет разыграть эту руку … да ты продулся в пух, приятель! (стилизация наша – Т. И.)

Сравнение, вводимое маркером *like*и выраженное религиозными аллюзиями, помогает ему расхвалить самого себя, подчеркнуть свою сообразительность, уподобить себя создателю. Для этого он использует «умные» для человека своего социального статуса слова «**proverbial**» (*библейский*), «**Lord**» (*Бог*), ссылается на Священное Писание, намекая товарищам, что он выиграл, потому что он умнее и даже образованнее их.

В этом примере маркером классовой принадлежности выступают логические ошибки, порождённые неграмотностью. Так, в этой попытке построить сравнение, Магси включает в высказывание сразу три источника, о которых он имеет весьма смутное представление. Птицу Додо, героя детской сказки Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» он принимает за мифологическую птицу Феникс из «Послания Коринфянам Климента Римского» (Глава XXV) [Первое послание св. Климента Римского, 1994; Азбука веры, 2020]. Акт воскрешения Феникса из пепла после самосожжения Магси смело приписывает Богу. Также, говорящий демонстрирует незнание даже азов Библии, учения о Сотворении мира, в котором говорится о том, что за первые три дня Бог создал небо, землю, свет и тьму, сушу, моря и растения [Библия. Ветхий и Новый завет, 2017]. Учитывая вышесказанное, данное сравнение носит абсурдный характер.

Обратимся к примеру из речи другого игрока – официанта Карла. Он зол на своего отца Стивена за то, что зависит от него финансово, вынужден ему подчиняться и повиноваться его воле, ограничивая себя в свободе действий. В этой игре Карл хочет выиграть у Стивена немного денег, потому что ему не на что купить наркотики, но стечению обстоятельств ему это не удаётся. Более того, он ещё и выслушивает нотацию отца о вреде азартных игр.

2) **Carl** And this evening you made me ***feel like shit*** about a hundred quid.

Stephen I've got a feeling we're talking about a little bit more than a hundred pounds, Carl … .

Carl But you did give me shit about a hundred quid. [Hornby, 1994, p. 108]

Карл И сегодня ты заставил меня ***чувствовать себя дерьмово*** из-за какой-то сотни фунтов.

Стивен Вообще-то, Карл, ты проиграл немного больше, чем сотню фунтов…

Карл Но я проиграл их тебе и от этого мне ещё паршивее (стилизация наша – Т. И.).

Карл прибегает к сравнению, чтобы передать накопившуюся у него агрессию. В связи с этим он выражается так, как принято у людей «социального дна». Сравнение в его высказывании выражено арготизмом *shit*(дерьмово). Арго помогает ему быстро «разрядить» свою ярость и заставить собеседника почувствовать вину.

Таким образом, анализ произведений показал, что выбор разных языковых средств для выражения сравнения продиктован такими особенностями социального слоя, к которому принадлежат коммуниканты, как ведущие ценности, уровень образования, дохода, степень свободы в выражении эмоций.

Решение поставленных задач позволило определить следующие средства репрезентации сравнения с маркером like в речи представителей трёх основных классов Англии:

1. Сравнение в сентенциях говорящих высшего класса выражено нейтральной лексикой для передачи положительных эмоций и неформальной лексикой для демонстрации гиперболизированной негативной оценки, отражающей критический и иронический взгляд на происходящие события.

2. Сравнение в высказываниях представителей среднего класса выражается формальной лексикой, французскими словами, рифмами, политическими терминами, клише, деформированными фразеологизмами, которые отражают стремление подражать высшим классам, свидетельствуют о скромности, неуверенности в себе коммуникантов.

3. Сравнение в суждениях англичан низшего класса передаётся арготизмами, помогающими выразить вспышку негативных эмоций, а также религиозными и литературными аллюзиями, употребленными не к месту. Данные средства используются с целью покрасоваться, продемонстрировать свои «знания» и «сообразительность», что вызывает у слушателя улыбку. Сравнение в их речи носит абсурдный характер из-за обилия логических ошибок.

Проведённое исследование открывает новые возможности использования полученных данных на материале других языков.

Библиографический список

Библия. Ветхий и Новый завет. Москва : АСТ, 2017. 1200 с.

Бобырева Е. В., Мосейко А. А., Власова Е. В. Стилистика: теория и практика: учеб. пособие. Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. 75 с.

3. Буглак С. И. Соотношение сравнения и метафоры в английском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2001. № 4. С. 90–94.

4. Власова Е. В. Особенности коммуникативного поведения англичан // Современная филология: теория и практика: материалы X Международной научно-практической конференции. Москва : Изд-во «Спецкнига», 2012. С. 56–59.

5. Азбука веры: сайт. Москва. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Rimskij/poslanija-k-korinfjanam/#0_26 (дата обращения: 10.06.2020).

6. Ивушкина Т. А. Язык английской аристократии: социально-исторический аспект : монография. Волгоград : Перемена, 1997. 157 с.

7. Михальченко В. Ю. Словарь социолингвистических терминов. Москва : Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. 312 с.

8. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Терминологический словарь-справочник. Ростов-на-Дону : Издательство Феникс, 2004. 940 с.

9. Первое послание св. Климента Римского к Коринфянам. Рига : Латвийское Библейское Общество, 1994. 399 с.

10. Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка : учебник. Москва : Астрель: АСТ, 2003. 220 с.

11. Тисленкова И. А., Глебова Е. А., Бганцева И. В., Ионкина Е. Ю. Ирония – статусный символ высших классов Англии // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 5–1. С. 227–246.

12. Федорцова В. Н., Кощеева Е. А. Перевод авторских сравнений с английского языка на русский (по

роману Дж. Оруэлла «1984» и переводу В. Н. Голышева) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 2(4). С. 1060–1062.

13. Baranova T. M. Typology of Original Similies from the viewpoint of the Recipient's Perception in the Translation Aspect // Philology. Theory & Practice. 2020. № 5. P. 274–280.

14.Cambridge Dictionary: сайт. Cambridge. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/beacon (дата обращения: 20.06.2020).

15. Chiappe P., Kennedy J. Literal bases for metaphor and similie // Metaphor and Symbol. 2001. V. 16. P. 249–276.

16.Churchill C. Top Girls. England : Methuen London Ltd., 1982. 87 p.

17. Devyatova N. Comparison in a dynamic system of the language. Moscow : USSR, 2010. 318 p.

18. Fogelin R. J. Figuratively speaking. Oxford : Oxford University Press, 2011. 144 p.

19. Gibbs R. W. A new look at literal meaning in understanding what is said and implicated // Journal of Pragmatics. 2002. V. 34. P. 457–486.

20. Hanks P. Similies and sets: The English preposition like. // Languages and Linguistics: Festschrift for Fr. Cermak. Charles Uni. Prague, 2005. P. 1–15.

21.Harding J. R. Similies, puns and counter factuals in literary narrative. New York: Routledge, 2019. 172 p.

22. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford : Oxford University Press, 1994. 1041 p.

23.Knight I. Comfort and Joy. England : Penguin Books Ltd. London, 2010. 229 p.

24. Marber P. Plays 1: Dealer's Choice. After Miss Julie. Closer. London : Methuen Drama, 2004. 298 p.

25. O'Donoghue J. Is a metaphor (like) a similie? Differences in meaning, effect and processing // Working papers in Linguistics. 2009. V. 21. P. 125–149.

26. Tislenkova I. A., Tikhaeva V. V., Bgantseva I. V., Ionkina E. Yu. Psycholinguistic and sociolinguistic parameters of upper-class ageing womens' speech // Journal of Psycholinguistic Research. 2020. V. 49. № 2. P. 319–334.

27. Utsumi A. Interpretive diversity explains metaphor-similie distinction // Metaphor and Symbol. 2007. V. 22. P. 291–312.

Reference list

1. Biblija. Vethij i Novyj zavet = Bible. Old and new testament. Moskva : AST, 2017. 1200 c.

2. Bobyreva E. V., Mosejko A. A., Vlasova E. V. Stilistika: teorija i praktika = Stylistics: theory and practice : ucheb. posobie. Volgograd : Izd-vo VGPU «Peremena», 2010. 75 c.

3. Buglak S. I. Sootnoshenie sravnenija i metafory v anglijskom jazyke = Correlation between simile and metaphor in the english language // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie. 2001. № 4. S. 90–94.

4. Vlasova E. V. Osobennosti kommunikativnogo povedenija anglichan = Specific communicative behavior of the english // Sovremennaja filologija: teorija i praktika: materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moskva : Izd-vo «Speckniga», 2012. S. 56–59.

5. Azbuka very = The ABC of faith. Moskva. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Rimskij/poslanija-k-korinfjanam/#0_26 (data obrashhenija: 10.06.2020).

6. Ivushkina T. A. Jazyk anglijskoj aristokratii: social'no-istoricheskij aspekt = The language of English aristocracy: a social and historical aspects : monografija. Volgograd : Peremena, 1997. 157 s.

7. Mihal'chenko V. Ju. Slovar' sociolingvisticheskih terminov = Dictionary of sociolinguistic terms. Moskva : Rossijskaja akademija nauk. Institut jazykoznanija. Rossijskaja akademija lingvisticheskih nauk, 2006. 312 s.

8. Mockvin V. P. Vyrazitel'nye credctva covremennoj rucckoj rechi: Tropy i figury. Terminologicheckij clovar'-cpravochnik = Expressive means of modern Russian speech: Tropes and figures. Glossary of terms. Rostov-na-Donu : Izdatel'stvo Feniks, 2004. 940 s.

9. Pervoe poslanie sv. Klimenta Rimskogo k Korinfjanam = First epistle of St. Clement of Rome to Corinthians. Riga : Latvijskoe Biblejskoe Obshhestvo, 1994. 399 s.

10. Skrebnev Ju. M. Osnovy stilistiki anglijskogo jazyka = Basic stylistics of the English language : uchebnik. Moskva : Astrel': AST, 2003. 220 s.

11.Tislenkova I. A., Glebova E. A., Bganceva I. V., Ionkina E. Ju. Ironija – statusnyj simvol vysshih klassov Anglii = Irony as a status symbol of English upper classes // Sovremennye issledovanija social'nyh problem. 2019. T. 11. № 5–1. S. 227–246.

12. Fedorcova V. N., Koshheeva E. A. Perevod avtorskih sravnenij s anglijskogo jazyka na russkij (po romanu Dzh. Orujella «1984» i perevodu V. N. Golysheva) = Translation of the author's comparisons from English into Russian (based on J. Orwell's novel «1984» and V.N. Golyshev's translation) // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2013. T. 15. № 2(4). S. 1060–1062.

13. Baranova T. M. Typology of Original Similies from the viewpoint of the Recipient's Perception in the Translation Aspect // Philology. Theory & Practice. 2020. № 5. P. 274–280.

14.Cambridge Dictionary: sajt. Cambridge. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/beacon (data obrashhenija: 20.06.2020).

15. Chiappe P., Kennedy J. Literal bases for metaphor and similie // Metaphor and Symbol. 2001. V. 16. P. 249–276.

16.Churchill S. Top Girls. England : Methuen London Ltd., 1982. 87 p.

17. Devyatova N. Comparison in a dynamic system of the language. Moscow : USSR, 2010. 318 p.

18. Fogelin R. J. Figuratively speaking. Oxford : Oxford University Press, 2011. 144 p.

19. Gibbs R. W. A new look at literal meaning in understanding what is said and implicated // Journal of Pragmatics. 2002. V. 34. P. 457–486.

20. Hanks P. Similies and sets: The English preposition like. // Languages and Linguistics: Festschrift for Fr. Cermak. Charles Uni. Prague, 2005. P. 1–15.

21.Harding J. R. Similies, puns and counter factuals in literary narrative. New York: Routledge, 2019. 172 p.

22. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford : Oxford University Press, 1994. 1041 p.

23.Knight I. Comfort and Joy. England : Penguin Books Ltd. London, 2010. 229 p.

24. Marber P. Plays 1: Dealer's Choice. After Miss Julie. Closer. London : Methuen Drama, 2004. 298 p.

25. O'Donoghue J. Is a metaphor (like) a similie? Differences in meaning, effect and processing // Working papers in Linguistics. 2009. V. 21. P. 125–149.

26.Tislenkova I. A., Tikhaeva V. V., Bgantseva I. V., Ionkina E. Yu. Psycholinguistic and sociolinguistic parameters of upper-class ageing womens' speech // Journal of Psycholinguistic Research. 2020. V. 49. № 2. P. 319–334.

27. Utsumi A. Interpretive diversity explains metaphor-similie distinction // Metaphor and Symbol. 2007. V. 22. P. 291–312.

УДК 811.153.9

Е. М. Григорьева **https://orcid.org/0000-0002-1779-6063**

Т. А. Калачева **https://orcid.org/0000-0001-9682-9021**

Этапы становления и развития шотландской лексикографии

Для цитирования: Григорьева Е. М., Калачева Т. А. Этапы становления и развития шотландской лексикографии // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 164–169. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-164-169

Известно, что лексикография, эта благодатная почва для научных исканий, многим обязана английским исследователям. Это утверждает историческая справка, указывающая на конкретный временной срез (XVI в.) время, когда первые в своём роде писательские справочники стали появляться в Англии, опередившей в этом аспекте всю Европу. И хотя английская лексикография стала основополагающей в этом вопросе, совершенно очевидно, что она не развивала науку лексикографию автономно. Так, шотландскими лексикографами были введены аутентичные и обособленные словарные направления, например, глоссарии трудных и малопонятных шотландских слов. Инспирацией к исправлению создавшейся конъюнктуры стала вышедшая в Эдинбурге в 2012г. под редакцией И. Маклеода и Дж. Деррика Мак Клура коллективная монография «Scottish in Definition. A History of Scottish Dictionaries». Предпосылки возникновения и дальнейшее существование вариативных национальных лексикографий рассматривались наукой в течение многих веков. За время этой непрерывной работы было описано целое множество закономерностей и тенденций, сопутствующих зарождению лексикографии того или иного государства, и не подлежит сомнению, что все эти случаи стали возможны единственно благодаря выходу всеобъемлющего толкового словаря, ответственного за раскрытие одного конкретного языка. В исследованиях последних лет шотландская лексикография занимает весомое место, поскольку в настоящее время проблема национальной идентичности особенно актуальна. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы путем использования методов классификации этапов существования шотландской лексикографии, а также лексикографического анализа существующих шотландских словарей рассмотреть вопросы аутентичности шотландской лексикографии в языковой системе. Проведённое исследование показывает, что шотландская лексикография – настоящий феномен в британской лексикографии.

Ключевые слова: шотландская лексикография, глоссарий, нормирование языка, терминологический справочник, мегаструктура.

E. M. Grigorieva, T. A. Kalacheva

Stages of formation and development of scottish lexicography

It is well known that lexicography, this fertile ground for scientific research, owes a lot to English researchers. This is confirmed by a historical reference pointing to a specific time period (sixteenth century) when the first reference books started to appear in England, which was ahead of the rest of Europe in this aspect. In spite of this, English lexicography has become pivotal in this matter, it is clear that it has not developed the science of lexicography autonomously. For instance, scottish lexicographers have introduced authentic and separate dictionary directions, such as glossaries of difficult and obscure scottish words. The collective monograph Scottish in Definition. A History of Scottish Dictionaries. published in Edinburgh in 2012 and edited by I. McLeod and J. Derrick McClure was an inspiration to correct the situation. The preconditions for the emergence and continued existence of variant national lexicographies have been considered by science for many centuries. During the course of this continuous work a great number of patterns and tendencies have been described accompanying the birth of the lexicography of a particular state, and there is no doubt that all these cases were made possible only by the release of a comprehensive explanatory dictionary, responsible for the description of one particular language. Scottish lexicography plays a prominent role in recent research, as the issue of national identity is particularly relevant at present. The objective of this paper is to address the problems of authenticity of Scottish lexicography within the language system using methods of classifying the evolution stages of Scottish lexicography along with lexicographic analysis of modern scottish dictionaries. The undertaken research shows that scottish lexicography is a real phenomenon in British lexicography.

Key words: scottish lexicography, glossary, language standardization, LSP dictionary, megastructure.

© Григорьева Е. М., Калачева Т. А., 2021

Введение

Словарём, служащим лингвистической компетенцией и культурной сокровищницей, располагает каждая страна. Так, у Англии есть Оксфордский словарь, а у Германии – словарь братьев Гримм. В Шотландии особняком стоит словарь Дж. Джеймисона [Карпова, 2013, с. 276]. Каждый из них оказался по-своему значимым и лишь словарю Джеймисона (в совокупности со всей шотландской лексикографией) недоставало должного внимания учёных. Первопричина такого непростого положения заключается в классификации шотландского как диалекта [Trudgill, 1991, p. 13]. С другой стороны, это может быть объяснено и тем, что английская лексикография, зародившаяся в середине XVI в. (на два века опережая Шотландию), имела историческое и лексикографическое жанровое преимущество, что проявилось в виде коркондансов к творчеству Чосера, Мильтона, Шекспира и других английских писателей. Они представляли собой готовый иллюстративный материал для словарной статьи, поскольку содержали полные своды цитат из отдельных произведений всех сочинений писателей [Карпова, 2011, с. 49].

Как бы то ни было, прежде чем окончательно завоевать признание, лексикография этой страны вынуждена была пройти проверку на качество и испытание временем, и это становится более очевидным и достоверным, если обратиться к точным датам определенного ряда событий, которые будут рассмотрены по ходу исследования.

В работе дается авторская периодизация этапов становления и развития шотландской лексикографии, что позволяет проследить особенности лексикографической ситуации в Шотландии в диахроническом аспекте.

Методы исследования

В ходе исследования были использованы следующие методы: теоретико-лингвистический анализ литературы, метод лексикографического анализа и метод классификации.

Основная часть

Проведенное исследование позволило выделить следующие этапы в рамках становления и развития шотландской лексикографии.

Первый этап охватывает временной период начиная с XII в. по XVIII в.

Итак, первыми шотландскими лексикографическими работами можно назвать глоссарии, появление которых датируется 1150 г. Эти глоссарии можно условно разделить на две группы. Это, во-первых, *internal glosses*, интегрируемые в латинские тексты с целью их последующего объяснения на шотландском языке, и, во-вторых, *interlinear glosses*, т. е. алфавитные списки непонятных и/или трудных слов.

Вплоть до 1700 г. параллельно с глоссариями постепенно появлялись и двуязычные справочники (vocabularies), внутри которых словник и разработка слов проводились дифференциально.

Второй этап охватывает два столетия (XVIII–XIX вв.). В 1710 г., когда в Шотландии был опубликован первый, кардинально по-новому ориентированный глоссарий к произведениям шотландского поэта Р. Бёрнса, чей языковой материал многократно обновлялся и переиздавался. Своей задачей составитель справочника сделал поиск и регистрирование тех слов и значений, которые поэт употребил и тем самым внёс в шотландский язык. В то же время, неологизмы литератора маркируются при помощи стилистических помет. Как уже было сказано ранее, шотландские глоссарии шли по пути наименьшего сопротивления, во многом повторяя опыт английских писательских глоссариев, которые к тому моменту располагали целым множеством полноценных работ к произведениям таких значимых фигур на литературном поприще, как Чосер и Шекспир [Karpova, Melentyaeva, 2013, с. 80]. На этом этапе, помимо принципа алфавитного построения словника, задействуется также дифференциальная разработка заглавных слов, где особо пристальное внимание уделяется этимологии. Подводя итоги этого столетия, следует отметить, что именно здесь берут своё начало глоссарии, проложившие дорогу новым толковым словарям шотландского языка. Следует подчеркнуть, что к 1792 г. диалектная лексикография в Шотландии завоевала особое место.

Началом **третьего этапа** (XIX в. – вторая пол. XIX в.) становится издание в 1808 г. первого этимологического словаря шотландского языка в двух томах Дж. Джеймисона, который по всем канонам можно назвать полноправной вехой в истории формировании лексикографии шотландского языка.

Автор словаря выступал за идею о сохранении шотландского языка и открыто говорил о возможном его исчезновении в случае, если его не закреплять на письме. С данной целью Дж. Джеймисоном был создан словарь, охват которого составлял приблизительно 800 шотландских слов и словосочетаний, к которым даны и подробные толкования.

Здесь также рассматриваются вопросы разви-

тия шотландской лексикографии (глава II «Models and Rivals»), этапы создания словаря (глава III «The Dictionary Takes Shape»), перспектива пользователя (глава IV «'The Pulse of The Public': Promotion and Publication»), и принципы построения словаря (глава V «Inside the Dictionary») [Jamieson, 1808, p. 25].

Автор указанной работы использовал диалектные и устные тексты, шотландские песни и баллады. Он также цитировал местные газеты и устное шотландское словоупотребление (spoken usage), что в значительной мере делало его независимый труд отличным от аналогичных английских изданий.

При цитировании исторических памятников шотландского языка лексикограф обогащал словарные статьи сведениями энциклопедического характера (cultural boxes), раскрывая тонкости миропорядка и нравственного состояния шотландцев.

Особой похвалы заслуживает рациональное и продуманное решение Дж. Джеймисона периодически редактировать и переиздавать словарь на фоне естественного устаревания материала. Первое из подобных обновлений пришлось на 1825 г., когда было опубликовано приложение к словарю (Supplement), а вслед за ним – ещё одно (Abridgement). Впервые словник отображал предельно актуальную и живую лексику, взятую из последних литературных и научно-популярных произведений, в том числе, вышедшей в 1824 г. энциклопедии (Gallovidian Encyclopedia) [Jamieson, 1825, p. 10].

Большая ответственность за создание столь важного словаря положила начало феномену волонтёрской практики (volunteer lexicography).

Четвёртый этап (вторая пол. XIX в. – кон. XIX в.) имеет особое значение для развития шотландской лексикографии. Именно в этот период, а именно, в 1888 г. лексикограф Ч. Мэккей, известный как автор этимологического словаря языка Шекспира, считавшегося лучшим трудом в английской писательской лексикографии, создал пост-Джеймисоновский словарь шотландского языка. Адресатом справочника является определенный круг пользователей – англичане, читающие в подлиннике произведения таких известных коренных шотландцев, как Р. Бёрнс, В. Скотт, У. Данбар и других авторов, чьи работы активно цитировались на страницах данного лексикографического труда, микроструктура которого зачастую включала этимологическую характеристику заглавных слов. Следует отметить, что он был одним из первых иностранных лексикографов, кто открыто оспаривал понятие «шотландского диалекта», призывая считать его языком [Macleod, 2012, p. 83].

Перейдем к рассмотрению **пятого этапа** (кон. XIX в. – сер. XX в.). Этот период примечателен тем, что, хотя глоссарии к литературным произведениям продолжают стабильно разрабатываться и выпускаться, теперь их созданием всё чаще занимаются сами литераторы. Ярким примером становится составленный В. Скоттом глоссарий к трём романам из серии "Waverley Novels".

Рассмотрим особенности организации микроструктуры словаря на примере нескольких словарных статей:

Diamond. Sir Halbert Glendinning's favourite falcon. Ch. vii.

Rosabelle. The Queen's horse, which Douglas obtained from Morton's guarded stables for Mary's use after her flight from Lochleven Castle. The Queen said:

My own favourite Rosabelle, who was never matched in Scotland for swiftness, for ease of motion and for sureness of foot. Ch. xxxvi.

Rosabelle safely bore Mary from the battle of Langside, and in all the agony of that hour she did not forget to provide for the faithful creature's care.

Ch. xxxvi, xxxvii, xxxviii. *See* George Douglas [The Waverley dictionary, 1808, p. 168].

Микроструктура организована следующим образом: лексема, описательное толкование (definition) и потом цитируется то место в произведении, где образ персонажа раскрывается наиболее ярко.

Структура словаря характеризуется использованием различных средств полиграфической семиотики, выраженной игрой шрифтов: для входной единицы (keyword) шрифт полужирный, а для толкования – другой (тонкий), отсылочная помета дана курсивом. Цветовое оснащение и графические вставки отсутствуют, что свидетельствует о строго выдержанном оформлении словаря (dictionary design/architecture).

Таким образом, микроструктура включает региональные пометы, причисляющие действующего персонажа к определённому народу. Словарная статья характеризуется ограниченным количеством помет, что свидетельствует о неполной разработке значения слова, называемой добавочной функционально-семантической характеристикой (DSP).

Обращение к содержанию показало, что именно односоставные имена превалируют на страницах данного словаря, тогда как клички животных встречаются крайне редко. Согласно подсчётам, в среднем на одной странице размещены четыре

словарные статьи, следовательно, на всех 357 страницах их приходится порядка 1428.

Однако даже при таких ярких достоинствах этот словарь всё ещё несовершенен. Как было отмечено ранее, словарные статьи здесь посвящены либо людям, либо питомцам, однако эти две группы сосуществуют без какого-либо видимого разделения, сливаясь воедино в общем объеме статей. Порой это может вызывать трудности у пользователя. Ещё одним минусом, более существенным, считается отсутствие дифференцирующего признака между словарными статьями, посвящёнными представителям разной народности.

Параллельно с глоссарием к трём романам из серии "Waverley Novels" стремительно развивается уже сложившееся направление диалектных словарей на примере "Etymological Dictionary of the North Language in Shetland", составленном Дж. Джакобсоном и опубликованном во временной промежуток 1908–1921 гг. [Macleod, McClure, 2012, p. 213]. Целью настоящего словаря является установление роли древне-норвежского языка в развитии шотландских диалектов. Учёный, стремясь доказать свою гипотезу о предпосылках, в качестве культурного туриста (cultural tourist) провёл ряд экспедиций по территории Шотландии. Итогом этой плодотворной деятельности стала коллекция более чем из 10 тыс. слов, половина числа которых уже была на грани исчезновения. Дж. Джакобсон стремился проследить изменения в значениях, которые диалектизмы либо утратили, либо приобрели за время своего существования. Подобным образом изучались и изменения в произношении. Наравне с указанными пометами, лексикографом вводились культурологические комментарии. Такое множество добавочной информации говорит о полной разработке значения слова, иначе называемой добавочной функционально-семантической характеристикой (DSP).

Конкурентоспособный словарь появился лишь полвека спустя, когда в 1979 г. был выпущен «The Shetland Dictionary» Дж. Грэма. Особенностью данного справочника стало его двуязычное (bilingual) написание, а также формат из двух частей, Shetland-English и English-Shetland соответственно. С помощью этих приёмов автор стремился сделать шотландские диалектизмы доступными и удобными для восприятия как для соотечественников, так и англичан. С точки зрения науки данный словарь располагает большим научным значением, поскольку все составители прошлых лет не имели филологического образования и руководствовались лишь личной заинтересованностью в языке той страны, откуда были родом.

Следующий **шестой этап** (сер. XX в. – кон. XX в.). отображает то, как по причине развития промышленности и спроса на новые технологии доминирующее положение в шотландской лексикографии заняли словари технических терминов. Это можно проиллюстрировать на образце "Glossary of Mining Terms Used in Fife" 1980 г. под редакцией Р. Д. Керра, на чьих страницах были собраны терминологические определения угледобывающей промышленности. Такой подход позволил по-новому взглянуть на концепт словаря специального характера (LSP).

Учёные, осознав возможности и перспективы своей науки, занялись работой по введению словарей регистрирующего типа, чьи принципы заключались в отказе от дифференциального предписывающего словника и в полноте представления словоупотребления. Первая ассоциация, возникшая на фоне словарей этого типа, – издание «Dictionary of the Older Scottish Tongue» (DOST), которое специалисты называют прообразом справочника исторического типа [MacLeod, 2012, p. 157]. Подобная классификация объясняется тем, что здесь собраны, во-первых, весомые лингвистические сведения о первоначале и ступенях развития шотландского языка и, во-вторых, обширная экстралингвистическая справка, раскрывающая подробности локального онтогенеза и социальных диффузий в жизни шотландского общества. Подобная синергия информации сообщает о принципе гибридизации, которые объединяет несколько видов словарей. Политика автора DOSTa У. Грэша включала несколько аспектов: collaborative lexicography, а также полиграфическую семиотику.

В 1973 г. в команде DOSTa появился новый участник – Дж. Стивенсон. Научный сотрудник предложил поставить акцент на конкретном историческом пласте 1200-1700 гг., в чьих границах держались те язык и культура, которые ещё не успели осветиться исследователями. Ему также принадлежит мысль о демаркации синтаксических и семантических сведений в словарных статьях с последующим их размещением в соответствующих параграфах микроструктуры. Все эти действия были ориентированы, в большинстве своём, на выполнение запросов пользователей (user's needs and demands), т. к. к концу XX в. их мнение стало решающим при выборе словаря для конкретных целей.

Наконец, перейдем к заключительному **седьмому этапу** развития шотландской лексикогра-

фии, который начался в конце XX в. и продолжается вплоть до настоящего времени.

Итак, точка в работе над словарём была поставлена в 2001 г. Благодаря Интернету, этой новой платформе, что перевела традиционную лексикографию на уровень киберлексикографии, словарь удалось перевести в режим онлайн-доступа, что значительно расширило круг реципиентов.

Следует отметить, что программа поддержки сохранения шотландского языка продолжается и в настоящее время, о чём свидетельствует ещё один авторитетный словарь шотландского языка «Scottish National Dictionary» (SND). В заключительный том авторы ввели энциклопедические сведения, хранящие в себе аллюзии на шотландскую культуру, проявившиеся в виде шотландских имён собственных, топонимов, названий ярмарок, рынков и проч. и проч. Без изменений не осталась и информационная категория, в которую впервые включили фонетическую помету. В отношении вариативности значения следует отметить, что она была упорядочена при помощи арабских цифр, размещённых в различных подсекциях словарных статей. Использованные в словаре цитаты, отсылающие к надлежащему диалектному источнику, указывались в хронологическом порядке.

Итогом этого упорного труда стало то, что после долгожданного выхода SND, на создание которого ушло порядка 50 лет, в Шотландии ощутимо возросла искренняя заинтересованность населения к сохранению родного языка. После обретения высокого статуса шотландскому языку открылись двери большинства университетов не только Шотландии, но и США.

Следует вернуться к словарю Дж. Джеймисона, который благодаря достижениям киберлексикографии в 2008 г. появился в онлайн-формате. Благодаря техническим нововведениям некоторые прежние присущие ему недостатки – недосягаемость перекрёстных ссылок – были успешно преодолены [Rennie, 2012, p. 135].

Заключение

Резюмируя всё сказанное выше, следует подчеркнуть, что, хотя шотландская лексикографии развивались по аналогичным законам, господствующим в научном мире Англии, она, тем не менее, пропускала через собственную призму все тенденции и настроения, отождествляющие каждый отдельно взятый исторический период, через который проходила Шотландия. Становление лексикографии в Шотландии началось со словарей предписывающего типа и постепенно пришло к академическим справочникам регистрирующего типа. Более того, упорная работа составителей, оформителей и волонтёров секуляризировала шотландскую лексикографию, популяризовав особое отношение к идентичности культуры и языка Шотландии, и эта научная деятельность может служить образцом для многих учёных из других стран.

Библиографический список

1. Алхастова З. Р., Карпова О. М. Словари пословиц английских писателей (на материале словарей пословиц У. Шекспира и Ч. Диккенса) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж : «Издательский дом ВГУ». 2018. № 4. С. 12–24.

2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Национальный и территориальный признак в автономии. Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1913. С. 104.

3. Григорьева Е. М. Язык и культура : учебное пособие. Иваново : изд-во Ивановский государственный университет, 2019. С. 136.

4. Евстафьева Н. М. Предпосылки формирования современной языковой ситуации в Шотландии // Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции «Наука сегодня: постулаты прошлого и современные теории как механизм эффективного развития в условиях кризиса». Санкт-Петербург : КультИнформПресс, 2016. С. 246–249.

5. Карпова, О. М. Английская лексикография : учебное пособие. Москва : Академия, 2011. С. 174.

6. Карпова О. М. Словарь Джеймисона как отражение шотландской лексикографической картины. 2013. № 2 (78). С. 275–278.

7. Карпова О. М. Современная лексикографическая картина Великобритании // Вестник Московского государственного областного университета». Серия Лингвистика, 2018. № 6. С. 12–17.

8. Карпова О. М., Денисов К. М. Современная мировая лексикография и эволюция ее научной парадигмы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: «Гуманитарные науки», 2018. Выпуск 1. С. 39–43.

9. Кириллов М. А. Современные тенденции в английской писательской лексикографии // Английская лексикография: формирование, развитие, современное состояние: юбил. сб. науч. ст. / отв. ред. Ф. И. Карташкова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2006. С. 120–134.

10. Bejoint H. The Lexicography of English: from Origins to Present. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 544.

11. Jamieson J. An Etymological Dictionary of the Scottish Language. Edinburgh, University Press, 1808., Vol. 1. P. 746.

12. Jamieson J. An Etymological Dictionary of the Scottish Language, Edinburgh, Printed at the University Press for W. & C. Tait, 1825, Vol. 1. P. 712.

13. Karpova O., Melentyaeva O. Chaucer and Shakespeare Glossaries: Do Modern Users still Need them Today? // Multidisciplinary Lexicography: Traditions and

Challenges of the XXst Century. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 77–95.

14. MacLeod I. Scottish National Dictionary. Edinburgh : Birlinn Ltd., 2012. P. 331.

15. Macleod I., J. D. McClure. Scotland in Definition : a History of Scottish Dictionaries. Edinburgh : Birlinn Ltd., 2012. P. 342.

16. Rennie S. Jamieson's Dictionary of Scots: the Story of the First Historical Dictionary of the Scots Language. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 282.

17. The Online Scots Dictionary. URL: http://www.scots-online.org/dictionary/index.asp (дата обращения 25.12.2019).

18. The Waverley dictionary; an alphabetical arrangement of all the characters in Sir Walter Scott's Waverley novels, with a descriptive analysis of each character, and illustrative selections from the text. Chicago : S. C. Griggs, 1885. P. 364.

19. The Scottish National Dictionary. URL: http://www.dsl.ac.uk/about-scots/the-scots-language/ (дата обращения 24.01.2020).

20. Trudgill, P., Chambers, J. K. Studies in Grammatical Variation // Dialects of England. Ed. by Peter Trudgill. Repr. Cambridge (Mass); Oxford : Blackwell, 1991. P. 320.

Reference list

1. Alhastova Z. R., Karpova O. M. Slovari poslovic anglijskih pisatelej (na materiale slovarej poslovic U. Shekspira i Ch. Dikkensa) = English writers proverbs dictionaries (on the basis of Shakespeare and Dickens proverb dictionaries) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. Voronezh : «Izdatel'skij dom VGU». 2018. № 4. S. 12–24.

2. Bodujen de Kurtenje I. A. Nacional'nyj i territorial'nyj priznak v avtonomii = National and territory features in autonomy. Sankt-Peterburg : tip. M.M. Stasjulevicha, 1913. S. 104.

3. Grigor'eva E. M. Jazyk i kul'tura = Language and culture : uchebnoe posobie. Ivanovo : izd-vo Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 2019. S. 136.

4. Evstaf'eva N. M. Predposylki formirovanija sovremennoj jazykovoj situacii v Shotlandii = Prerequisites for the formation of the modern linguistic situation in Scotland // Sbornik nauchnyh statej po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Nauka segodnja: postulaty proshlogo i sovremennye teorii kak mehanizm jeffektivnogo razvitija v uslovijah krizisa». Sankt-Peterburg : Kul'tInformPress, 2016. S. 246–249.

5. Karpova, O. M. Anglijskaja leksikografija = English lexicography : uchebnoe posobie. Moskva : Akademija, 2011. S. 174.

6. Karpova O. M. Slovar' Dzhejmisona kak otrazhenie shotlandskoj leksikograficheskoj kartiny = Jamieson's Dictionary as a reflection of the Scottish lexicographic picture. 2013. № 2 (78). S. 275–278.

7. Karpova O. M. Sovremennaja leksikograficheskaja kartina Velikobritanii = The modern lexicographic picture of Great Britain // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta». Serija Lingvistika, 2018. № 6. S. 12–17.

8. Karpova O. M., Denisov K. M. Sovremennaja mirovaja leksikografija i jevoljucija ee nauchnoj paradigmy = Modern world lexicography and the evolution of its scientific paradigm // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: «Gumanitarnye nauki», 2018. Vypusk 1. S. 39–43.

9. Kirillov M. A. Sovremennye tendencii v anglijskoj pisatel'skoj leksikografii = Current trends in english literary lexicography // Anglijskaja leksikografija: formirovanie, razvitie, sovremennoe sostojanie: jubil. sb. nauch. st. / otv. red. F. I. Kartashkova. Ivanovo : Ivan. gos. un-t, 2006. S. 120–134.

10. Bejoint H. The Lexicography of English: from Origins to Present. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 544.

11. Jamieson J. An Etymological Dictionary of the Scottish Language. Edinburgh, University Press, 1808., Vol. 1. P. 746.

12. Jamieson J. An Etymological Dictionary of the Scottish Language, Edinburgh, Printed at the University Press for W. & C. Tait, 1825, Vol. 1. P. 712.

13. Karpova O., Melentyaeva O. Chaucer and Shakespeare Glossaries: Do Modern Users still Need them Today? // Multidisciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXst Century. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 77–95.

14. MacLeod I. Scottish National Dictionary. Edinburgh : Birlinn Ltd., 2012. P. 331.

15. Macleod I., J. D. McClure. Scotland in Definition : a History of Scottish Dictionaries. Edinburgh : Birlinn Ltd., 2012. P. 342.

16. Rennie S. Jamieson's Dictionary of Scots: the Story of the First Historical Dictionary of the Scots Language. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 282.

17. The Online Scots Dictionary. URL: http://www.scots-online.org/dictionary/index.asp (data obrashhenija 25.12.2019).

18. The Waverley dictionary; an alphabetical arrangement of all the characters in Sir Walter Scott's Waverley novels, with a descriptive analysis of each character, and illustrative selections from the text. Chicago : S. C. Griggs, 1885. P. 364.

19. The Scottish National Dictionary. URL: http://www.dsl.ac.uk/about-scots/the-scots-language/ (data obrashhenija 24.01.2020).

20. Trudgill, P., Chambers, J. K. Studies in Grammatical Variation // Dialects of England. Ed. by Peter Trudgill. Repr. Cambridge (Mass); Oxford : Blackwell, 1991. P. 320.

УДК 81'26

И. А. Воронцова **https://orcid.org/0000-0001-5897-9299**

С. Б. Барушкова **https://orcid.org/0000-0002-2488-4977**

Е. Е. Петрова **https://orcid.org/0000-0002-4225-6544**

Лингвокультурные маркеры текста

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-07-00243

Для цитирования: Воронцова И. А., Барушкова С. Б., Петрова Е. Е. Лингвокультурные маркеры текста // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 170–179. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-170-179

Настоящее исследование имеет целью составление комплексной лингвокультурологической характеристики текста фольклорной сказки. Исследование выполнено на материале сборника сказок Irish Fairy and Folk Tales в обработке У. Б. Йейтса. Результаты исследования позволяют предположить, что лингвокультурные маркеры обнаруживаются как на идейно-композиционном, так и речевом уровнях текста. Так, мотивы христианской морали легли в основу реципрокного альтруизма, составляющего концептуальную сущность ирландской фольклорной сказки. Структура сказки часто линейна и состоит из краткого зачина, основной части и кульминации, переходящей в краткую резкую развязку. Ирландская фольклорная сказка часто является метафорой обряда инициации. Дидактическая функция сказки состоит в демонстрации возможности искупить пороки через их осознание и покаяние, а также предъявления правил и норм существования в обществе. Культурно-маркированный языковой материал представлен на разных уровнях языковой системы. Фонетический уровень обнаруживает явления, имитирующие специфический «ирландский говор», придающий речи оттенок простонародности: метатеза, редукция согласных в конце слова, имитация аспирации, аллитерация, игра слов, основанная на омофонии и др. Лексический уровень представлен фоновой лексикой, географическими и этнографическими реалиями, национально-специфичными именами собственными (реальными и вымышленными антропонимами и топонимами), лексикой с эномаркированной формой (преимущественно пришедшей из Irish Gaelige), цитатными включениями и др. Культурная специфика демонстрирует себя и в плоскости грамматики и ритма текста через использование специфических для ирландского варианта английского языка местоимений, глагольных форм, определенного соотношения фигур ритма, основанных на повторе – полисиндетона, диакопы, анафоры, эпизевксиса, симплоки и др. Системное изучение лингвокультурных маркеров текста позволяет получить интегрированное представление об интра- и экстралингвистических характеристиках сказовых текстов.

Ключевые слова: сказка, фольклорная сказка, ирландская фольклорная сказка, примарно-эмоциональный тип текста, лингвокультурный маркер, идейно-композиционный уровень текста (сказки), речевой уровень текста (сказки).

I. A. Vorontsova, S. B. Barushkova, E. E. Petrova

Linguocultural markers of text

The aim of the research is to provide a comprehensive linguocultural characteristic of a folk tale. The research is based on the material of the Irish Fairy and Folk Tales tale anthology, compiled and edited by W. B. Yeats. The research results allow for a suggestion that linguocultural markers are to be found on both ideologic-compositional and speech levels of a text. Thus, the motives of Christian morality form the basis for reciprocal altruism which is the conceptual entity of Irish folk tales. The tale structure is often linear and consists of a short introduction, the main part and the climax turning into a short sharp denouement. Irish folk tales are often a metaphor for the rite of passage. The didactic function of tales consists in demonstrating the possibilities of sin purge through their recognition and repentance. Tales also set social rules and norms. Culture-specific language units encountered in the texts of Irish folk tales belong to different levels of the English language system. The phonetic level reveals such features as metathesis, final consonant reduction, imitation of aspiration, alliteration, wordplay based on homophony, etc. They imitate a peculiar Irish accent and exert some vernacular effect. The lexical level is represented by culture-bound vocabulary including ethnographical terms, anthroponyms and geographical names, both real and invented, various kinds of borrowings from Irish Gaeilge,

© Воронцова И. А., Барушкова С. Б., Петрова Е. Е., 2021

quotations etc. Some cultural features are exhibited in grammar and text rhythm, chiefly through the use of specific verb forms of Irish English as well as certain correlations of repetition-based rhythmic devices – polysyndeton, diacope, anaphora, epizeuxis, symploce etc. The study of linguocultural text markers gives a comprehensive idea of intra- and extralinguistic characteristics of the tale.

Key words: tale, folk tale, Irish folk tale, primary-emotional text type, linguocultural marker, ideologic-compositional level of text (tale), speech level of text (tale).

Введение

Современные лингвистические исследования обнаруживают стабильный интерес к теории художественного текста. При этом объектом лингвистического и лингвокультурологического анализа выступают не только современные литературные произведения, но и фольклор, составляющий большой пласт культурно-маркированных текстов, являющих собой хранилище и в определенном смысле инкубатор символических и метафорических образов, источник реминисценций и интертекстуализмов, модель наивной картины мира его (фольклора) создателей [Соловьева, 2019; Лутовинова, 2018 Ласкова, Ивченко, 2019; Кузнецова, Сухенко, 2019; Gyem, 2011]. В настоящей работе изучаются вопросы, связанные с особенностями реализации лингвокультурного компонента фольклорного текста, в частности текста сказки, требующие обращения к широкому репертуару реалий и фоновой лексики, имен собственных, символических и формульных единиц, равно как к тропам и особенностям ритмической структуры текста сказки, которые часто остаются за рамками исследований.

Методы исследования

Данное исследование выполнено на материале сборника сказок *Irish Fairy and Folk Tales* в обработке У. Б. Йейтса (впервые опубликованного в 1888г.). Сборник состоит из 64 произведений и представляет собой собрание ирландских фольклорных (народных) сказок, авторских сказок, основанных на архаичных сюжетах, а также песен, баллад и стихотворений. У. Б. Йейтс редактировал некоторые тексты, дополнял разделы сборника поясняющими статьями, дополнительными лингвистическими и культурологическими комментариями, написал вступление ко всему сборнику и отдельным его разделам [Yeats, 2017].

Методологическая база исследования представляет собой синтез теоретических и количественных методов. К теоретическим методам относятся методы анализа и классификации, к количественным – методы сбора и статистической обработки полученной информации. Последние требуют, на наш взгляд, некоторого уточнения.

Культурно-маркированный языковой материал лексического уровня текста ирландских фольклорных сказок отбирался и обрабатывался авторами вручную. Выборка таких единиц составляет 1598 единиц и представлена реалиями (всего 1297, из них географических – 454: реалии описания наземного типа ландшафта – 334, периферийного типа – 13, водного типа – 107; этнографических – 843, преимущественно представленных номинациями субъектов и объектов культуры, среди них 437 собственно фольклорных), именами собственными (топонимы – 153 единицы, антропонимы – 148), цитатными включениями (5), диалектизмами и просторечиями, лексикой с эномаркированной формой (преимущественно, кельтского происхождения). Для сбора и оценки фонетических и синтактико-ритмических характеристик текста, которые мы также относим к культурно-специфическим текстовым маркерам, был использован инструмент «ProseRhythmDetector», созданный для поиска и анализа стилистических средств, структура которых содержит в себе повтор. Объем выборки культурно-специфических единиц фонетического уровня составляет порядка 3000 единиц, выборка и синтактико-ритмических характеристик составляет порядка 1000 единиц.

Результаты исследования

Фольклорная сказка является уникальным жанром мировой литературы, имеющим свои структурные, лингвистические и этнокультурные черты. В силу гетерогенности самого жанра сказки, а также по причине разнообразия национальных сказовых традиций в современной фольклористике не существует единого общепринятого определения сказки, однако многие специалисты данной области разделяют мнение В. Я. Проппа, что сказкой – как фольклорной (народной), так и литературной – следует считать рассказ, который базируется на определённой последовательности функций или деталей развития сюжета, в различных видах [Пропп, 2020, с. 17].

Рассматривая фольклорную сказку в аспекте

информационной доминанты, мы классифицируем ее как примарно-эмоциональный текст [Алексеева, 2012, с. 246], из чего следует, что ее коммуникативная функция заключается в передаче эмоциональной (эмоционально-эстетической) информации: сказка воздействует на читателя (слушателя) посредством фонетических, лексических и грамматических средств художественной выразительности. Инструменты передачи эмоциональной информации во многом культурно-специфичны, то есть представлены языковыми единицами, несущими в своей семантической структуре культурно-специфические смыслы, и, следовательно, могут быть отнесены к лингвокультурным маркерам текста [Тарнаева, 2015, с. 99]. Исследования показывают, что лингвокультурные маркеры текста наиболее четко определяются на лексическом и фразеологическом уровнях и представлены фоновой лексикой и реалиями [Зернова, 2020], аллюзиями и реминисценциями [Туова, 2015], средствами языковой игры [Ласкова, Попова, 2019] архаизмами, просторечной, разговорной, диалектной лексикой и т. д. Однако лингвокультуные маркеры обнаруживаются и на фонетическом и грамматическом уровнях текста, указывая на локализацию, культурную, социальную и генерационную среду и т. д. субъектов дискурса. Выделение таких маркеров возможно благодаря существующим методам фоно- и грамматико-семантического анализа текста [Кунова, 2019; Павловская, 2020; Schrenk, 2020].

Разумеется, в фольклорной сказке, как и в любом другом тексте, одновременно присутствуют несколько типов информации, в том числе когнитивная и оперативная, но они подчинены доминирующему типу информации (эмоционально-эстетической) и используются либо для создания общего фона повествования, либо для придания ещё большей экспрессивности тексту [Алексеева, 2012, с. 256].

Подчиненные типы информации реализуются, в том числе, через языковые единицы, выступающие в качестве лингвокультурных маркеров текста. Так, когнитивная информация может выражаться в употреблении топонимов (что особенно характерно для сказок Британских островов) и антропонимов (в основном, личных имён персонажей). Следует отметить, что информация познавательного плана в сказке не всегда является достоверной: она может быть выдумана автором либо частично им изменена, становясь, таким образом, псевдокогнитивной. Оперативная информация в основном встречается в репликах героев – это различные приказы, призывы к действию. Очень часто данный вид информации встречается в репликах трикстера, наставника или волшебного помощника, и также способствует усилению экспрессии [Wilde, 2020]. Репертуар культурно-маркированных единиц здесь весьма широк и варьируется от фонетических до синтаксических средств.

Коммуникативная задача фольклорной сказки вытекает из её функций: в архаичном обществе сказка заключала в себе мудрость жизни, объяснение и пояснение ритуалов и обрядов, давала представление о мире и обществе и передавала эти знания последующим поколениям. Со временем сказка потеряла эти функции и превратилась в развлекательное произведение [Самчик, 2019, с. 26], однако дидактическая задача сказки сохраняется: сказка так или иначе призвана учить морали и нравственности, понятиям добра и зла.

Настоящее исследование сосредоточено на особенностях реализации лингвокультурного компонента сказового текста, а именно текста ирландской фольклорной сказки, что определяет необходимость анализа культурно-специфических и одновременно культурно-значимых характеристик текста ирландской сказки.

На передний план, на наш взгляд, выходит религиозная составляющая системы текста, определившая как философию и особенности сюжета ирландской сказки, так и ее языковой материал. Ирландия одной из первых европейских стран приняла христианство. Именно мотивы христианской морали легли в основу реципрокного альтруизма, ведь главному герою помогают практически на безвозмездной основе (*The Soul Cages*). Порой в сказках Ирландии встречаются сюжеты, где главных героев, наделенных красотой или смирением, вознаграждают, невзирая на пороки, например, лень (*The Lazy Beauty and Her Aunts*).

Структура ирландской фольклорной сказки часто линейна: повествование начинается с краткого зачина, где читатель знакомится с главным героем, затем следуют основная часть и кульминация, которая переходит в краткую резкую развязку. Мораль сказки заключается в том, что каждый человек, какими бы пороками он ни обладал, способен измениться, если сам осознает свою неправоту и действительно захочет исправиться.

Будучи народной, сказка имеет архаичные

корни, из чего следует, что её можно считать метафорой обряда инициации: главный герой успешно выполняет задание, после чего занимает своё место в обществе (в архаичные времена – в племени). Справедливо и обратное: чтобы быть полноправным членом того или иного общества, человек должен подчиняться определенным предписаниям и соблюдать определённые правила, принятые в этом обществе. В противном случае его ждёт изгнание и жизнь в одиночку, что в архаичные времена приравнивалось к смерти.

Принимая христианское вероучение, Ирландия, однако, сохранила в своей культуре и следы друидизма [Nagy, 1997]. Это нашло отражение в составе персонажей и лексическом аспекте языка ирландского фольклора, обращающемся как к христианским образам, так и языческим: имена христианских святых (***St Peter, St Paul, St Patrick, St Brigitte*** и др.), описание христианских обрядов и храмов (*Teig O'Kane and the Corpse*) сосуществует с мифическими образами и именами духов, демонов, топообъектов и др., например, фэйри (***fairy***), мэрроу (***merrow***), банши (***banshee***), Домну (***Domnoo***), Пука (***Pooka***), мифический райский остров Тир-на-Ног (***Tir-na-n-óg***) (*The Legend of Knockgrafton, How Thomas Connolly Met the Banshee, The Kildare Pooka, The Legend of O'Donoghue*) и т. д.

Кельтские корни ирландцев обеспечили проникновение в язык сказок заимствований из ирландского кельтского (гэльского) языка (*Irish Gaeilge)*. Такие заимствования преимущественно относятся к двум группам – варваризмам и локализмам-реалиям.

Варваризмы представлены специфическими междометиями: ***Musha!*** (выражение удивления и недоумения), ***Domnoo Sheery!*** (выражение досады и разочарования, фактически, упоминание нечистой силы), ***Glic! Glic! Hwee!*** (междометие, используемое для поощрения скорого выполнения действия) (*Teig O'Kane and the Corpse*) и др.

Еще одна группа варваризмов – гэльские наименования разрядов топообъектов: ***glen*** (лощина), ***lough*** (озеро), ***slough / quagmire*** (трясина, топь), ***rath*** (холм), ***temair*** (высокий холм, возвышенность), ***cairn*** (породная груда камней, могильник), ***boreen*** (узкая дорога) и др.

В отдельных случаях сохраняется гэльское написание слов (вероятно, имитирующее ирландский акцент), придающее повествованию или речи персонажа оттенок просторечия: *...that might it seem* ***sthrange*** *to me,* ***an'*** *like a place ye might see in a* ***dhrame****; an' as I come up to it I began to feel a* ***cowld*** *wind* ***blowin'*** *through the hollow* ***o'*** *me heart* (*The Soul Cages*).

Гэльские реалии в основном представлены двумя тематическими группами – географические, включая реальные топонимы – ***ionarbadh*** (место ссылки), ***Lough Erne, Dunbeg Bay, Clondevaddock, the Muckish mountain*** *(The Soul Cages, The Story of Conn-Eda or the Golden Apples of Lough Erne, Grace Connor* и др.*)* и этнографические, прежде всего, реалии искусства и культуры – ***rann*** (куплет народной песни), ***pishogue*** (колдовство, заклинание), собственно фольклорные реалии – упоминавшиеся выше **fairy, merrow, banshee** и др.

Фоновостью «обрастают» и другие, в том числе интернационально значимые, наименования элементов географической среды и топонимы. Яркими примерами тому служат Атлантический океан (***the Atlantic Ocean***) и Ирландское море (***the Irish Sea***), главные источники пропитания людей, живущих за счет добычи рыбы. Среди других названий объектов, обозначающих водные пространства и прилегающие к ним территории, следует упомянуть заливы (***bay***), прибрежные зоны морей, озер и рек (***coast, shore, river-side, bank***), заводи (**pool**) и др. Они определяют место действия и часто род занятий персонажей сказки.

Достаточно часто встречаются упоминания болотистых местностей (***bog***), весьма распространённых в Ирландии. Нередко конкретизируется тип болот, а именно торфяные (***turf bog***). Болото – гибельное место во многих народных сказовых традициях, часто граница между мирами живых и мертвых. Столь частое упоминание болот в ирландских сказках закономерно связано с особым «атмосферным статусом» болот, страхом перед злыми болотными духами, которые стремятся погубить человека. Однако упоминание о болотах имеет и дидактическую функцию – рассказчики стремятся передать будущим поколениям полученные знания об опасностях окружающего мира: *I wandered and wandered about there, until […] I got into a big* ***bog****. … …and I looked east and west, and north and south, and every way, and nothing did I see but* ***bog, bog, bog*** *[…] and my heart grew cold with fear, for sure and certain I was that it would be my* ***berrin place*** *(Daniel O'Rourke).*

Символами мрачности, потусторонности, призванными насторожить читателя, дать ему понять, что в этой местности происходит нечто непривычное, иногда опасное, являются вереско-

вые пустоши (***moor***) – маркер природного ландшафта Британских островов, Ирландии, в частности. Подобный эффект усиливается за счёт метафор и эпитетов, несущих в себе схожие концепты: *It was at least two miles distant from any human habitation, being surrounded by one* ***wide and dreary waste of dark moor*** *(The Fate of Frank M'Kenna).*

С опасностью и потусторонним миром часто связаны различные углубления в горных породах – пещеры, трещины или впадины. Они могут быть как полыми (***cave***), так и заполненными водой (***pool***). Часто герои сказок, случайно провалившись в углубления или набредя на пещеру в горах, находят там фэйри, встреча с которыми переворачивает жизнь героев сказок: *There is a table running along through the middle of the* ***cave*** *(The Enchantment of Gearoigh Iarla*) или *She was a neighbor, and she said that one of her best cows was drowning in a* ***pool of water****… (Bewitched Butter).*

К наиболее частотной группе фоновой ландшафтной лексики относятся горы (***mountain***), скалы (***rock***) и холмы (***hill*** и его гэльские варианты). Как и пещеры и впадины, они продолжают идею оценки пространства по вертикали и имеют схожий ассоциативный ряд. В сказочном контексте горы и возвышенности часто представляют собой препятствия на пути героев, места обитания фэйри и иных практиков тёмной магии, которая способна причинить человеку вред и которой следует всячески остерегаться. В горах может обитать и «даритель» или помощник главного героя, на пути к которому герою приходится проходить ряд испытаний. Если в сказках упоминаются реально существующие горы и возвышенности, то они, как правило, играют роль локального маркера: *The scene of their merriment was not far distant from Inchegeela, in the west of the county Cork—a poor village, although it had a barrack for soldiers; but great* ***mountains*** *and barren* ***rocks*** *[…] (The Priest's Supper)* или *Tom Bourke lives in a low, long farm-house, resembling in outward appearance a large barn, placed at the bottom of the* ***hill*** *[…] (The Confessions of Tom Bourke).*

Жизненный уклад Ирландии немыслим без сельского хозяйства и скотоводства. Это определяет высокую частоту таких лексем, как ***field*** (поле), ***meadow*** (луг), ***cornfield*** (нива, поле зерновых), ***plain*** (равнина), ***valley*** (долина), ***hollow*** (низина), ***pasture*** (пастбище) и др. За подобной фоновой лексикой закреплена как дидактическая, так и художественная, поэтическая функция, позволяющая передать пасторальный дух жизни Ирландии, воспеть красоту родного края, приносящую людям и умиротворение и воодушевляющую на благие дела.

Имена персонажей имеют преимущественно ирландские корни: *Dogherty, Donegal, Connor, Parry Corcoran, Shamus/Shamous, Shon/Shawn/Sean, Teig O'Kane, King O'Toole, O'Donoghue, O'Rourke* и др.

В сказках периодически встречаются цитатные включения, отсылающие читателя к более древним литературным памятникам: *And he seldom spent a night in his father's house, but he used to be always out rambling, and, like Shawn Bwee long ago, there was 'grádhgach cailinim brollach a léine' – 'the love of every girl in the breast of his shirt'*(*Teig O'Kane and the Corpse*).

При анализе фонетической составляющей текста сказок следует помнить об особенностях ирландского варианта английского языка, поскольку они находят отражение в самих текстах. Например, с их помощью может быть передан уровень знаний и образованности героя. Данная особенность связана с тем, что очень часто героями сказок оказываются обычные жители небольших деревень, простые крестьяне или рыбаки, уровень знаний и образованности которых не особенно высок и ограничивается знаниями, полученными от предков, бытовыми поверьями и суевериями.

В текстах ирландских фольклорных сказок встречается большое количество средств художественной выразительности фонетического уровня: например, повтор, основанный на омофонии: *I was ready enough, and only too anxious,* ***to marry Mary****…* (*Teig O'Kane and the Corpse*). Английское женское имя ***Mary*** и глагол ***to marry***, (жениться) являются полными омофонами и единой фонестемой, которая несёт определённый аудио-семантический эффект, передавая, таким образом, твёрдость намерений главного героя, настоящего ирландца.

Значительное число примеров связано с фоносемантическим аспектом употребляемой лексики и звуковым символизмом: например, аллитерирующие шипящие звуки использованы сказителем для передачи злобы и досады персонажа: ***He*** *rose,* ***f****oaming wi****th*** *a****t*** ***th****e mou****th*** *and* ***c****urs****i****ng, and* ***he*** ***sh****oo****k*** ***h****imsel****f****,* ***th****in****k****ing to* ***th****row the* ***c****or****ps****e o****ff*** ***h****is* ***b****a****ck*** (*Teig O'Kane and the Corpse*).

Фонетические средства применяются для воссоздания «ирландского акцента», диалектности и просторечия. Так, аспирация смычных со-

гласных /t/, /d/ на письме передаётся добавочной буквой ***h***. Возможно, данная особенность произношения перешла в ирландский вариант английского языка из самого ирландского гэльского (*Irish Gaeilge*), в котором весьма распространена аспирация согласных: *...an' that's the way I met the banshee,* ***Misther*** *Harry!* (*How Thomas Connolly Met the Banshee*).

Ещё одной отличительной чертой ирландского английского считается редукция нескольких согласных на конце слова, диереза: *...an' put them into a saucepan* ***wi' the*** *pint o'milk (Bewitched Butter).* Данная особенность произношения передаёт не только ирландский колорит, но и придаёт репликам героев разговорный характер, упрощает произношение звуков в потоке «живой» речи героев.

Встречаются случаи метатезы, или передвижения звуков, которые также характерны для просторечия и деревенских диалектов: *"'Nerra thing but the big pudden. Why do you* ***ax****?' says she (The Pudding Bewitched).*

Культурные маркеры присущи текстам ирландских сказок и на грамматическом уровне. Так, для ирландского варианта английского языка характерно употребление личного местоимения второго лица в единственном и множественном лице, а именно местоимения *ye* и *yous (The Pudding Bewitched).* Местоимения в единственном и множественном числе противопоставлены друг другу, что, по некоторым данным, является наследием *Irish Gaeilge,* где есть разграничение между формами местоимений при обращении к отдельному человеку или группе людей [Куреня, 2008, с. 121]. Кроме того, личное местоимение множественного числа *yous* произносится поразному: иногда согласный на конце озвончается, *youz (The Soul Cages).*

Кроме того, встречается ирландская форма притяжательного местоимения второго лица *yer* вместо британской нормы *your*. Довольно часто данная форма встречается в репликах героев сказок и отражает просторечие их высказываний, а также является своеобразным маркером, указывающим на то, где именно родился и вырос тот или иной герой сказки, а именно – в Ирландии: *"It's* ***yer*** *own fau't, thin", says the little woman; "an', indeed, for that matter, it's* ***yer*** *fau't that ever you wor there at all." (Paddy Corcoran's Wife)*

Ирландскому варианту английского языка присуща замена притяжательных местоимений первого лица личными местоимениями, стоящими в косвенном падеже, что несколько упрощает систему местоимений в ирландском варианте по сравнению с общепринятой британской нормой. Таким образом, вместо притяжательного местоимения *my* употребляется личное местоимение *me*: *"I'll teach you how to call* ***me*** *names," said the cat; and, jumping at her, he scratched her arm till the blood came (The Demon Cat).*

Особый интерес вызывает употребление возвратных местоимений. Так, иногда местоимения данной группы могут употребляться в функции личных местоимений и в предложении выступать в роли подлежащего или прямого дополнения. Такая черта обусловлена влиянием языковой системы *Irish Gaeilge* на систему ирландского варианта английского языка. Следовательно, данная черта является своеобразной калькой *Irish Gaeilge* в ирландском варианте английского языка: *"By my conscience, then," says the piper, "***my-self*** and my mother ate every taste of that gander, only one wing, and I gave that to Moy-rua (Red Mary), and it's she told the priest I stole his gander." (The Piper and the Puca)*

Примечательно употребление глагольных форм единственного числа с окончанием *–s* в паре с именем существительным или местоимением третьего лица, стоящими во множественном числе. Данная особенность распространяется также на грамматическую конструкцию *There is / There are* [Hickey, 2012, p. 14]. Помимо этого, глагол третьего лица может употребляться вместе с подлежащим в первом лице. Такой приём чаще подчёркивает невысокий социальный статус крестьян, основных героев ирландских фольклорных сказок, которые не отличаются образованностью, следственно, так передаётся неграмотность их речи (по сравнению с принятыми языковыми нормами): *"Well, the woman came in to me, frightened, and told me. She began to cry. 'Whist, you fool?'* ***says I****; "tis all for better.'... (The Confessions of Tom Bourke)*

В ирландском варианте английского языка также наблюдается редукция глагольных форм в некоторых грамматических конструкциях [Корнева, 2006, с.19], которая в контексте британской языковой формы является весьма грубым нарушением правил образования временных форм. Данный приём также подчёркивает просторечие высказывания и разговорность стиля речи: *...but, as I was sayin', I walked along till I come nigh upon the brudge, where the road was a bit open, an' there, right enough,* ***I seen*** *the hog's back o' the ould-fashioned brudge... (How Thomas Connolly Met the Banshee)*

В текстах ирландских фольклорных сказок часто встречается редуцированная грамматическая форма ***'twas*** (от *it was*): *At length she was torn away; and the last words I heard her scream were, "James Ryan,* ***'twas*** *you killed him, and not I –* ***'twas*** *you killed him, and not I—****'twas*** *you killed him, and not I." (The Banshee of the Mac Carthys)*

К культурным маркерам системы художественного текста относятся и его ритмические характеристики. Современные исследования ритма прозы показывают, что ритмические свойства текста определяются как индивидуальным стилем автора текста и тенденциями литературной эпохи, так и национальным языком, на котором написан текст [Boychouk, 2020; Boychouk, 2019; Boychouk, Belyaeva, 2019; Lagutina, 2020].

Ритм прозы зачастую задается синтаксисом и композицией прозаического текста [Казакова, 2018, с. 99]. Кроме того, существенное влияние на него оказывает характер и длина диалогов, число авторских ремарок, размеры и количество абзацев, представленный спектр личных имён, пропорциональное соотношение имён существительных и глаголов, число встречающихся в текстах имён прилагательных и др. [Казакова, 2018, с. 99].

Существуют определённые способы ритмизации прозы, среди которых выделают просодические и фоностические средства, лексические средства литературоведческой стилистики, словообразование, стилистические фигуры, синтаксические и семантико-синтаксические средства [Doubremetz, 2018; Hou, 2019; Lagutina, 2019]. В английской прозе особую роль в ритмизации текста играют такие приёмы, как параллелизм, градация и лексико-грамматические повторы. В нашем случае это фигуры ритма, основанные на грамматическом повторе.

Заметное место среди фигур ритма в ирландских фольклорных сказках занимает полисиндетон. Многосоюзие обеспечивает распевность сказового нарратива и одновременно служит средством введения градации, усиливающей убедительность высказывания, повышая его эмоциональный градус. Полисиндетон приемлем как в монологическом нарративе, так и в диалоге персонажей: *'Avic' says he, 'you know I loved you greatly up to this,* ***and*** *I never stopped you from doing your choice thing whatever it was,* ***and*** *I kept plenty of money with you,* ***and*** *I always hoped to leave you the house* ***and*** *land,* ***and*** *all I had after myself would be gone… I cannot tell you the grief that I felt when I heard such a thing of you,* ***and*** *I tell you now plainly that unless you marry that girl I'll leave house* ***and*** *land* ***and*** *everything to my brother's son. … Settle with yourself now whether you'll marry that girl* ***and*** *get my land as a fortune with her, or refuse to marry her* ***and*** *give up all that was coming to you;* ***and*** *tell me in the morning which of the two things you have chosen'.* (*Teig O'Kane and the Corpse*)

Градация может быть восходящей и нисходящей. Наряду с полисиндетоном, эффекта градационной волны помогают достичь ряды однородных членов предложения и специфическая комбинация сильных и слабых слогов и ударных и безударных синтагм: *Before he could recover himself, something that he could not see seized him by the neck, by the hands, and by the feet, and bruised him, and shook him, and choked him, until he was nearly dead; and at last he was lifted up, and carried more than a hundred yards from that place, and then thrown down in an old dyke, with the corpse still clinging to him.* (*Teig O'Kane and the Corpse*)

Напевности способствует и редкая для других жанров прозы симплока. В ирландских сказках она может выступать вкупе с лексическими рефренами, несущими с собой скрытую угрозу: ***Isn't it*** *lucky* ***we met you****,* ***Teig O'Kane****?* ***Teig O'Kane****,* ***isn't it*** *timely you met us?* ***Teig O'Kane****, the third time,* ***isn't it*** *lucky and timely that* ***we met you****?* (*Teig O'Kane and the Corpse*)

Достаточно высокой частотой встречаемости характеризуется анафора, употребляющаяся преимущественно в повествовательной части текста сказок: ***He*** *walked out into the night at last to cool his heated blood, and went on to the road.* ***He*** *lit a pipe, and as the night was fine he walked and walked on, until the quick pace made him begin to forget his trouble.* (*Teig O'Kane and the Corpse*)

Отдельное внимание стоит уделить эмфатизации, достигаемой за счет эпизевксиса: поторапливая главного героя, фэйри кричат ему: *"****Glic! Glic!*** *Hwee!" […]; "****go on, go on****, you have eight hours before you till daybreak…* (*Teig O'Kane and the Corpse*).

Из ритмических характеристик, не основанных на повторе, следует выделить инверсию: *Round went the flame, white and yellow and blue sparks leaping out from it as it went, and although at first it had been no more than a thin, narrow line, it increased slowly until it was at last great broad band, and it was continually getting broader and higher, and throwing out more brilliant sparks, till there was never a colour on the ridge of the earth*

that was not to be seen in that fire; and lightening never shone and flame never flamed that was so shining and so bright as that. (*Teig O'Kane and the Corpse*)

Главная цель ритмизации текста – сделать повествование живым и динамичным при кульминации и более спокойным в зачине и развязке сказки, а также оказать на читателя эмоциональное и эстетическое воздействие [23, с. 288–289].

Заключение

Таким образом, текст ирландской фольклорной сказки отличается самобытностью на сюжетно-композиционном и речевом уровнях. К лингвокультурным маркерам текста следует относить реципрокный альтруизм, берущий начало в христианских устоях Ирландии, волшебный мотив, реализующийся через обращение к культурному наследию друидов, «народность» персонажей, аутентичную лексику и грамматические (часто просторечные) формы, использующиеся как в нарративной, так и в диалоговой части сказок, реалии и фоновую лексику, фонетические (графические) средства воссоздания ирландского говора. Система вышеназванных маркеров позволяет получить интегрированное представление об интра- и экстралингвистических характеристиках ирландских сказовых текстах.

Библиографический список

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. Заведений. Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ; Москва : Издательский центр «Академия», 2012. 352 с.

2. Зернова Е. С. Лингвокультурные маркеры галисийского художественного дискурса // Древняя и Новая Романия. Санкт-Петербург, 2020. №. S26. С. 187–197.

3. Казакова Т. А. Imagery in Translation. Практикум по художественному переводу // Учебное пособие. На английском языке. Санкт-Петербург : Издательство «Перспектива». 2018. 320 с.

4. Корнева В. В. Ландшафтная лексика в языковом сознании этноса (по данным ассоциативного словаря) / Вестник ВГУ, серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. Воронеж, 2006. С. 16–23.

5. Кузнецова Л. Э., Сухенко В. В. Лингвокультурные особенности русской народной сказки и ее английского эквивалента // Культурное наследие древних и национальных языков в период глобализации. Армавирский государственный педагогический университет. Армавир. 2019. С. 78–86.

6. Кунова С. С. Фоносемантический анализ текста при бильд-редактировании статьи // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство. Межвузовский сборник. Уфа. 2019. С. 443–447.

7. Куреня О. О. Особенности местоимений в ирландском варианте английского языка // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки № 5 (61). Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. Тамбов. 2008. 440 с.

8. Ласкова М., Ивченко М. Особенности функционирования лингвокультурного концепта «волшебство» в сказочном и рекламном дискурсах. Ростов-на-Дону : Litres, 2019. 117 с.

9. Ласкова М., Попова Ю. Лингвокультурные особенности языковой игры в рекламной картине мира. Ростов-на-Дону : Litres, 2019. 129с.

10. Лутовинова Е. И. Тематические группы сюжетов русских народных волшебных сказок // Педагогическое искусство. Москва. 2018. №. 2. С. 62–68.

11. Павловская И. Ю. Фоносемантический анализ романа А. Берджесса «Заводной апельсин» // Иностранная филология, социальная и национальная вариативность языка и литературы. Материалы V Международного научного конгресса. Симферополь. 2020. С. 25–34.

12. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Морфология волшебной сказки. Москва : Издательство «КоЛибри, 2020. 640 с.

13. Самчик Н. Н. Этнокультурный потенциал русской народной сказки // Региональный вестник. Курский государственный медицинский университет Минздрава России. Курск. 2019. № 4. С. 26–27.

14. Соловьева Н. В. Семиотика символов русских и британских народных сказок // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. 2019. Т. 12. №. 4. С. 423-428.

15. Тарнаева Л. П. Лингвокультурные маркеры лексического слоя делового дискурса. Вестник РУДН, серия Лингвистика. Москва. 2015. № 3. С. 99–112.

16. Туова Р. Х. Детективный текст постмодерна: прецедентные феномены как лингвокультурные маркеры интертекстуальности // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Ростов-на-Дону, 2015. №. 4. С. 65–72.

17. Boychuk E., Belyaeva O. (2019) La téchnique de stylométrie réalisée à la base de l'analyse informatique du rythme du texte. 10-ièmes Journées Internationales de Linguistique de Corpus (JLC). Université Grenoble-Alpes, 26-28.11.19.

18. Boychuk E. et al. Automated approach to rhythm figures search in English text // International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts. Springer, Cham, 2019. С. 107–119.

19. Boychuk E. et al. Evaluating the Performance of a New Text Rhythm Analysis Tool // English Studies at NBU. 2020. Т. 6. №. 2. С. 217–232.

20. Dubremetz M., Nivre J. Rhetorical figure detection: Chiasmus, epanaphora, epiphora. Frontiers in Digital

Humanities, Vol. 5:10. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fdigh.2018.00010/full

21. Gyem K. J. A Korean Folktale, Kongjee-Patjee: an Analysis of the Concept of Binary Opposition // Jurnal Humaniora. 2011. T. 23. №. 2. C. 166–174.

22. Hickey R. (ed.) Standards of English. Codified Varieties around the World. Cambridge: University Press // Raymond Hickey, University of Duisburg and Essen, 2012. 20 c.

23. Hou R., Huang C.-R. (2019) Robust stylometric analysis and author attribution based on tones and rimes, Natural Language Engineering, P. 1–23.

24. Lagutina K. et al. A survey on stylometric text features // 2019 25th Conference of Open Innovations Association (FRUCT). IEEE, 2019. P. 184–195.

25. Lagutina K. et al. Automatic extraction of rhythm figures and analysis of their dynamics in prose of 19th-21st centuries // 2020 26th Conference of Open Innovations Association (FRUCT). IEEE, 2020. P. 247–255.

26. Nagy J. F. Conversing with angels and ancients: literary myths of medieval Ireland. Cornell University Press, 1997. 356 p.

27. Schrenk H. M. Rasta talk as a tool for self-elevation: a morpho-phono-semantic analysis. URL: http://uwispace.sta.uwi.edu (дата обращения 23.03.2021).

28. Stan C. The Irish Diminutive Suffix -een, 2019. URL: http://www.stancarey.wordpress.com (дата обращения 16.02.2021).

29. Wilde L. J. F. A. Ancient Legends of Ireland. Simon and Schuster, 2020. 128 p.

30. Yeats W. B. Fairy Folk Tales of Ireland. Москва : Изд-во Т8. 2017. 198 с.

Reference list

1. Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie = Introduction to translation studies : ucheb. posobie dlja stud. filol. i lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenij. Sankt-Peterburg : Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2012. 352 s.

2. Zernova E. S. Lingvokul'turnye markery galisijskogo hudozhestvennogo diskursa = Linguistic and cultural markers of galician literary discourse // Drevnjaja i Novaja Romanija. Sankt-Peterburg, 2020. №. S26. S. 187–197.

3. Kazakova T. A. Imagery in Translation. Praktikum po hudozhestvennomu perevodu = Imagery in Translation. Practice in literary translation // Uchebnoe posobie. Na anglijskom jazyke. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo «Perspektiva». 2018. 320 s.

4. Korneva V. V. Landshaftnaja leksika v jazykovom soznanii jetnosa (po dannym associativnogo slovarja) = Landscape vocabulary in ethnic linguistic consciousness (according to the associative dictionary) / Vestnik VGU, serija: lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. № 1. Voronezh, 2006. S. 16–23.

5. Kuznecova L. Je., Suhenko V. V. Lingvokul'turnye osobennosti russkoj narodnoj skazki i ee anglijskogo jekvivalenta = Linguistic and cultural characteristics of the russian folk tale and its english equivalent // Kul'turnoe nasledie drevnih i nacional'nyh jazykov v period globalizacii. Armavirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. Armavir. 2019. S. 78–86.

6. Kunova S. S. Fonosemanticheskij analiz teksta pri bil'd-redaktirovanii stat'i = Phonosemantic text analysis in bild-editing an article // Sovremennye problemy literaturovedenija, lingvistiki i kommunikativistiki glazami molodyh uchenyh: tradicii i novatorstvo. Mezhvuzovskij sbornik. Ufa. 2019. S. 443–447.

7. Kurenja O. O. Osobennosti mestoimenij v irlandskom variante anglijskogo jazyka = Peculiarities of pronouns in irish english // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki № 5 (61). Tambovskij gosudarstvennyj universitet im. G. R. Derzhavina. Tambov. 2008. 440 s.

8. Laskova M., Ivchenko M. Osobennosti funkcionirovanija lingvokul'turnogo koncepta «volshebstvo» v skazochnom i reklamnom diskursah = Specific functioning of the linguocultural concept «magic» in fairy tale and advertising discourse. Rostov-na-Donu : Litres, 2019. 117 s.

9. Laskova M., Popova Ju. Lingvokul'turnye osobennosti jazykovoj igry v reklamnoj kartine mira = Linguistic and cultural features of language game in the advertising picture of the world. Rostov-na-Donu : Litres, 2019. 129s.

10. Lutovinova E. I. Tematicheskie gruppy sjuzhetov russkih narodnyh volshebnyh skazok = Thematic groups of russian fairy tales plots // Pedagogicheskoe iskusstvo. Moskva. 2018. №. 2. S. 62–68.

11. Pavlovskaja I. Ju. Fonosemanticheskij analiz romana A. Berdzhessa «Zavodnoj apel'sin» = Phonosemantic analysis of A. Burgess's novel A Clockwork Orange // Inostrannaja filologija, social'naja i nacional'naja variativnost' jazyka i literatury. Materialy V Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa. Simferopol'. 2020. S. 25–34.

12. Propp V. Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. Morfologija volshebnoj skazki = The historical roots of fairy tales. Morphology of the fairy tale. Moskva : Izdatel'stvo «KoLibri, 2020. 640 s.

13. Samchik N. N. Jetnokul'turnyj potencial russkoj narodnoj skazki = Ethnocultural potential of russian folk tales // Regional'nyj vestnik. Kurskij gosudarstvennyj medicinskij universitet Minzdrava Rossii. Kursk. 2019. № 4. S. 26–27.

14. Solov'eva N. V. Semiotika simvolov russkih i britanskih narodnyh skazok = Semiotics of russian and british folk tales // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota. 2019. T. 12. №. 4. S. 423-428.

15. Tarnaeva L. P. Lingvokul'turnye markery leksicheskogo sloja delovogo diskursa = Linguocultural markers of the lexical layer in business discourse // Vestnik RUDN, serija Lingvistika. Moskva. 2015. № 3. S. 99–112.

16. Tuova R. H. Detektivnyj tekst postmoderna: precedentnye fenomeny kak lingvokul'turnye markery

intertekstual'nosti = Postmodern detective text: precedent phenomena as linguocultural markers of intertextuality // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. Rostov-na-Donu, 2015. №. 4. S. 65–72.

17. Boychuk E., Belyaeva O. (2019) La téchnique de stylométrie réalisée à la base de l'analyse informatique du rythme du texte. 10-ièmes Journées Internationales de Linguistique de Corpus (JLC). Université Grenoble-Alpes, 26-28.11.19.

18. Boychuk E. et al. Automated approach to rhythm figures search in English text // International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts. Springer, Cham, 2019. S. 107–119.

19. Boychuk E. et al. Evaluating the Performance of a New Text Rhythm Analysis Tool // English Studies at NBU. 2020. T. 6. №. 2. S. 217–232.

20. Dubremetz M., Nivre J. Rhetorical figure detection: Chiasmus, epanaphora, epiphora. Frontiers in Digital Humanities, Vol. 5:10. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fdigh.2018.00010/full

21. Gyem K. J. A Korean Folktale, Kongjee-Patjee: an Analysis of the Concept of Binary Opposition // Jurnal Humaniora. 2011. T. 23. №. 2. S. 166–174.

22. Hickey R. (ed.) Standards of English. Codified Varieties around the World. Cambridge: University Press // Raymond Hickey, University of Duisburg and Essen, 2012. 20 s.

23. Hou R., Huang C.-R. (2019) Robust stylometric analysis and author attribution based on tones and rimes, Natural Language Engineering, R. 1–23.

24. Lagutina K. et al. A survey on stylometric text features // 2019 25th Conference of Open Innovations Association (FRUCT). IEEE, 2019. P. 184–195.

25. Lagutina K. et al. Automatic extraction of rhythm figures and analysis of their dynamics in prose of 19th-21st centuries // 2020 26th Conference of Open Innovations Association (FRUCT). IEEE, 2020. P. 247–255.

26. Nagy J. F. Conversing with angels and ancients: literary myths of medieval Ireland. Cornell University Press, 1997. 356 p.

27. Schrenk H. M. Rasta talk as a tool for self-elevation: a morpho-phono-semantic analysis. URL: http://uwispace.sta.uwi.edu (data obrashhenija 23.03.2021).

28. Stan C. The Irish Diminutive Suffix -een, 2019. URL: http://www.stancarey.wordpress.com (data obrashhenija 16.02.2021).

29. Wilde L. J. F. A. Ancient Legends of Ireland. Simon and Schuster, 2020. 128 p.

30. Yeats W. B. Fairy Folk Tales of Ireland. Moskva : Izd-vo T8. 2017. 198 s.

УДК 801.51

С. А. Блинова **https://orcid.org/0000-0002-3259-8989**

Классификация глаголов межличностного взаимодействия с семантикой психического воздействия

Для цитирования: Блинова С. А. Классификация глаголов межличностного взаимодействия с семантикой психического воздействия // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 180–186. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-180-186

Целью данной статьи является описание глаголов межличностного взаимодействия с семантикой психического воздействия в английском языке и рассмотрение критериев семантической классификации, на основании которых отобранные глаголы могут быть объединены в группы.

Существует большое количество исследований, посвященных изучению лексико-семантических, прагматических, морфологических и других особенностей отдельных подгрупп глаголов межличностного взаимодействия (в частности, глаголов принуждения, глаголов речевого воздействия и др.), однако, до сих пор не предпринималось попытки выделения и изучения и классификации группы глаголов межличностного взаимодействия с семантикой психического воздействия.

Материалом исследования являются словарные дефиниции из словарей Longman Dictionary of Contemporary English и Longman Dictionary of English Language and Culture, а также примеры из корпуса английского языка National British Corpus.

В исследовании подробно описывается процедура отбора глаголов межличностного взаимодействия с семантикой психического воздействия, выделены признаки, которые являются интегральными для данной группы глаголов, а также критерии семантической классификации, на основании которых выделенные глаголы были распределены на подгруппы.

Глаголы психического воздействия имеют сложную семантическую структуру. Признаки «межличностное взаимодействие» и «воздействие на объект» являются интегральными для изучаемой группы глаголов. Признак интенциональности не является интегральным, однако входит в семантическую структуру большинства глаголов данной группы. Кроме того, анализ семантической структуры глаголов психического воздействия показал, что в основу классификации глаголов этой группы может быть положен признак воздействия на ту или иную сферу психики, что говорит о соотносительности значения глаголов психического воздействия с данными современной психологической теории.

Ключевые слова: психическое воздействие, влияние, глаголы межличностного взаимодействия, каузативные глаголы, интегральные признаки, дифференциальные признаки, интенциональность, интерперсональные глаголы, сферы психики.

S. A. Blinova

Classification of interpersonal interaction verbs with semantics of mental influence

The purpose of this article is to describe the verbs of interpersonal interaction with the semantics of mental influence in the English language and to consider the criteria for semantic classification, on the basis of which the selected verbs can be grouped.

There is a large number of works devoted to the study of lexico-semantic, pragmatic, morphological and other features of individual subgroups of interpersonal interaction verbs (in particular, compulsion verbs, verbs of speech influence, etc.), however, no attempt has yet been made to identify, study and classify a group of interpersonal interaction verbs with the semantics of mental influence.

The material of the study is dictionary definitions from the Longman Dictionary of Contemporary English and Longman Dictionary of English Language and Culture, as well as examples from the National British Corpus.

The study describes in detail the procedure for selecting verbs of interpersonal interaction with the semantics of mental influence, identifies the features that are integral for this group of verbs, as well as the criteria for semantic classification, on the basis of which the selected verbs were divided into subgroups.

Verbs of mental influence have a complex semantic structure. The signs «interpersonal interaction» and «impact on the object» are integral for the studied group of verbs. The sign of intentionality is not integral, but it is included in the semantic structure of most verbs of this group. In addition, the semantic structure of verbs of mental effects shows that

© Блинова С. А., 2021

the classification of verbs in this group may be an indication of the impact on a particular area of the psyche which indicates the correlation of the meanings of mental influence verbs with the findings of modern psychological theory.

Key words: mental influence, influence, interpersonal interaction verbs, causative verbs, integral signs, differential signs, intentionality, interpersonal verbs, spheres of the psyche.

Введение

Несмотря на то, что в настоящее время существует большое количество исследований, посвященных изучению лексико-семантических, прагматических, морфологических и других особенностей отдельных подгрупп глаголов межличностного взаимодействия (в частности, глаголов принуждения, глаголов речевого воздействия и др.), до сих пор не предпринималось попытки выделения и изучения и классификации группы глаголов межличностного взаимодействия с семантикой психического воздействия. Кроме того, актуальность данной работы определяется социальной и коммуникативно-прагматической значимостью психического воздействия для коммуникации.

Методы исследования

Материал был отобран методом сплошной выборки лексических единиц из словаря Longman Dictionary of Contemporary English [Longman Dictionary of English Language and Culture, 2005] с последующим уточнением списка с использованием словаря синонимов и антонимов Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms [Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms, 1999]. Для исследования фактического материала использовались описательный метод, включающий в себя наблюдение, интерпретацию и классификацию языкового материала, метод анализа словарных дефиниций. При классификации глаголов психического воздействия также применялся метод контекстного анализа для выявления различных значений и оттенков значений глаголов.

Организация исследования

Психологический словарь под редакцией А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского определяет влияние как «процесс и результат изменения индивидом поведения другого человека, его установок, намерений, представлений, оценок и т. п. в ходе взаимодействия с ним». [Психологический словарь, 1990]

Психическое воздействие можно рассматривать как «социально-психологическую активность одних людей, направленная на лругих людей и их группы с целью изменения психологических характеристик личности, групповых норм, общественного мнения, настроений, переживаний». [Крысько, 309]

В последнее время много говорят также о личном или личностном влиянии людей друг на друга. Говоря о личном влиянии, А. Л. Журавлев пишет о том, что его можно интерпретировать как способность воздействовать на собеседника «побуждающим, сдерживающим, успокаивающим либо другим развивающим образом, изменяя при этом не только поведение человека, но и взгляды, мотивы, сознание и даже характер». [Журавлев, 2002]

Глаголы психического воздействия обозначают различные типы воздействия, результатом которых является изменение психологического состояния человека, его чувств, представлений, установок, оценок, намерений, поведения под влиянием другого человека.

Отбор глаголов психического воздействия проходил в несколько этапов. На начальном этапе отбирались глаголы межличностного взаимодействия (интерперсональные глаголы). Как отмечает Е. Ю. Верещагинав своей диссертации («Коллоквиальные интерперсональные глаголы в современном немецком языке»), семантической категории интерперсональности присущи два основных аспекта репрезентации:

1) онтологический аспект, который характеризуется наличием межличностных отношений во внеязыковой действительности;

2) семантический аспект, отражающий межличностные отношения в содержательной стороне языковых знаков.

Глагол выступает в качестве центрального средства выражения интерперсональной семантики, предполагающей обязательное участие «одушевленных субъектов и объектов отношения с направленностью на психоэмоциональную и духовно-мыслительную сферы деятельности человека».

На начальном этапе отбирались глаголы, в семантике которых присутствовал признак «межличностностное взаимодействие», то есть глаголы, семантическая структура которых предполагает наличие одушевленных субъекта и объекта воздействия. Между тем, структура словарной статьи не всегда позволяет однозначно судить о

характере взаимодействия (является ли взаимодействие межличностным, или же субъект vs. объект воздействия не являются одушевленными), поэтому на первом этапе отбора материала основным критерием выступал более широкий признак, а именно субъектно-объектная семантика лексических единиц при условии наличия в глагольной лексеме семантики психического воздействия. В дальнейшем, для того чтобы исключить глаголы, которые не сочетаются с одушевлённым субъектом и объектом, данные словарных статей были дополнены данными корпусов английского языка: валентность и сочетаемость глаголов, у которых признак межличностного взаимодействия не был эксплицитно выражен в словарной статье, проверялись по корпусам [Сюткина, 2019].

На втором этапе целью отбора были лексемы одного из типов межличностного взаимодействия, а именно взаимодействия, результатом которого было изменение психического состояния объекта воздействия. При отборе материала мы ориентировались на сематический признак «воздействие на объект». Таким образом, оба признака – признак «межличностного взаимодействия» и признак «воздействия на объект» – являются интегральными для выделенных единиц. На семантику воздействия в словарной статье указывало использование глаголов *cause 'вызывать', make 'заставлять', persuade 'убеждать', lead ' вести, приводить* ' при описании значения глагола, например:

Humiliate (<u>to cause</u> to feel stupid, embarrassed esp. when other people are present; or to lose the respect of others) [LDOCE]

Harass (<u>to make</u> someone worried and unhappy by causing trouble esp. on repeated occasions) [LDOCE]

Tempt (<u>to persuade</u> or attract someone to do smth that seems pleasant or advantageous but may be unwise or immoral; make someone want to do smth) [LDOCE]

Под интенциональностью понимается сознательное намерение субьекта выполнить действие (в частности, осуществить психическое воздействие) [Аминова, 2020]. Говоря об интенациональности, следует заметить, что интенциональность каузативных глаголов вообще, и глаголов психического воздействия в частности, не является вопросом однозначным и решенным. С одной стороны, некоторые исследователи считают, что интенциональность характерна для каузативных глаголов уже ввиду того, что «интенциональность в ряде случаев является обязательным компонентом каузативной макроситуации [Баклагова, 2009]. Интенциональность глаголов является результатом интенциональности сознания, [Баклагова, 2008], и каузативные глаголы интенциональны, если воздействие на объект зависит от воли субъекта действия.

Как отмечалось выше, глаголы психического воздействия называют действия, которые вызывают изменение психического состояния объекта. Такие действия могут как намеренными, так и ненамеренными. О целенаправленности воздействия и наличии в структуре значения признака интенциональности можно судить по словарной статье.

Признак «интенциональности» в словарной статье может быть выражен эксплицитно с помощью *with the aim 'с целью', to try to ' пытаться, стараться', deliberately 'умышленно', by continuous effort ' прилагая усилия', skillfully 'умело', intentionally 'преднамеренно': [*Невзорова, 2020]

Assure (to tell firmly and with confidence <u>with the aim of</u> removing doubt) [LDOCE]

Bait (to try <u>intentionally</u> to make (someone) angry by criticizing them or using rude names) [LDOCE]

Intimidate (to frighten esp <u>by making threats</u>) [LDOCE]

Interest (<u>To try</u> <u>to persuade</u> someone to buy, do or eat smth) [LDOCE]

Jockey (to persuade gradually <u>and skillfully)</u> [LDOCE]

Однако, анализ словарных дефиниций показал, что ряд глаголов психического воздействия, таких, например, как *to mislead* 'вводить в заблуждение', *to provoke* 'провоцировать', *to charm* 'очаровывать' etc, могут употребляться при обозначении ситуаций двух типов: ситуации, в которых воздействие является намеренным и ненамеренным.

Рассмотрим для примера следующие предложения:

(1) *What had happened in the kitchen was a calculated wooing, tease, flirtation (…). He <u>charmed,</u> teased, involved then abandoned, his mind already on the next thing. He knew just when, and how, to tap, in order to receive at a deeper level than he gave.* [The Possession of Delia Sutherland, 1993]

То, что произошло на кухне, было расчётливым ухаживанием, поддразниванием, флиртом (…). Он <u>очаровывал,</u> дразнил, манил, а потом бросал, думая уже о следующей жертве. Он точно знал, когда и какие струны нужно задеть,

чтобы получить больше, чем он дал.

В данном примере вывод об интенциональности действия, выраженного глаголом *to charm*, можно сделать исходя из всего контекста высказывания. Так, автор описывает действия главного героя (he charmed, teased…) с помощью причастия *calculated* 'расчетливый'. Согласно словарю, Longman Dictionary of Contemporary English, *a calculated crime or dishonest action is deliberately and carefully planned* [LDOCE]. То есть, преднамеренность действия, описываемого причастием *calculated* 'расчетливый' эксплицитно выражена с помощью словосочетания *deliberately* 'умышленный, обдуманный' *and carefully planned* 'тщательно спланированный'.

В примерах (2) и (3), представленных ниже, интенциональность, понимаемая как намеренность и целенаправленность действия, выражена с помощью причастия *trying* 'пытаясь' в примере (2) и прилагательного *ready 'готовый, приготовленный'* в примере (3). Словарные дефиниции глагола *to try* и прилагательного *ready* в Logman Dictionary of Contemporary English [Longman Dictionary of English Language and Culture, 2005] эксплицитно указывают на семантику интенциональности в значении указанных лексем:

try- to take action in order to do something that you may not be able to do [LDOCE]

ready – if you are ready, you are prepared for what you are going to do [LDOCE]

(2) *He is at present looking more angelic than ever, trying to charm his mother into letting him have his own way!"* [The Child Bride, 1990]

В настоящее время он выглядит более ангельски, чем когда-либо, пытаясь очаровать свою мать, чтобы она позволила ему поступать так, как ему заблагорассудится!

(3) *His blue eyes rested on me with, apparently, genuine concern. Swimming seemed to have washed away his sulkiness; he was smoothed out, ready to charm.* [A Woman of My Age, 1991]

Его взгляд остановился на мне, выражая неподдельную заботу. Вода, казалось, смыла его угрюмость, и он был просто очарователен (букв. «готов очаровывать»).

С другой стороны, в примерах (4), (5) нет никаких указаний на то, что действие, выраженное глаголом *to charm*, является преднамеренным и целенаправленным.

(4) *In the mid-thirties a very charming German gentleman, known as Herr Knapp, had lived there, had participated in the local social life and charmed everybody*. [Jane's journey, 1991].

В середине тридцатых годов здесь жил очень очаровательный немецкий джентльмен, известный как господин Кнапп, который принимал активное участие в жизни местного общества и очаровывал всех.

(5) *Best's skills mesmerised defenders and charmed the fans but his lifestyle attracted the press, the police and the parasitic attention of the Creatures who thrive on the back of stardom. [*Hampden Babylon, 1991].

Мастерство Беста завораживало защитников и очаровывало болельщиков, но его образ жизни привлекал внимание прессы, полиции, а также людей, живших за счет чужой славы.

В примере (4) из контекста ситуации можно сделать вывод, что субъект каузируемого действия (агенс) очаровывал других, так как обаяние присуще ему от природы – а *charming German gentleman* 'очаровательный немецкий джентльмен'. В примере (5) субъект-известный футболист- очаровывал фанатов своим мастерством и великолепной игрой. Таким образом, в примерах (4) и (5) семантический признак «интенциональность» не сопутствует употреблению глагола *to charm* [Болдырев, 2013].

Анализ контекстов и словарных дефиниций приводит к выводу о том, что признак интенциональности не всегда является компонентом семантической структуры изучаемых глаголов или является латентным (поскольку контекст не позволяет однозначно судить о реализации этого признака), что указывает на диффернциальный (а не интегральный) характер признака интенциональности для глаголов психического воздействия.

Результаты исследования

В современных лингвистических исследованиях предпринимаются попытки классификации лексических единиц на основании различных признаков, в результате чего предложенные классификации оказываются противоречивыми, поскольку одна и та же лексическая единица попадает в несколько классов [Бессонов, 2019].

В данной работе классификация понимается как разбиение явлений на классы по определенному признаку (который может быть простым, как, например, признак «белый цвет», или, напротив, весьма сложным, как, например, «быть человеком»), и мы исходим из представления о том, что классификация предполагает наличие одного классифицирующего признака, что не исключает дополнительную классификацию по

другим признакам внутри выделенных классов.

В результате изучения данных современных исследований в области психологии, мы пришли к заключению, что искомым единым классифицирующим признаком для глаголов психического воздействия может послужить признак «характер психического воздействия».

Исходно изучая семантику глаголов психического воздействия, мы не ставили перед собой цель соотнести ее с психологической теорией. Между тем, семантический анализ глаголов показал, что их семантическая структура соотносится с теми сферами психики, которые идентифицированы исследователями в области психологии.

В основу семантической классификации глаголов, представленной ниже, положен признак «характер воздействия»; данный семантический признак соотносится со сферой психики (словосочетание «сфера психики» использовано как термин психологической теории [Крысько, 2006]). Объектом психологического воздействия является психика человека, которая представляет собой систему потребностно-мотивационных, интеллектуально-познавательных, эмоционально-волевых и коммуникативно-поведенческих компонентов.

Согласно исследованию В. Г. Крысько [Крысько, 2006], психологическое воздействие влияет на следующие сферы психики:

– интеллектуально-познавательную (воображение, представления, мышление, память), влияние на которую приводит к изменению картины мира и личности в целом;

– потребностно-мотивационную (убеждения, желания, влечения, ценностные ориентации); психологическое воздействие на данную сферу психики отражается на направленности и силе побуждений (влечений, желаний);

– коммуникативно-поведенческую (особенности и характер общения, взаимодействия, межличностного восприятия, взаимоотношений); итог психологического влияния может проявляться в стремлении человека сотрудничать или конфликтовать с окружающими;

– эмоционально-волевую, включающую в себя чувства, эмоции, волевые процессы.

Психологическое воздействие может быть направлено одновременно на несколько сфер психики, так, например, одновременное воздействие на эмоционально-волевую и коммуникативно-поведенческую сферы влияет на волю человека, позволяя управлять его поведением [Кондратьев, 2013].

Признаками, по которым глаголы были включены в ту или иную группу, служило наличие в словарных дефинициях указания воздействия соответствующую сферу психики, например, воздействие на интеллектуально-познавательную сферу (change of opinion ‘ изменение мнения’, cause to understand ‘ заставить понять’); воздействие на эмоционально-волевую сферу (make feel angry ‘разозлить’, cause to feel ‘ заставить почувствовать’), воздействие на коммуникативно-поведенческую сферу (persuade to do ‘убеждать сделать’, force to do ‘вынуждать сделать’) и воздействие на потребностно-мотивационную сферу (make someone want to do. Например, глаголы воздействия на интеллектуально-познавательную сферу:

Instill (to put ideas, feelings etc. gradually but firmly <u>into someone's mind</u> by a continuous effort) [LDOCE]

Inculcate (to fix ideas, principles <u>in the mind</u> of someone) [LDOCE]

Глаголы воздействия на эмоционально-волевую сферу:

Harass (to make someone worried and unhappy by causing trouble esp. on repeated occasions) [LDOCE]

Enthuse (To <u>make someone interested</u> in smth or excited by it) [LDOCE]

Глаголы воздействия на коммуникативно-поведенческую сферу:

Bludgeon (<u>to make someone do smth by making threats</u> or arguing with them) [LDOCE]

To cajole (to persuade <u>someone to do smth</u> by being nice to them or making promises to them) [LDOCE]

Глаголы воздействия на потребностно-мотивационную сферу:

To spur (to encourage someone or to make them want to do smth) [LDOCE])

To motivate (to make someone want to achieve something) [LDOCE]

Окончательная классификация глаголов психического воздействия выглядим следующим образом:

Глаголы воздействия на интеллектуально-познавательную сферу: awaken (smb.to smth), bring around, convince, convert, argue into, puzzle, radicalize, reason with, instill, inculcate, bring up, educate, train, retrain, school и др.

Глаголы воздействия на эмоциональную-волевую сферу: agitate, bring down, engage, enthuse, horrify, humiliate, incense, inspire, irk, charm,

fluster, frighten, fuss, gall, intimidate, bait, hound, harass, hassle, mesmerize, nettle, niggle, offend, pester, petrify, please, put down, put off, put out, reassure, rouse, ruffle, scare, torment, appease, spur и др. [Михайлюков, 2018]

Глаголы воздействия на коммуникативно-поведенческую сферу: bludgeon, browbeat, bully, coerce, coax, compel, constrain, cow, dragoon, enforce, exact, enjoin, cajole, entice, jockey, jolly, goad, incite, provoke, induce, lead, nag, persuade, press, push, rope in, sandbag, silence, seduce, talk into, urge, woo, wheedle, и др. [Мустафина, 2017]

Глаголы воздействия на потребностно-мотивационную сферу: motivate, spur, to inspire, discourage и др.

Группы глаголов, приведенные выше, отражают лишь общий принцип классификации, количество и семантику классов, но не исчерпывают всего объема выделенных классов (количество лексических единиц, входящих в тот или иной класс).

Заключение

Таким образом, глаголы психического воздействия имеют сложную семантическую структуру. Как явствует из предшествующего описания, признаки «межличностное взаимодействие» и «воздействие на объект» являются интегральными для изучаемой группы глаголов. Признак интенциональности не является интегральным, однако входит в семантическую структуру большинства глаголов данной группы. Кроме того, анализ семантической структуры глаголов психического воздействия показал, что в основу классификации глаголов этой группы может быть положен признак воздействия на ту или иную сферу психики, что говорит о соотносительности значения глаголов психического воздействия с данными современной психологической теории.

Библиографический список

1. Аминова Д. К., Цахаева А. А. Дефиниции «психологическая безопасность», «безопасный тип личности» и «безопасная личность» в научной рефлексии // Обзор педагогических исследований. 2020. Том 2. № 4. С. 124–131.

2. Баклагова Ю. В. Каузатив: средства выражения в русском и немецком языках // Культурная жизнь Юга России, 2008. № 3 (28). С. 114.

3. Баклагова Ю. В. Об интенциональности каузативных глаголов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 220–222.

4. Бессонов Н. Ю. Семантика глаголов-связок в составе каузативных конструкций в свете теории динамики силы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (817). С. 56–65.

5. Болдырев Н. Н., Логина Т. В. Роль английских акциональных глаголов со значением межличностного взаимодействия в оценочной интерпретации событий // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 3. Ч. 5–9.

6. Журавлев А. Л. Социальная психология: учебное пособие / отв. ред. А. Л. Журавлев. Москва : ПЕР СЭ, 2002. 351 с.

7. Кондратьев М. Ю. Воздействие и влияние как социально-психологические координаты межличностного взаимодействия: понятийно-терминологический аспект / М. Ю. Кондратьев, В. А. Ильин // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 46–57.

8. Крысько В. Г. Социальная психология. Курс лекций. 3-е изд. Москва : Омега-Л, 2006. 352 с.

9. Михайлюков Л. В. Типы английских каузативных конструкций с предложно-переходными глаголами // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-1 (86). С. 137–141.

10. Мустафина Р. Ф. Эмоционально-оценочный компонент в структуре глаголов информационной семантики английского языка // Символ науки. 2017. № 3. С. 185–187.

11. Невзорова Г. В. Некоторые аспекты преподавания и использования фразеологизмов, идиом и фразовых глаголов в английском языке // Образование и право. № 1. 2020. С. 270–275. С. 270–275.

12. Психологический словарь / под общ. ред А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Москва : Политиздат, 1990. 494 с.

13. Сюткина Н. П. Эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 3. С. 53–58.

14. A Woman of My Age. Bawden, Nina. London : Virago Press Ltd, 1991. P. 15–131.

15. Hampden Babylon: sex & scandal in Scottish football. Cosgrove, Stuart. Edinburgh : Canongate Press plc, 1991. P. 6–109.

16. Jane's journey. Bow, Jean. Lewes, East Sussex: The Book Guild Ltd, 1991.

17. LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English, Fifth Edition. Pearson Education Limited, 2009.

18. Longman Dictionary of English Language and Culture. Third Edition. Pearson Education Ltd., 2005. 1620 p.

19. Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms. Oxford University Press Inc., 1999. 572 p.

20. The Child Bride. Wiat, Philippa. London : Robert Hale Ltd, 1990. 224 p.

21. The Possession of Delia Sutherland. Neil, B. London : Bloomsbury Pub. Ltd, 1993. P. 59–179.

Reference list

1. Aminova D. K., Cahaeva A. A. Definicii «psihologicheskaja bezopasnost'», «bezopasnyj tip lichnosti» i «bezopasnaja lichnost'» v nauchnoj refleksii = The definitions

of «psychological safety,» «safe personality type» and «safe personality» in scientific reflection // Obzor pedagogicheskih issledovanij. 2020. Tom 2. № 4. S. 124–131.

2. Baklagova Ju. V. Kauzativ: sredstva vyrazhenija v russkom i nemeckom jazykah = Causative: means of expression in Russian and German // Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii, 2008. № 3 (28). S. 114.

3. Baklagova Ju. V. Ob intenconal'nosti kauzativnyh glagolov On intentionality of causative verbs // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki. 2009. № 11. S. 220–222.

4. Bessonov N. Ju. Semantika glagolov-svjazok v sostave kauzativnyh konstrukcij v svete teorii dinamiki sily = Semantics of linking verbs in causative constructions in relation to the dynamics of force theory // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2019. № 1 (817). S. 56–65.

5. Boldyrev N. N., Logina T. V. Rol' anglijskih akcional'nyh glagolov so znacheniem mezhlichnostnogo vzaimodejstvija v ocenochnoj interpretacii sobytij = The role of english action verbs with the meaning of interpersonal interaction in evaluative interpretation of events // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2014. № 3. Ch. 5–9.

6. Zhuravlev A. L. Social'naja psihologija = Social psychology : uchebnoe posobie / otv. red. A. L. Zhuravlev. Moskva : PER SJe, 2002. 351 s.

7. Kondrat'ev M. Ju. Vozdejstvie i vlijanie kak social'no-psihologicheskie koordinaty mezhlichnostnogo vzaimodejstvija: ponjatijno-terminologicheskij aspekt = Impact and influence as socio-psychological coordinates of interpersonal interaction: a conceptual and terminological aspect / M. Ju. Kondrat'ev, V. A. Il'in // Social'naja psihologija i obshhestvo. 2013. № 4. S. 46–57.

8. Krys'ko V. G. Social'naja psihologija. Kurs lekcij. 3-e izd. = Social psychology. A course of lectures. 3rd ed. Moskva : Omega-L, 2006. 352 s.

9. Mihajljukov L. V. Tipy anglijskih kauzativnyh konstrukcij s predlozhno-perehodnymi glagolami = Types of english causative constructions with prepositional transitive verbs // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 8-1 (86). S. 137–141.

10. Mustafina R. F. Jemocional'no-ocenochnyj komponent v strukture glagolov informacionnoj semantiki anglijskogo jazyka = Emotional evaluative component in the structure of information semantics verbs in english // Simvol nauki. 2017. № 3. S. 185–187.

11. Nevzorova G. V. Nekotorye aspekty prepodavanija i ispol'zovanija frazeologizmov, idiom i frazovyh glagolov v anglijskom jazyke = Certain aspects of teaching and using phraseological units, idioms, and phrasal verbs in english // Obrazovanie i pravo. № 1. 2020. S. 270–275. S. 270–275.

12. Psihologicheskij slovar' = Psychology dictionary / pod obshh. red A. V. Petrovskogo, M. G. Jaroshevskogo. Moskva : Politizdat, 1990. 494 s.

13. Sjutkina N. P. Jemotivno-kauzativnyj kategorial'nyj semanticheskij kompleks = Emotive-causative categorial semantic complex // Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal. 2019. № 3. S. 53–58.

14. A Woman of My Age. Bawden, Nina. London : Virago Press Ltd, 1991. R. 15–131.

15. Hampden Babylon: sex & scandal in Scottish football. Cosgrove, Stuart. Edinburgh : Canongate Press plc, 1991. R. 6–109.

16. Jane's journey. Bow, Jean. Lewes, East Sussex: The Book Guild Ltd, 1991.

17. LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English, Fifth Edition. Pearson Education Limited, 2009.

18. Longman Dictionary of English Language and Culture. Third Edition. Pearson Education Ltd., 2005. 1620 p.

19. Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms. Oxford University Press Inc., 1999. 572 p.

20. The Child Bride. Wiat, Philippa. London : Robert Hale Ltd, 1990. 224 p.

21. The Possession of Delia Sutherland. Neil, B. London : Bloomsbury Pub. Ltd, 1993. R. 59–179.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теория и история культуры, искусства

УДК 008:1-027.21, 008(091)

Н. А. Хренов **https://orcid.org/0000-0002-6890-7894**

Соперничество цивилизаций за лидерство в истории: Америка как тип цивилизации в XX веке (культурологический аспект)

Для цитирования: Хренов Н. А. Соперничество цивилизаций за лидерство в истории: Америка как тип цивилизации в XX веке (культурологический аспект) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 187–199. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-187-199

В публикуемом фрагменте большой работы о взаимоотношениях на рубеже XX–XXI веков трех цивилизаций – Америки, Китая и России по принципу «другого», основное внимание уделено становлению Америки как цивилизации особого типа в ритмах, присущих истекшему столетию. Зафиксировано, что Америка именно в XX веке перестает быть только частью Старого света, становясь самостоятельным типом цивилизации, а, начиная с Хиросимы, претендуя на статус цивилизации–лидера в геополитике. Основной задачей статьи является культурфилософский ответ на вопрос, в какой ситуации в контексте цивилизационного подхода находится Америка в первых десятилетиях XX века. Автор предлагает методологически и концептуальной новый путь рефлексии, связанный с отходом от идей О. Шпенглера, не включающего Америку в перечень самостоятельных цивилизаций, и экстраполяцией вывода Э. Гиббона применительно к римской цивилизации (с которой Америку часто сравнивают) о том, что ее падение началось на пике развития. На репрезентативном эмпирическом материале американского кинематографа (фильмы Ф. Ф. Копполы «Апокалипсис сегодня», А. Пенна «Маленький большой человек») выявлены и проанализированы интенции американской культуры, диагностирующие ее переход в очередную стадию ее истории с такими ее признаками, как драматизм идеологического противостояния образов «империи доверия» и «империи зла», деградация личности и социума под воздействием имперского комплекса, осознание апокалипсической сути геноцида древней цивилизации индейцев. В результате исследования убедительно доказано, что современное американское кино становится мощным средством и диагностирования ситуации, связанной с Америкой в ее настоящем виде, и с демифологизацией американской «героической» истории. Кино, таким образом, возвращая американцев из собственной виртуальной истории – симулякра в реальность, открывает возможность более глубокого понимания Америки и как типа цивилизации, и как специфической коллективной идентичности американцев. Понимания уже не с точки зрения ее правящей элиты, а просто человека. Это обстоятельство вселяет надежду на возможность более глубоких человеческих связей Америки с другими цивилизациями, которых она воспринимает по принципу «Другого».

Ключевые слова: Россия, Америка, Китай, американская цивилизация, цивилизационная идентичность, Другой, империя доверия, О. Шпенглер, Т. Мэдден, Э. Гиббон, М. Лернер, Ж. Бодрийяр, Ф. Ф. Коппола, А. Пенн, пассионарная вспышка.

ART HISTORY AND CULTURAL STUDIES

Theory and history of culture and the arts

N. A. Khrenov

Civilizations in competition for leadership in history: America as a type of civilization in the 20th century (a cultural aspect)

The article is a fragment of a bigger work on the relationships of three civilizations – America, China and Russia – at the turn of the XX-XXI centuries, based on the principle of the «Other». It focuses on the formation of America as a

© Хренов Н. А., 2021

special type of civilization in the pace of the past century. It is recorded that in the twentieth century America ceased to be a mere part of the Old World and became an independent type of civilization, and, beginning with Hiroshima, claimed the status of a civilization-leader in geopolitics. The aim of this article is to give an answer to the cultural and philosophical question of where America stands during the early decades of the 20th century from a civilizational perspective. The author proposes a new methodological and conceptual way of reflection connected with shifting from the ideas of O. Spengler, who did not include America in the list of independent civilizations, and extrapolating E. Gibbon's conclusion with regard to the Roman civilization (which America is often compared with) that its fall began at the peak of its development. On the basis of representative empirical material of American cinema (F. F. Coppola's Apocalypse Now, A. Penn's Little Big Man) the author identifies and analyzes the intentions of American culture, showing its transition to the next stage of its history with such signs as the dramatic ideological confrontation between the images of the «empire of trust» and the «empire of evil», the degradation of personality and society affected by the imperial complex, the awareness of the apocalyptic genocide of the ancient Indian civilization. The study provides convincing evidence that contemporary American cinema is becoming a powerful means of both diagnosing the situation of America as it is today and de-mythologizing American «heroic» history. Thus, cinema brings Americans back from their own virtual history-simulacrum to reality, opening up the possibility of a deeper understanding of America both as a civilization type and as a specific collective identity of Americans. Understanding no longer from the point of view of its ruling elite, but simply of a human being. This fact gives hope for establishing deeper human relationships between America and other civilizations which it views as the «Others».

Key words: Russia, America, China, American civilization, civilizational identity, Other, empire of trust, O. Spengler, T. Madden, E. Gibbon, M. Lerner, J. Baudrillard, F. F. Coppola, A. Penn, passionate outburst.

Введение

В данном фрагменте работы, посвященной диалогу в отношениях на рубеже XX–XXI веков между Россией и Америкой, с одной стороны, и Россией и Россией и Китаем, с другой [Хренов, 2020], мы, не теряя основной нити анализа этого диалога, как в его позитивных, так и в возможных негативных проявлениях, сосредоточимся в большей степени на цивилизационной идентичности и ментальности Америки, достигшей в своем становлении как типа цивилизации пика и, возможно, уже того состояния, когда начинается ее надлом. Осмысление отношений между цивилизациями начал еще в начале XX века Шпенглер [Шпенглер, 1998]. Он первым проницательно ощутил и сформулировал начавшийся кризис лидерства Запада или той закономерности в мировой истории, которую он назвал «европоцентризмом». Запад переставал быть лидером, роль которого он до XX века играл. Это спровоцировало обсуждение и необходимость понять, кто эту роль будет осуществлять дальше. Любопытно, что, например, чуть позже в качестве претендентов Х. Ортега-и-Гассет называл две цивилизации – Америку и Россию, не пользуясь, правда, понятием «цивилизация» [Ортега-и-Гассет, 1997]. Китай в обсуждении возможного лидерства не включался. Он слишком – в стороне и существует сам по себе. Правда, как оказалось, до определенного времени [Герт, 2011]. Следует сказать, что то, что Америка и Россия обращают на себя внимание уже в XIX веке, фиксировали и в России, причем, начиная со славянофилов [Флоровский, 1993].

Так, констатируя преклонный возраст европейских народов, впадающих в старческий сон, в оцепенение, И. Киреевский констатировал: «изо всего просвещенного человечества два народа не участвуют во всеобщем усыплении, два народа, молодые, свежие, цветут надеждой: это Соединенные Американские Штаты и наше отечество» [Флоровский, 2002]. Чуть позже молодость Америки и России, выделяющихся на фоне предполагаемого всеобщего оцепенения старых народов, отметит А. Герцен. Приводимые им факты эти быстро развивающиеся молодые страны сближают. «Читая летопись семейства Багровых, я был поражен сходством старика, переселившегося в Уфимскую провинцию с «сетлерами», переселявшимися из Нью-Йорка куда-нибудь в Висконсин или Иллинуа… Когда Багров сзывает со всех сторон народа засыпать плотину для мельницы, когда соседи с песнями несут землю и он первый торжественно проходит по побежденной реке, так и кажется, что читаешь Купера или Ирвинга Вашингтона» [Флоровский, 2002].

Однако показательно следующее: Шпенглер, насчитавший 8 цивилизаций, Америку еще цивилизацией не видит. Видимо, проблема ее особости в истории цивилизаций не была еще актуальной, ибо она хотя и называлась Новым Светом, но все еще мыслилась входящей в Старый свет его частью, продолжением [Старостин, 1991]. Это однако не мешало реальной Америке, спустя время, а именно после второй мировой войны демонстративно заявить, кто отныне в истории будет лидером. В. Кожинов точно писал о том, что, например, трагедия Хиросимы была

своеобразным высказыванием на тему, кто отныне в мире занимает ведущее положение. «Американское правительство совершенно точно знало, – писал он – что через две-три недели Япония капитулирует, никаких сил уже нет. Это было сделано для того, чтобы показать, кто отныне хозяин мира. Ради этого десятки тысяч людей были превращены в радиоактивную пыль. И решение приняли ничем не рисковавшие люди» [Вадим Кожинов…, 2005, с. 221].

Результаты исследования

Является ли Америка «империей доверия»?

Парадокс заключается в том, что для того, чтобы утвердить себя именно в роли мирового лидера, Америка как транслятор передовых либеральных идей и свободы, как она себя считает, должна была трансформироваться в империю, и она таковой стала. Но как совместить империю и свободу? Да, мы – империя, – пишет американский историк Т. Мэдден [Мэдден, 2010, с. 21]. Но какая? Т. Мэдден рассуждает так. Бывают империи подчинения. Практически в истории все империи такими и были. И бывают империи доверия. Такие империи – исключение. Но такой была римская и такой империей доверия сегодня преподносит себя миру Америка. Она не имеет стремления ввязываться во все мировые конфликты. Но, утверждает Т. Мэдден, если ей приходится это делать, то только потому, что она вынуждена реагировать на просьбу других народов о помощи. Но едва ли это так.

Однако хотя американцы, как и русские, гордятся своей страной, столь богатой и сильной, но и они время от времени задают вопрос, который не так давно задали американский кинорежиссер Оливер Стоун, активно сегодня обсуждающий на экране политику Путина и ситуацию на Украине, и его соавтор Питер Кузник в своей книге. «Почему наша страна размещает во всех уголках земного шара свои военные базы, общее количество которых, по некоторым подсчетам, перевалило за тысячу» [Стоун, Кузник, 2014, с. 12]. Но ведь Америка не только мирно размещает свои военные базы, она постоянно в разных местах планеты ведет войны и даже тогда, когда ее об этом не просят. Мысль В. Кожинова по поводу высказывания о том, кто после второй мировой войны оказывается хозяином мира, высказывания, ради которого десятки тысяч людей были принесены в жертву, вспоминается во время просмотра фильма Френсиса Форда Копполы «Апокалипсис сегодня» (1979). В нем смелый режиссер попытался, отбросив официальные установки, объяснить, что стоит за Америкой как «империей доверия». В этом самом «доверии» режиссер сомневается.

Почему это важно? Да потому, что миф об Америке как спасительнице мира и заступнице за слабых народов, что и отождествилось с американской идентичностью, затмил о ней правду. Видимо, эту двойственность и имел в виду М. Хайдеггер, высказывая свое недоверие американизму и сравнивая его с большевизмом. С помощью медиа правда была заменена виртуальным образом. Нужно было вернуться к реальности, а она не столь оптимистична. Роль разоблачителя Америки тогда сыграл не О. Стоун, а Ф. Коппола, Обращаясь к теме войны во Вьетнаме, Ж. Бодрийяр справедливо писал об этой войне как о «войне телевизионной», доказывая, что американцы воюют, используя два вида оружия – авиацией, как это и покажет Ф. Коппола, и информацией («Это реальная бомбардировка неприятеля и электронная всего остального мира» [Бодрийяр, 2000, с. 119]. Хотя американцы во Вьетнаме проиграли, но в виртуальном пространстве все же выиграли. Но выиграли ли они в реальности? Ведь то, что показал Ф. Коппола, – это то, что Америка время от времени и не только во Вьетнаме демонстрирует как Апокалипсис. Разве этот Апокалипсис американцы не устроили уже в Японии?

Реальное и виртуальное в образе Америки: демифологизации виртуального образа Америки в фильме Ф. Ф. Копполы

В основу фильма Ф. Копполы положена повесть Джозефа Конрада «Сердце тьмы», и, конечно, какие-то ее элементы были перенесены в фильм. Но только какие-то. Ф. Коппола сохранил главных персонажей – персонажа, от имени которого ведется повествование и второго – загадочного и таинственного персонажа, которого пытается понять главный герой- повествователь. Ф. Коппола сохранил в фильме даже его имя – Курц. У него в фильме эту роль играет Марлон Брандо. Интрига в повести Д. Конрада состоит в том, что главный герой загипнотизирован Курцем, о котором все говорят, что он- необыкновенный, исключительный, что он – гений. Но герой пытается постичь Курца самостоятельно. Да, у Д. Конрада Курц, действительно, исключительный. Но он, в том числе, и безумен. Как и в повести, в фильме Курц возглавляет те обряды, в которых принимают участие населяющие эти

джунгли туземцы. Они воспринимают Курца кем-то вроде вождя или божества. Коппола сохраняет интерес героя к Курцу и отношения Курца с местным населением.. Но он модернизирует сюжет, наполняя его военными мотивами, связанными с оккупацией американскими войсками Вьетнама. Это уже не служащий торговой фирмы, а профессиональный военный. География у Копполы конкретизируется. Это Вьетнам, а Курц – один из представителей американской армии, который по причине своего безумия выходит в своих действиях за пределы и устава, и человеческой морали. А потому его следует убрать, точнее, ликвидировать. С этой целью герой и направляется в джунгли. Конечно, некоторые конрадовские персонажи в фильме отсутствуют. Но зато появляются новые персонажи, например, чрезвычайно важный для фильма и идеи режиссера персонаж по имени Килбор.

Фильм Ф. Копполы начинается с традиционного для авантюрного сюжета эпизода, в котором уже успевший много повоевать капитан спецназа Бенджамин Уиллард получает секретное задание устранить переставшего быть адекватным и дотоле зарекомендовавшим себя блестящим военным полковника Уолтера Курца. О какой неадекватности Курца идет речь? Дело в том, что участие в военных столкновениях с вьетнамцами («проклятыми косоглазыми», как выражается один из военных) стало причиной того, что Курц, которому прочили высокий пост и блестящую карьеру в самом Пентагоне, сходит с ума. Он не выдерживает того каждодневного напряжения, которое испытывают во Вьетнаме американские военные. Эту тему в фильме превосходно выражает поведение главного героя. Выясняется, что Курц уже не только не выполняет приказы командования (он убивает самовольно, в том числе, и нужных командованию для допроса лидеров вьетнамского сопротивления), но покидает место дислокации, оказываясь в нейтральной Камбодже, собирает из местного населения боевой отряд и командует им, не подчиняясь предписаниям, приходящим из Пентагона. Пополнившие его отряд местные жители не смеют его ослушаться и относятся к нему как к богу.

Все свидетельствует о том, что война приводит человека к одичанию, к регрессу психики и возникновению той самой первобытной орды, которую покажет в своем фильме А. Прошкин. Анализ этого фильма был предпринят в предыдущем очерке. А в этой орде отсутствует всякое представление о ценности человеческой личности. На территории, в которой действует под командованием Курца вооруженный отряд, царит вакханалия насилия, повсюду висят и лежат трупы убитых. Но Курц оказывается не просто убийца, но еще и философ насилия. Безумный философ. Но в этом его безумии есть тоже какая-то правда. Он формулирует ту норму поведения человека на войне, которую, собственно, как свидетельствуют другие эпизоды фильма, осуществляет не только Курц, но и те десантники, которые без всякой причины способны выжигать напалмом целые территории с беззащитными людьми и целыми селениями. По сути, спустя десятилетия после бомбардировки японских городов Хиросимы и Нагасаки, режиссер возвращается к теме насилия на войне, пытаясь осмыслить психологические нюансы. Так, в финале фильма Курц, уже догадываясь, чем закончится задуманное командованием его жертвоприношение, формулирует кредо американского десантника.

Рассказав историю с хладнокровным убийством детей, которое привело его когда-то в ужас, он признается, что со временем осознал правоту палачей, выводя из своего рассказа ту норму, что реализуется на войне. «Нам нужны люди, – говорит он – обладающие высокой моралью, но в то же время способные мобилизовать свои первобытные инстинкты и убивать без чувства, без страсти, не пытаясь рассуждать». Ничего себе мораль, причем, высокая, которая способна сосуществовать с первобытным инстинктом. Уж не мораль ли это ницшевского сверхчеловека, которая всем известна в редакции идеологов нацизма. Только не сострадать, только не судить потому, что если сострадать и судить, чего требует элементарная человечность, то именно это и делает палача уязвимым, лишает его необходимого для военного мужества. Значит, это сострадание необходимо преодолеть, переступить. Но, видимо, эту норму как раз и демонстрировал не только рассказ Курца о расстрелянных детях, но и сброшенные на японские города атомные бомбы.

Но не только. Ведь то, в чем убежден Курц и что предстает для него нормой, – это уже не рожденная в сознании потерявшего разум человека, каким предстает в фильме Курц, теория. Ведь, по сути дела, предыдущие эпизоды фильма, связанные с трудным продвижением катера по реке в поисках укрывшегося в джунглях Курца, уже превосходно иллюстрируют ту норму,

что сформулирует Курц. Конечно, как старается прокомментировать мысль Курца Ф. Коппола, это норма не только технически совершенной и доблестной американской армии, а норма, которая могла возникнуть лишь в сознании сумасшедшего. Но так ли это? Всем ходом действия режиссер показывает, что эта норма давно усвоена и действует. Ее заново постигает герой фильма Уиллард, который должен после выполнения задания Курца сменить. Так в фильме появляется подполковник Билл Килбор, которому приказано содействовать исполнению приказа, полученного Уиллардом. Килбор, конечно, разум пока не потерял, но удивительно, что всем своим поведением он иллюстрирует те «озарения», что приходят в голову сумасшедшего Курца.

Килбор готов прикрыть катер от вьетнамцев. Но ему известно, что место, через которое должен пройти катер, сильно укреплено вьетнамцами. Если он рискнет прикрыть катер, то возможны жертвы. Американские солдаты могут быть убиты. Первоначально он такой вариант отвергает. Но ему все же приходится его реализовать. Почему? Да потому, что, как оказывается, он – фанатик серфинга, скрашивающего его пребывание во Вьетнаме. После перестрелок Килбор любит поразвлечься на воде с доской. Узнав, что среди команды Уилларда находится знаменитый в Америке чемпион по серфингу и задумав тут же на месте дислокации военных с ним состязание, он все же принимает решение сопровождать катер, что оборачивается жертвами, которых можно было избежать. Но что Килбору жертвы? Разве это не иллюстрация к теории сумасшедшего Курца? И поскольку подполковник Килбор – профессиональный военный, занимающий в американской армии высокую должность, то получается, что то, что Курц считает нормой, – это и его, Килбора норма, а, следовательно, это и норма доблестной американской армии вообще. Не зря Пентагон отказал Ф. Копполе в помощи снимать военные эпизоды.

Но к Копполе не придерешься, ведь философия насилия исходит из уст сумасшедшего Курца, а действия Килбора вроде бы к этому не имеют отношения. Но если действия Курца осуждаются, то действия Килбора – нет. Так фильм рискует из антивоенного превратиться в антиамериканский. Однако дело тут вовсе не исчерпывается страстью Килбора к серфингу. Ведь это именно Килбор командует испепелить напалмом целую деревню. Что там какая-то деревня во Вьетнаме, если норма испробована на двух многолюдных японских городах. Уж не является ли для Килбора уничтожение вьетнамцев таким же развлечением, что и серфинг. Похоже на это. Килбор – обыкновенный садист, а война дает ему свободу в изживании своих комплексов. Но ведь это уже фашизм по-американски. Но, впрочем, дело ведь не только в Курце и в Килборе. Дело и в каждом из тех персонажей, что составляют команду на катере. Встретив гражданскую лодку с местными крестьянами, подчиненные Уилларда решают проверить, что находится в лодке. Неосторожное движение девушки-вьетнамки, беспокоящейся о спрятанном в ведре щенка, принятое военными за желание взять гранату и метнуть ее в катер (а подобная сцена в фильме только что промелькнула и другая девушка-вьетнамка бросила гранату в вертолет, он взрывается, что и провоцирует Килбора на использование напалма) приводит в движение автомат, в результате чего все мирные люди в лодке погибают.

Получается, что в этой ситуации нет своих и чужих, друзей и врагов. Война делает всех сумасшедшими. Война – это безумие. Когда в финале фильма Уиллард, наконец-то, выполняет приказ командования и с помощью мачете расправляется с Курцем, его внимание привлекает то ли журнал, то ли дневник убитого, а в нем написанная Курцем перед смертью фраза «Сбросьте бомбу. Уничтожьте их всех» Ну, бомбу-то вроде уже бросали в Хиросиме. Но кого всех-то? Вьетнамцев, что сопротивляются американским оккупантам или вместе с вьетнамцами всех тех, кто с ними воюет, т. е. американских солдат? Что взять с человека, потерявшего разум. Конечно, вьетнамцев. Но, может быть, в том числе и американских солдат, ведь у Курца есть причины так поступить, если он догадывается, что командование приняло решение покончить с ним. Ведь из фильма как раз этот вывод и следует. Именно эта война привела к регрессу, к возрождению таких отношений между людьми, которые существовали лишь в первобытном социуме, в доосевое время, когда сострадание и вообще представление о нравственности сформироваться еще просто не успели. Но в наше время в одной из самых совершенных цивилизаций такой регресс происходит в ходе войны. А поскольку война происходит постоянно, то в Афганистане, то во Вьетнаме, то в Ираке, то в Сирии, то современное общество существует в двух измерениях – в цивилизационном, культурном и варварском, первобытном. Хорошо бы, если бы последний

был сведен к минимуму. Но в реальности, может быть, происходит другое: человечество постепенно входит в период варварского возрождения. И дело тут не в панмонголизме, а в кризисе культуры.

В финальном эпизоде в тех местах перед толпой солдат появляется Уиллард, такой же безумный после свершенного им жертвоприношения, каким был и его предшественник Курц. У него вид нового вожака. Во всяком случае его так и воспринимают. Уилларда тоже, как и Курца, эта орда готова принять за бога и почитать как бога . А когда тебя принимают за бога, ты им и становишься. Лицо Уилларда утратило человеческие признаки и становится похожим на лики богов-монстров, застывших на стенах камбоджийских храмов. Блистательный оператор В. Стораро в этих кадрах чисто изобразительными средствами выводит происходящее за пределы истории, договаривая за сценариста то, что Ф. Коппола считает главным. О какой же в данном случае «империи доверия», которую усматривает в Америке с ее доблестной армией Т. Мэдден, можно говорить, если приходящая от Америки помощь в виде военных подразделений каждый раз оборачивается вакханалией насилия в соответствии с формулой убийцы Курца.

Миф о героическом рождении американской цивилизации и реальность, какой она предстает в фильме А. Пенна

Конечно, чтобы ставить такие фильмы, как фильм Ф. Копполы, нужно обладать смелостью и прежде всего быть гражданином, обеспокоенным провалом целой цивилизации в варварство. Говорить об этом, даже если высказываемое им совсем не соответствует установкам власти. Это порождает некоторый оптимизм. Видимо, не погибла еще Америка, не погрузилась в пучину варварства, раз в ней еще существует возможность гражданского высказывания, подобного тому, что позволил себе Ф. Коппола. И это, несомненно, вызывает у всех, кто пытается осмыслить современное состояние мира, чувство уважения к этой цивилизации. Эта цивилизация по – прежнему сохраняет те механизмы, которые позволяют обеспечивать ее целостность, избегать расколов и угрожающего каждой цивилизации регресса в варварство [Мотрошилова, 2010].

Однако фильм Ф. Копполы посвящен лишь одному из событий, правда, весьма значимому в истории этой цивилизации и, следует сказать, опасному для сохранения ее авторитета в мире и даже ее выживания и совсем неоптимальному для отношений с другими цивилизациями. Хотя и на этом частном примере режиссеру удалось об этой цивилизации сказать много. Но ведь такой гражданский всплеск озабоченности ее судьбой в кино не ограничивается лишь констатацией и оценкой отдельных событий в ее истории. Мысль кинематографистов идет дальше и глубже, касаясь уже происхождения этой цивилизации. Ради спасения авторитета этой цивилизации в мире необходимо было развенчать те мифы, которые когда-то слишком резко расходились с реальностью, но зато способствовали ее быстрому и успешному восхождению, а также и осуществлению ее претензий на лидерство. Некоторые такие мифы касаются генезиса этой цивилизации. Может быть, в момент возникновения Америки уже возникли те комплексы, которые потом в процессе исторического становления этой цивилизации будут лишь воспроизводиться и повторяться.

Известно, что пространство Нового Света заполнялось теми человеческими особями, которые не могли существовать в лишивших людей всякой инициативы старых империях. Старый свет хотя и был цивилизацией, утвердившей свободу и опередивший в этом смысле другие цивилизации, например, Восток, но оказался загроможденным множеством норм и установок (правовых, исторических, конфессиональных, экономических, культурных), затрудняющих пользование этой самой свободой. Получившим свободу в Старом Свете, этой свободы хотелось больше. В Старом Свете накопилось слишком много энергии, которая должна была как-то реализоваться, получить в чем-то выражение. Французская революция, конечно, выпустила эту энергию, а вместе с этим и продемонстрировала варварство, напугав весь мир гильотиной. Но, во-первых, это средство касалось лишь одной страны, а, во-вторых, его оказалось недостаточно. Освоение Нового Света как раз и оказалось таким клапаном, с помощью которого началась реализация инициативы и, соответственно, индивидуализма как в положительном, так и в негативном проявлении. Так, индивидуализм начал проявляться в крайних формах авантюризма. Так герой фильма А. Пенна «Маленький большой человек», о котором у нас пойдет речь, рассказывает о том, как ему пришлось перебрать много самых разных занятий. Был он и помощником мошенника, торговавшего фальшивыми лекарствами и неудачным предпринимателем, которо-

го обокрал его компаньон. Пока случайно не встретился на его пути будущий враг – генерал Кастер. Он и посоветовал герою двигаться на Запад и стать скорняком, ведь там теперь убивают бизонов, а оставшиеся от них шкуры можно пустить в дело.

Этот прорвавшийся дух свободы мог оказаться разрушительным и проявляться в саморазрушении новой общности, если на этой территории не выработать механизмы нового социума, а, следовательно, консолидации массы переселенцев. Но с чего начать консолидацию? С выработки коллективной идентичности, которая становится способом организованности индивидуализма, отречения от части индивидуальной свободы. И это, несомненно, процесс положительный. Но чтобы возникла идентичность, нужен Другой, причем, не просто непохожий на переселенцев, а враг [Нойманн, 2004, с. 236]. Если он все же не враг, то следует ему образ врага присвоить. Ведь сплачивает именно враг. Но такой Другой к моменту прибытия переселенцев в Новый свет на этих территориях уже существовал. Это – индейцы. Целая древняя цивилизация. Это была их, индейцев, территория, их земля и их культура. На этой территория существует народ со своей уникальной культурой, которой еще не коснулись ни модернизация, ни технизация. Но зачем переселенцам существующая культура? Они начинают жить с чистого листа. Они убеждены, что создадут свою новую культуру. И, кажется, действительно, в конце концов, создали. Вот индейцы и стали для них этим Другим. И не просто Другим, а врагом, который стал нещадно истребляться, безжалостно уничтожаться. Это уничтожение касалось не только мужчин, но женщин, стариков и детей. Так, на вопрос героя, заданный старому мудрому индейцу, зачем он хочет добровольно умереть, он отвечает: иным способом от белых избавиться невозможно. Когда-то на нынешней территории Америки проживало сотни разных племен и около двух миллионов индейцев. К нашему времени их осталось всего 800 тысяч [Карцева, 1976, с. 36].

Можно даже сказать, эта цивилизация началась с геноцида. Индейцы не были врагами, но они ими стали. Их такими сделали. Так начал осуществляться геноцид целого народа, целой древнейшей цивилизации, которая, не пройдя этап модернизации, оказалась уязвимой, не способной сопротивляться и в новых условиях выживать. По сути, эта цивилизация была уничтожена. Не эта ли, кстати, первая апокалиптическая ситуация породила в Америке комплекс, который потом будет систематически воспроизводиться. и в Хиросиме, и во Вьетнаме, и в Ираке и где-то еще [Раны сознания…, 1985]. Превращение индейцев во врагов, их геноцид был однако поэтизирован и героизирован. Для этого, в частности, был использован столь дорогой сердцу американца жанр вестерна. Так была драматизирована и героизирована история происхождения американской цивилизации. История совершенно виртуальная. История – симулякр. Была создана виртуальная аура героической, побеждающей своих врагов Америки. Аура сильной, процветающей и самой справедливой цивилизации в мире, претендующей на лидерство. Короче говоря, «империя доверия». Как ни странно, для самой Америки это жертвоприношение древнейшего народа оказалось весьма полезным, ведь оно помогло создать легендарный образ основателей этой цивилизации-переселенцам, т. е. своеобразным «культурным героям», которые отныне, как они сами убеждены, поддерживают порядок во всем мире.

Продолжением идеализации Америки оказывается героизация отдельных известных людей Америки, например, генерала Джорджа Армстронга Кастера, прославившего себя и военными подвигами, и своим неподчинением начальству. Генерал Кастер – это реальное историческое лицо. Самыми героическими его деяниями были жестокие расправы с индейцами, естественно, оправдываемыми. Кстати, этот самый Кастер точь-в-точь повторяет образ полковника Курца из фильма Ф. Копполы, пришедшего к мысли о том, что настоящий военный – это тот, кто свободен от сочувствия. Вот эта вера Америки в свое высокое предназначение порождала таких садистов, как кинематографический Килбор и как исторический Кастер. Но время шло, Америка все больше становилась империей, и именно это, видимо, подстегивало необходимость критическое осмысление ауры Америки. Нужно было что-то делать. Началось гражданское пробуждение, правда, с большим запозданием. За образом величия Америки нужно было разглядеть, что рекламируемая и пропагандируемая свобода реальности не соответствует. Так появляется фильм А. Пенна «Маленький большой человек» (1970).

В первом же кадре этого фильма появляется человек, возраст которого перевалил за столетие, который говорит: «Я знал и генерала Кастера, и индейцев, какими они были на самом деле, когда

мне было десять лет». Этой фразой режиссер имеет намерение подсказать зрителю, чтобы тот забыл, что говорилось о Кастере как героической личности, а также об индейцах как врагах, якобы заслуживающих истребления и приобщиться уже не к мифологизированной реальности. А, следовательно, он видит в Кастере не героя, а убийцу, карьериста, целью которого было кресло президента. По сути, фильм разрушал миф о герое. Произошла демифологизация одного из самых известных героев Америки. Нужно было генезис Америки осмыслить заново, используя устные источники, поскольку все другие источники оказываются ложью. В фильме Кастер сначала сходит с ума, отдавая себе отчет в том, что его армия разбита, и ему не быть президентом, а затем и упадет, простреленный стрелами защищавших себя и свою землю индейцев. Ну чем это не двойник подполковника Билла Килборга из фильма Ф. Копполы, который так и остался неразоблаченным и, видимо, после войны он займет место политика-ястреба, а также и сумасшедшего полковника Курца, который в фильме будет не только разоблачен, но и убит.

Продолжается ли в современной Америке пассионарная вспышка?

Наличие таких фильмов, как фильм Ф. Копполы и А. Пенна, свидетельствует о том, что, несмотря на многие ошибки, просчеты и даже злодеяния, связанные с политическим курсом, в этой цивилизации существует и другая Америка, не позволяющая ей регрессировать и порождать тех, кого когда-то Ф. Ницше назвал сверхчеловеком. Другая Америка, способная к раскаянию и критическому осмыслению происходящего. И, кстати сказать, способная возвращаться назад, в ситуацию генезиса своей цивилизации и критически об этом размышлять, как и критически размышлять о боле поздних войнах, вспыхивающих по вине Америки в разных точках планеты. Это свидетельствует о том, что Америка и в самом деле в своей истории достигла пика, той высшей точки, которая позволяет ей не замалчивать негативные процессы в своей истории и за виртуальным видеть реальное. Правда, подчас с запозданием. Она и в самом деле сильна, раз уж позволяет себе говорить о своих уязвимых сторонах.

Из огромного массива американских фильмов мы выбрали лишь два значительных фильма и в них обнаружили то, что обычно называют «отрицательными персонажами». Хотя они вовсе не отрицательные. Ведь никто не осмелится утверждать, что подполковник Килбор – отрицательный, наоборот, его ждет, видимо, за его «подвиги» во Вьетнаме продвижение по службе. Наверняка, он будет увенчан всеми наградами и чинами. Если, конечно, не будет убит. Его ждет судьба реального, исторического персонажа – генерала Кастера из фильма А. Пенна, который был длительное время воспринимаем национальным героем. Он бы и сам себя таковым продолжал подавать, если бы остался в живых. Но он был убит во время сражения с индейцами. После смерти его имя продолжала сопровождать аура героя.

Что все-таки за этими персонажами стоит? Ведь наше исследование – это не просто киноведческий труд. Эти фильмы мы анализируем в связи с нашей основной темой – цивилизациями, которые в наше время вынуждены войти в более тесные взаимоотношения. Так распорядилась история. Но как они могут соприкасаться и взаимодействовать, если за каждой из них своя история, особые временные длительности [Хренов, 2020]. Каждая из них находится на определенной фазе истории. Эти фазы не совпадают. Ну, в самом деле, что общего в этом смысле может быть между Америкой и Китаем? Одна начала свой исторический путь не так давно, а история другой уходит в глубокую древность.

Если сейчас сосредоточиться на Америке и поставить вопрос – можно ли соотнести образы Килбора и Кастера с фазами в истории цивилизаций, то получается, что персонажи, подобные упомянутым персонажам, могли появиться лишь в ситуации пассионарной вспышки. На их действиях, их сознании отложилась печать повышенной пассионарности. Эта вспышка сопровождала тот период, когда многие смыслы этой цивилизации сосредотачивались вокруг проблемы фронтира. Переселенцы объединялись в некую общность, нуждающуюся в том, чтобы распространиться и обустроиться в некоем пространстве, которое до этого занимали индейцы. Их с этого пространства следовало вытеснить. Убрать и, если нужно, то и уничтожить. А чтобы уничтожить, необходимо было присвоить им соответствующий образ, а именно, образ врага. Эти самые переселенцы есть пассионарии, они начали воспринимать индейцев как врагов, что, как им казалось, давало повод их истреблять и тем самым возвеличивать себя. Это, разумеется, аморальное сознание и аморальное поведение. Но оно имело последствия и до сих пор аукается в

этой цивилизации.

Но ведь получается, что это поведение того самого типа личности, который В. Шубарт называет героическим [Шубарт, 1997]. С точки зрения рядового американца, который, с одной стороны, представляет тип мещанина, а, с другой, тип предпринимателя, Кастер – герой, ведь благодаря таким людям, воспринимаемым в героической ауре, Америка стала тем, чем она есть. С помощью «подвигов» таких «героев» она обретала самосознание себя как сильной, непобедимой и самой справедливой в мире. Но можно ли называть генерала Кастера пассионарным типом? Ведь вроде бы пассионарии воспринимаются в соответствии с героической аурой, людьми исключительными, а, следовательно, в высшей степени моральными. Но кто сказал, что пассионарии – это носители высших нравственных ценностей? Пассионарии – это прежде всего особи, фанатически преданные какой-то идее, и ради этой идеи готовые принести в жертву и свою жизнь, и жизнь других людей. В этом случае, если эти другие люди ассоциируются с образом врага. А с помощью современных мощных технологий такой образ можно легко навязать кому угодно. Это прежде всего фанатики, их фанатизм ослепляет их и может выводить за пределы человеческой морали. Они, конечно, могут, действительно совершать героические подвиги, но они же, ослепленные идеей, способны выступать насильниками и демонстрировать неслыханную жестокость, что и показано в фильме Ф. Копполы. Возьмите, например, революционеров – французских, русских, любых других. Да, это герои, но, как часто можно наблюдать, они способны перерождаться.

Фильм А. Пенна появился в то время, когда нарастает отчуждение, связанное с цивилизацией и когда интеллигенция во всех странах мира начала проявлять интерес к философии М. Хайдеггера, в которой, как казалось, открывалась какая-то новая истина бытия и следующая вслед за Ницше радикальная переоценка всех ценностей [Пегеллер, 2019]. Лучше всего это начали ощущать молодые люди. Этот интерес к философии М. Хайдеггера нарастал, несмотря на то, что выдающийся философ запятнал себя сотрудничеством с Гитлером и одно время даже питал иллюзию «вести вождя», т. е. быть духовным наставником вождя национал-социализма. Но не все так просто. Известно, что феноменология М. Хайдеггера возвращала к первоистокам. Она связывается с высвобождением утраченного, упущенного и остававшегося заслоненным. Отсюда его интерес к первоистокам античной философии, к Гераклиту, Пармениду, а также к Востоку и, в частности, к Лао-цзы. Но в Америке в этом смысле есть свой сюжет. Это индейцы с их архаическим восприятием мира. По сути, у А. Пенна речь идет о реабилитации индейцев и их культуры. Реабилитации того, что пассионарная Америка не поняла и поспешила уничтожить.

Именно в философии М. Хайдеггера возник более точный образ современного человека как обезличенного Man с присущей ему агрессией, ведущей к самоистреблению и, быть может, к истреблению окружающего его мира. Не случайно вождь шайенов – старый Вигвам – говорит: «Белые не любят друг друга, и рано или поздно один из них убивает другого». В свете этого нового рождающегося и нарастающего настроения возникает возможность реабилитации индейцев, представляемых ранее с помощью жанра вестерна врагами, а на самом деле, являющихся тем остававшимся до прихода туда переселенцев островом в мире отчуждения, в котором человек еще сохраняет традиционный взгляд на мир, связан с землей и имеет тот запас человечности, который в технизированном мире становится дефицитом. Для индейца земля, камни, вода одухотворены, в то время как у белых все оказывается мертвым. Да и сама любовь к технике оказывается, по мысли Э. Фромма, некрофильским комплексом.

Хотя фильм сохраняет традицию вестерна, по сути, в нем происходит нечто неожиданное – реабилитация индейцев, а также чувство вины американцев за геноцид целой цивилизации. Американцы входили в большую историю на основе геноцида. Критик Д. Дэнби, оценивая фильм А. Пенна, писал: «Согласно фильму, белые истребляли индейцев не потому, что хотели захватить их землю, реки, меха, не потому, что боялись их, или попросту из – за неизбывного расизма. Они убивали их потому, что белые по своей природе не могут не убивать» [На экране Америка…, 1978, с. 193].

Мы не случайно для анализа выбрали именно фильм А. Пенна. Ведь история, связанная с Диким Западом, не ушла в прошлое. Ее можно точнее представить в свете тех настроений, что имели место в 60-е годы прошлого века, которые и вызвали к жизни фильм Ф. Копполы, настроений, касающихся так называемого «вьетнамского синдрома». «Это фильм о геноциде, об индейцах и о Вьетнаме, и Артур Пенн хочет выразить в

нем предупреждение – пишет критик П. Кэйл – Избиение беспомощных индейцев, показанное на экране, похоже на избиение жителей вьетнамских деревень, и этот фильм показывает тесную эмоциональную связь между двумя событиями» [На экране Америка…, 1978, с. 196]. Но если особи типа генерала Кастера – это порождение тех фаз в истории цивилизации, на которых можно фиксировать пассионарное напряжение, а именно, такой фазой и является эпоха фронтира в Америке, то как быть с Килбором? Ведь это уже другая эпоха. Можно ли утверждать, что время Килбора, а именно, 60-е годы XX века, когда Америка напала на Вьетнам, что это тоже ситуация пассионарной вспышки? Но разве в истории таких вспышек бывает много?

Применима ли к современной Америке историческая закономерность, открытая Э. Гиббоном?

Да, можно считать, что инерция пассионарности в Америке, начавшись в предшествующих столетиях, дошла до XX века. Тот энергетизм, что сопровождает такие вспышки, американцами все еще не растрачен. Он еще проявляется в их агрессии в самых разных точках планеты. Это продолжение той энергии, которая когда-то возникла и в этой достаточно молодой цивилизации все еще продолжает быть реальной. Можно даже утверждать, что XX век – это что-то вроде пика в истории Америки, создавшей свою культуру и представшей самостоятельной цивилизацией. Ее превращение в самостоятельную цивилизацию тоже обязано пассионарной вспышке. Но утверждать, что это состояние может длиться еще долго, конечно, нельзя. Со временем пассионарность ослабевает, а цивилизация в ходит в фазу надлома. На примере фильма В. Дзурлини «Пустыня Тартари» мы далее покажем, какие последствия имеет фаза надлома цивилизации для психологии героического типа личности.

То обстоятельство, что Америка достигла в своем развитии пика, позволяет поставить вопрос, может ли этот пик для этой цивилизации опасным. Но поскольку мы констатировали способность Америки к покаянию, то как не задаться вопросом, а все ли сопоставленные нами цивилизации к этому способны. Эта мысль у нас возникает не случайно, ведь в России такая традиция существует давно. Россия постоянно демонстрирует эту способность, что не удивительно. Ведь это американцам сложно каяться, ибо история у них отсутствует, ее просто нет, а, следовательно, они свободны от традиций, в том числе, и от традиций покаяния. Не то – Россия. Не случайно горбачевская перестройка начинается с покаяния, получившего выражение в фильме Т. Абуладзе «Покаяние». Не случайно также все творчество А. Солженицына связано с осмыслением всего опыта прививки марксизма в России, революционной и постреволюционной истории с нравственной точки зрения. И не случайно, что покаянию А. Солженицын посвящает даже целую статью [Солженицын, 1995, с. 55].

Книга процитированного нами Т. Мэддена носит рекламный и пропагандистский характер. Ее автор, естественно, подает Америку с выгодной стороны. Но, несмотря на впечатляющую мощь этой цивилизации, все же напрашивается мысль: а не пора ли уже писать о ней сочинение не в духе Т. Мэддена, а в духе Э. Гиббона. Э. Гиббона как автора многотомной истории римской империи интересовала одна идея – когда началось падение этой империи, как это развертывалось и почему это падение столь мощной империи все-таки произошло. Ведь эта ее непревзойденная мощь все-таки, в конце концов, не спасла ее от заката. Нет, Гиббон – честный историк, и он не отрицает всех достоинств Рима, описывая лучшие эпохи в его истории. Но при этом он эту историю прослеживает лишь в одном, нами названном ракурсе, и эта мысль у него есть даже в названии его труда.

Что же, в конце концов, выяснил Э. Гиббон? А то, что самая высшая точка взлета Римской империи оказалась уже и началом его падения, краха. Началось это задолго до катастрофы. И не от внешнего вызова погиб Рим, не от начавшего распространяться христианства, которое своими заповедями, как хотелось думать, его подточил, а от существующих внутри него процессов. «Судьба города, который мало-помалу разросся в империю, так необычайна, что останавливает на себе внимание философа, – пишет он, – Но упадок Рима был естественным и неизбежным последствием чрезмерного величия. Среди благоденствия зрел принцип упадка; причины разрушения размножались вместе с расширяющимся объемом завоеваний, и лишь только время или случайность устранили искусственные подпорки, громадное здание развалилось от своей собственной тяжести. История его падения проста и понятна, и вместо того, чтобы задаться вопросом, почему римская империя распалась, мы должны бы были удивиться тому, что на существовала так долго» [Гиббон, 2008].

Уж не потому ли американский кинематограф систематически воссоздает зрелища катастрофы (недавно был выпущен фильм еще об одной катастрофе – фильм «Чернобыль» (реж. Й. Ренк, 2019), что где-то в подсознании существует страх, что симулякр, называемый Америкой, является весьма непрочным и хрупким, несмотря на всю его силу. Вот и Ж. Бодрийяр говорит о коллективной жажде катастрофы в Америке, что похоже на правду, поскольку этот комплекс постоянно затрагивает американский кинематограф. Хотя Ж. Бодрийяр предупреждает, что все связанное с катастрофой, это для американца есть всего лишь игра. Игра-то игра, но, оказывается, взрыв башен в сентябре 20001 года может предстать уже и реальностью. Но бог с ним, с Э. Гиббоном. Мы берем мыслителя, более нам близкого. Причем, не отечественного пропагандиста, который бы порадовался выводу Э. Гиббона и постоянно его тиражировал с помощью медиа. Впрочем, эта мысль и без сноски на Э. Гиббона часто воспроизводится на телевидении и в прессе. И не случайно воспроизводится, ибо это как раз и является конструированием американской идентичности, того, как в России воспринимают Америку.

Мы обращаемся к мыслителю из группы философов-постмодернистов, к Ж. Бодрийяру, одному из тех, кто постоянно прибегает к понятию «симулякр». Ж. Бодрийяр и Америку представляет таким вот симулякром, превращающим мощь Америки в иллюзию. А то, что в этой культуре многое – от симулякра, свидетельствует виртуализация ее истории, которую мы иллюстрировали с помощью фильма А. Пенна. В связи с этим Ж. Бодрийяр даже задает вопрос: реально ли могущество Америки или это только симуляция могущества? Отвечая на него, Ж. Бодрийяр пишет, что хотя Америка продолжает развиваться теми же темпами, что и раньше, когда она была в центре внимания, сегодня она уже не та. «И если она (Америка – Н. Х.) была более могущественна в течение двух десятилетий после второй мировой войны, то идеи и страсти, противостоящие ей, тоже были сильнее. Американская система могла быть жестоко атакована (даже изнутри – в 60-70-е годы). Сегодня Америка уже утратила прежнюю гегемонию и уже не играет роль монополиста, но в каком-то смысле ее лидерство бесспорно и неоспоримо. Она была воплощением могущества, а стала моделью (предприятием, рынком, свободной инициативой, перформансом), которая является универсальной даже для Китая» [Бодрийяр, 2000, с. 194].

А все-таки является ли Америка самостоятельной цивилизацией?

Касаясь Китая,о котором речь пойдет в следующем очерке, Ж. Бодрийяр невольно затрагивает и вопрос об отношениях между цивилизациями. Для того, чтобы глубже рассмотреть отношения между этими тремя цивилизациями, нам следует также предварительно поставить вопрос о том, а правильно ли мы поступаем, называя Америку, Россию и Китай цивилизациями. Вопрос этот не из легких. Во всяком случае, он обсуждается. Например, в связи с Америкой обратимся к сочинению историка и социолога М. Лернера, книга которого об американской цивилизации только в одной Америке переиздавалась тридцать раз. Естественно, что прежде, чем назвать Америку цивилизацией, М. Лернер делает экскурс в историю попыток именно такого обозначения Америки, в частности, он обращается к сочинениям Шпенглера и Тойнби [Тойнби, 2003]. Видимо, в первых десятилетиях XX века, когда Шпенглер создавал свой философский бестселлер, никто Америку не воспринимал самостоятельной цивилизацией. Трудно было также предсказать, в каком виде может предстать Америка, хотя влияние ее во всем мире уже ощущалось.

Китай по-прежнему сохранял спокойствие и свою самостоятельность, правда, его неподвижность под воздействием русской революции заметно изменялась. И, пожалуй, только Россия с ее революционной вспышкой заметно передвинулась в первые ряды, начав претендовать на роль лидера. «Создавая свою теорию в эпоху между двумя мировыми войнами – пишет М. Лернер – он (Шпенглер – Н. Х.) еще не сумел разглядеть в Америке что-либо большее, чем просто усеченный морфологический образчик, не слишком хорошо укладывающийся в его теорию ритмов культуры и цивилизации. В его глазах Америка представлялась чем-то вторичным, производным, боковым побегом (или даже болезненным наростом) на стволе западной культуры» [Лернер, 1992, с. 76]. В отличие от Шпенглера, не рискнувшего сделать категорические выводы по поводу Америки как цивилизации, М. Лернер по этому вопросу имел свое мнение. Но однако же до того, как изложить свое мнение, он все же приводит мнение и авторитетного А. Тойнби. Для А. Тойнби Америка хотя и отрывалась

от западной цивилизации, но все же продолжала с ней сохранять связь и, следовательно, входить в ее состав. «На Америку он (Тойнби – Н. Х.) смотрел как на национальное государство, существующее на границе этой (западной – Н. Х.) цивилизации, как на бесплодного и малоинтересного потомка христианской индустриальной культуры, несущего на себе все ее проклятья и не располагающего особыми добродетелями, чтобы им противостоять» [Лернер, 1992, с. 76].

Заключение

Изучив необходимые источники по этому вопросу, М. Лернер, наконец, формулирует свою точку зрения. Америку он без колебания называет типом цивилизации. «Подвергая сомнению скептические выводы Шпенглера и Тойнби, я вовсе не намерен отстаивать шовинистический взгляд на Америку как на источник и центр западной цивилизации, – пишет он, – однако хотел бы задать вопрос: до коих пор мы будем рассматривать Америку лишь как фрагмент более крупной цивилизации, чей центр располагается за пределами нового материка?» [Лернер, 1992, с. 77]. И вот данное М. Лернером окончательное определение Америки как самостоятельной цивилизации. «Хорошо это или плохо, но Америка есть то, что она есть, – совершенно самостоятельная культура с множеством собственных характерных черт, со своим образом мыслей и схемой власти, культура, сопоставимая с Грецией или Римом как одна из великих и независимых цивилизаций в мировой истории» [Лернер, 1992, с. 77]. Вот так. Таким образом, не прошло и столетия после появления философского бестселлера Шпенглера, не заметившего Америку как самостоятельную цивилизацию, цивилизацию будущего, как у М. Лернера она получает статус самостоятельной цивилизации, идентичность которой на данный момент в наиболее актуальном ключе попробовал объяснить Ф. Фукуяма [Фукуяма, 2019]. Что делать, ведь история в XX веке развертывается в ускоренных ритмах. Это обстоятельство, конечно, не могло не иметь последствий для расклада сил в истории цивилизаций на новом ее этапе.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Америка. Санкт-Петербург : «Владимир Даль», 2000. С. 119, 194.

2. Вадим Кожинов в интервью, беседах, диалогах и воспоминаниях современников. Москва, 2005. С. 221.

3. Герт К. Куда поведет Китай, туда пойдет мир. Как китайские потребители меняют все. Москва : Юнайтед Пресс, 2011.

4. Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. В 7 т. Т. 4. Москва : Терра – Книжный клуб, 2008. С. 624.

5. Карцева Е. Эволюция жанра. Москва : Искусство, 1976. С. 36.

6. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Т. 1. Москва : Радуга, 1992. С. 76, 77.

7. Мотрошилова Н. Цивилизация и варварство в эпохи глобальных кризисов. Москва : Канон- Плюс, 2010.

8. Мэдден Т. Империя доверия. Как Рим строит новый мир. Как Америка строит новый мир. Москва, 2010. С. 21.

9. На экране Америка. Москва : Прогресс, 1978. С. 193, 196.

10. Нойманн Н. Использование «Другого» в формировании европейской идентичности. Москва, 2004. С. 236.

11. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. Москва : Издательство «Весь мир», 1997. С. 43–163.

12. Пеггелер О. Новые пути с Хайдеггером. Санкт-петербург : «Владимир Даль», 2019. 637 с.

13. Раны сознания. Американские писатели и журналисты об агрессии США во Вьетнаме. Москва : Прогресс, 1985.

14. Солженицын А. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Солженицын А. Публицистика. Т. 1. Статьи и речи. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1995. С. 55.

15. Старостин Б. Историософия Шпенглера в наше время // Европейский альманах: История. Традиция. Культура. Москва, 1991.

16. Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США. Москва : Колибри, 2014. С. 12.

17. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. Москва : Айрис –пресс, 2003. С. 407.

18. Флоровский Г. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. Москва : Наука, 1993.

19. Флоровский Г. О народах неисторических (страна отцов и страна детей) // Основы евразийства. Москва : Арктогея – Центр, 2002. С. 422.

20. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. Москва : Альпина Паблишер, 2019. 256 с.

21. Хренов Н. Между Америкой и Китаем. «Другой» в становлении и трансформации цивилизационной идентичности России // Китай, Россия, США. Искусство. Гуманитарные науки: От поколения к поколению. Материалы Международной конференции / под ред. Т. С. Юрьевой, Г. Л. Тульчинского. Санкт-Петербург : Издательство «Скифия – Принт». 2020. 78 с.

22. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х т. Москва : Мысль, 1998.

23. Шубарт В. Европа и душа Востока. Москва : Русская идея, 1997. 446 с.

Reference list

1. Bodrijjar Zh. Amerika = America. Sankt-Peterburg : «Vladimir Dal'», 2000. S. 119, 194.

2. Vadim Kozhinov v interv'ju, besedah, dialogah i vospominanijah sovremennikov = Vadim Kozhinov in interviews, conversations, dialogues and memories of contemporaries. Moskva, 2005. S. 221.

3. Gert K. Kuda povedet Kitaj, tuda pojdet mir. Kak kitajskie potrebiteli menjajut vse = Where China leads, the world will follow. How Chinese consumers are changing everything. Moskva : Junajted Press, 2011.

4. Gibbon Je. Zakat i padenie Rimskoj imperii = The decline and fall of the Roman empire. V 7 t. T. 4. Moskva : Terra – Knizhnyj klub, 2008. S. 624.

5. Karceva E. Jevoljucija zhanra = Genre evolution. Moskva : Iskusstvo, 1976. S. 36.

6. Lerner M. Razvitie civilizacii v Amerike = The development of civilization in America. T. 1. Moskva : Raduga, 1992. S. 76, 77.

7. Motroshilova N. Civilizacija i varvarstvo v jepohi global'nyh krizisov = Civilization and barbarism in times of global crises. Moskva : Kanon- Pljus, 2010.

8. Mjedden T. Imperija doverija. Kak Rim stroit novyj mir. Kak Amerika stroit novyj mir = The Empire of trust. How Rome is builds a new world. How America is building a new world. Moskva, 2010. S. 21.

9. Na jekrane Amerika = America on screen. Moskva : Progress, 1978. S. 193, 196.

10. Nojmann N. Ispol'zovanie «Drugogo» v formirovanii evropejskoj identichnosti. = The use of the «Other» in the formation of European identity. Moskva, 2004. S. 236.

11. Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass = Rise of the masses // Ortega-i-Gasset H. Izbrannye trudy. Moskva : Izdatel'stvo «Ves' mir», 1997. S. 43–163.

12. Peggeler O. Novye puti s Hajdeggerom = New ways with Heidegger. Sankt-peterburg : «Vladimir Dal'», 2019. 637 s.

13. Rany soznanija. Amerikanskie pisateli i zhurnalisty ob agressii SShA vo V'etname = Wounds of consciousness. American writers and journalists on U.S. aggression in Vietnam. Moskva : Progress, 1985.

14. Solzhenicyn A. Raskajanie i samoogranichenie kak kategorii nacional'noj zhizni = Remorse and self-restraint as categories of national life // Solzhenicyn A. Publicistika. T. 1. Stat'i i rechi. Jaroslavl' : Verhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. S. 55.

15. Starostin B. Istoriosofija Shpenglera v nashe vremja = Spengler's historiosophy today // Evropejskij al'manah: Istorija. Tradicija. Kul'tura. Moskva, 1991.

16. Stoun O., Kuznik P. Nerasskazannaja istorija SShA = The Untold Story of the USA. Moskva : Kolibri, 2014. S. 12.

17. Tojnbi A. Civilizacija pered sudom istorii = Civilization at the trial of history. Moskva : Ajris –press, 2003. S. 407.

18. Florovskij G. Evrazijskij soblazn = Euroasian temptation // Rossija mezhdu Evropoj i Aziej: evrazijskij soblazn. Antologija. Moskva : Nauka, 1993.

19. Florovskij G. O narodah neistoricheskih (strana otcov i strana detej) = Of non-historical peoples (the country of fathers and the country of children) // Osnovy evrazijstva. Moskva : Arktogeja – Centr, 2002. S. 422.

20. Fukujama F. Identichnost'. Stremlenie k priznaniju i politika neprijatija = Identity. Striving for recognition and the politics of rejection. Moskva : Al'pina Pablisher, 2019. 256 s.

21. Hrenov N. Mezhdu Amerikoj i Kitaem. «Drugoj» v stanovlenii i transformacii civilizacionnoj identichnosti Rossii = Between America and China. The «Other» in the formation and transformation of Russia's civilizational identity // Kitaj, Rossija, SShA. Iskusstvo. Gumanitarnye nauki: Ot pokolenija k pokoleniju. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii / pod red. T. S. Jur'evoj, G. L. Tul'chinskogo. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo «Skifija – Print». 2020. 78 s.

22. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii = Decline of Europe. Essays on the world history morphology. V 2-h t. Moskva : Mysl', 1998.

23. Shubart V. Evropa i dusha Vostoka = Europe and the soul of the East. Moskva : Russkaja ideja, 1997. 446 s.

УДК 008:316.42

Т. С. Злотникова **https://orcid.org/0000-0003-3481-0127**

Н. Н. Летина **https://orcid.org/0000–0003–1884–7827**

Гендер в художественном универсуме Н. А. Некрасова

Выполнено Т. С. Злотниковой по гранту РНФ № 20-68-46013

Для цитирования: Злотникова Т. С., Летина Н. Н. Гендер в художественном универсуме Н. А. Некрасова // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 200–206. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-200-206

В статье предлагается дискурс художественной картины мира Н. А. Некрасова с позиций культурфилософского и культурно-антропологического подхода к гендерной проблематике. Основная задача – выявление и изучение гендерно-детерминированных интенций сформированного Некрасовым универсума. Научную значимость статьи определяет как интегративный культурологический алгоритм анализа гендера в художественном универсуме Н. А. Некрасова, так и установленный (и компенсированный) парадокс: гендерно-ориентированный дискурс творческого наследия Н. А. Некрасова, известного в отечественном массовом сознании как певец «несчастной женской доли», до настоящего времени реализован лишь эпизодически и практически без учета маскулинной специфики. Представлены результаты культурфилософского и культурно-антропологического анализа и систематизации разнообразных проявлений феминности и маскулинности в художественных текстах Некрасова, приведен опыт изучения как названий, так и состава и организации системы персонажей. «Густонаселенность» и пестрота некрасовского универсума соотнесена с гендерной дифференциацией персонажей. Авторы статьи предъявляют многообразие русского мира, что основано на междисциплинарном понимании художественной картины мира Некрасова, включая такие теоретические позиции и связанный с ними эмпирический опыт: литературоведческая традиция (романтические герои и реалистические типы), условно-символическая, национально-культурная, социологическая, а также повседневно-бытовая и профессиональная.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, гендер, художественный универсум, гендерная проблематика, гендерные роли, система персонажей.

T. S. Zlotnikova, N. N. Letina

Gender in the artistic universe of N. A. Nekrasov

The article offers a discourse of N.A. Nekrasov's artistic worldview from the positions of a cultural, philosophical and anthropological approach to the gender issues. The main task is to identify and study the gender-determined intentions of the universe formed by Nekrasov. The scientific significance of the article is determined both by the integrative culturological algorithm of gender analysis in N.A. Nekrasov's artistic universe and by the established (and compensated) paradox: the gender-oriented discourse of N.A. Nekrasov's heritage, who is known in the Russian mass consciousness as a singer of «miserable woman's life», has so far been realized only occasionally and almost without considering the masculine specificity. The article presents the results of cultural, philosophical and anthropological analysis, systematizes various manifestations of femininity and masculinity in Nekrasov's texts and describes the experience of studying both the names and the composition and organization of the character system. «Overcrowded» and colorful Nekrasov's universe correlates with the gender differentiation of the characters. The authors of the article present the diversity of the Russian world, which is based on an interdisciplinary understanding of Nekrasov's artistic worldview, including such theoretical positions and relevant empirical experience as literary tradition (romantic heroes and realistic types), conventional-symbolic, national-cultural, sociological, as well as mundane and professional ones.

Key words: N. A. Nekrasov, gender, artistic universe, gender issues, gender roles, character system.

Введение

Художественная картина мира, отражающая духовную жизнь и эстетические принципы такого выдающегося творца и парадоксальной личности, как Н. А. Некрасов, может рассматриваться в качестве своего рода культурного универсума. В него входят и жизненные впечатления, и эстетические откровения, и психологические, нравственно-социальные, религиозные аспекты бытия, отражаемого автором.

© Злотникова Т. С., Летина Н. Н., 2021

Настоящая статья посвящена тем социально-философским и теоретико-культурным проблемам и концептам, которые придают значимый и неустаревающий характер культурному универсуму Н. А. Некрасова.

Используемые нами для изучения творческой деятельности Н. А. Некрасова дефиниции – это, прежде всего, «универсум» и «гендер» – в принципе не имеют единой культурфилософской традиции осмысления, актуализируясь в философской-антропологической, социологической, социопсихологической парадигмах. В определенной степени заполняя обозначенную нишу, мы отмечаем, что в обоих изданиях культурологической энциклопедии эти понятия отсутствуют [Культурология, 2007]. Мы же, частично, на конкретном эмпирическом материале, эту нишу попытаемся заполнить, что обусловливает актуальность произведенного исследования.

Впрочем, внимание к названным дефинициям при изучении творчества Некрасова все же проявлялось: так, не употребляя буквально понятие «универсум» в отношении Н. А. Некрасова, К. И. Чуковский в семантическом плане его обозначил, утверждая значимость для поэта «синтеза красоты и добра» [Чуковский, 1952, с. 176]. Мы учитываем и необходимое для изучения творчества Некрасова присутствие дефиниции «гендера» в качестве концепта как смыслового компонента «глубинной семантической структуры высказывания» [Неретина, 2005, с. 255]. Полагаем, что две названные дефиниции в творчестве Н. А. Некрасова интегрированы; художественный универсум Некрасова во многом гендерно детерминирован и отчетливо гендерно верифицируем: тексты Н. А. Некрасова реализуют гендерную проблематику и воплощают гендерные аспекты архетипов (проблеме выявления и анализа которых будет посвящена отдельная, следующая статья). О конкретных проявлениях гендерной детерминации у Некрасова речь и пойдет ниже, проблема будет обсуждаться специально и детально.

Предваряя последующий анализ художественных и личностных интенций Некрасова, проакцентируем «густонаселенность» и пестроту художественной картины мира, которую полагаем возможным считать универсумом творца, в системе персонажей которого предъявлена гендерная дифференциация, дополняемая условно-символической, литературной (романтические герои и реалистические типы), национально-культурной, социальной, повседневно-бытовой, профессиональной разнородностью. Показательно и разделение на повседневно-бытовых персонажей, имеющих имена и позволяющих видеть их в конкретных ситуациях, и, с другой стороны, условно-символических персонажей, которые, тем не менее, имеют определенные гендерные характеристики. Отметим исходную, весьма значимую для понимания малоисследованных аспектов творчества Некрасова концепциуальную позицию: парадоксальным образом гендерно-ориентированный дискурс творческого наследия Н. А. Некрасова, позиционируемого в отечественном массовом сознании в качестве певца «несчастной женской доли», до настоящего времени реализован лишь фрагментарно и весьма *кратко* [Гасанов, 2016], [Воронкова, 2016], [Федорова, 2017], причем гендер понимается только через выявление женского начала, без учета гендерной роли мужчины – героя, кормильца, защитника, а в некоторых случаях, что для Некрасова было особенно важно, но еще и пассионария. И это при условии, что пассионарность характера женщины для Некрасова и, видимо, для некоторых его исследователей был очевиден, к какому бы сословию она ни принадлежала. Сошлемся на строки Некрасова, у которого фигурируют и крестьянка, которая «в горящую избу войдет», и аристократка, которая в своей жертвенности «сталью одела грудь», сознавая, что ее жизнь будет «ужасна», а судьба «страшна», как и у мужа.

Методы исследования

Исследование проведено на основе культурологической интеграции культурфилософского и культурно-антропологического подходов, гендерного анализа, структурно-функционального и семантического анализа, текстологического и элементов лексического анализа обширного комплекса гендерно-детерминированных текстов Н. А. Некрасова и их отдельных составляющих.

Результаты исследования

Гендерные аспекты номинаций в художественном универсуме Некрасова

Привычка к восприятию женщины – покорной и тихой, отчасти в фольклорном, отчасти в сентименталистском духе во многом детерминирована отечественной (ибо другой не существует) традицией позиционирования творчества Н. А. Некрасова в инфантильной культурфилософской парадигме и закреплены в массовом сознании нашего современника медийными инструментами, к контенту которых мы обращаемся ниже, поскольку этот контент ясно и определенно подтверждает

приведенное суждение. В некрасовской ойкумене Рунета контент электронных библиотек нередко предлагает научные позиции, которые мы учитываем в своей статье и в которых так или иначе систематизированы устойчивые и ставшие привычными представления («Давно отмечена ведущая линия некрасовского крестьянского сюжета – страдальческое положение русской женщины вообще и русской крестьянки, главным образом» [Никольский, 2009]) или некритично воспроизводимые клише: «Большое внимание Некрасов уделял в своей лирике раскрытию женских образов» [Воронкова, 2016, с. 45]; «Во многих произведениях этого периода Н. А. Некрасов с огромной силой правды показал широкую картину всей жизни крестьянства, женщин-крестьянок» [Смирнов, 2015, с. 228]. И в кратком, максимально адаптированном к возможностям восприятия массовой аудитории и особенно школьников (транслируемом с небольшими вариациями наиболее часто, в частности, в антологии русской и зарубежной поэзии «РуСтих»), и в детализированном, рассчитанном на эрудированную аудиторию на сайте «Стихи русских поэтов» отдельно включена позиция «о женщинах», которая, с одной стороны, отражает представление о гендерных детерминантах некрасовского творчества, с другой – верифицирует неполноту гендерного прочтения творческих и социально-нравственных интенций автора.

Выверенность и своего рода эстетическая неслучайность заголовков, которые давали русские классики своим произведениям, позволяет нам предпринять контент-анализ названий произведений Н. А. Некрасова, направленный на интегративно осуществленную верификацию общего культурного контекста маскулинной и феминной интенций и осуществленный по ключевым культурным кодам «муж» и «жен»; и этот анализ вполне очевидно свидетельствует об акценте на феминности как в творчестве Некрасова, так и в его изучении. Корень «муж» встречается дважды («Феоклист Онуфрич Боб, или муж не в своей тарелке», пьеса 1841 г. и условном названии стихотворения «Муж и жена»). Корень «жен» встречается шесть раз (поэма «Русские женщины», стихотворения «Муж и жена», «Женщина, каких много», «О письма женщины, нам милой», фрагменты «О слезы женские, с придачей» / «Слезы и нервы», «Чтоб о женщинах понятья» (отрывок из водевиля «Дедушкины попугаи»).

Дополнительные к пониманию контекста и детализированные результаты дает глубинный анализ гендерных признаков, заключенных в названиях произведений, причем имеется в виду работа с лексическим составом и категорией грамматического рода. Обращение к лингвистической детализации гендерных смыслов, присутствующих в названиях художественных текстов Некрасова, позволяет на обозначенном нами номинативном уровне выявлять в творчестве Некрасова эксплицитные и имплицитные гендерные формы, а также – гендерный состав персонажей. Мы реализовали принцип формально-логического построения представлений о гендерной проблематике у Некрасова, рассмотрев в философско-антропологическом аспекте количественный состав лексем предметной и субъектной направленности – существительных и местоимений женского и мужского рода, и установили, что к непосредственному выражению феминности имеют отношение более 98 лексем, к выражению маскулинности – более 144 лексем, что явственно верифицирует превалирование маскулинных языковых интенций.

Вопреки тому, что внимание к женскому началу обычно проявляется в связи с картиной мира Некрасова более широко, чем к мужскому (о чем было упомянуто выше), наше исследование позволяет установить, что гендерный состав персонажей, упоминаемых в названиях (или первых строках) произведений Н. А. Некрасова, таков: маскулинную идентичность имеют более 100 персонажей (Я, поэт, журналист, человек, В. Г. Белинский, издатель, друг, земляк, рыцарь, влюбленный, ямщик / извозчик и др.), феминную – более 39 (ты и она, Муза, мать, Русь, Родина, Зина, женщина (ы), актриса, Волга, певица, старуха и др.).

Полученные количественные приоритеты маскулинности в отношении системы персонажей вселенной Н. А. Некрасова подтверждаются анализом состава лидирующих по количеству упоминаний в творчестве поэта и в критике поэта слов («Некрасов», «современник(и)», «Белинский», «поэт», «русский» (-ая, -их, -ого), «Тургенев», «Панаев…» (-а,- у, -ой, -ым)). В целом из 100 слов – лидеров по словоупотреблению [Николай Некрасов] только 4 имеют явную феминную семантику (мать, душа, жена, Панаева).

Таким образом, *количественный анализ маскулинных и феминных признаков* номинативного ряда названий и первых строк произведений, используемых в качестве названий, демонстрирует преобладание маскулинных маркеров, что подтверждается и количеством словоупотреблений. Предпринятое в отношении некрасовского универсума измерение «алгеброй гармонии» диагностически чрезвычайно полезно для *модернизации научного дискурса* художественной картины мира

Некрасова, которого, как мы обозначили выше, в отечественной культурной традиции обычно принято считать поэтом феминности («Наиболее ярко, правдиво и широко женская тема в русской литературе нашла отражение в поэзии Н. А. Некрасова» [Гасанов, 2016, с. 60]).

Художественный универсум Н. А. Некрасова в гендерном аспекте

Как нам представляется, *система персонажей,* которых включает в себя художественный универсум Н. А. Некрасова, выстраивается в вертикальной проекции по модели мифосистем [К. Леви-Стросс, 2001], [К. Леви-Брюль, 2020], [Moore, 2009] [Кассирер, 2002]: (1) *сакрализованное божественное – демоническое и инфернальное,* (2) *героическое,* (3) *человеческое*. В этой авторской системе, *как и в любой целостной мифосистеме, гендерная компонента* не только определенно присутствует, но и носит, в то же время, специфический характер, детерминированный национально-культурными и «календарными» особенностями хронотопа, а также характерной для русской классической литературы «философичностью» [Никольский, 2015, с. 7]. Черты женщин у Некрасова часто конкретны в визуальном и социальном планах (в частности, социальное положение жены характеризует статус супруга, чем оно выше, тем более широкими социальными и финансовыми возможностями наделен муж, что вполне соответствует традиционной модели подчиненной феминности [Benjamin, 2021]); черты мужчин, если это не эпизодические персонажи, выглядят более обобщенными. Эту дифференциацию можно обозначить с определенным допущением в плане дискуссионного предположения: женщины у Некрасова – это в основном персонажи, мужчины в основном символы.

Проделанное нами исследование некрасовского универсума в гендерном аспекте, детализация чего представлена ниже, позволяет установить и подчеркнуть, что распределение персонажей по уровням детерминировано сложным взаимодействием целого комплекса обстоятельств и контекстов: историко-культурной ситуацией, ментальным и социокультурным контекстом России, эстетическими приоритетами писателя и индивидуальными обстоятельствами жизни, судьбы, мировоззрения, деятельности Н. А. Некрасова.

Остановимся на названных персонажных уровнях, имеющих гендерную детализацию.

1. В качестве *сакрализованных* персонажей универсума Н. А. Некрасова мы полагаем возможным выделить следующие: Бога, ангелов, Музу, Русь (Родину, Россию и отдельные ее составляющие, такие как Волга). Формально к этой группе примыкают боги и богини – персонажи древнегреческой мифологии (Зевс, Афина и др.), но сакрального статуса в универсуме поэта они не имеют, выполняя роль аллегорий и аллюзий.

В гендерном отношении маскулинные проявления представлены христианским Богом в акценте его властных функций – «господином», абсолютным сюзереном, вседержителем. В лирике Н. А. Некрасова Бог «дает», не обижает дарами, изменяет (или нет) долю персонажей, может «сжалиться», «выручает», «выводит», «знает», «защищает», ниспосылает / посылает, «с Богом» живут, ходят, он суров, неумолим, он Бог «гнева и печали». Бог часто упоминается в устойчивых выражениях, составляющих национальную и нравственную речевую характеристику персонажей («Бог весть», «дай Бог») из русского народа или русской аристократии.

При этом творческое начало и вдохновение закреплены за античной по своему генезису, но примыкающей к романтической парадигме в качестве сакральной творческой интенции феминной Музы, которая применительно к мировой культурной традиции встраивается в характерный ряд: иронично низвергнутой Д. Г. Байроном «царицы снов и детской сказки»; исполненной «святого очарованья», радости и любви условной Музы А. С. Пушкина; некогда сошедшей с небес «юной» Музы, покинувшей В. Жуковского. Совсем иная Муза «мести и печали», чьи «суровые напевы» призвал нести в мир поэт, безусловно, является личностной интерпретацией Н. А. Некрасовым генетически сложного комплекса интенций – эстетических (романтических, реалистических, натуралистских), духовно-нравственных (позитивистских, христианских), личностных (ситуация детской травмы и имманентного мучительного переживания страданий матери). Муза в универсуме Н. А. Некрасова («Баюшки-баю», «Замолкни, Муза мести и печали», «Муза», «Музе», «Недавнее время», «О Муза, я у двери гроба», элегии) выражает типичные для позитивистски детерминированной «натуральной школы» русской литературы социально-критическую модальность, в том числе сатиру, и раскрытие представлявшейся автору подлинной природы русского общества и «страдающей» России третьей четверти XIX века. При этом пафос обличения несправедливости бытия в социуме вполне соответствует романтической традиции, как и выбор Музы в качестве формальной модели,

принятой для выражения идеи истока творчества. Модальность страдания некрасовской Музы, ее не просто феминная, но материнская гендерная роль и соотнесенность с Сакрумом (Э. Кассирер) – душой России, а также с богородичными коннотациями, коррелирует и с национальной версией христианского культурного кода, и с личным драматическим опытом поэта.

В этом синтезе, решенном в целом в традиционном патриархальном ключе, происходит сакрализация феминной в своей сущности Руси, коррелирующей в сознании Н. А. Некрасова (как и многих творцов и мыслителей XIX в., см.: [Воронина, 2018]) с образами земли, родины, матери, в результате чего задается мощный вектор феминизации, реализованный в архаических, хтонических, глубинных импульсах, архетипических основаниях. Не отсылая непосредственно к Некрасову, но явно учитывая и его опыт, эту проблему точно диагностировал Н. Бердяев, по мысли которого «русская религиозность – женственная религиозность, <…> религия матери-земли, женского божества» [Бердяев, 1990, с. 17].

Акцент феминности не позволяет добиться амбивалентности персонажей, но выражает амбивалентную гендерную иерархию, в которой доминирует маскулинное как синоним порядка, рацио, воли, однако имманентно верифицируется и эпизодически выходит на первый план сила феминного как генеративного истока и креационного источника.

Демонический состав сакрального уровня системы персонажей Н. А. Некрасова составляют стихийные, инфернальные духи и существа разнородной (фольклорной, мифологической, религиозной, романтической) этиологии – водяной, ворон, демон, Зеленый Шум, злой дух, Мороз, Красный нос, Баба Яга, Костяная Нога. К этой группе примыкают персонажи-посредники между миром людей и миром инфернальным – чародей, пьяница, знахарка, ведьма. Показательно и парадоксально решен Н. А. Некрасовым вопрос о гендерной идентичности персонажей – воплощений инфернального – в пользу маскулинности, в то время как слуги и адепты инфернального в среде людей встречаются как маскулинной, так и феминной идентичности.

2. Наиболее локальный, приближенный к историко-культурной обыденности уровень системы персонажей Н. А. Некрасова мы определяем как уровень культурных героев, экстраполируя устоявшееся понятие мифокритики в область художественного творчества с акцентом на их культуротворческий (Н. Сёдерблом), архетипический (К. Г. Юнг) и медиаторский (А. ван Деурсен) функционал. *Культурные герои* (показательно, что слово «герой» имеет 905 употреблений в творчестве и критике поэта по версии электронного ресурса [Николай Некрасов]) в универсуме Н. А. Некрасова – это, как сказали бы позднее, деятели культуры определенной эпохи, в том числе «рыцари» словесности, театра, просветители, статус и функционал которых Н. А. Некрасов определяет в сочетании «современности», погруженности в актуальность, активной гражданской позиции, патриотизма и принадлежности творчеству и просветительству (литературе, театру, издательской деятельности). Парадигматика культурного героя в универсуме поэта представлена такими персонажами и концептами, как автор, поэт, писатель, критик, журналист, издатель.

Особым свойством универсума Некрасова, очевидно, следует счесть то, что культурные герои были разнообразны по своим свойствам и по принадлежности к определенному социокультурному кругу. Так, к числу культурных героев Н. А. Некрасов относил не только условно-обобщенные фигуры, но и себя, И. С. Тургенева (до начала идейных разногласий), В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, И. И. Панаева, А. Я. Панаеву и других персон, имевших непосредственное отношение к издательской деятельности журнала «Современник». «Героический» ареопаг составляли также творцы и политические деятели прошлого – отечественные, М. В. Ломоносов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, иностранные – Дж. Гарибальди, И. Гёте, Г. Гейне, Ф. Шиллер, был и женщина-автор – Ж. Санд (переводы печатались в «Современнике»). В гендерном плане сам состав приведенных персоналий указывает на выраженный приоритет маскулинного в понимании культурного героя и лишь эпизодического, скорее исключительного допуска феминного – но такова ситуация в отношении представлений Н. А. Некрасова о героях эпохи – современниках, – в социокультурных практиках.

3. *Обыденный человеческий уровень* (где определенным образом отражается и конкретизируется специфика культурных героев) применительно к системе персонажей населен плотно и разнообразно. В универсуме Некрасова этот уровень имеет несколько оснований своей организации: сословное (дворяне, мещане, купцы, духовенство, крестьяне, но туда входят также внесословные, а также фантастические персонажи, сегодня мы их относим к маргиналам – ведьмы, инвалиды, нищие, разбойники, пассионарии); профессиональное (актриса, актер, наборщик, извозчик, чита-

тель, коробейник, и пр.); возрастное (старики / старухи, взрослые, дети). Отдельно следует отметить не социально-культурное, но аксиологическое основание (положительные и отрицательные). Гендерный принцип организации системы персонажей реализуется и интенцией гендерной идентичности персонажей, и фиксацией в персонажах разнообразных гендерных ролей, среди которых, почти независимо от социального статуса, сословной принадлежности, интеллектуально-культурного уровня персонажа выделяются именуемые в гендерологии традиционными [Lindsey, 2015] роли – мать, отец, дети, дедушка, муж / жена, влюбленный / возлюбленная.

В построении системы персонажей в культурно-антропологической парадигме люди у Н. А. Некрасова располагаются в специфической, аксиологически верифицируемой иерархии: для поэта наиболее важны персонажи, выражающие концепцию человека, возвышающегося до величия культурного героя – чувствующего, думающего, находящегося в непрестанном поиске / пути, страдающего и сострадающего, активного и деятельного, гражданственно и патриотически озабоченного, особенно значимого в его креационной, творческой (поэт, пророк) и мессианской (просветитель, гражданин, странник) ипостасях. Характерным представляется то, что в системе персонажей – обычных людей предъявлена гендерная симметрия: если мать, то и сын (мотив «мать и сын» исследователь определяет как архетипический и характерный для Некрасова) [Филипповский, 2010], если муж, то и жена (и «Русские женщины» – не исключение), если отец, то иногда – на периферии, иногда уже за гранью жизни – мать («Рыцарь на час»), если Русь или Волга – то русский народ и поэт, если лирический герой – то и лирическая героиня, возлюбленная. Показательно, что и на уровне организации художественного образа, в фактуре внутреннего мира и внешних проявлений персонажей происходит взаимопроникновение традиционно трактуемых как маскулинные или феминные качеств: персонажи-женщины наделяются волей, активностью, способностью к деятельной самореализации, подвигу («Русские женщины»), персонажи-мужчины – добротой (дед Мазай, Пахом), состраданием (образ поэта, лирическое Я), страстностью («Огородник»).

Заключение

Как позволяет утверждать проведенное нами на интегративной, культурфилософской и культурно-антропологической базе исследование, *художественный универсум* Н. А. Некрасова наполнен *гендерно-детерминированными интенциями*, в частности, структурировавшими систему его персонажей – многосоставную, плотно населенную, разнообразно дифференцированную в религиозном, духовно-нравственном, социальном, гендерном, психологическом, эстетическом аспектах.

Мы также устанавливаем, что художественный универсум Некрасова наполнен гендерными образами, которые в силу отечественной культурной традиции социально акцентированы, но философски и культурно недооценены. Сопоставление гендерных представлений с архетипически детерминированной парадигмой будет предъявлено в следующей публикации, развивающей концептуализацию данной статьи.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Судьба России. Москва : Сов. писатель, 1990. 348 с.

2. Воронина О. А. Символизм женственности и мужественности в русской культуре // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 172–179.

3. Воронкова Н. Ю. Образ женщины в лирике Н. А. Некрасова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5–3. С. 45–48.

4. Гасанов И. А. Особенности гендер-концепта в творчестве Н. А. Некрасова и в кавказской поэзии XIX–XX веков // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. Т. 10. № 2. С. 60–64.

5. Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 т. Т. 2. Москва; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002. 280 с.

6. Культурология. Энциклопедия. В 2 т. Москва : РОССПЭН, 2007. Том 1. 1392 с. Т. 2. 1184 с.

7. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. Москва : Академический проект, 2020. 430 с.

8. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. В. В. Иванова. Москва : ЭКСМО-пресс, 2001. 512 с.

9. Неретина С. С., Огурцов А. А. Концепт как возможность постижения смысла // Теоретическая культурология. Москва : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга; РИК, 2005. 624 с.

10. Николай Некрасов. URL: http://nekrasov-lit.ru (дата обращения 12.01.2021).

11. Некрасов Н. А. Соб. соч.: в 15 т. Т. 5 / под общей ред. К. И. Чуковского. Москва : Худ. лит., 1966. 590 с.

12. Никольский С. А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX–XX вв. Москва : Голос, 2015. 536 с.

13. Никольский С. А., Филимонов В. П. Русское мировоззрение. Т. 2. Москва : Прогресс – Традиция, 2009. 544 с.

14. Смирнов А. Г. Исследование творчества народного поэта Н. А. Некрасова // Приволжский научный журнал. 2015. № 2(34). С. 227–230.

15. Федорова Е. А. Парадоксы женского характера в прозе Н. А. Некрасова и Я. П. Полонского 1840–50-х годов // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Том 3. № 3. С. 301–305.

16. Филипповский Г. Ю. Функция женских образов в литературе Руси и поэзии Некрасова (архетипический мотив «мать и сын») // Культура. Литература. Язык. Материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2010. С. 334–343.

17. Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1952. 644 с.

18. Benjamin, Jaime Women’s Status and Trade-Offs in Mate-Preferences. A thesis submitted in fulfilment of the requirements of the degree of Doctor of Philosophy in Psychology. University of Dundee, 2021.

19. Lindsey Limda L. Gender roles a cociplogical persperctive Sixth edition. New York : Routledge, 2015. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=qjjbCgAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=%22gender+roles%22&ots=U5fA3_BfLs&sig=IVHIy4bJ6tTYLYXxjFRahfluoI0&redir_esc=y#v=onepage&q=%22gender%20roles%22&f=false (дата обращения 22.04.2021).

20. Moore Jerry D. Visions of Culture: An Introduction to Anthropological Theories and Theorists. AltaMira Press, 2009. 237 p.

Reference list

1. Berdjaev N. A. Sud'ba Rossii = The fate of Russia. Moskva : Sov. pisatel', 1990. 348 s.

2. Voronina O. A. Simvolizm zhenstvennosti i muzhestvennosti v russkoj kul'ture = The symbolism of femininity and masculinity in russian culture // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 4 (15). S. 172–179.

3. Voronkova N. Ju. Obraz zhenshhiny v lirike N. A. Nekrasova = The image of a woman in N.A. Nekrasov's lyrics // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2016. № 5–3. S. 45–48.

4. Gasanov I. A. Osobennosti gender-koncepta v tvorchestve N. A. Nekrasova i v kavkazskoj pojezii XIX–XX vekov = Peculiarities of the gender concept in the works of N. A. Nekrasov and in caucasian poetry of the 19th-20th centuries // Izvestija Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. 2016. T. 10. № 2. S. 60–64.

5. Kassirer Je. Filosofija simvolicheskih form = Philosophy of symbolic forms. V 3 t. T. 2. Moskva; Sankt-Peterburg : Universitetskaja kniga, 2002. 280 s.

6. Kul'turologija. Jenciklopedija = Encyclopedia. V 2 t. Moskva : ROSSPJeN, 2007. Tom 1. 1392 s. T. 2. 1184 s.

7. Levi-Brjul' L. Pervobytnoe myshlenie = Primitive thinking. Moskva : Akademicheskij proekt, 2020. 430 s.

8. Levi-Stross K. Strukturnaja antropologija = Structural anthropology / per. s fr. V. V. Ivanova. Moskva : JeKSMO-press, 2001. 512 s.

9. Neretina S. S., Ogurcov A. A. Koncept kak vozmozhnost' postizhenija smysla = Concept as an opportunity to cognize the meaning // Teoreticheskaja kul'turologija. Moskva : Akademicheskij proekt; Ekaterinburg : Delovaja kniga; RIK, 2005. 624 s.

10. Nikolaj Nekrasov = Nikolai Nekrasov. URL: http://nekrasov-lit.ru (data obrashhenija 12.01.2021).

11. Nekrasov N. A. Sobranie sochinenij: v 15 t. T. 5 = Collected Works: in 15 vols. V. 5 / pod obshhej red. K. I. Chukovskogo. Moskva : Hud. lit., 1966. 590 s.

12. Nikol'skij S. A. Gorizonty smyslov. Filosofskie interpretacii otechestvennoj literatury XIX–XX vv. = Horizons of meanings. Philosophical interpretations of national literature of the 19th-20th centuries. Moskva : Golos, 2015. 536 s.

13. Nikol'skij S. A., Filimonov V. P. Russkoe mirovozzrenie = Russian worldview. T. 2. Moskva : Progress – Tradicija, 2009. 544 s.

14. Smirnov A. G. Issledovanie tvorchestva narodnogo pojeta N. A. Nekrasova = Studying the work of the national poet N.A. Nekrasov // Privolzhskij nauchnyj zhurnal. 2015. № 2(34). S. 227–230.

15. Fedorova E. A. Paradoksy zhenskogo haraktera v proze N. A. Nekrasova i Ja. P. Polonskogo 1840–50-h godov = Paradoxes of the female character in the prose of N. A. Nekrasov and Ya. P. Polonsky in the 1840-50s // Social'nye i gumanitarnye znanija. 2017. Tom 3. № 3. S. 301–305.

16. Filippovskij G. Ju. Funkcija zhenskih obrazov v literature Rusi i pojezii Nekrasova (arhetipicheskij motiv «mat' i syn») = The function of female characters in russian literature and Nekrasov's poetry (archetypal motif of «mother and son») // Kul'tura. Literatura. Jazyk. Materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo». Jaroslavl' : Jaroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K.D. Ushinskogo», 2010. S. 334–343.

17. Chukovskij K. I. Masterstvo Nekrasova. = The mastery of Nekrasov. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1952. 644 s.

18. Benjamin, Jaime Women’s Status and Trade-Offs in Mate-Preferences. A thesis submitted in fulfilment of the requirements of the degree of Doctor of Philosophy in Psychology. University of Dundee, 2021.

19. Lindsey Limda L. Gender roles a cociplogical persperctive Sixth edition. New York : Routledge, 2015. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=qjjbCgAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=%22gender+roles%22&ots=U5fA3_BfLs&sig=IVHIy4bJ6tTYLYXxjFRahfluoI0&redir_esc=y#v=onepage&q=%22gender%20roles%22&f=false (data obrashhenija 22.04.2021).

20. Moore Jerry D. Visions of Culture: An Introduction to Anthropological Theories and Theorists. AltaMira Press, 2009. 237 p.

УДК 316

М. В. Новиков **https://orcid.org/0000-0002-2013-1919**

Т. Б. Перфилова **https://orcid.org/0000-0002-2498-8688**

Использование М. М. Хвостовым понятий «эволюция» и «прогресс»

Для цитирования: Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Использование М. М. Хвостовым понятий «эволюция» и «прогресс» // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 207–214. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-207-214

Рассматривается отношение М. М. Хвостова к понятиям «эволюция» и «прогресс», особенности их применения в его научных трудах. Отмечается, что в отличие от многих своих коллег, отказавшихся в конце XIX в. от использования понятия «прогресс», Хвостов не заменил его более строгим понятием «эволюция» и продолжал применять оба понятия, заменяя одно понятие другим, считая их равнозначными, исходя из того, что оба понятия означают строго направленное движение социума вперед, от низшего к высшему, от простого к сложному, от примитивного к «более культурному». Применительно к Древней Греции отмечается подчеркивание М. М. Хвостовым ускорявшихся по его мнению из века в век темпов появления новых культурных достижений, стремление самих греков к постоянному эстетическому самосовершенствованию. Признавая наличие препятствий (военные действия, «революция», консерватизм отдельных слоев общества и т. д.) на пути непрерывной эволюции древних обществ, М. М. Хвостов, тем не менее, не решился «усовершенствовать» социологические доктрины О. Конта, Дж. С. Милля, Г. Спенсера, сохранив верность умозрительным конструкциям своих великих предшественников. Отмечается, что М. М. Хвостов не проявил интереса к рассуждениям Н. И. Кареева о сущности эволюции и прогресса, о том, что не всякая эволюция может считаться прогрессом, что представление о прогрессе – это представление оценочного характера, следовательно оно субъективно, не совместимо с идеалами точной, объективной доказательной науки, то есть позитивизма. Подчеркивается, что М. М. Хвостов с опозданием от своих коллег примерно на десятилетие также начал отказываться от использования понятия «прогресс», предпочитая понятие «эволюция с общей прогрессивной направленностью». Он делал это под влиянием новых убеждений, связанных в том числе с признанием концепции Э. Мейера о циклическом развитии народов Древнего мира. Отмечается, что со временем понятия «прогрессивные идеалы», «прогрессивные взгляды» стали больше ассоциироваться с политической деятельностью, понятия «прогресс в науке», «прогресс в технике», «прогресс в экономике», прогресс в той или иной отрасли культуры – с успехами и достижениями в социально-экономической и культурной сферах общества.

Ключевые слова: прогресс, эволюция, регресс, преемственность, постепенность, последовательность, социум, культурные процессы.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

M. M. Khvostov's use of the concepts of «evolution» and «progress»

The article considers M. M. Khvostov's attitude to the concepts of «evolution» and «progress», and the peculiarities of their application in his scientific works. It is noted that, unlike many of his colleagues who abandoned the use of the concept of «progress» at the end of the XIX century, Khvostov did not replace it with a stricter concept of «evolution» and continued to apply both concepts, replacing one concept with the other, considering them equivalent, on the assumption that both concepts refer to the strictly directed movement of society forward, from the lowest to the highest, from the simple to the complex, from the primitive to the «more cultural». In relation to Ancient Greece, M. M. Khvostov emphasizes the faster pace of the emergence of new cultural achievements from century to century, and the desire of the Greeks themselves for constant aesthetic self-improvement. Recognizing the existence of obstacles (military actions, «revolution», conservatism of certain strata of society, etc.) on the path of the continuous evolution of ancient societies, M. M. Khvostov, however, did not dare to «improve» the sociological doctrines of O. Comte, J. S. Mill, G. Spencer, remaining faithful to the speculative constructions of his great predecessors. It is noted that M. M. Khvostov did not show interest in N. I. Kareev's arguments about the essence of evolution and progress, that not every evolution can be considered progress, that the idea of progress is a representation of an evaluative nature, therefore it is subjective, incompatible with the ideals of an accurate, objective evidence-based science, that is, positivism. The

© Новиков М. В., Перфилова Т. Б., 2021

authors emphasize that M. M. Khvostov, about a decade after his colleagues, also began to avoid using the concept of «progress», preferring the concept of «evolution with a general progressive orientation. He did so under the influence of new beliefs, including the recognition of E. Meyer's concept of the cyclical development of Ancient nations. It is noted that over time the concepts of «progressive ideals», «progressive views» became associated more with political activity; the concepts of «progress in science», «progress in technology,» «progress in the economy», and progress in a certain branch of culture – with successes and achievements in the social, economic and cultural spheres of society.

Key words: progress, evolution, regression, continuity, gradualism, consistency, society, cultural processes.

Введение

Данная статья является продолжением наших предыдущих публикаций о Михаиле Михайловиче Хвостове (1872–1920) [Новиков, Перфилова, 2020, (а), (б)], который относится к числу видных российских историков конца XIX – начала XX в. с трагической судьбой. Золотой медалист Керченской гимназии без труда поступил в Московский университет, по окончании, поработав непродолжительное время в Москве, переехал в Казань, где становится профессором Казанского университета, плодотворно работая в историко-культурном дискурсе древних цивилизаций. Активное участие в политической жизни революционной России и события гражданской войны занесли его в Томск, где он заразился сыпным тифом и умер.

Результаты исследования

М. М. Хвостов постулировал безостановочное развитие народов древности. Даже замечая встречавшиеся у них время от времени отклонения от магистральной линии движения, он все равно подчеркивал поступательный и преемственный характер исторической эволюции. Нам также известно, что это «поступательное движение» являлось для него не только признаком эволюции, но и характеристикой понятия «прогресс» [Хвостов, 1927, с. 15].

Многие современники казанского профессора уже на исходе XIX в. остерегались включать в свой тезаурус термин «прогресс», видя в нем импликации гегелевской метафизики. Что касается М. М. Хвостова, то он еще в первом десятилетии XX в. не испытывал настороженности к идее прогресса, не заменял «прогресс» «более строгим понятием эволюции» [Кон, 1964, с. 15], а совмещал оба эти понятия: свободно переносил терминологические смыслы «прогресса» на процесс исторической эволюции, замещал одно понятие другим, фиксируя идею развертывания событий и явлений во времени, и не нагружал ее никакими другими смысловыми коннотациями.

Эти манипуляции словами особенно заметны в курсе «История Древнего Востока» (1909) и появившейся на два года раньше магистерской диссертации ученого «История восточной торговли греко-римского Египта».

К примеру, он использовал следующие выражения, вкладывая в них один и тот же смысл: «эволюция торговых сношений» и «прогресс в торговых отношениях» [Хвостов, 1907 (а), с. 3, 71], «культурный прогресс» и «развитие культуры» [Хвостов, 1907 (а), с. 12, 192].

В аналогичном ключе можно рассматривать и нижеприводимые выражения и обобщения, где замена «эволюции» «прогрессом» (и наоборот) не влечет за собой изменения содержания высказываний: «древневосточные культуры прогрессируют», взаимные влияния «древневосточных культур – фактор прогресса» [Хвостов, 1927, с. 14]; «результат культурного прогресса» – появление государства [Хвостов, 1907 (б), с. 364]; «экономический прогресс способствует переходу общества от низших государственных форм к высшим» [Хвостов, 1907 (б), с. 268].

Нет ничего предосудительного в том, видимо, полагал М. М. Хвостов, чтобы идею развития, так прочно обосновавшуюся в обществознании и даже отождествлявшуюся с историческим подходом к анализу любых историко-культурных явлений и процессов, передавать через равнозначные и даже эквивалентные понятия «эволюция» и «прогресс».

В обоих случаях подчеркивается строго направленное движение вперед: от низшего к высшему, от простого к сложному, от неразвитого к более совершенному (состоянию, строению, составу, содержанию), от примитивного к «более культурному».

В обоих случаях выявляются последовательность, преемственность, постепенность в качестве главных признаков никогда не останавливающихся изменений в социуме и сферах его существования.

В обоих случаях уместны оптимистические коннотации и прогнозы: «появление нового, передового», «изменение к лучшему», «усиление», «возрастание».

Аксиологические акценты, присутствовавшие при интерпретации как эволюционных, так и прогрессивных изменений, делали позволительным вершить суд над прошлым и выносить ему приго-

вор.

К чести профессора надо сказать, что он автоматически не переносил на общество характерные для мира животных биологические закономерности эволюционного процесса. Хотя названные М. М. Хвостовым «естественные» законы, одинаково применимые ко всем живым организмам (и человеку, в том числе), могут указывать на его доверие социал-дарвинизму [Кон, 1964, с. 44], ход его мыслей не был оригинальным, и источники подобных суждений найти несложно. Так, примеры аналогичных суждений можно встретить в монографии Э. Бернгейма «Введение в историческую науку». Немецкий теоретик категорически отвергает попытки «нахождения общих законов» исторического развития. Только в том случае, считал он, если воспринимать общество разновидностью биологических организмов, а человека – сугубо биологическим видом, можно руководствоваться «вечными» законами с «заранее предопределенными следствиями соответствующих причин» [Бернгейм Э., 1908, с. 22, 30, 36, 54]. Примеры, приводившиеся М. М. Хвостовым, могут говорить о том, что двуединая природа человека иногда им элиминировалась.

М. М. Хвостов не озадачивал себя вопросами о различии эволюции и прогресса, о пределах прогрессирования психологии человека, общественной морали, социальных взаимодействий, о противоречивости и относительности прогресса в антагонистических обществах. Проблемы совместимости эволюции с революционными «катастрофами», а прогресса – с постоянством, как и вопросы сосуществования прогресса с регрессом или застоем, мимоходом упоминались лишь в лекционных курсах и обстоятельного теоретического осмысления не получили.

Смысловых различий в использовании лексем «регресс», «упадок», «застой» мы также не обнаружили. Видимо, значение этих состояний общества было сродни болезни, затяжной и тяжелой, но она не угрожала смертью, а значит, и не ассоциировалась с остановкой исторического процесса и тем более с гибелью цивилизации.

Такой смысл вкладывал М. М. Хвостов в жизнеутверждающее заключение курса истории Древней Греции, занимавшей значительное место в его творчестве [Хвостов, 1924; б/г (а, б, в, г)]. Он сообщал: «Греция в эпоху Римской империи (I–II века)… переживает глубокий экономический упадок… Большинство здешних городов превратилось в маленькие местечки. Даже Афины являются в эту эпоху лишь культурным центром…

Однако упадок Европейской Греции… отнюдь еще не говорит об упадке греческой нации. Расселение греков в Передней Азии продолжается и в римское время; теперь греки находят приложение своему труду и на западе. Роль греков в культурной жизни Римской империи огромна…» [Хвостов, 1924, с. 250].

Во втором десятилетии XX в. М. М. Хвостов начинает использовать понятие «прогресс» с бóльшей осторожностью. В лекциях по «Истории Греции», второе издание которых увидело свет в 1918 г., «прогресс» применяется только к двум сферам общественных отношений: экономике и «чисто культурной жизни» [Хвостов, 1924, с. 130].

У М. М. Хвостова в это время формируются устойчивые представления о разной скорости вызревания и интенсивности протекания связанных нитью преемственности «культурных процессов». Своеобразной реакцией на осмысление проблемы асинхронности эволюционного процесса, в котором могли сосуществовать эпохи латентного и ярко выраженного развития, служат его рассуждения о причинах небывалого подъема древнегреческой духовной культуры в V в. до н. э. «Каждое следующее поколение V века в смысле интенсивности культурных интересов превосходило предшествующее, – писал он об «общественных кругах» Афин, имевших «достаточный досуг для культурной работы». Подчеркивая не только ускорявшиеся из века в век темпы появления новых культурных достижений, но и стремление самих греков к восхождению до все новых и новых высот в своем эстетическом самосовершенствовании, он сообщал: «Век Перикла в Афинах являлся эпохой культурного расцвета, но и во время Пелопоннесской войны духовная жизнь не иссякла, хотя, конечно, столь интенсивного прогресса, как до войны, не было: замечаются даже некоторые признаки понижения культурного уровня афинской массы (процессы Анаксагора, Фидия, Сократа)… После же войны, в IV в., культурное развитие Афин вновь пошло быстрым темпом вперед» [Хвостов, 1924, с. 196].

Профессор дает понять своей аудитории, что прогресс мог быть как более интенсивным, так и менее заметным по своим проявлениям. Причиной, замедлявшей любые внутренние, в том числе и «чисто культурные» преобразования, по его соображениям, служила нестабильная внешнеполитическая ситуация и, главным образом, военные действия.

В курсе лекций по истории Древней Греции

он также начинает упоминать о «революционных событиях» в жизни Афин, «революционных действиях» отдельных афинских политиков-реформаторов [Хвостов, 1924, с. 150, 227, 243], однако не углубляется в теоретические аспекты проблемы взаимодействия плавной эволюции и революционных преобразований общества. Более того, там, где это возможно, он выражает свое неприятие революционных взрывов, неверие в их неизбежность и, доказывая банкротство революционной идеологии, вносит в свои рассуждения об общественном развитии мысль о естественности инерционной иммобильности социальной жизни и, соответственно, противоестественности насильственных средств преобразования привычного для носителей той или иной культуры уклада.

Ссылаясь на «Философию истории» Т. Линдлера, М. М. Хвостов сообщает следующее: «*Изучая эволюцию общества, мы должны считаться не только с двигающими силами, но и с инерцией*» [Хвостов, 2011, с. 84. Курсив автора]. Далее, по привычке проводя аналогии между социумом и миром Природы («то, что верно по отношению к природе вообще, верно и по отношению к человеческому обществу» [Хвостов, 2011, с. 83]), он уверяет нас в том, что «в действительности человеческое общество склонно пребывать в покое», и объясняет чуждость сознанию людей любых проявлений «сил» экспансионизма, которые выводят их сообщество «из состояния покоя. *Сила инерции*, – по его убеждению, – противодействует этим стимулам» [Хвостов, 2011, с. 83. Курсив автора].

На примере крестьян, никогда не спешивших «менять привычный хозяйственный уклад жизни» и предпочитавших традиционными способами решать сложные экзистенциальные проблемы, он приходит к выводу о том, что именно сила инерции повинна в пребывании низших слоев общества «в состоянии покоя» [Хвостов, 2011, с. 83, 84].

Облеченные властью высшие слои общества в еще большей степени были заинтересованы в сохранении всех существующих отношений в неизменном виде. К примеру, «останавливаться в развитии» была готова спартанская аристократия. «Спарта называлась государством равных, – разъяснял свою мысль профессор. – В других государствах Греции знать в эпоху Средневековья [он имел в виду XI–VII вв. до н. э. – *М. Н., Т. П.*] усилилась; в Спарте же она существует, но не развивается, так как государство в целом должно было поддерживать имущественное равенство, дабы каждый спартиат мог нести военную службу. Иначе имущественное неравенство повлекло бы за собой военное неравенство…» [Хвостов, 1924, с. 157].

Таким образом, М. М. Хвостов констатировал наличие в некоторых слоях общества резистентности к постоянным преобразованиям, указал на инерционность сознания больших общественных групп, готовых по разным причинам пренебрегать насущными нуждами, подавлять в себе потребность в развитии, совершенствовании.

По логике вещей, это должно было внести коррективы в излагавшуюся им теорию исторического процесса и общественной эволюции. Непрерывного прогресса в жизни общества не существует – этот вывод подсказывали и отклонявшиеся от голой абстракции примеры с консервативным крестьянством, в силу своей косности боявшимся любых перемен, и со спартанской знатью, преисполненной заботой об общем благе сограждан.

В не меньшей степени на это указывали упоминавшиеся профессором «силы», при благоприятных обстоятельствах превращавшиеся в заслон непрерывной эволюции (или «интенсивного прогресса»).

К сожалению, даже выведенные на поверхность факты и их объяснения не привели к углублению выводов М. М. Хвостова об историческом процессе, его сложности и амбивалентности. Со всей очевидностью наблюдая относительность результатов эволюции, обращая внимание на наличие длительного застоя в истории многих народов древности, что вступало в конфликт с идеей неисчерпаемого прогресса, констатируя противоречивые сочетания постоянства (устойчивости, неизменности) с однолинейным движением вперед, М. М. Хвостов не решился усовершенствовать умозрительную точку зрения на проблему эволюции. Вопреки исторической конкретике, он сохранял верность социологическим доктринам О. Конта, Дж. С. Милля и Г. Спенсера и, в отличие от многих своих современников, не делал попыток «подработать» учения классиков позитивизма о развитии.

Авторитет этих великих европейских мыслителей довлел над сознанием М. М. Хвостова. Нет сомнений в том, что он в своих исследованиях отталкивался от идей «социальной статики» и «социальной динамики» О. Конта и Дж. С. Милля, но, как и его великие предшественники, не смог до конца выяснить связь «за-

кона прогресса», или, по их уточнению, социальной динамики с социальной статикой.

То же самое наблюдается и при взаимоотношениях М. М. Хвостова с наследием Г. Спенсера. Он горячо поддерживал саму идею социальной эволюции – центральное понятие спенсеровской философии, не сомневался в реальности процесса исторической эволюции, подчеркивал ее неустранимый поступательный характер, проявлявшийся в постепенном усложнении социальной структуры, дифференциации социальных функций всех народов древности. Однако он не попытался внести что-то новое ни в теорию эволюции, ни в формализацию понятий, передающих идею развития.

Эту ситуацию можно объяснить, главным образом, тем, что «понятие развития» – центральное в науке второй половины XIX – начала XX в., по утверждению Э. Бернгейма, «имело различные значения и в наше время весьма спорно».

Действительно, немногие «смельчаки» решались погрузиться в смысловые детали понятий «эволюция» и «прогресс» и, невзирая на мнения авторитетов, трактовать их по-своему. На исходе XIX столетия Н. И. Кареев – единственный из всеобщих историков ученый России, профессионально занимавшийся историософскими проблемами, заявлял об отождествлении «многими социологами… обоих терминов» [Кареев, 1897, с. 200].

Отстаивая ценность идеи прогресса и считая ее главным руководящим принципом всемирно-исторического подхода к изучению всеобщей истории [Нечухрин, 2003, с. 50, 51], он сделал попытку дать первое в России научное обоснование теории прогресса, которое и для нас имеет несомненный интерес.

Констатируя абсолютную неразработанность в науке «вопроса о сущности исторического движения» [Кареев, 1897, с. 170], Н. И. Кареев, как и М. М. Хвостов, берет за отправную точку своих рассуждений представления О. Конта о «социальной статике» и «социальной динамике» [Кареев, 1897, с. 189–192], но заметно их корректирует при помощи сравнительного анализа понятий «исторический процесс», «историческая эволюция», «прогресс» и соотношения их значения, сфокусированного на идее развития, с понятиями, противоположными по смыслу: «застой», «кризис», «регресс».

О также подвергает ревизии и механистически понятую Г. Спенсером сущность эволюции и не расценивает ее как всеобщее прямолинейное движение [Кареев, 1897, с. 194, 195].

Содержание исторического процесса, по Кареву, составляет поступательная «эволюция культуры и социальных форм, осуществляемая только посредством человеческой деятельности» [Кареев, 1897, с. 161]. Под эволюцией следует понимать вообще «развитие форм», в то время как прогресс представляет собой выражение принципа, сущности, идеи, оценки. «Эволюция есть факт объективного наблюдения», прогресс – «факт для субъективной оценки. Социальная эволюция есть процесс интеграции и дифференциации форм; социальный прогресс есть процесс воплощения в этих формах высших принципов» [Кареев, 1897, с. 195].

По мнению Н. И. Кареева, не всякую эволюцию можно считать прогрессивной, так как прогресс, в отличие от эволюции, всегда ассоциируется с «благом», общечеловеческими ценностями [Кареев, 1897, с. 198]. Развитие нам тоже хотелось бы отождествлять с совершенствованием, улучшением, возвышением [Кареев, 1897, с. 165, 167], но в истории встречаются такие «”развития”, которые тормозят или останавливают прогрессивный процесс истории», вступают в разлад с «тенденцией прогресса умственного, нравственного и социального», как, например, эволюция средневекового католицизма [Кареев, 1897, с. 201]. Кроме того, полагал мыслитель, «понятие эволюции равносильно понятиям постепенности и последовательности и в этом смысле противополагается внезапным переворотам, прерывающим… естественный ход вещей» и открывающим простор либо прогрессивным явлениям (состояниям), либо, напротив, регрессивным последствиям. Хотя прогресс, как правило, осуществляется скачкообразно, через «внезапные перевороты» – «кризисы» [Кареев, 1897, с. 197], науке приходилось сталкиваться и с ситуациями постепенного накопления в обществе прогрессивных изменений [Кареев, 1897, с. 201].

Вместе с тем у эволюции и прогресса есть немало общего, утверждал Н. И. Кареев. Подобно эволюции, которая распадается на пять эволюционирующих «элементов культуры» (эволюция миросозерцания, эволюция этики, эволюция политической организации, эволюция правовой регуляции, эволюция экономической кооперации [Кареев, 1897, с. 197, 198]), «общее понятие прогресса» также можно «разложить на пять понятий частных» (прогресс умственный, прогресс нравственный, прогресс политический, прогресс юридический, прогресс экономический [Кареев, 1897, с. 259]).

Кроме того, эволюция и прогресс подчиняются одним и тем же механизмам взаимозависимости. «В вечном взаимодействии», по мнению Н. И. Кареева, находились «процессы эволюции духовной культуры и социальной организации… Социальные формы сильны их признанием со стороны идей, господствующих в обществе, и сами суть условия для возникновения и развития идей в обществе» [Кареев, 1897, с. 199]. Тот же закон «взаимного соответствия» можно наблюдать и в отношении прогресса: «Раз нам дано общество, у членов которого… существуют духовные интересы, нравственные убеждения, стремление к свободе, желание равенства, некоторая солидарность… то эти зародыши будут непременно развиваться при благоприятных, конечно, условиях и притом либо разом все, либо некоторые, либо с одинаковой быстротой, либо одни быстрее, другие медленнее… В прогрессивном движении человечества все так тесно связано одно с другим, что если прогресс социальный немыслим без прогресса умственного и нравственного, то и последний немыслим без первого» [Кареев, 1897, с. 192, 224, 239, 240].

Наконец, в исторической эволюции и процессе прогрессивного развития велика роль «отклонений… от естественной последовательности развития… элементов культуры» [Кареев, 1897, с. 191]. «Планомерную эволюция», с точки зрения Н. И. Кареева, нарушают «постоянные кризисы», которые поражают либо один, либо несколько «элементарных процессов» развития общества. В результате «движение надорганической среды» превращается в ломаную «неправильную линию» [Кареев, 1897, с. 195–197].

История прогресса – движение к достижению общечеловеческих идеалов – тоже чревата чередованием «кризисов» и плавных постепенных изменений, которые детерминированы состоянием духовной культуры и социального строя общества [Кареев, 1897, с. 197, 247, 248].

Из всех приведенных Н. И. Кареевым аргументов (весьма спорных, на взгляд современников [Нечухрин, 2003, с. 52]) о сходстве и различии эволюции и прогресса, становилось ясным только одно: представление о прогрессе – это представление оценочного характера, а значит, оно субъективно, трудно согласуемо с идеалом доказательной науки, максимально точным, объективным, верифицируемым знанием, от которого сторонники «критического позитивизма» и не думали отказываться.

Эту же мысль выражал и М. М. Хвостов, когда в 1909 г. заключил: «Понятие прогресса вовсе не входит в область *истории как эмпирической науки*, а является всецело достоянием философии истории, как и всякая оценка прошлого с точки зрения наших субъективных идеалов» [Хвостов, 1909, с. 824].

Видимо поэтому он и не проявил интереса к данному исследованию Н. И. Кареева; во всяком случае, он никогда не упоминал этот труд и не ссылался на него в своих сочинениях. Говоря о «достоянии философии истории», М. М. Хвостов имел в виду наследие авторов классических моделей теории прогресса, к примеру, Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса. На пороге XX в., когда зародились сомнения в выведенных аподиктическим путем глобальных схемах развития человечества, оторванные от эмпирии умозаключения начали смело подвергаться критике со стороны обществоведов «всех мастей». Крах теорий прогресса был ускорен и распространением неокантианства.

Заключение

Отказавшись от поиска универсальных законов развития общества, тождественных естественнонаучным законам, ученые и М. М. Хвостов, в том числе, должны были подвергнуть решительной ревизии весь философский арсенал позитивизма, включая и теорию прогресса, в позитивистской познавательной парадигме тесно увязанную с понятием «исторические закономерности» [Теория и методологии…, 2014, с. 182, 390, 476].

Руководствуясь новыми идеями и целями, ученые начинают предпочитать рассуждать не о прогрессе, а об эволюции с общей прогрессивной направленностью. Понятия «прогрессивные взгляды», «прогрессивные идеалы», тем не менее, в кругах либеральной интеллигенции оставались общеупотребительными, но скорее сигнализировали о политических симпатиях ученого, нежели о привязанности к неактуальным в новой интеллектуальной среде отжившим свой срок понятиям [Нечухрин, 2003, с. 22–24].

Свою востребованность сохраняли также и выражения «прогресс в науке», «прогресс в технике», «прогресс в хозяйстве» (или отдельной его сфере), прогресс в той или иной отрасли культуры: с ними продолжали связывать восхищение видимыми успехами (в сравнении с предыдущим состоянием), преклонение перед интеллектом и результатами блестящей работы светочей науки.

М. М. Хвостов с опозданием от своих коллег приблизительно на десятилетие начал отказываться от использования термина «прогресс». Он

делал это осознанно, меняя свои эпистемологические привычки под влиянием новых убеждений, овладевавших его мировоззрением. Одно из них было связано с признанием концепции Э. Мейера о циклическом развитии народов Древнего мира. Основанная на экономических детерминантах исторического процесса, она являлась отчетливым маркером наметившегося разрыва со всемирно-историческими теориями развития человечества. Но, как показала практика, новые доктрины овладевали сознанием М. М. Хвостова не сразу. Поначалу им приходилось пробивать брешь в прочном фундаменте философии позитивизма.

Библиографический список

1. Бернгейм Э. Введение в историческую науку / пер. с нем. под ред. проф. С. Е. Сабинина. Москва : Издание М. Н. Прокоповича, 1908. 135 с.

2. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории: в 2 ч. Ч. 2. Научные основы теории прогресса. 2-е изд., перераб. Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1897. 418 с.

3. Кон И. С. Позитивизм в социологии. Исторический очерк. Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1964. 207 с.

4. Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно : ГрГУ, 2003. 349 с.

5. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Особенности научного мировоззрения М. М. Хвостова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 4. С. 56–74. (а).

6. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. «Это был человек труда»: памяти М. М. Хвостова // Вопросы истории. 2020. № 10(4). С. 166–173. (б).

7. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. Москва : Языки русской культуры, 1997. 800 с.

8. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. Москва : Аквилон, 2014. 576 с.

9. Хвостов М. М. Геродот // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 12-е стереотипное изд. Москва, б/г. Т. XIV. С. 383–385. (а).

10. Хвостов М. М. Греко-персидские войны // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 12-е стереотипное изд. Москва, б/г. Т. XIV. С. 488–493. (б).

11. Хвостов М. М. Демосфен, сын Алкисфена // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 12-е стереотипное изд. Москва, б/г. Т. XVIII. С. 220. (в).

12. Хвостов М. М. Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи. I. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. – 284 г. по Р. Х.). Казань, 1907. С. 3, 71. (а).

13. Хвостов М. М. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. – 284 г. по Р. Х.). Казань : Типо-литография Императорского ун-та, 1907. 479 с. (б).

14. Хвостов М. М. История Греции. Лекции, читанные в Казанском университете и на Казанских высших женских курсах. 2-е изд., доп. / под ред. Г. Пригоровского. Москва : Государственное изд-во, 1924. 262 с.

15. Хвостов М. М. История Древнего Востока. 2-е изд. / под ред. Г. Пригоровского. Ленинград : Государственное изд-во, 1927. 275 с.

16. Хвостов М. М. История Древней Греции // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 12-е стереотипное изд. Москва, б/г. Т. XVI. С. 528–624. (г)

17. Хвостов М. М. История Рима: конспективное изложение лекций, читанных в 1906–1907 академическом году. Казань, 1907. С. 1–6. (в).

18. Хвостов М. М. К вопросу о задачах истории // Сборник статей, посвящённых Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). Москва : Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1909. С. 791–824.

19. Хвостов М. М. Лекции по методологии и философии истории. Изд. 2-е. Москва : Книжный дом «Либроком», 2011. 101 с.

Reference list

1. Berngejm Je. Vvedenie v istoricheskuju nauku = Introduction to historical science / per. s nem. pod red. prof. S. E. Sabinina. Moskva : Izdanie M. N. Prokopovicha, 1908. 135 s.

2. Kareev N. I. Osnovnye voprosy filosofii istorii: v 2 ch. Ch. 2. Nauchnye osnovy teorii progressa. 2-e izd., pererab. = Basic problems in philosophy of history: in two parts. Part 2. Scientific foundations for the theory of progress. 2nd ed., revised. Sankt-Peterburg : Tipografija M. M. Stasjulevicha, 1897. 418 s.

3. Kon I. S. Pozitivizm v sociologii. Istoricheskij ocherk = Positivism in sociology. Historical essay. Leningrad : Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1964. 207 s.

4. Nechuhrin A. N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy rossijskoj pozitivistskoj istoriografii (80-e gg. XIX v. – 1917 g.) = Theoretical and methodological foundations of Russian positivist historiography (80s of XIX c. – 1917). Grodno : GrGU, 2003. 349 s.

5. Novikov M. V., Perfilova T. B. Osobennosti nauchnogo mirovozzrenija M. M. Hvostova = Characteristics of M. M. Khvostov's scientific outlook // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8. Istorija. 2020. № 4. S. 56–74. (a).

6. Novikov M. V., Perfilova T. B. «Jeto byl chelovek truda»: pamjati M. M. Hvostova = «He was a man of la-

bor»: in memory of M. M. Khvostov // Voprosy istorii. 2020. № 10(4). S. 166–173. (b).

7. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. Istorija i vremja. V poiskah utrachennogo = History and time. In Search of the lost. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1997. 800 s.

8. Teorija i metodologija istoricheskoj nauki. Terminologicheskij slovar' = Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary / otv. red. A. O. Chubar'jan. Moskva : Akvilon, 2014. 576 s.

9. Hvostov M. M. Gerodot = Herodotus // Jenciklopedicheskij slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat. 12-e stereotipnoe izd. Moskva, b/g. T. XIV. S. 383–385. (a).

10. Hvostov M. M. Greko-persidskie vojny = The Greek-Persian wars // Jenciklopedicheskij slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat. 12-e stereotipnoe izd. Moskva, b/g. T. XIV. S. 488–493. (b).

11. Hvostov M. M. Demosfen, syn Alkisfena = Demosthenes, son of Alkisthenes // Jenciklopedicheskij slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat. 12-e stereotipnoe izd. Moskva, b/g. T. XVIII. S. 220. (v).

12. Hvostov M. M. Issledovanija po istorii obmena v jepohu jellinisticheskih monarhij i Rimskoj imperii. I. Istorija vostochnoj torgovli greko-rimskogo Egipta (332 g. do R. H. – 284 g. po R. H.) = Studies on the history of barter in the era of the Hellenistic monarchies and the Roman Empire. I. History of the Eastern Trade of Greek – Roman Egypt (332 B.C. – 284 A.D.). Kazan', 1907. S. 3, 71. (a).

13. Hvostov M. M. Istorija vostochnoj torgovli greko-rimskogo Egipta (332 g. do R. H. – 284 g. po R. H.) = History of eastern trade in Greek-Roman Egypt (332 BC – 284 AD). Kazan' : Tipo-litografija Imperatorskogo un-ta, 1907. 479 s. (b).

14. Hvostov M. M. Istorija Grecii. Lekcii, chitannye v Kazanskom universitete i na Kazanskih vysshih zhenskih kursah. 2-e izd., dop. History of Greece. Lectures at Kazan University and Kazan Higher Women's Courses. 2nd ed. / pod red. G. Prigorovskogo. Moskva : Gosudarstvennoe izd-vo, 1924. 262 s.

15. Hvostov M. M. Istorija Drevnego Vostoka. 2-e izd. = History of the Ancient East. 2nd ed. / pod red. G. Prigorovskogo. Leningrad : Gosudarstvennoe izd-vo, 1927. 275 s.

16. Hvostov M. M. Istorija Drevnej Grecii = History of Ancient Greece // Jenciklopedicheskij slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat. 12-e stereotipnoe izd. Moskva, b/g. T. XVI. S. 528–624. (g)

17. Hvostov M. M. Istorija Rima: konspektivnoe izlozhenie lekcij, chitannyh v 1906–1907 akademicheskom godu = History of Rome: an abstract of lectures delivered in the 1906-1907 academic year. Kazan', 1907. S. 1–6. (v).

18. Hvostov M. M. K voprosu o zadachah istorii = On the Objectives of History // Sbornik statej, posvjashhjonnyh Vasiliju Osipovichu Kljuchevskomu ego uchenikami, druz'jami i pochitateljami ko dnju tridcatiletija ego professorskoj dejatel'nosti v Moskovskom universitete (5 dekabrja 1879 – 5 dekabrja 1909 goda). Moskva : Tov-vo «Pechatnja S.P. Jakovleva», 1909. S. 791–824.

19. Hvostov M. M. Lekcii po metodologii i filosofii istorii. Izd. 2-e. = Lectures on the methodology and philosophy of history. 2nd ed. Moskva : Knizhnyj dom «Librokom», 2011. 101 s.

УДК 93/94+930.85

О. В. Розина **https://orcid.org/0000-0002-7664-0640**

Шаргород на перекрестке этнокультурных традиций (XVI – начало XX вв.)

Для цитирования: Розина О. В. Шаргород на перекрестке этнокультурных традиций (XVI – начало XX вв.) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 215–225. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-215-225

Культурное и историческое прошлое являются фундаментом региональной идентичности, самобытности этноса и источником самосознания личности. Но культура существует не только во времени, но в пространстве, поэтому выявление и исследование культурной самобытности региона – одна из задач регионалистики, как междисциплинарной науки, опирающееся на историко-культурное наследие. Актуализация проблематики региональной идентичности связана с двумя обстоятельствами: политическими процессами, проходящими на постсоветском пространстве, и информационной войной по искажению наших общих культурных достижений в историческом процессе совместного развития. Особенно наглядно этот тренд реализуется на Украине, что обусловило выбор объектом исследования этнокультурные традиции Шаргорода – города в Подолье, который отличается гетерогенной конфессиональной структурой, обусловившей его культурное своеобразие. В историческом прошлом города неразрывно переплелись религиозно-культурные традиции иудаизма, католичества, православия и униатства, наложившие отпечаток на архитектуру города и быт жителей. Автор полагает, что культурная самобытность связана с двумя обстоятельствами: религиозной традицией, формирующей уклад жизни и являющейся стержнем ментальности, и внешними по отношению к ней событиями. Таковыми в данном регионе являлись войны и внутренняя политика власти по отношению к разно-этническому и разно-конфессиональному населению. Поэтому в статье дается краткий обзор исторических событий, обусловивших этнокультурное своеобразие Шаргорода, и рассматриваются иудейская, католическая и православная традиции в создании его социокультурного облика в различные исторические периоды. Обращается внимание на планировку города, его архитектурно-сакральные доминанты, ментальность и быт жителей, а также эволюцию роли каждой из исследуемых традиций. Автор делает вывод об их влияние на культурный облик города и его своеобразие, локализацию и слабое взаимопроникновение, что на фоне формирования националистических идей начала XX в. таило угрозу разрушения единого культурно-исторического пространства.

Ключевые слова: Шаргород, Подолье, Речь Посполитая, Российская империя, культурный регионализм, культурная самобытность, гетерогенная конфессиональная структура, этнокультурные традиции, еврейское местечко, польский сарматизм, униатство, православная культура.

O. V. Rosina

Shargorod at the crossroads of ethnocultural traditions (XVI – early XX centuries)

The cultural and historical past is the foundation of regional identity, ethnic identity and a source of personal identity. But culture exists not only in time, but also in space, therefore, the identification and study of the regional cultural identity is one of the tasks of regional studies, as an interdisciplinary science based on the historical and cultural heritage. The actualization of the problem of regional identity is associated with two factors: the political processes taking place in the post-Soviet space, and the information war which aims to distort our common cultural achievements in the historical process of joint development. This trend is especially evident in Ukraine, so it has determined the choice of ethnocultural traditions of Shargorod as the object of the research; this city in Podolia is distinguished by a heterogeneous confessional structure, which has determined its cultural identity. In the historical past of the city, the religious and cultural traditions of Judaism, Catholicism, Orthodoxy and Uniatism are inextricably intertwined, leaving a mark on the architecture of the city and the life of its inhabitants. The author believes that cultural identity is related to two factors: the religious tradition, which forms the way of life and is the core of the mentality, and the events external to it. In this region, such events were the wars and the home policy of the authorities in relation to the multi-ethnic and multi-confessional population. Therefore, the article provides a brief overview of the historical events that determined the ethnocultural originality of Shargorod, and examines the Jewish, Catholic and Orthodox traditions in creating its socio-cultural image in different historical periods. Attention is paid to the city's layout, its architectural and sacral dominants, the mentality and way of life of its inhabitants, as well as the evolution of the role each tradition under study plays. The author makes a conclusion about their influence on the cultural image of the city and its originality,

© Розина О. В., 2021

localization and weak interpenetration, which during the formation of nationalist ideas in the early XXth century threatened to destroy the unified cultural and historical space.

Key words: Shargorod, Podolia, Rzeczpospolita, Russian Empire, cultural regionalism, cultural identity, heterogeneous confessional structure, Jewish shtetl, Polish Sarmatism, ethnocultural traditions, Uniatism, Orthodox culture.

Введение

Одним из актуальных направлений современных исследований является регионалистика. Начало исследованиям было положено еще в 70-е гг. XX в. американским ученым У. Айзардом, занимавшимся анализом эколого-экономических проблем регионов [Isard, 1972]. Как полагает В. Н. Стрелецкий, «регионализм это, в первую очередь, культурный феномен», при этом «культурная самобытность территории, в пределах которой сложилось местное сообщество людей с особыми интересами, системами ценностей и типом ментальности, может в разной степени осознаваться самими представителями данной общности» [Стрелецкий, 2012, с. 11].

На наш взгляд, культурная самобытность связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, с религиозной традицией жителей региона, что составляет внутренней стрежень ментальности. Во-вторых, с целым рядом внешних обстоятельств их жизни: участие в войнах, проходивших на территории; отношение с соседями, особенно с более сильными, а также внутренняя политика власти по отношению к разноконфессиональному населению территории. Если религиозные традиции формируют уклад жизни, то внешние обстоятельства обуславливают особенности его проявления и существования.

На внутристрановом уровне изучаемые регионы представляют собой, как отмечает Стрелецкий, «единство в разнообразии... Поскольку единство региона при этом мыслится именно как общность людей, при таком исследовательском подходе просто невозможно обойтись без учета фактора исторического наследия» [Стрелецкий, 2007, с. 4]. В исследовательской литературе отмечается интерес к вернакулярным районам [Казакова, 2016] и региональной идентичности [Мурзина, 2003]. Как заметила Н. А. Лавочкина, «конструирование региональной идентичности чаще всего основано на особой региональной истории, мифах и традициях, таких составляющих культуры как литература, музыка, изобразительное искусство, известных деятелях искусства, проживавших и проживающих на территории данного региона» [Лавочкина, 2016, с. 451]. На рубеже XX–XXI вв. проблема региональной идентичности приобрела особую актуальность в связи политическими процессами, проходящими на территории бывшего СССР. Вместе с тем, как заметил, немецкий социолог Х.-Г. Велинг, «местечквое-земляческое-региональное-национальное самосознание образуют как бы разные пространственные «концентры» единой культурной идентичности [Regionale politische…, 1985, p.11]. Региональная идентичность рассматривается исследователями как первый фактор культурного регионализма.

Вторым «важнейшим индикатором» является «этническая (субъэтническая, субкультурная) гомогенность или гетерогенность регионального (местного) сообщества» [Стрелецкий, 2012, с. 13]. Она всегда связана с конфессиональной структурой общества, от гомогенности или гетерогенности которого зависит сплоченность или, наоборот, разрозненность населения, что отражается в культурном своеобразии региона. В этой связи обращение к многонациональному и поликонфессиональному региону Восточного Подолья, где расположен Шаргород и исторически переплелись религиозно-культурные традиции – иудаизм, католичество, православие и униатство, представляется важной исследовательской задачей. Ее актуализация связана с мифологизацией на постсоветском пространстве общей истории в условиях современной информационной войны цивилизационных противников [например: Безнюк, 2014; Багдасарян, 2016]. Как замечает политолог В. А. Розина, изучая особенности информационных войн, «задачи такой борьбы не в физическом, а в идеологическом уничтожении противников – изменении мировоззрения, дискредитации идеологии и т. д.» [Розина, 2015, с. 80]. Поэтому выявление и изучение типичных черт и особенностей социокультурного облика в отдельно взятом гетерогенном в конфессиональном и культурном плане регионе на примере Шаргорода, как города в Восточном Подолье, является актуальной задачей противодействия национальной ксенофобии и медиа-искажениям отечественной истории.

Методы исследования

В данном исследовании были использованы как общенаучные методы (анализ и синтез информации, индукция и т. п.), так и специальные методы – идеографический, историко-генетический, культурно-исторический, ретроспективный и реконструктивный. В совокупности они дают возможность проследить изучаемое явление в его исторической последовательности, выявить его типичные черты и особенности в данный период.

Результаты исследования

Исторические предпосылки этнокультурного многообразия Шаргорода

Шаргород – город в современной Винницкой области Украины с райцентром в Жмеринке – крупном железнодорожном узле. Через город протекает небольшая речка Мурашка, впадающая в речку Колбасную. Это территория Подольской возвышенности между средним течением Днестра и Южным Бугом, входившая в состав Галицко-Волынского княжества, называемая в летописях «Понизье» и «Низовье», в более позднее время – Подолье. В 1383 г. литовский князь Витовт основал на излучине двух рек поселение Княжья Лук, которое впоследствии вошло в Карчмаровскую волость. Территория волости находилась под властью литовских князей Корьятовичей (из династии Гедиминовичей). Но в конце 60-х гг. XIV в. они стали вассалами польского короля Казимира III Великого. После Радомской конституции 1505 г., сильно ограничившей королевскую власть, польские магнаты стали получать огромные латифундии на малонаселенных автохтонными малороссами территориях Правобережной Украины, где столкнулись геополитические интересы Российской и Османской империй, Польши, Литвы и Молдавского княжества. В. Н. Воловик называет эту территорию узлом культурно-цивилизационного рубежа «Европа-Азия» [Воловик, 2013]. Освоение новых территорий сопровождалось строительством замков и крепостей. Так в 28 мая 1585 г. на землях великого гетмана коронного Яна Замойского (1542–1605) в излучине двух рек стала строиться крепость, названная в честь легендарного покровителя рода Замойских Флориана Шарого Шарым Городком (Шарогрудком, Шаргородом).

С самого начала существования население города было гетерогенным в своем этническом и конфессиональном составе. Здесь проживали польская шляхта (католики), евреи (иудеи), крестьяне-малороссы (православные и униаты), отличающиеся как по социальному статусу, так и по ментальности и культуре. В 1588 г. король Сигизмунд II даровал Шаргороду Магдебургское право, что освободило его от феодальных повинностей и от власти воевод, а также подчеркивало статус нового города, лежавшего на перекрестке торговых путей. Был создан выборный городской магистрат и дарован герб с изображением св. Флориана.

Город не раз являлся ареной военных столкновений противоборствующих сторон. Так, например, во время восстания казаков под предводительством Богдана Хмельницкого против Речи Посполитой в 1648–1654 гг. В ходе него по Зборовскому договору 1649 г. линия размежевания между казаками и поляками прошла от Винницы к Ямполю в том числе через Шаргород, что привело к изменению управления городом. Казацкая рада назначала сотника, который опирался на сотенного есаула, им помогали писарь и судья. Вмешательство Османской империи в русско-польское противостояние привело к русско-турецкой войне 1672–1681 гг. Пользуясь поддержкой своего вассала гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко, султан Мехмет IV объявил войну Речи Посполитой и вторгся в Подолье, где вскоре был взят Ладыжин – в 100 с небольшим км от Шаргорода, затем Каменец-Подольский, и, наконец, Шаргород. Он настолько покорил захватчиков своим месторасположением и обликом, что турки назвали его «Кучук Истамбул» («Маленький Стамбул»). В Подолье турки образовали Подольский эялет, оккупация Шаргорода продолжалась с 1672 по 1699 гг., но по Карловицкому миру 1699 г. город опять перешел под власть Речи Посполитой.

В результате второго раздела Польши между Россий, Габсбурской монархией и Прусским королевством в 1793 г. Восточное Подолье с Шаргородом вошло в состав Российской империи. На присоединенных польских землях была установлена черта постоянной еврейской оседлости. Так Шаргород оказался за этой чертой, что отложило отпечаток на его культурную самобытность в условиях изначального гетерогенного этнического состава его населения. Только боевые действия на западе России в период Первой мировой войны привели к фактической ликвидации черты оседлости, эмиграции евреев во внутренние губернии и за пределы империи. Де-юре черта

оседлости была упразднена Временным правительством 20 марта (2 апреля) 1917 г. Постановлением «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», отменявшим любые ограничения в правах по национальному или религиозному признакам.

Планировка города первоначально ориентировалась на дворец Замойских, как его основателей (он сохранился в полуразрушенном состоянии). Затем центр переместился на рыночную площадь, здание магистрата и ратушу. К началу XVII в. Шаргород имела четыре части, практически сохранившиеся до нашего времени. Старый город располагался на юго-востоке и был защищен стенами замка, земляными укреплениями с деревянным частоколом и рвом с водой. В нем располагалась синагога и еврейский квартал с жилыми домами и торговыми местами. Новый город Шаргорода строился вокруг костела и монастыря на землях церковного прихода. Рядом с городом были два предместья, заселенные малороссийскими земледельцами – за рекой Колбасной село Гибаловка и на правом берегу Мурашки – село Сеньковцы, ставшее со временем Слободой Шаргородской. Оба поселения ныне вошли в городскую черту, но сохранились как отдельные населенные пункты. Такое соседство еврейского, малороссийского и польского населения с различными религиозными традициями являлось характерной чертой многих городов Подолья, наложив отпечаток на его культурную самобытность и уклад жизни.

Культурное своеобразие и исторический облик города были связаны как с евреями, так и с христианами (католиками, униатами и православными), но их влияние на них было различным в разные периоды времени, что зависело, в первую очередь, от внешних обстоятельств.

Шаргород как еврейское местечко Подолья

В течение всего рассматриваемого периода, несмотря на различный статус в Речи Посполитой и Российской империи, еврейская община играла ведущую роль в определении культурной самобытности Шаргорода и региональной идентичность большинства его населения. Первоначально город возник вокруг замка католического магната, но численность его населения росла за счет польских и немецких евреев-эмигрантов, прибывших сюда вслед за поляками. Как известно, Магдебургское право не распространялось на еврейское население, и в 1588 г. Шаргород получил статус местечка с самоуправляющейся автономной общиной. Как указывает Воловик, «под местечком в Подолье понимают торгово-ремесленный центр, где обслуживается сельское население близлежащих территорий… Местечки имели удобное коммуникационное положение – на перекрестке путей, что способствовало развитию ярмарочной торговли. Их функция – конвергентная, в отличие от дивергентной в сельских этнокультурных ландшафтах» [Воловик, 2013, с.191]. «Обзор Подольской губернии 1892 г.» поясняет: «Каждое местечко, со своим промышленным населением и своими частыми ярмарками и базарами, служит естественным торговым центром, куда для купли и продажи стекается всё окрестное крестьянское население» [Обзор…, 1893, с.105]. В середине XVI в. «возникает понятие местечковой еврейской культуры, а в ландшафтной структуре – понятия «штетла»» [Воловик, 2013, с. 197].

Статус местечка давал еврейским жителям Шаргорода привилегии, которыми они пользовались на польских землях. Как писал польский историк П. Ясеница, Казимир III Великий (1310–1370) в 1364 г. распространил на еврейских жителей всей Польши юрисдикцию польского королевского суда и провозгласил свободу вероисповедания. [Jasienica, 2007, p. 346]. Это обеспечило безопасность евреев в условиях гонений в остальных странах Европы. Поэтому с самого начала заселения Шаргорода его еврейские жители имели преимущества, которым пользовали все польские евреи и которыми не обладали малороссы, будучи коренным населением Подолья, а после Люблинской унии (1569) и вовсе подвергшиеся латинизации и полонизации.

Расположение еврейского квартала под защитой укрепленных стен было характерно для многих местечек Восточного Подолья. Это было связано с тем, что «городские валы защищали замкнутое, «одомашненное» пространство местечка от «открытого» и опасного пространства окружающего мира (леса, дороги, реки). Городские стены были «субботней границей» (эрув), условно объединявшей еврейские дома и кварталы в общее владение, от которого в субботу нельзя было отдаляться более, чем на 2000 локтей (около 1 км). После разрушения городских укреплений роль границы штетла выполняла река» [Воловик, 2013, с. 205].

После получения Шаргородом статуса местечка начинается рост еврейского населения города, и уже в 1589 г. здесь была построена синагога в псевдомавританском стиле, сохранив-

шаяся до наших дней, как сакральный локус еврейского квартала (правда, в ней еще с советских времен располагается цех сокового завода, ныне не работающего). Некоторые фотографии синагоги размещены в альбоме, выпущенном Винницким областным краеведческим музеем [Визначні пам'ятки…, 2011]. Это было не только молитвенное здание с пристройкой хедера (школы для мальчиков), но и фортификационное сооружение с бойницами, глубокими подвалами и подземными ходами, входившая в общую оборонительную систему города [Історія…, 2003; Шнайдер; Воловик, 2013]. «Крепкие стены, гибкий ренессансный аттик с красочными зубчиками и маленькими орнаментальными башнями по углам, прорубленные большие окна придают синагоге самобытный вид», – писал историк Д. В. Малаков [Малаков, 1988, с. 94–95].

Во время Тридцатилетней войны (1618–1648) в Подолье усилилась эмиграция евреев из немецких земель. Это привело к росту еврейского населения Шаргорода: как указано в переписи 1629 г., в Шаргороде насчитывалось 646 «дымов», то есть более 3 тыс. чел. [Архив…, 1890, с. 394–412]. Несмотря на потери в ходе «хмельнитчины» и турецкой оккупации, перепись 1765 г. насчитывала в еврейской общине города 2219 чел. – на то время это была самая крупная община в Подолье, где по этим же данным проживало 38 356 евреев [Подолия]. По данным землемера, в 1799 г. в Шаргороде насчитывалось 283 еврейских дома, а также в торговых рядах «лавок каменных 36, малых 38». [Шаргород]. Особенность духовной жизни шаргородских евреев заключалась в том, что в городе, как и во многих местах этого края, стали распространяться мистические течения иудаизма. Здесь были последователи Шаббая Цви (саббатианство), Якова Франка (франкизм), а особенно – Израэля Баал-Шем Тов или Бешта (хасидизм), который с 1740 г. проживал в Меджибоже, что чуть более 100 км от Шаргорода. Подробно об этом пишет в своем исследовании А. Н. Нагребецкий [Нагребецкий, 2011, с. 39–40; 48–50].

В черте оседлости евреи приписывались к мещанскому сословию и могли заниматься только ремеслом и торговлей. В современном Шаргороде сохранился комплекс застройки конца XVIII–начала XX вв., характерный для еврейского местечка. Как пишет А. Бондаренко, это «одноэтажные глинобитные дома с деревянными крыльцами... Отличительной чертой местечкового дома является высокая четырехскатная черепичная крыша, визуально занимающая больше половины всей постройки» [Бондаренко]. Самым оживленным местом была территория вокруг здания ратуши в Старом городе. Здесь между двумя главными улицами города, располагались торговые ряды, вокруг которых было построено множество небольших лавочек. При въезде в город у моста-плотины через речку Мурашку также стояли лавки, и находилось двухэтажное здание корчмы с галереей-балконом. Большинство сохранившихся домов построено из местного материала – камня-песчаника на первом этаже и деревянного второго. С учетом холмистой местности строились цокольные этажи зданий, имевшие арочные или балочные перекрытия.

Все междуречье между Мурашкой и Колбасной было заселено ремесленниками, которые жили там же, где и работали. Фасадная часть дома имела небольшую лавку по продаже произведенных изданий. По мере роста семьи или создания новой в связи с женитьбой сына с тылу дома пристраивались небольшие комнаты под общей крышей. Со временем проходы между домами сужались, а сами улицы не имели тротуаров и не мостились. Конечно, у такого дома отсутствовал двор, сад или огород. От такой застройки отличались только шинки (питейные заведения) и «заезды» (постоялые дворы). В силу специфики деятельности они имели ворота для заезда и двор для размещения лошадей. В Шаргороде было четыре «заезжих двора».

Отличительной особенностью шаргородских домов в еврейском квартале было наличие в них галерей вдоль уличных фасадов. Сверху они прикрывались сильно выступающей крышей, которая поддерживалась столбами. Перила были деревянными с резным рисунком. Некоторые галереи были застеклены и предназначались для проведения Суккота (праздника Кущей) с имитацией шалаша, крытого камышами.

Жизнь еврейского местечко сильно осложнилось после принятия в мае 1882 г. нормативного акта комитета министров Российской империи «О порядке введения в действие правил о евреях», более известного, как «Временные правила», в которых запрещалось «а) селиться в сельской местности; б) приобретать недвижимое имущество вне местечек и городов и арендовать земельные угодья; в) торговать в воскресенье и в христианские праздники» [Временные правила]. Шаргородская община «наполнялась еврейскими бедняками, изгнанными из окружающих сел, а также с пятидесятиверстной приграничной поло-

сы» [цит. по: Нагребецкий, с. 71] Корреспондент еврейской «Недельной хроники» ежемесячного журнала «Восход» писал: «ходят теперь по улицам люди голодные, исхудалые с вытянутыми лицами; занятий, работ нигде никаких, а дома семейства их сидят без куска насущного хлеба» [Цит. по Нагребецкий, с. 72–73].

Обнищание еврейского населения Шаргорода к концу XIX–началу XX вв. привело к двум последствиям. Во-первых, возросло налоговое бремя по чиншевому и свечному сборам, недоимки которые приходилось выплачивать из коробочного сбора, что подрывало и без того слабую социальную инфраструктуру общины. Во-вторых, следствием ухудшения экономического положения евреев явилась их эмиграция из черты оседлости, главным образом, в Америку. Поэтому к концу экономического кризиса 1900–1903 гг. еврейского населения Шаргорода составляло только 1011 чел. Пережив кризис и депрессию, экономика России перед первой Перовой войной испытывала подъем, что сказалось и на росте благосостояния еврейских жителей Шаргорода. Численность еврейской общины увеличилась до 5000 чел. «Евреи держали практически все торговые заведения Шаргорода, им принадлежали четыре аптечных и шесть лесных складов, склад сельскохозяйственных машин и орудий, четыре гостиницы, мёдоваренный завод, мельница в Слободе Шаргородской и типография» [Шаргород].

Таким образом, накануне Первой мировой войны евреи продолжали сохранять культурную самобытность еврейского местечка.

Польско-католические традиции в этнокультурном облике Шаргорода

Шаргород возник под непосредственным влиянием польской градостроительной культуры. Замок Яна Замойского, давший начало городу, был сооружен по проекту итальянского зодчего Бернардо Морандо, которые по распоряжению того же великого гетмана построил в стиле итальянского Возрождения город Замостье в Люблинском воеводстве Польши – главную резиденцию Замойских. (ныне охраняется ЮНЕСКО). Шаргородский замок из массивного песчаника имел пять башен, соединенных цитаделью, современную по тем временам артиллерию и контролировал переправы через протекавшие речки, имевшиеся здесь с незапамятных времен. Отдельные фрагменты крепостных стен и башен можно видеть и сейчас, часть каменной кладки использовалась жителями для строительства домой и хозяйственных построек.

После Яна Замойского Шаргородом владел его сын Томаш, а потом внучка Иоанна, супруг которой был из шляхетского рода Конецпольских. Затем город переходил как к разным представителям этого рода, так и к князьям Любомирским и шляхтичам Сосновским. При Генрихе Любомирском Шаргород вошел в состав Российской империи, а его сын Ежи продал город своему родственнику Роману Станиславу Сангушко, одному из крупнейших латифундистов Волыни. Последней владелицей Шаргорода стала его внучка Юлия Потоцкая (1854–1921). Описание типичных шляхетских имений Подолье дано в 9-м томе 11-томного издания польского исследователя Романа Афтанази [Roman Aftanazy].

После присоединения к Российской империи происходило два параллельных процесса: отток польских жителей в Польшу и ассимиляция с малороссами. По переписи 1897 г. в Могилевском уезде Подольской губернии, куда входил Шаргород, насчитывалось 227 672 чел. из общей численности населения этой губернии 3 018 299 чел. [Окончательно… с.13]. В целом в губернии было 262738 католиков (8,7 %) и 262738 православных (78,14 %).[Борзова]. По данным В. М. Кабузана в начале XIX в. в Подольской губернии было только 3 % поляков. При этом «в подавляющей массе к полякам в районе принадлежало дворянство, включая и мелкую шляхту, которая в 30-е годы XIX в. лишилась своих привилегий и была переведена в состав податного населения (составила сословие так называемых граждан и однодворцев западных губерний)» [Кабузан].

Влияние культуры польского шляхетства и традиций католичества на культурный ландшафт Шаргорода претерпело эволюцию, связанную с переходом города от Речи Посполитой к Российской империи. Но ведущей тенденцией являлась идеология и культура сарматизма, восходящая к этногенетическому мифу о происхождении польской шляхты от сарматов. Сарматизм, как идеология превосходства «шляхты над холопами» давно привлекает внимание исследователей [Бухарин, 2011; Тарасов, 2019] Подчиненное положение автохтонного малороссийского населения рассматривалось как естественное, вытекающее из идеи превосходства «службы королю» иным занятиям. По мнению М. В. Лескинен, «идеал шляхтича-сармата в Польше XVI–XVII вв…. существовал в двух ипостасях – рыцаря-воина и

помещика (земянина)» [Лескинен, 1998, с. 261]. Автор подробно анализирует эти два образа сарматского этоса. Обратим внимание лишь на второй, как наиболее типичный для рассматриваемого региона: в Шаргороде он был преобладающим. Лескинен пишет: «главные добродетели шляхтича-земянина определены его жизнью: основным занятием являются выполнение общественного долга (заседание в сеймах и сеймиках) и хозяйственная деятельность. В случае войны он собирает свое ополчение и готов к бою» [Лескинен,1998, с. 269]. Важно также отметить, что характерной чертой было «неуважение к нешляхтеским занятиям, восприятие труда ремесленников, занятий горожан, торговой деятельности как недостойных и неблагородных» [Лескенен,1998, с. 273].

Такое отношение правящего сословия не способствовало созданию условий для единства региональной идентичности жителей Шаргорода, а наоборот, являлось фактором его раскола. До сих пор на христианском кладбище Шаргорода православных и католиков хоронят в разных его частях, даже если они были супругами.

Осенью 1596 г. в Шаргороде был освящен костел св. Флориана, ставший центром католической общины города. Он закрывался на короткое время лишь в 30-х гг. XX в. и с небольшими переделками сохранился до наших дней (ныне относится к Каменец-Подольскому диоцезу Римско-католической церкви). Исследователь Малаков составил подробное описание костела [Малаков, с. 84]. В начале XVII в. в Подолье появились иезуиты. В 1608 г. они поселились в Каменец-Подольске, и с 1609 г. начали активную миссионерскую деятельность [Пламеницкая, 2005]. В 1636 г. иезуиты приехали в Шаргород, что усилило католическую общину города.

Православная культурная традиция в этнокультурном облике Шаргорода

Место и роль православной культуры в региональной идентичности жителей Шаргорода в рассматриваемый период претерпели значительную эволюцию: из презираемой и гонимой в период Речи Посполитой до официальной и государственно поддерживаемой в период Российской империи. Первоначально православными считали себя в основном малороссийские жители предместий. Именно в Слободе Шаргородской в 1750 г. была построена деревянная церковь Рождества Богородицы. Описание православных храмов Подолья и, отчасти, духовной жизни православных христиан оставил профессор Киевской духовной академии Н. И. Петров [Петров, 1891]. Предместья отличались ярко выраженной малороссийской культурой: «характерной особенностью здешних населенных пунктов являются белыя хаты малороссов, по типу своей постройки совершенно отлычныя от изб крестьян-великороссов» [Иллюстрированный... 1898, с. 145].

Для православного населения Шаргорода ситуация резко обострилась после Брестской унии 1596 г., когда митрополит Киевский, Галицкий и вся Руси Михаил и часть епископата приняли католическое вероучение и верховенство Римского папы, расколов тем самым Церковь на греко-католиков и православных. Польские короли поддерживали униатов. Так в пригороде Шаргорода селе Калиновка в начала XVII в. греко-католический орден василиан построил Свято-Николаевский мужской монастырь, который в 1747 г. был перенесен в город – прямо напротив костела св. Флориана. Агрессивный характер проповеди и действий униатов на фоне кризиса православной Церкви в католической Польше привели к созданию в Шаргороде в 1628 г. православного братства, открывшего школу для детей по обучению религиозной грамотности. Статья 9 договора России с Польшей 1686 г. («Вечный мир») предусматривала прекращение национально-религиозного притеснения православного населения Польши, но она не была ратифицированная Сеймом, т. к. «правительство Речи Посполитой юридически игнорировало существование Православия» [Апанович, с. 62] В статье К. О. Апанович приведены многочисленные примеры дискриминационной политики по отношению к православным подданным Речи Посполитой.

После вхождения Подолья в состав Российской империи правительство стало проводить политику по укреплению положения православных в крае. Она осуществлялась в двух направлениях: экономическом (например, увеличение налогов на неправославные религиозные организации) и просветительском, что позволило остановить процесс полонизации малороссов, активно проводившейся Речью Посполитой. По мнению К. Ксенофонтова, «в итоге к 1839 году на всё Правобережье из более чем 4 млн. жителей оставалось только 130 тыс. униатов (в районе 3 % населения). В том же году православная церковь объявила о поглощении остатков униатских церквей и включению всех приходов в со-

став русской церкви» [Ксенофонтов].

С присоединением Шаргорода к Российской империи униатский монастырь перешел к православной Церкви и в 1797 г. в нем была открыта духовная семинария, а затем духовное училище. Ее выпускниками в разное время были поэт, переводчик и врач С. В. Руданский (1834–1873) и писатель М. М. Коцюбинский (1864–1913). Училище существовало до 90-х годов XIX в. В 1806–1818 гг. монастырь был окружен каменными стенами. Его описание можно найти в книге А. С. Ивченко [Ивченко]. Обширные сведения о духовной жизни православных верующих Каменец-Подольской епархии, в том числе Шаргороде, содержатся в газете Подольские епархиальные ведомости, издававшейся в 1862–1905 гг. [Архив газеты] и ежемесячном журнале «Православная Подолия», выходившем в 1906–1917 гг. [Архив журнала].

Заключение

Подводя итог можно отметить следующее. В течение всего изучаемого периода Шаргород находился на пересечении геополитических интересов Российской и Османской империй, Польши, Литвы и Молдавского княжества, что явилось одним из факторов, определившим социокультурное своеобразие города. Другим фактором явилась гетерогенная конфессиональная структура населения: здесь проживали иудеи, католики, православные и униаты. В соответствии с Магдебурским правом, в Шаргороде сложилась локальная планировка городской среды в соответствии с территориальным размещением религиозных общин с сакральным доминирующим центром. В 1588 г., через три года после основания, он получил статус местечка, и в штетле стала складываться местечковая еврейская культура. После вхождения Подолья в состав Российской империи город попал в черту еврейской оседлости, что способствовало еще большей закрытости еврейской религиозной общины от внешнего влияния, сплоченности и взаимопомощи ее членов. Христианское влияние на культуру Шаргорода претерпело изменения, связанные с его переходом из Речи Посполитой в Российскую империю. Первоначально польско-католические культурные традиции были доминирующими, их роль усилилась в связи с появлением после 1596 г. униатства. Однако идеология и культура сарматизма, характерная для польского шляхетства, всегда была чужда православным малороссам. Вхождение территории в Российскую империю изменило статус православной Церкви, усилилась ее просветительская деятельность, возросло влияние на культурную самобытность региона. Вместе с тем следует указать на сохранившуюся локализацию этнокультурных традиций и их слабое взаимопроникновение, что на фоне формирования националистических идей начала XX в. таило угрозу разрушения единого культурно-исторического пространства. Этот тренд будет реализован в недалеком будущем: в годы гражданской войны регион будет охвачен петлюровским националистическим движением.

Библиографический список

1. Апанович К. О. Православие в Речи Посполитой и Османской империи в конце XVI–первой трети XVII вв. // Христианские чтения. 2015, № 6. С. 59–74.

2. Архив газеты Подольские епархиальные ведомости (1862–1905). URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/6798/

3. Архив журнала Православная Подолия. URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/9755

4. Архив Юго-Западной России. Ч. VII. Т. 2. Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1890. 863 с.

5. Багдасарян В. Э. Антироссийские исторические мифы. Санкт-Петербург : ООО «Питер», 2016. 384 с.

6. Безнюк Д. К. Цивилизационные войны: наука, идеология и язык как оружие // История и общественно-гуманитарные науки как инструмент цивилизационной войны против Русского мира / Материалы круглого стола. Минск : Ковчег, 2014. С. 3–7.

7. Бондаренко А. Шаргород. URL: https://ukrainaincognita.com/ru/kostely/shargorod (дата обращения 10.12.2020)

8. Борзова Е. С. Распространение католицизма в губерниях Привисленского и Западного края по материалам Всеобщей переписи населения 1897 г. // Молодой ученый. 2010. № 11 (22). Т. 2. С. 40–42. URL: https://moluch.ru/archive/22/2252/ (дата обращения: 02.02.2021).

9. Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша: опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации. Пособие для правящих элит лимитрофных государств. Москва : Институт русской цивилизации, 2011. 944 с.

10. Визначні пам'ятки Вінниччини: Альбом / Вінниц. обл. краєзн. музей; відп. за випуск К. Висоцька. Вінниця, 2011. 220 с.

11. Воловик В. Н. Подолье как узел культурно-цивилизационного рубежа «Европа-Азия» // Географический вестник. 2013, № 3 (36). С. 4–11.

12. Воловик В. Н. Этнокультурные ландшафты местечек Подолья // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 3. № 2. С. 191–207.

13. Временные правила. URL: https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-status-1772-1917/10979/ (дата обращения 10.12.2020)

14. Ивченко А. С. Вся Украина. Киев : Картографія, 2005. 655 с.

15. Иллюстрированный путеводитель по Юго-Западным казенным железным дорогам / сост. П. Н. Андреев. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1898. 594 с.

16. Історія української архітектури / ред. В. Тимофієнка. Київ : Техніка, 2003. 471 с.

17. Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. Москва : Наука, 1992. URL: https://statehistory.ru/books/V--M--Kabuzan-_Narody-Rossii-v-pervoy-polovine-XIX-v--CHislennost-i-etnicheskiy-sostav/ (дата обращения 10.12.2020)

18. Казакова Г. М. Региональная идентичность, вернакулярный район и российский «низовой регионализм» // Вестник культуры и искусств. 2016, № 4 (48). С. 53–58

19. Ксенофонтов К. Религиозный вопрос на Правобережной Украине: борьба за умы и души малороссов в XIX веке. URL: https://ukraina.ru/history/20190717/1024107523.html (дата обращения 12.12.2020)

20. Лавочкина Н. А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016, № 1-3. С. 446–453.

21. Лескинен М. В. Национальный идеал поляка в истории: образ шляхтича-сармата // Славянский альманах. 1998. Том 1977. С. 256–280.

22. Малаков Д. В. По Восточному Подолью (от Жмеринки до Могилева-Подольского). Москва : Искусство, 1988. 168 с.

23. Мурзина И. Я. Региональная идентичность и региональное самосознание // Дискурс-пи. Научно-практический альманах. 2003, № 1(3). С. 101–104.

24. Нагребецкий А. Н. Шаргород – еврейское местечко. Винница : ГП «ГКФ», 2011. 264 с.

25. Обзор Подольской губернии за 1892 год. Каменец-Подольск : Губ. Тип., 1893. 182 с.

26. Окончательно установленное при разборке переписи наличное население империи по уездам / под ред. Н. А. Тройницкого. Вып. 4. Б/м: б/и, 1905. 25 с. URL: https://istmat.info/node/15771 (дата обращения 12.12.2020)

27. Петров Н. И. Подолия. Историческое описание. Санкт-Петербург : Тип. Товарищества «Обществ. Польза», 1891. 401 с.

28. Пламеницкая О. Сакральна архітектура Кам'янця на Поділлі. Кам'янець-Подільський : Абетка, 2005. 388 с.

29. Подолия // Электронная еврейская энциклопедия. URL: https://eleven.co.il/diaspora/regions-and-countries/13253/ (дата обращения 12.12.2020)

30. Розина В. А. Информационные войны в период политической консюмеризации // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer, 2015, № 9. С. 79–86.

31. Стрелецкий В. Н. Историческая география и регионалистика: пути и перспективы взаимодействия // Псковский регионологический журнал. 2007. № 5. С. 3–13.

32. Стрелецкий В. Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 9–21.

33. Тарасов И. М. О происхождении одной позднесредневековой легенды, попавшей в российскую историографию // Скиф. Вопросы студенческой науки. № 12 (40), декабрь 2019. С. 109–114

34. Шаргород. Винницкая область. URL: http://myshtetl.org/vinnitskaja/shargorod.html (дата обращения 12.12.2020)

35. Шнайдер. Е. Шальной штетл Шаргород. URL: https://ujew.com.ua/shal-noj-shtetl-shargorod (дата обращения 12.12.2020)

36. Isard W. et al. Ecologic-economic analysis for regional development. New York, 1972. 283 p.

37. Jasienica P. Polska Piastow. Warszawa : Proszynski i S-k, 2007. 396 p

38. Regionale politische Kultur. Stuttgarg-Berlin-Koeln-Mainz: Kohlhammer, 1985. 163 p.

39. Roman Aftanazy. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczpospolitej : w 11 t.. Wrociaw Warszawa. Krakyw Zakiad Narodowy imienia Ossolicskich Wydawnictwo. 1991. T. 9.

Reference list

1. Apanovich K. O. Pravoslavie v Rechi Pospolitoj i Osmanskoj imperii v konce HVI–pervoj treti HVII vv. = Orthodoxy in the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Ottoman Empire in the late 16th – first third of the 17th centuries // Hristianskie chtenija. 2015, № 6. S. 59–74.

2. Arhiv gazety Podol'skie eparhial'nye vedomosti (1862–1905) = Archive of the newspaper Podolsk diocese gazette (1862-1905). URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/6798/

3. Arhiv zhurnala Pravoslavnaja Podolija = Archive of the Orthodox Podolia magazine. URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/9755

4. Arhiv Jugo-Zapadnoj Rossii. Ch. VII. T. 2 = Archive of Southwest Russia. Part VII. V. 2. Kiev : Tip. G.T. Korchak-Novickogo, 1890. 863 s.

5. Bagdasarjan V. Je. Antirossijskie istoricheskie mify = Anti-Russian historical myths. Sankt-Peterburg : OOO «Piter», 2016. 384 s.

6. Beznjuk D. K. Civilizacionnye vojny: nauka, ideologija i jazyk kak oruzhie = Civilization wars: science, ideology, and language as weapons // Istorija i obshhestvenno-gumanitarnye nauki kak instrument civilizacionnoj vojny protiv Russkogo mira / Materialy kruglogo stola. Minsk : Kovcheg, 2014. S. 3–7.

7. Bondarenko A. Shargorod = Shargorod. URL: https://ukrainaincognita.com/ru/kostely/shargorod (data obrashhenija 10.12.2020)

8. Borzova E. S. Rasprostranenie katolicizma v gubernijah Privislenskogo i Zapadnogo kraja po materialam Vseobshhej perepisi naselenija 1897 g. = The spread of Catholicism in the provinces of the Vistula and the West territories according to the materials of the General Population Census of 1897 // Molodoj uchenyj. 2010. № 11 (22). T. 2. S. 40–42. URL: https://moluch.ru/archive/22/2252/ (data obrashhenija: 02.02.2021).

9. Buharin S. N., Rakitjanskij N. M. Rossija i Pol'sha: opyt politiko-psihologicheskogo issledovanija fenomena limitrofizacii. Posobie dlja pravjashhih jelit limitrofnyh gosudarstv = Russia and Poland: political and psychological study of the phenomenon of limitrophization. Handbook for the ruling elites of limitrophic states. Moskva : Institut russkoj civilizacii, 2011. 944 s.

10. Viznachni pam'jatki Vinnichchini: Al'bom / Vinnic. obl. kraєzn. muzej; vidp. za vipusk K. Visoc'ka. Vinnicja, 2011. 220 s.

11. Volovik V. N. Podol'e kak uzel kul'turno-civilizacionnogo rubezha «Evropa-Azija» = Podolia as a cultural and civilizational border «Europe-Asia» // Geograficheskij vestnik. 2013, № 3 (36). S. 4–11.

12. Volovik V. N. Jetnokul'turnye landshafty mestechek Podol'ja = Ethno-cultural landscapes of the places in Podolia // Kul'turnaja i gumanitarnaja geografija. 2013. T. 3. № 2. S. 191–207.

13. Vremennye pravila = Provisional Rules. URL: https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-status-1772-1917/10979/ (data obrashhenija 10.12.2020)

14. Ivchenko A. S. Vsja Ukraina = All Ukraine. Kiev : Kartografija, 2005. 655 s.

15. Illjustrirovannyj putevoditel' po Jugo-Zapadnym kazennym zheleznym dorogam = Illustrated guidebook on the Southwestern government railroads / sost. P. N. Andreev. Kiev : Tip. S.V. Kul'zhenko, 1898. 594 s.

16. Istorija ukraïns'koï arhitekturi / red. V. Timofiєnka. Kiïv : Tehnika, 2003. 471 s.

17. Kabuzan V. M. Narody Rossii v pervoj polovine XIX v.: Chislennost' i jetnicheskij sostav = Peoples of Russia in the first half of XIX century: numbers and ethnic structure. Moskva : Nauka, 1992. URL: https://statehistory.ru/books/V--M--Kabuzan-_Narody-Rossii-v-pervoy-polovine-XIX-v--CHislennost-i-etnicheskiy-sostav/ (data obrashhenija 10.12.2020)

18. Kazakova G. M. Regional'naja identichnost', vernakuljarnyj rajon i rossijskij «nizovoj regionalizm» = Regional identity, vernacular district, and Russian «grassroots regionalism» // Vestnik kul'tury i iskusstv. 2016, № 4 (48). S. 53–58

19. Ksenofontov K. Religioznyj vopros na Pravoberezhnoj Ukraine: bor'ba za umy i dushi malorossov v XIX veke = Religious problems in Right-Bank Ukraine: the struggle for the minds and souls of Ukrainians in the 19th century. URL: https://ukraina.ru/history/20190717/1024107523.html (data obrashhenija 12.12.2020)

20. Lavochkina N. A. Regional'naja identichnost': ponjatie i sushhnost' = Regional identity: concept and essence // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. 2016, № 1-3. S. 446–453.

21. Leskinen M. V. Nacional'nyj ideal poljaka v istorii: obraz shljahticha-sarmata = The national ideal of the Pole in history: the image of the Sarmatian nobleman // Slavjanskij al'manah. 1998. Tom 1977. S. 256–280.

22. Malakov D. V. Po Vostochnomu Podol'ju (ot Zhmerinki do Mogileva-Podol'skogo) = Along the Eastern Podolia (from Zhmerinka to Mogilev-Podolsky). Moskva : Iskusstvo, 1988. 168 c.

23. Murzina I. Ja. Regional'naja identichnost' i regional'noe samosoznanie = Regional identity and regional consciousness // Diskurs-pi. Nauchno-prakticheskij al'manah. 2003, № 1(3). S. 101–104.

24. Nagrebeckij A. N. Shargorod – evrejskoe mestechko = Shargorod, a Jewish town. Vinnica : GP «GKF», 2011. 264 s.

25. Obzor Podol'skoj gubernii za 1892 god = Overview of Podolia Province in 1892. Kamenec-Podol'sk : Gub. Tip., 1893. 182 s.

26. Okonchatel'no ustanovlennoe pri razborke perepisi nalichnoe naselenie imperii po uezdam = Finally established by the census population of the empire by provinces / pod red. N. A. Trojnickogo. Vyp. 4. B/m: b/i, 1905. 25 s. URL: https://istmat.info/node/15771 (data obrashhenija 12.12.2020)

27. Petrov N. I. Podolija. Istoricheskoe opisanie = Podolia. Historical overview. Sankt-Peterburg : Tip. Tovarishhestva «Obshhestv. Pol'za», 1891. 401 s.

28. Plamenickaja O. Sakral'na arhitektura Kam'jancja na Podilli. Kam'janec'-Podil's'kij : Abetka, 2005. 388 s.

29. Podolija = Podolia // Jelektronnaja evrejskaja jenciklopedija. URL: https://eleven.co.il/diaspora/regions-and-countries/13253/ (data obrashhenija 12.12.2020)

30. Rozina V. A. Informacionnye vojny v period politicheskoj konsjumerizacii = Information wars in a period of political consumerization // Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel'-Observer, 2015, № 9. S. 79–86.

31. Streleckij V. N. Istoricheskaja geografija i regionalistika: puti i perspektivy vzaimodejstvija = Historical geography and regional studies: ways and prospects of interaction // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. 2007. № 5. S. 3–13.

32. Streleckij V. N. Kul'turnyj regionalizm: sushhnost' ponjatija, problemy izuchenija i sistema indikatorov = Cultural regionalism: the essence of the concept, problems of studying and the system of indicators // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. 2012. № 14. S. 9–21.

33. Tarasov I. M. O proishozhdenii odnoj pozdnesrednevekovoj legendy, popavshej v rossijskuju istoriografiju = On the origin of a late medieval legend in Russian historiography // Skif. Voprosy studencheskoj nauki. № 12 (40), dekabr' 2019. S. 109–114

34. Shargorod. Vinnickaja oblast' = Shargorod. Vinnitsa region. URL: http://myshtetl.org/vinnitskaja/shargorod.html (data obrashhenija 12.12.2020)

35. Shnajder. E. Shal'noj shtetl Shargorod = Wild shtetl Shargorod. URL: https://ujew.com.ua/shal-noj-shtetl-shargorod (data obrashhenija 12.12.2020)

36. Isard W. et al. Ecologic-economic analysis for regional development. New York, 1972. 283 p.

37. Jasienica P. Polska Piastow. Warszawa : Proszynski i S-k, 2007. 396 r

38. Regionale politische Kultur. Stuttgarg-Berlin-Koeln-Mainz: Kohlhammer, 1985. 163 p.

39. Roman Aftanazy. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczpospolitej : w 11 t.. Wrociaw Warszawa. Krakuw Zakiad Narodowy imienia Ossolisskich Wydawnictwo. 1991. T. 9.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксенов Кирилл Владимирович – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры КТСО гуманитарного факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». 191023, г. Санкт-Петербург ул. Садовая, д. 21. E-mail: imeni_kirova@mail.ru

Бабаян Владимир Николаевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков ФГКОУ ВО «Ярославское высшее военное училище ПВО». 150001, г. Ярославль, Московский пр-т, д. 28. E mail: vladimirbabayan@rambler.ru

Багдасарян Диана Арцруновна – студент 4 курса кафедры КТСО гуманитарного факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». 191023, г. Санкт-Петербург ул. Садовая, д. 21. E-mail: bagdasaryan.di@gmail.com

Бакалова Екатерина Владимировна – аспирант кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет». 162600, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5. E-mail: ekminkina@gmail.com

Барушкова Светлана Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: svetlana.barushkova@yandex.ru

Блинова Светлана Александровна – старший преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. E-mail: blinova_rudn@bk.ru

Варфоломеева Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры медиакоммуникаций ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления». 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40в. E-mail: yulvar83@mail.ru

Власова Екатерина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Одинцовский филиал ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений МИД России». 143007, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3. E-mail: vlaska@bk.ru

Воронцова Инна Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: arinna1@yandex.ru

Григорьева Екатерина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет». 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39. E mail: grigoryeva.ekaterina@mail.ru

Дроздова Юлия Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации». 119285, г. Москва, Воробьевское шоссе, д. 6А. E-mail: connectinfo1@yandex.ru

Злотникова Татьяна Семеновна – доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: cij_yar@mail.ru

Зубкова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений МИД России». 119454, г. Москва, пр. Вернандского, д. 76. E-mail: simplymarie@yandex.ru

Калачёва Татьяна Алексеевна – студентка 4 курса Института гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет». 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39. E mail: 17vernonsemperviret47@gmail.com

Кожура Надежда Алексеевна – аспирант кафедры теории и методики спортивных дисциплин ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79. E-mail: nadinavelin@mail.ru

Кузнецов Егор Сергеевич – аспирант факультета журналистики ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6. E-mail: egorkuznets4@gmail.com

Кузнецова Екатерина Валентиновна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук». 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а. E-mail: katkuz1@mail.ru

Кузьмин Дмитрий Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79. E-mail: dn_kuzmin@mail.ru

Летина Наталия Николаевна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: liotina@yandex.ru

Лукин Олег Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: oloukine@mail.ru

Макарова Александра Игоревна – кандидат филологических наук, доцент высшей школы международного сотрудничества (на правах института) ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса». 141221, Московская обл., Пушкинский район, дп Черкизово, ул. Главная, д. 99. E-mail: alexia90@rambler.ru

Малюка Анна Алексеевна – аспирант кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1. E-mail: _pushok_666@mail.ru

Новиков Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Перфилова Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E mail: m.novikov@yspu.org

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных и русского языков ФГКОУ ВО «Уфимский ЮИ МВД России». 450103, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2. E-mail: eleina.froloff@yandex.ru

Петрова Елена Евгеньевна – студентка 4 курса факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: helenaPetr15121999@mail.ru

Розина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А. E mail: olgarozina@yandex.ru

Смирнова Диана Александровна – магистрант кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79. E-mail: diana_smirnova2013@mail.ru

Солнцева Анна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 141014, г. Москва, ул. Веры Волошиной, д. 24. E-mail: av.solntseva@mgou.ru

Степанов Валентин Николаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой массовых коммуникаций ООВО «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)». 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 80. E-mail: stepanov@mubint.ru

Тисленкова Ирина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». 400005, г. Волгоград, пр. им. Ленина, д. 27. E mail: tislenkova@bk.ru

Третьякова Ирина Юрьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры отечественной филологии ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. E-mail: trirfr@mail.ru

Филипповский Герман Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: i.luchenetskaya-burdina@yspu.org

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств сектора зрелищно-развлекательной культуры ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания». 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

Черкунова Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева». 443086, г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34. E-mail: m.cherkunova@mail.ru

Шигуров Виктор Васильевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва». 430005, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68. E-mail: dep-general@adm.mrsu.ru

Шигурова Татьяна Алексеевна – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва». 430005, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68. E-mail: shigurova_tatyana@mail.ru

Штеба Алексей Андреевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». 400066, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 27. E-mail: alexchteba@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aksenov Kirill Vladimirovich – candidate of political sciences, senior lecturer at the department of KTSO, faculty of the humanities, St. Petersburg state university of economics. 191023, St. Petersburg, Sadovaya st., 21. E-mail: imeni_kirova@mail.ru

Babayan Vladimir Nikolaevich – doctor of philology, associate professor, professor of foreign and Russian languages department at Yaroslavl higher military school of air defense. 150001, Yaroslavl, Moskovsky pr. 28.E mail: vladimirbabayan@rambler.ru

Bagdasaryan Diana Artsrunovna – 4th year student of the CTSO department, faculty of humanities, St. Petersburg state university of economics. 191023, Saint-Petersburg, Sadovaya str. 21. E-mail: bagdasaryan.di@gmail.com

Bakalova Ekaterina Vladimirovna – postgraduate student, department of Germanic philology and intercultural communication, Cherepovets state university. 162600, Cherepovets, Lunacharsky pr., 5. E-mail: ekminkina@gmail.com

Barushkova Svetlana Borisovna – candidate of philological sciences, associate professor,department of Romance languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 15000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: svetlana.barushkova@yandex.ru

Blinova Svetlana Aleksandrovna – senior lecturer, department of theory and practice of foreign languages, Peoples' Friendship University of Russia. 117198, Moscow, Miklukho-Maklay st., 6. E-mail: blinova_rudn@bk.ru

Varfolomeeva Julia Nikolaevna – candidate of philological sciences, associate professor, department of media communications, East Siberian State University of Technology and Management. 670013, Ulan-Ude, Klyuchevskaya st., 40v. E-mail: yulvar83@mail.ur

Vlasova Ekaterina Viktorovna – candidate of philological sciences, associate professor, the English language department, Odintsovo branch of Moscow State Institute of International Relations. 143007, Odintsovo, Novo-Sportovaya st., 3. E-mail: vlaska@bk.ru

Vorontsova Inna Alekseevna – candidate of philological sciences, associate professor, theory and practice of translation department, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: arinna1@yandex.ru

Grigorieva Ekaterina Mikhailovna – candidate of philological sciences, associate professor, department of foreign philology, Ivanovo state university. 153025, Ivanovo, Ermak st., 39. E-mail: grigoryeva.ekaterina@mail.ru

Drozdova Julia Andreevna – candidate of philological sciences, associate professor, department of Romance-German languages, All-Russian academy of foreign trade. 119285, Moscow, Vorobyevskoe shosse, 6A. E-mail: connectinfo1@yandex.ru

Zlotnikova Tanjana Semjenovna – doctor of arts, professor of cultural studies department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: cij_yar@mail.ru

Zubkova Maria Nikolaevna – candidate of philological sciences, senior lecturer of the French language department, Moscow state institute of international relations. 119454, Moscow, Vernandsky ave., 76. E-mail: simplymarie@yandex.ru

Kalacheva Tatiana Alekseevna – 4th year student of the Institute of humanities, Ivanovo state university. 153025, Ivanovo, Ermak st., 39. E-mail: 17vernonsemperviret47@gmail.com

Kozhura Nadezhda Alekseevna – postgraduate student, department of theory and methodology of sports disciplines, Siberian federal university. 660041, Krasnoyarsk, Svobodny pr., 79. E-mail: nadinavelin@mail.ru

Kuznetsov Egor Sergeevich – postgraduate student, faculty of journalism, Russian state university for the humanities. 125993, Moscow, Miusskaya sq., 6. E-mail: egorkuznets4@gmail.com

Kuznetsova Ekaterina Valentinovna – candidate of philological sciences, senior researcher, A. M. Gorky Institute of world literature. 121069, Moscow, Povarskaya st., 25a. E-mail: katkuz1@mail.ru

Kuzmin Dmitry Nikolaevich – candidate of pedagogical sciences, assistant professor, department of information technologies and continuous education, Siberian federal university. 660041, Krasnoyarsk, Svobodny pr., 79. E-mail: dn_kuzmin@mail.ru

Letina Natalia Nickolajevna – doctor of cultural studies, associate professor, professor of cultural studies department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: liotina@yandex.ru

Lukin Oleg Vladimirovich – doctor of philological sciences, professor, head of the department of language theory and the german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: oloukine@mail.ru

Makarova Alexandra Igorevna – candidate of philological sciences, associate professor, Higher school of international cooperation (institute), Russian state university of tourism and services studies. 141221, Moscow region, Pushkin district, Cherkizovo, Glavnaya st., 99. E-mail: alexia90@rambler.ru

Malyuka Anna Alekseevna – postgraduate student, department of Germanic studies and linguodidactics, Institute of foreign languages, Moscow state pedagogical university. 119991, Moscow, Malaya Pirogovskaya st., 1, bld. 1, . E-mail: _pushok_666@mail.ru

Novikov Mikhail Vasilievich – doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Perfilova Tatiana Borisovna – doctor of historical sciences, professor, leading researcher, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Petrova Elena Aleksandrovna – doctor of philological sciences, associate professor, head of the department of foreign and Russian languages, Ufa law institute. 450103, Ufa, Muksinov str., 2. E-mail: eleina.froloff@yandex.ru

Petrova Elena Evgenyevna – 4th year student of the faculty of foreign languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: helenaPetr15121999@mail.ru

Rosina Olga Vladimirovna – candidate of historical sciences, associate professor, Moscow state regional university. 105005, Moscow, Radio st., 10A. E-mail: olgarozina@yandex.ru

Smirnova Diana Aleksandrovna – master student, department of information technologies and continuous education, Siberian federal university. 660041, Krasnoyarsk, Svobodny pr., 79. E-mail: diana_smirnova2013@mail.ru

Solntseva Anna Vladimirovna – candidate of philological sciences, associate professor of romance philology department of Moscow state regional university. 141014, Moscow, Vera Voloshina st., 24. E-mail: av.solntseva@mgou.ru

Stepanov Valentin Nockolajevich – doctor of philological sciences, professor, head of mass communications department, International academy of business and new technologies. 150003, Yaroslavl, Sovetskaya st., 60. E-mail: stepanov@mubint.ru

Tislenkova Irina Aleksandrovna – candidate of pedagogical sciences, associate professor, department of English philology, Volgograd state pedagogical university. 400005, Volgograd, Lenin prospect, 27. E mail: tislenkova@bk.ru

Tretyakova Irina Yurievna – doctor of philology, associate professor, professor of the department of Russian philology, Kostroma state university». 156005, Kostroma, Dzerzhinsky st., 17. E-mail: trirfr@mail.ru

Philippovsky German Yurjevich – doctor of philological sciences, professor of Russian literature department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st.,108/1. E-mail: i.luchenetskaya-burdina@yspu.org

Khrenov Nikolai Andreevich – doctor of philosophy, professor, chief researcher, department of media and mass arts, entertainment culture sector, State institute of art studies. 125009, Moscow, Kozitsky lane, 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

Cherkunova Marina Vladimirovna – candidate of philological sciences, associate professor, department of English philology, Samara national research university named after Academician S.P. Korolev. 443086, Samara, Moskovskoe shosse, 34. E-mail: m.cherkunova@mail.ru

Shigurov Victor Vasilyevich – doctor of philological sciences, professor, head of the Russian language department, N. P. Ogarev Mordovia State University. 430005, Saransk, Bolshevitskaya st., 68. E-mail: dep-general@adm.mrsu.ru

Shigurova Tatiana Alekseevna – doctor of cultural studies, professor, department of cultural studies and information library resources, N. P. Ogarev Mordovia State University. 430005, Saransk, Bolshevitskaya st., 68. E-mail: shigurova_tatyana@mail.ru

Shteba Alexey Andreevich – candidate of philological sciences, associate professor of romance philology department of Volgograd state social-pedagogical university. 400066, Volgograd, V. I. Lenin pr., 27. E-mail: alexchteba@yandex.ru

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 29 п. л., 24,99 уч.-изд. л. Формат 60*90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 122. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 30.06.2021
Цена свободная

Издатель
Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32 98 69